

БЮФ
БИБЛИОТЕКА
ЮМОРИСТИЧЕСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

БИБЛИОТЕКА ЮМОРИСТИЧЕСКОЙ ФАНТАСТИКИ

КАПУСТА без
кочерыжки

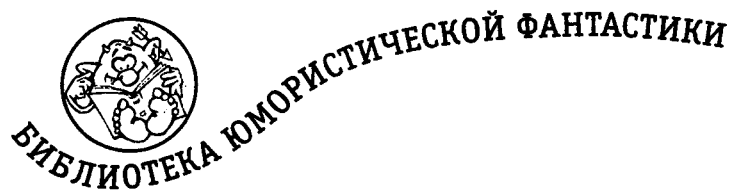
Ка-
пу-
ста

без

кочерыжки

БИБЛИОТЕКА ЮМОРИСТИЧЕСКОЙ ФАНТАСТИКИ

Капуста

без

кочерыжки

Повести и рассказы
современных писателей

Москва
АРМАДА-ПРЕСС
1999

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)-445я5
К 20

Иллюстрации
А. Кривенко

ISBN 5-93557-002-5

© Иллюстрации, Кривенко А., 1999
© Сост., художественное оформление, «АДМИРАЛ 95», 1999

ПЕЩЕРНЫЕ ХРОНИКИ

Виток спирали

(Пещерная хроника 001)

Трудно сказать, кто первый заметил, что Миау (Сын Пантеры) уклоняется от поедания лишних соплеменников. Во всяком случае, не Хряп. Хряп (Смертельный Удар) был вождем племени и узнавал обо всем в последнюю очередь. От Уввау (Сына Суки).

Так случилось и в этот раз.

— Брезгуешь? — хмуро осведомился Хряп.

— Нет, — вздохнул Миау. — Просто не этично это.

По молодости лет он обожал изобретать разные слова.

— А не этично — это как?

— Ну, не хорошо то есть...

Хряп задумался. Когда он съедал кого-нибудь, ему было этично. Иногда даже слишком этично, потому что кусок Хряпу доставался самый увесистый.

— Ну-ну...— уклончиво проворчал он, но спорить с Миау не стал. А зря. Потому что вскоре ему донесли, что Сын Пантеры Миау отказался есть представителя враждебного племени.

— А этих-то почему не этично?! — взревел Хряп.

— Тоже ведь люди,— объяснил Миау.— Мыслят, чувствуют... Жить хотят.

Хряп засопел, почесал надбровные дуги, но мер опять не принял. И события ждать себя не заставили. Через несколько дней Миау объявил себя вегетарианцем.

— Не этично,— говорил он.— Мамонта есть нельзя. Он живой — он мыслит, он чувствует...

И лопнуло терпение Хряпа. Миау не был съеден лишь потому, что сильно исхудал за время диеты. Но из племени его изгнали.

Поселившись в зеленой лоштинке, он выкапывал корни и пробовал жевать листву. Жил голодно, но этично.

А вокруг лоштинки уже шевелились кусты. Там скрывался Уввау (Сын Суки). Он ждал часа, когда вегетарианец ослабеет настолько, что им можно будет безнаказанно поужинать.

А Миау тем временем сделал ужасное открытие: растения тоже чувствуют! И, возможно, мыслят! (Изгнанника угораздило набрести на мимозу стыдливую.)

Что ему теперь оставалось делать? Камни были несъедобны. И Миау решил принципиально умереть с голоду.

Он умирал с гордо поднятой головой. Три дня. На четвертый день не выдержал — поймал Сукина Сына Уввау и плотно им позавтракал. Потом вернулся к сородичам и больше глупостями не занимался.

А через несколько лет, когда Хряпа забодало носорогом, Миау стал вождем племени.

Вечное движение

(Пещерная хроника 002)

Колесо изобрел Миау. По малолетству. Из озорства. А нужды в колесе не было. Как, впрочем, и в вечном двигателе, частью которого оно являлось.

Хряпу изобретение не понравилось. Выйдя из пещеры, он долго смотрел на колесо исподлобья. Колесо вихляло и поскрипывало.

— Ты сделал?

— Я,— гордо ответил юный Сын Пантеры.

Хряп подошел к ближайшему бурелому и, сопя, принялся вывертывать из него дубину потяжелее.

— Э-э, осторожнее! — испугался Миау.— Он же ведь это... вечный!

О вечности Хряп понятия не имел. Наибольшая из четырех цифр, которыми он мог оперировать, называлась «много-много». Поэтому вождь просто подошел к колесу и вогнал в него бревно по самое дальшее некуда.

Двигатель остановился и начал отсчитывать обороты про себя — набирался сил. Затем бревно с треском распалось и один из обломков влетел Хряпу промеж глаз.

Миау скрывался в лесах несколько дней. Впоследствии ему приходилось делать это довольно часто — после каждой попытки Хряпа остановить колесо.

Когда же вождем стал сам Миау, на его мощные плечи легло огромное множество забот, о которых он раньше и не подозревал. В том числе и борьба с вечным двигателем. Но, в отличие от Хряпа, Сыну Пантеры был свойствен масштаб. Не размениваясь на мелочи, молодой вождь силами своего племени раскачал и сбросил на свое изобретение нависший над опушкой базальтовый утес, которому бы еще висеть и висеть.

Результат столкновения огромной массы камня с вечным движением был поистине катастрофичен. Даже сейчас, взглянув в телескоп на Луну, можно увидеть следы катаклизма — гигантские кратеры, ибо осколки утеса разлетелись с убийственной скоростью и во всех направлениях. Мелкие животные, в их числе и человек, частично уцелели, но вот мамонты... Мамонтов мы лишились.

К чести Миау следует сказать, что больше он таких попыток не повторял и блистательно разрешил проблему, откочав со всем племенем к Бизоньей Матери на ту сторону реки.

А вечный двигатель продолжал работать. Два миллиона лет подряд колесо, вихляя и поскрипывая, мотало обороты и остановилось совсем недавно — в 1775 году, в тот самый день, когда Французская академия объявила официально, что никаких вечных двигателей не бывает и быть не может.

И сослалась при этом на первое и второе начала термодинамики.

У истоков словесности

(Пещерная хроника 003)

В юности многие пишут стихи, и Миау не был в этом смысле исключением. Он был исключением совсем в другом смысле — до Миау стихов не писали.

Начал он, естественно, с лирики.

За первое же стихотворение, простое и искреннее, его вышвырнули из пещеры под проливной дождь. Там он очень быстро освоил сатиру, и вот целое племя, похватав топоры, кинулось за ним в ливень.

Хряп в облаве не участвовал. Дождавшись конца ливня, он вышел из пещеры и сразу же наткнулся на дрожавшего за кустиком Миау.

— Ловят? — посочувствовал Хряп.

— Ловят, — удрученно ответил ему Миау.

— Сам виноват, — заметил Хряп. — Про что сочинял-то?

— Да про все сразу...

— А про меня можешь?

...Тот, кто хоть однажды был гоним, поймет, какие чувства поднялись в груди юного Сына Пантеры после этих слов вождя. Миау вскочил, и над мокрой опушкой зазвучали первые строфы творимой на месте оды.

Оторопело моргая, Хряп узнавал о том, что яростью он подобен носорогу, а силой — мамонту, что грудь его есть базальтовый утес и что мудростью он, Хряп, превосходит буйвола, крокодила и вепря, вместе взятых.

Племя ворвалось на опушку в тот момент, когда Миау звенящим голосом объявил, что, если Хряпа ударить каменным

топором по голове, камень расколется, древко сломается, рука отсохнет, а ударивший умрет на месте от изумления.

Хряп взревел и, воздев огромные кулаки, кинулся вдогонку за быстро сориентировавшимися гонителями.

Племя пряталось в лесах несколько дней и вернулось сильно поумневшим.

Конец ледникового периода¹

(Пещерная хроника 004)

Не повезло племени лярвов с вождем. Ну что суров — ладно, а вот то, что при нем холодать стало... Летом — снег, льды какие-то громоздятся на горизонте. Выйдешь поутру из пещеры — зябко. Опять же добычи мало, бизоны стадами на юг уходят.

Оголодало племя, осунулось, однако вслух еще роптать не решалось. Хряп — он ведь такой. Хряпнет разок — и нет тебя.

Поэтому сами охотники к вождю не пошли, а послали юного Миау. Во-первых, слов много знает, а во-вторых, так и так ему пропадать. Опять отличился — разрисовал изнутри всю пещеру. Такую Бизонью Мать изобразил, что дрожь берет. Вроде корова коровой, а присмотришься — морда как у Хряпа.

— Короче, вождь,— дерзко сказал Миау, Сын Пантеры, приблизившись к горевшему посреди пещеры костерку.— С завтрашнего дня объявляем забастовку...

Услышав незнакомое слово, Хряп хмыкнул и даже отложил кремниевое рубило, которым как раз собирался раскроить череп наглецу. О своем сходстве с запечатленной в пещере Бизоньей Матерью вождь, правда, не догадывался, поскольку изображена она была в профиль. Честно сказать, Хряп там и рисунка-то никакого не углядел — просто видел, что стенка испачкана.

— А?..— переспросил он, грозно сводя лохматые брови.

— Холодно,— объяснил Миау.— Бизоны уходят. Совсем скоро не станет. Сделай тепло, тогда и охотиться будем...

Хряп взревел, но, пока тянулся за опрометчиво отложенным рубилом, юный Сын Пантеры успел выскочить наружу.

¹ Рассказ написан Евгением Лукиным.

А на следующий день, как и было обещано, ватага охотников начала первую в истории человечества забастовку. Вроде бы вышли на бизона, а сами взяли и попрятались в лесах...

На вторые сутки подвело у племени животы. Да и у вождя тоже... Любой другой на его месте давно бы уже сделал тепло, но не тот был у Хряпа норов. На горизонте по-прежнему мерцал ледник, порошил снежок, копытные тянулись к югу. Шустрый Миау предложил было забить тайком парочку отстающих телят, а вождю мяса не давать — обойдется! Но тут уже самого Сына Пантеры чуть не забили. Как это не давать, если положено?..

Тогда Миау придумал новую штуку — не позволять женщинам выкапывать корни. А то, конечно: ватага в лесах натошак сидит, а Хряп себе за обе щеки корешки уписывает. Поголодает по-настоящему — глядишь, может, и образумится... А то — ну что ж это такое? Зуб на зуб не попадает...

Понятно, что, протянись эта забастовка чуть подольше, вымерло бы племя лярвов за милую душу. Однако уже утром третьего дня Хряп от бешенства утратил бдительность, и забодало его носорогом — прямо на выходе из пещеры. Вождем племени стал Миау.

Ну тут, разумеется, сразу потеплело, льды с горизонта убрались, антилопы вернулись, бизоны... А геологи вон до сих пор толкуют о конце ледникового периода. Чисто дети малые! А то мы не знаем, как оно все на свете делается!..

ПЯТЕРО В ЛОДКЕ, НЕ СЧИТАЯ СЕДЬМЫХ

Мини-повесть

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Туманно утро красное, туманно

Глава первая

— Ты что? — свистящим шепотом спросил замдиректора по быту Чертослепов, и глаза у него стали, как дыры. — Хочешь, чтобы мы из-за тебя соцсоревнование прогадали?

Мячиком подскочив в кресле, он вылетел из-за стола и остановился перед ответственным за культмассовую работу Афанасием Филимошиным. Тот попытался съежиться, но это ему, как всегда, не удалось — велик был Афанасий. Плечи — былинные, голова — с пивной котел. По такой голове не промахнешься.

— Что, с воображением плохо? — продолжал допытываться стремительный Чертослепов. — Фантазия кончилась?

Афанасий вздохнул и потупился. С воображением у него действительно было плохо. А фантазии, как следовало из лежавшего на столе списка, хватило лишь на пять мероприятий.

— Пиши! — скомандовал замдиректора и пробежался по кабинету.

Афанасий с завистью смотрел на его лысеющую голову. В этой голове, несомненно, кипел бурун мероприятий с красивыми интригующими названиями.

— Гребная регата, — остановившись, выговорил Чертослепов поистине безупречное звуко сочетание. — Пиши! Шестнадцатое число. Гребная регата... Ну что ты пишешь, Афоня? Не грибная, а гребная. Гребля, а не грибы. Понимаешь, гребля!.. Охвачено... — Замдиректора прикинул. — Охвачено пять сотрудников. А именно... — Он вернулся в кресло и продолжал диктовать оттуда: — Пиши, экипаж...

«Экипаж...» — старательно выводил Афанасий, наморщив большой бесполезный лоб.

— Пиши себя. Меня пиши...

Афанасий, приотворив рот от удивления, уставился на начальника.

— Пиши-пиши... Врио зав. РИО Намазов, зам. по снабжению Шерхебель и... Кто же пятый? Четверо гребут, пятый на руле... Ах да! Электрик! Жена говорила, чтобы обязательно была гитара... Тебе что-нибудь неясно, Афоня?

— Так ведь... — ошарашенно проговорил Афанасий. — Какой же из Шерхебеля гребец?

Замдиректора Чертослепов оперся локтями о стол и положил хитрый остренький подбородок на сплетенные пальцы.

— Афоня,— с нежностью промолвил он, глядя на ответственного за культмассовую работу.— Ну что же тебе все разжевывать надо, Афоня?.. Не будет Шерхебель грести. И никто не будет. Просто шестнадцатого у моей жены день рождения, дошло? И Намазова с Шерхебелем я уже пригласил... Снабженец он, Афоня! — с болью в голосе проговорил вдруг замдиректора.— Ну куда ж без него, сам подумай!..

— А грести? — тупо спросил Афанасий.

— А грести мы будем официально.

...С выражением отчаяния на лице покидал Афанасий кабинет замдиректора. Жизнь была сложна. Очень сложна. Не для Афанасия.

Глава вторая

Ох это слово «официально»! Стоит его произнести — и начинается какая-то мистика... Короче, в тот самый миг, когда приказ об освобождении от работы шестнадцатого числа пятерых работников НИИ приобрел статус официального документа, в кабинете Чертослепова открылась дверь, и в помещение ступил крупный мужчина с безукоризненно выбритым, хотя и озабоченным лицом. Затем из плаща цвета беж выпорхнула бабочка удостоверения и, раскинув крылышки, замерла на секунду перед озадаченным Чертослеповым.

— Капитан Седьмых,— сдержанно представился вошедший.

— Прошу вас, садитесь,— запоздало воссияла радушная улыбка замдиректора.

Капитан сел и, помолчав, раскрыл блокнот.

— А где вы собираетесь достать плавсредство? — задумчиво поинтересовался он.

Иностраннный агент после такого вопроса раскололся бы немедленно. Замдиректора лишь понимающе наклонил лысую голову.

— Этот вопрос мы как раз решаем,— заверил он со всей серьезностью.— Скорее всего, мы арендуем шлюпку у одного из

спортивных обществ. Конкретно этим займется член экипажа Шерхель — он наш снабженец...

Капитан кивнул и записал в блокноте: «Шерхель — спортивное общество — шлюпка».

— Давно тренируетесь?

Замдиректора стыдливо потупился.

— Базы нет,— застенчиво признался он.— Урывками, знаете, от случая к случаю, на голом энтузиазме...

Капитан помрачнел. «Энтузиазм! — записал он.— Базы — нет?»

— И маршрут уже разработан?

Чертослепов нашелся и здесь.

— В общих чертах,— сказал он.— Мы думаем пройти на веслах от Центральной набережной до пристани Баклужино.

— То есть вниз по течению? — уточнил капитан.

— Да, конечно... Вверх было бы несколько затруднительно. Согласитесь, гребцы мы начинающие...

— А кто командор?

Не моргнув глазом, Чертослепов объявил командором себя. И ведь не лгал, ибо ситуация была такова, что любая лож автоматически становилась правдой в момент произнесения.

— Что вы можете сказать о гребце Намазове?

— Надежный гребец,— осторожно отозвался Чертослепов.

— У него в самом деле нет родственников в Иране?

Замдиректора похолодел.

— Я,— промямлил он,— могу справиться в отделе кадров...

— Не надо,— сказал капитан.— Я только что оттуда.— Он спрятал блокнот и поднялся.— Ну что ж, счастливого вам плавания.

И замдиректора понял наконец, в какую неприятную историю он угодил.

— Товарищ капитан,— пролепетал он, устремляясь за уходящим гостем.— А нельзя узнать, почему... мм... вас так заинтересовало...

Капитан Седьмых обернулся.

— Потому что Волга,— негромко произнес он,— впадает в Каспийское море.

Дверь за ним закрылась. Замдиректора добрал до стола и хватил воды прямо из графина. И замдиректора можно было понять. Ему предстояло созвать дорогих гостей и объявить для начала, что шестнадцатого числа придется вам, товарищи, в некотором смысле грести. И даже не в некотором, а в прямом.

Глава третья

Электрик Альбастров (первая гитара НИИ) с большим интересом следил за развитием скандала.

— Почему грести? — брызжа слюной, кричал Шерхебель. — Что значит — грести? Я не могу грести — у меня повышенная кислотность!

Врио зав. РИО Намазов — чернобровый полнеющий красавец — пребывал в остоленении. Время от времени его правая рука вздергивалась на уровень бывшей талии и совершала там судорожное хватательное движение.

— Я достану лодку! — кричал Шерхебель. — Я пароход с колесами достану! И что? Я же и должен грести?

— Кто составлял список? — горлом проклокотал Намазов. Под ответственным за культмассовую работу Филимошиным предательски хрустнули клееные сочленения стула, и все медленно повернулись к Афанасию.

— Товарищи! — поспешно проговорил замдиректора и встал, опершись костяшками пальцев на край стола. — Я прошу вас отнестись к делу достаточно серьезно. Сверху поступила указка: усилить пропаганду гребного спорта. И это ничья не прихоть, не каприз — это начало долгосрочной кампании под общим девизом: «Выгребаем к здоровью». И ТАМ... — Чертослепов вознес глаза к потолку, — настаивают, чтобы экипаж на три пятых состоял из головки НИИ. С этой целью нам было предложено представить список трех наиболее перспективных руководителей. Каковой список мы и представили.

Он замолчал и строго оглядел присутствующих. Электрик Альбастров цинично улыбался. Шерхебель с Намазовым были

приятно ошеломлены. Что касается Афанасия Филимошина, то он завороченно кивал, с восторгом глядя на Чертослепова. Вот теперь он понимал все.

— А раньше ты об этом сказать не мог? — укоризненно молвил Намазов.

— Не мог, — стремительно садясь, ответил Чертослепов и опять не солгал. Как, интересно, он мог бы сказать об этом раньше, если минуту назад он и сам этого не знал?

— А что? — повеселев, проговорил Шерхель.— Отчалим утречком, выгребем за косу, запустим мотор...

Замдиректора пришел в ужас.

— Мотор? Какой мотор?

Шерхель удивился.

— Могу достать японский, — сообщил он. — Такой, знаете, водомет: с одной стороны дыра, с другой — отверстие. Никто даже и не подумает...

— Никаких моторов, — процедил замдиректора, глядя снабженцу в глаза. Если уж гребное устройство вызвало у капитана Седьмых определенные сомнения, то что говорить об устройстве с мотором!

— Но отпрапортовать в письменном виде! — вскричал Намазов. — И немедленно, сейчас!..

Тут же и отпрапортовали. В том смысле, что, мол, и впредь готовы служить пропаганде гребного спорта. Чертослепов не возражал. Бумага представлялась ему совершенно безвредной. В крайнем случае, в верхах недоуменно пожмут плечами.

Поэтому, когда машинистка принесла ему перепечатанный рапорт, он дал ему ход не читая. А зря. То ли загляделась на кого-то машинистка, то ли заговорила, но только, печатая время прибытия гребного устройства к пристани Баклужино, она отбила совершенно нелепую цифру — 1237. Тот самый год, когда победоносные тумены Батыя форсировали великую реку Итиль.

И в этом-то страшном виде, снабженная подписью директора, печатью и порядковым номером, бумага пошла в верха.

Глава четвертая

Впоследствии электрик Альбастров будет клясться и целовать крест, что видел капитана Седьмых в толпе машущих платочками, но никто ему, конечно, не поверит.

Истово, хотя и вразброд, шлепали весла. В осенней волжской воде шуршали и брякали льдышки, именуемые шугой.

— Раз-два, взяли!..— вполголоса, интимно приговаривал Шерхебель.— Выгребем за косу, а там нас возьмут на буксир из рыбнадзора, я уже с ними договорился...

Командор Чертослепов уронил мотнувшиеся в уключинах весла и схватился за сердце.

— Вы с ума сошли! — зашипел на него Намазов.— Гребите, на нас смотрят!..

С превеликим трудом они перегребли стрежень и, заслоненные от города песчаной косой, в изнеможении бросили весла.

— Черт с тобой...— слабым голосом проговорил одумавшийся к тому времени Чертослепов.— Где он, этот твой буксир?

— Йех! — изумленно пробасил Афанасий, единственный не задохнувшийся член экипажа.— Впереди-то что делается!

Все оглянулись. Навстречу лодке и навстречу течению по левому рукаву великой реки вздымался, громоздился и наплывал знаменитый волжский туман. Берега подернуло мутью, впереди клубилось сплошное молоко.

— Кранты вашему буксиру! — бестактный, как и все электрики, подытожил Альбастров.— В такую погоду не то что рыбнадзор — браконьера на стрежень не выгонишь!

— А я могу грести! — обрадованно предложил Афанасий.

Он в самом деле взялся за весла и десятком богатырских гребков окончательно загнал лодку в туман.

— Афоня, прекрати! — закричал Чертослепов.— Не дай Бог, перевернемся!

Вдоль бортов шуршала шуга, вокруг беззвучно вздувались и опадали белые полупрозрачные холмы. Слева туман напоминал кисею, справа — простыню.

— Как бы нам Баклужино не просмотреть,— озабоченно пробормотал Шерхебель.— Унесет в Каспий...

Командор Чертослепов издал странный звук — словно его ударили под дых. В многослойной марле тумана ему померещилось нежное бежевое пятно, и воображение командора мгновенно дорисовало страшную картину: по воде, аки посуху, пристально поглядывая на гребное устройство, шествует с блокнотом наготове капитан Седьмых... Но такого, конечно, быть никак не могло, и дальнейшие события покажут это со всей очевидностью.

— Хватит рассиживаться, товарищи! — нервно приказал Чертослепов.— Выгребаем к берегу!

— К какому берегу? Где вы видите берег?

— А вот выгребем — тогда и увидим!

Кисея слева становилась все прозрачнее, и вскоре там проглянула полоска земли.

— Странно,— всматриваясь, сказал Намазов.— Конная милиция. Откуда? Вроде бы не сезон...

— Кого-то ловят, наверное,— предположил Шерхебель.

— Да прекратите вы ваши шуточки! — взвизгнул Чертослепов — и осекся. Кисея взметнулась, явив с исключительной резкостью берег и остановившихся при виде лодки всадников. Кривые сабли, кожаные панцири, хворостяные щиты... Темные, косо подпертые крепкими скулами глаза с интересом смотрели на приближавшееся гребное плавсредство.

Глава пятая

Туман над великой рекой Итиль растаял. Не знавший поражений полководец, несколько скособохась (последствия давнего ранения в позвоночник), сидел в высоком седле и одним глазом следил за ходом переправы. Другого у него не было — вытек лет двадцать назад от сабельного удара. Правая рука полководца с перерубленным еще в юности сухожилием была скрючена и не разгибалась.

Прибежал толмач и доложил, что захватили какую-то странную ладью с какими-то странными гребцами. Привести? Не знаящий поражений полководец утвердительно наклонил неоднократно пробитую в боях голову.

Пленников заставили проползти до полководца на коленях. Руки у членов экипажа были связаны за спиной сыромятными ремнями, а рты заткнуты их же собственными головными уборами.

Полководец шевельнул обрубком мизинца, и толмач, поколебавшись, с кого начать, выдернул кляп изо рта Намазова.

— Мин татарча! Мин татарча! — отчаянно закричал врио зав. РИО, резко подаваясь головой к копытам отпрянувшего иноходца.

Татары удивленно уставились на пленника, потом — вопросительно — на предводителя.

— Помощником толмача, — определил тот, презрительно скривив рваную сызмальства пасть.

Дрожавшего Намазова развязали, подняли на ноги и в знак милости набросили ему на плечи совсем худой халатишко.

Затем решили выслушать Чертослепова.

— Граждане каскадеры! — в бешенстве завопил замдиректора, безуспешно пытаясь подняться с колен. — Имейте в виду, даром вам это не пройдет! Вы все на этом погорите!

Озадаченный толмач снова заправил кляп в рот Чертослепова и почесал в затылке. Услышанное сильно напоминало непереводимую игру слов. Он все-таки попробовал перевести и, видимо, сделал это не лучшим образом, ибо единственный глаз полководца свирепо вытаращился, а сабельный шрам поперек лица налился кровью.

— Кто? Я погорю? — прохрипел полководец, оскалив обломки зубов, оставшиеся после прямого попадания из пращи. — Это вы у меня в два счета погорите, морды славянские!

Воины спешили и побежали за хворостом. Лодку бросили в хворост, пленников — в лодку. Галопом прискакал татарин с факелом, и костер задымил. Однако дрова были сырые, разгорались плохо.

— Выньте у них кляпы, и пусть раздувают огонь сами! — приказал полководец.

Но садистское это распоряжение так и не было выполнено, потому что со дна гребного устройства поднялся вдруг представительный хмурый мужчина в бежевом плаще. Татары, издав вопль изумления и ужаса, попятились. Перед тем как бросить лодку в хвост, они обшарили ее тщательнейшим образом. Спрятаться там было негде.

— Я, собственно, — ни на кого не глядя, недовольно проговорил мужчина, — оказался здесь по чистой случайности... Прилег, знаете, вздремнуть под скамьей, ну и не заметил, как лодка отчалила...

Он перенес ногу через борт, и татары, суеверно перешептываясь, расступились. Отойдя подальше, капитан Седьмых (ибо это был он) оглянулся и, отыскав в толпе Намазова, уже успевшего нахлобучить рваную татарскую шапочку, неодобрительно покачал головой.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ **Бысть некая зима**

Глава первая

Нагрянул декабрь. Батый осадил Рязань. Помилованных до особого распоряжения пленников возили за войском на большом сером верблюде в четырех связанных попарно корзинах. Подобно большинству изувеченных жизнью людей не знавший поражений полководец любил всевозможные отклонения от нормы.

Над татарским лагерем порхал декабрьский снежок. Замдиректора Чертослепов — обросший, оборванный — сидел на корточках и отогревал связанными руками посиневшую лысину.

— Хорошо хоть руки теперь спереди связывают, — без радости заметил он.

Ему не ответили. Было очень холодно.

— Смотрите, Намазов идет,— сказал Шерхебель и, вынув что-то из-за пазухи, сунул в снег.

Судя по всему, помощник толмача вышел на прогулку. На нем уже был крепкий, хотя и залатанный местами полосатый халат; под растоптанными, но вполне справными сапогами весело поскрипывал снежок.

— Товарищ Намазов,— вполголоса окликнул замдиректора.— Будьте добры, подойдите на минутку!

Помощник толмача опасливо покосился на узников и, сердито пробормотав: «Моя твоя не понимай...» — поспешил повернуться к ним спиной.

— Мерзавец! — процедил Альбастров.

С ним согласились.

— Честно вам скажу,— уныло проговорил Чертослепов,— никогда мне не нравился этот Намазов. Правду говорят: яблочко от яблони...

— А что это вы всех под одну гребенку? — ошетинился вдруг электрик.

Чертослепов с Шерхебелем удивленно взглянули на Альбастрова, и наконец-то бросилась им в глаза черная клочковатая борода, а заодно и висячие усики, и легкая, едва намеченная скуластость.

Первым опомнился Шерхебель.

— Мать? — понимающе спросил он.

— Бабка,— буркнул Альбастров.

— Господи Иисусе Христе!..— не то вздохнул, не то протонал Чертослепов.

Положение его было ужасно. Один из членов вверенного ему экипажа оказался ренегатом, другой...

— Товарищи! — в отчаянии сказал Чертослепов.— Мы допустили серьезную ошибку. Нам необходимо было сразу осудить поведение Намазова. Но еще не поздно, товарищи. Я предлагаю по-тихому провести такой, знаете ли, небольшой митинг и открытым голосованием выразить свое возмущение. Что же касается товарища Альбастрова, скрывшего важные анкетные данные...

— Ну ты козел!.. — изумился электрик, и тут — совершенно некстати — мимо узников проехал не знавший поражений полководец.

— Эй, ты! — заорал Альбастров, приподнявшись, насколько позволяли сыромятные путы. — В гробу я тебя видал вместе с твоим Чингисханом!

Полководец остановился и приказал толмачу перевести.

— Вы — идиот! — взвыл Чертослепов, безуспешно пытаясь схватиться за голову. — Я же сказал: по-тихому!

А толмач уже всю переводил.

— Товарищ Субудай! — взмолился замдиректора. — Да не обращайтесь вы внимания! Мало ли кто какую глупость, не подумав, ляпнет!..

Толмач перевел и это. Не знавший поражений полководец раздул единственную целую ноздрю и, каркнув что-то поврежденными связками, поехал дальше. Толмач, сопровождаемый пятью воинами, подбежал к пленным.

— Айда, пошли! — вне себя напустился он на Чертослепова. — Почему худо говоришь? Почему говоришь, что Субудай-багатур не достоин лежать с великим Чингизом? Какой он тебе товарищ? Айда, мало-мало наказывать будем!

Глава вторая

— Я его что, за язык тянул? — чувствительный, как и все гитаристы, переживал Альбастров. — Мало ему вчерашнего?..

За юртами нежно свистел бич и звонко вопил Чертослепов. Чистые, не отягощенные мыслью звуки.

— И как это его опять угораздило? Вроде умный мужик...

— Это там он был умный, — утешил Шерхебель.

Припорошенный снежком Афанасий сидел неподвижно, как сугроб, и в широко раскрытых глазах его стыло недоумение. Временами казалось, что у него просто забыли выдернуть кляп, — молчал вот уже который день.

— Ой! — страдальчески сказал Шерхебель, быстро что-то на себе перепрытывая. — Слушайте, это к нам!..

Альбастров поднялся и посмотрел. Со стороны лесочка, хрустя настом, к узникам направлялся капитан Седьмых. При виде его татарский сторож в вязаной шапочке «Адидас» вдруг застеснялся чего-то и робко отступил за ствол березы.

Электрик осклабился и еще издали предъявил капитану связанные руки. Капитан одобрительно посмотрел на электрика, но подошел не к нему, а к Шерхебелю, давно уже всем своим видом изъяслявшего готовность правдиво и не раздумывая отвечать на вопросы.

— Да, кстати,— как бы невзначай поинтересовался капитан, извлекая из незапятнанного плаща цвета беж уже знакомый читателю блокнот.— Не от Намазова ли случайно исходила сама идея мероприятия?

— Слушайте, что решает Намазов? — отвечал Шерхебель, преданно глядя в глаза капитану.— Идея была спущена сверху.

«Сверху? — записал капитан, впервые приподнимая бровь.— Не снизу?»

— Расскажите подробнее,— мягко попросил он.

Шерхебель рассказал. Безукоризненно выбритое лицо капитана становилось все задумчивее.

— А где сейчас находится ваш командор?

— Занят, знаете...— несколько замявшись, сказал Шерхебель.

Капитан Седьмых оглянулся, прислушался.

— Ну что ж,— с пониманием молвил он.— Побеседуем, когда освободится...

Закрыв блокнот и, хрустя настом, пошел в сторону лесочка.

Из-за ствола березы выглянула вязаная шапочка «Адидас». Шерхебель облегченно вздохнул и снова что-то на себе перепрятал.

— Да что вы там все время рассовываете? — не выдержал электрик.

— А! — Шерхебель пренебрежительно шевельнул пальцами связанных рук.— Так, чепуха, выменял на расческу, теперь жалею...

Припрятанный предмет он, однако, не показал. Что именно Шерхебель выменял на расческу, так и осталось тайной. Потом принесли стонущего Чертослепова.

— А тут давеча капитан приходил,— сказал Альбастров.— Про вас спрашивал.

Чертослепов немедленно перестал стонать.

— Спрашивал? А что конкретно?

Ему передали весь разговор с капитаном Седьмых.

— А когда вернется, не сказал? — встревожась, спросил Чертослепов.

Электрик хотел ответить, но его перебили.

— Я все понял...— это впервые за много дней заговорил Афанасий Филимошин. Потрясенные узники повернулись к нему:

— Что ты понял, Афоня?

Большое лицо Афанасия было угрюмо.

— Это не киноартисты,— глухо сообщил он.

Глава третья

Замдиректора Чертослепову приснилось, что кто-то развывает ему руки.

— Нет...— всхлипывая, забормотал он.— Не хотел... Клянусь вам, не хотел... Пропаганда гребного спорта...

— Вставай! — тихо и властно сказали ему.

Чертослепов очнулся. Снежную равнину заливал лунный свет. Рядом, заслоняя звезды, возвышалась массивная грозная тень.

— Афоня? — не веря, спросил Чертослепов.— Ты почему развязался? Ты что затеял? Ты куда?..

— В Рязань,— мрачно произнесла тень.— Наших бьют...

Похолодеть замдиректора не мог при всем желании, поэтому его бросило в жар.

— Афанасий...— оробев, пролепетал он.— Но ведь если мы совершим побег, капитан может подумать, что мы пытаемся скрыться... Я... я запрещаю!..

— Эх ты!..— басовито, с укоришной прозвучало из лунной выси, глыбастая тень повернулась и ушла в Рязань, косолапо проламывая наст.

В панике Чертослепов разбудил остальных. Электрик Альбастров спросонья моргал криво смерзшимися глазенками и ничего не мог понять. Зато Шерхебель отреагировал мгновенно. Сноровисто распустив зубами сыромятные узы, он принялся выхватывать что-то из-под снега и совать за пазуху.

— Товарищ Шерхебель! — видя такую расторопность, шепотом завопил замдиректора. — Я призываю вас к порядку! Без санкции капитана...

— Слушайте, какой капитан? — огрызнулся через плечо Шерхебель. — Тут человек сбежал! Вы понимаете, что они нас всех поубивают с утра к своему шайтану?..

— Мать Божья Пресвятая Богородица!.. — простонал Аalbaстров.

Пошатываясь, они встали на ноги и осмотрелись.

Неподалеку лежала колода, к которой татары привязывали серого верблюда с четырьмя корзинами. Тут же выяснилось, что перед тем, как разбудить замдиректора, Афанасий отвязал верблюда и побил колодой весь татарский караул.

Путь из лагеря был свободен.

Босые, они бежали по лунному вскрикивавшему насту, и дыхание их взрывалось в морозном воздухе.

— Ну и куда теперь? — с хрустом падая в наст, спросил Альбастров.

— Товарищи! — чуть не плача, проговорил Чертослепов. — Не забывайте, что капитан впоследствии обязательно представит характеристику на каждого из нас. Поэтому в данной ситуации, я считаю, выход у нас один: идти в Рязань и как можно лучше проявить себя там в борьбе с татаро-монгольскими захватчиками.

— Точно! — сказал Альбастров и лизнул снег.

— Вы что, с ума сошли? — с любопытством спросил Шерхебель. — Рязань! Ничего себе шуточки! Вы историю учили вообще?

Альбастров вдруг тяжело задышал и, поднявшись с наста, угрожающе двинулся на Шерхебеля.

— Христа — распял? — прямо спросил он.

— Слушайте, прекратите! — взвизгнул Шерхебель. — Даже если и распял! Вы лучше посмотрите, что делают ваши родственнички по женской линии! Что они творят с нашей Россией-матушкой!

Альбастров, ухваченный за локти Чертослеповым, рвался к Шерхебелю и кричал:

— Это еще выяснить надо, как мы сюда попали! Небось в Хазарский каганат метил, да промахнулся малость!..

— Товарищ Альбастров! — умолял замдиректора. — Ну не христь же, ну что с него взять! Ну не поймет он нас с вами!..

На том и расстались. Чертослепов с Альбастровым пошли в Рязань, а куда пошел Шерхебель — сказать трудно. Налетела метель и скрыла все следы.

Глава четвертая

Продираясь сквозь колючую проволоку пурги, они шли в Рязань. Однако на полпути в электрике Альбастрове вдруг заговорила татарская кровь. И чем ближе к Рязани подходили они, тем громче она говорила. Наконец гитарист-электрик сел на пенек и объявил, что не сдвинется с места, пока его русские и татарские эритроциты не придут к соглашению.

Чертослепов расценил это как измену и, проорав сквозь пургу: «Басурманин!..» — пошел в Рязань один. Каким образом он вышел к Суздалью — до сих пор остается загадкой.

— Прииде народ, Гедеоном из тарагара выпущенный, — во всеуслышание проповедовал он на суздальском торгу. — Рязань возжег, и с вами то же будет! Лишь объединением всея Руси...

— Эва! Сказанул! — возражали ему. — С кем единиться-то? С рязанцами? Да с ними биться идешь — меча не бери, ремешок бери сыромятный.

— Братие! — возопил Чертослепов. — Не верьте сему! Рязанцы такие же человеки суть, яко мы с вами!

— Вот сволок! — изумился проезжавший мимо суздальский воевода и велел, ободрав бесстыжего юродивого кнутом, бросить в подвал и уморить голодом.

Все было исполнено в точности, только вот голодом Чертослепова уморить не успели. Меньше чем через месяц Суздаль действительно постигла судьба Рязани. Победители-татары извлекли сильно исхудавшего замдиректора из-под обломков терема и, ободрав вдругорядь кнутом, вышибли к шайтану из Суздаля.

А электрик Альбастров болтался тем временем, как ведро в проруби. Зов предков накатывал на него то по женской линии, то по мужской, толкая то в Рязань, то из Рязани. Будь у электрика хоть какие-нибудь средства, он бы от такой жизни немедленно запил.

И средства, конечно, нашлись. На опушке леса он подобрал брошенные каким-то беженцем гусли и перестроил их на шестиструнку. С этого момента на память Альбастрова полагаться уже нельзя. Где был, что делал?.. Говорит, шастал по княжеству, пел жалостливо по-русски и воинственно по-татарски. Русские за это поили медом, татары — айраном.

А через неделю пришла к нему белая горячка в ржавой, лопнувшей под мышками кольчуге и с тяжелой палицей в руках.

— Сидишь? — грозно спросила она. — На гусельках играешь?

— Афанасий... — расслабленно улыбаясь, молвил опустившийся электрик. — Друг...

— Друг, да не вдруг, — сурово отвечал Афанасий Филимошин, ибо это был он. — Вставай, пошли в Рязань!

— Ребята... — Надо полагать, Афанасий в глазах Альбастрова как минимум раздвоился. — Ну не могу я в Рязань... Афанасий, скажи им...

— А вот скажет тебе моя палица железная! — снова собираясь воедино, рек Афанасий, и электрик, мгновенно протрезвев, встал и пошел, куда велено.

Глава пятая

Однажды в конце февраля на заснеженную поляну посреди дремучего леса вышел человек в иноческом одеянии. Снял клобук — и оказался Шерхелем.

За два месяца зам. по снабжению странно изменился: в талии вроде бы пополнил, а лицом исхудал. Подобравшись к дуплистому дубу, он огляделся и полез было за пазуху, как вдруг насторожился и снова надвинул клобук.

Затрещали, зазвенели хрустальные февральские кусты, и на поляну — бывают же такие совпадения! — ворвался совершенно обезумевший Чертослепов. Пониже спины у него торчали две небрежно оперенные стрелы. В мгновение ока замдиректора пересек поляну и упал без чувств к ногам Шерхелея. Кусты затрещали вновь, и из зарослей возникли трое разъяренных русичей с шелепугами подорожными в руках.

— Где?! — разевая мохнатую пасть, взревел один.

— Помер, как видите, — со вздохом сказал Шерхель, указывая на распростертое тело.

— Вот жалость-то!.. — огорчился другой. — Зря, выходит, бежали... Ну хоть благослови, святой отче!

Шерхель благословил, и русичи, сокрушенно покачивая кудлатыми головами, исчезли в февральской чаше. Шерхель наклонился над лежащим и осторожно выдернул обе стрелы.

— Интернационализм проповедовали? — сочувственно осведомился он. — Или построение социализма в одном отдельно взятом удельном княжестве?

Чертослепов вздрогнул, присмотрелся и, морщась, сел.

— Зря вы в такой одежде, — недружелюбно заметил он. — Вот пришьют нам из-за вас религиозную пропаганду... И как это вам не холодно?

— Ну если на вас наvertеть пять слоев парчи, — охотно объяснил Шерхель, — то вам тоже не будет холодно.

— Мародер... — безнадежно сказал Чертослепов.

— Почему мародер? — Шерхбель пожал острыми монашскими плечами. — Почему обязательно мародер? Честный обмен и немножко спасательных работ...

В третий раз затрещали кусты, и на изрядно уже истоптанную поляну косолапо ступил Афанасий Филимошин, неся на закорках бесчувственное тело Альбастрова.

— Будя, — пробасил он, сваливая мычавшего электрика под зазвеневший, как люстра, куст. — Была Рязань, да угольки остались...

— Что с ним? — отрывисто спросил Чертослепов, со страхом глядя на сизое мурло Альбастрова.

— Не замай, — мрачней, посоветовал Афанасий. — Командира у него убило. Евпатия Коловрата. Какой командир был!..

— С тех самых пор и пьет? — понимающе спросил приметливый Шерхбель.

— С тех самых пор... — удрученно подтвердил Афанасий.

Электрик Альбастров пошевелился и разлепил глаза.

— Опять все в сборе, — с отвращением проговорил он. — Прямо как по повестке...

И вновь уронил тяжелую всклокоченную голову, даже не осознав, сколь глубокую мысль он только что высказал.

За ледяным переплетом мелких веток обозначилось нежное бежевое пятно, и, мелодично звякнув парой сосулек, на поляну вышел безукоризненно выбритый капитан Седьмых. Поприветствовал всех неспешным кивком и направился прямо к Чертослепову.

— Постарайтесь вспомнить, — сосредоточенно произнес он, — не по протекции ли Намазова была принята на работу машинистка, перепечатавшая ваш отчет о мероприятии?

Лицо Чертослепова почернело, как на иконе.

— Не вем, чесо глаголеши, — малодушно отводя глаза, пробормотал он. — Се аз многогрешный...

— Ну не надо, не надо, — хмурясь, прервал его капитан. — Минуту назад вы великолепно владели современным русским.

— По моей протекции... — с надрывом признался Чертослепов и обессиленно уронил голову на грудь.

— Вам знаком этот документ?

Чертослепов обреченно взглянул.

— Да,— сказал он.— Знаком.

— Ознакомьтесь внимательней,— холодно молвил капитан и, оставив бумагу в слабой руке Чертослепова, двинулся в неизвестном направлении.

Нежное бежевое пятно растаяло в ледяных зарослях февральского леса.

Глава шестая

— Ему снабженцем работать, а не капитаном,— с некоторой завистью проговорил Шерхебель, глядя в ту сторону, куда ушел Седьмых.— Смотрите, это же наш рапорт в верха! Где он его здесь мог достать?

Действительно, в неверных пальцах Чертослепова трепетал тот самый злополучный документ, с которого все и началось.

— О Господи!..— простонал вдруг замдиректора, зажмуриваясь. Он наконец заметил роковую ошибку машинистки.

— В каком смысле — Господи? — тут же спросил любопытный Шерхебель, отбирая у Чертослепова бумагу.— А? — фальцетом вскричал он через некоторое время.— Что такое?!

Пошатываясь, подошел очнувшийся Альбастров и тоже сунулся сизым мурлом в документ.

— Грамота,— небрежно объяснил он.— Аз, буки, води... глаголь, добро...

— Нет, вы только послушайте! — в возбуждении снабженец ухватил электрика за короткий рукав крупнокольчатой байданы.— «Обязуемся выгresti к пристани Баклужино в десять ноль-ноль шестнадцатого, одиннадцатого тысяча двести тридцать седьмого». Печать, подпись директора... А? Ничего себе? И куда мы еще, по-вашему, могли приплыть с таким документом?

— Что?! — мигом протрезвев, заорал электрик.— А ну дай сюда!

Он выхватил бумагу из рук Шерхебеля и вонзился в текст. Чертослепов затрепетал и начал потихоньку отползать. Но Альбастров уже выходил из столбняка.

— А-а...— зловеше протянул он.— Так вот, значит, по чьей милости нас угораздило!..

Он отдал документ Шерхебелю и, не найдя ничего в переметной суме, принялся хлопотать себя по всему, что заменяло в тринадцатом веке карманы.

— Куда ж она, к шайтану, запропастилась?..— бормотал он, не спуская глаз с замдиректора.— Была же...

— Кто?

— Удавка... А, вот она!

Шерхебель попятился.

— Слушайте, а надо ли? — упавшим голосом спросил он, глядя, как Альбастров, пробуя сыромятный арканчик на разрыв, делает шаг к замдиректора.

— Людишки...— презрительно пробасил Афанасий, и все смолкло на поляне.— Кричат, копошатся...

В лопнувшей под мышками кольчуге, в тяжелом побитом шлеме, чужой стоял Афанасий, незнакомый. С безгловым любопытством разглядывал он из-под нависших бровей обмерших членов экипажа и говорил негромко сам с собой:

— Из-за бумажки удавить готовы... Пойду я... А то осерчаю, не дай Бог...

Нагнулся, подобрал свою железную палицу и пошел прочь, проламывая остекленные дебри.

Не смея поднять глаза, Альбастров смотал удавку и сунул в переметную суму.

— Слушайте, что вы там сидите? — сказал Шерхебель Чертослепову.— Идите сюда, надо посоветоваться. Ведь капитан, наверное, не зря оставил нам эту бумагу...

— Точно! — вскричал Альбастров.— Исправить дату, найти лодку...

— Ничего не выйдет,— все еще обижаясь, буркнул Чертослепов.— Это будет подделка документа. Вот если бы здесь был наш директор...

— А заодно и печать,— пробормотал Шерхбель.— Слушайте, а что, если обратиться к местной администрации?

— Ох!..— страдальчески скривился замдиректора, берясь за поясницу.— Знаю я эту местную администрацию...

— А я все же попробую,— задумчиво сказал Шерхбель, свивая документ в трубку.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Из-за острова на стрежень

Глава первая

Не любили татары этот лесок, ох не любили. Обитал там, по слухам, призрак урусского богатыря Афанасия, хотя откуда ползли такие слухи — шайтан их знает. Особенно если учесть, что видевшие призрак татары ничего уже рассказать не могли.

Сам Афанасий, конечно, понятия не имел об этой мрачной легенде, но к весне стал замечать, что местность в последние дни как-то обезлюдела. Чтобы найти живую душу, приходилось шагать до самой дороги, а поскольку бороды у всех в это время года еще покрыты инеем, то Афанасий требовал, чтобы живая душа скинула шапку. Блондинов отпускал.

Поэтому, встретив однажды посреди леса, чуть ли не у самой землянки, брюнета в дорогом восточном халате, Афанасий был крепко озадачен.

— Эх, товарищ Филимошин, товарищ Филимошин!..— с проникновенной укоризной молвил ему брюнет.— Да разве ж можно так обращаться с доспехами! Вы обомлеете, если я скажу, сколько сейчас такой доспех стоит...

На Афанасии была сияющая, хотя и побитая, потускневшая местами броня персидской выковки.

— Доспех-то? — хмурясь, переспросил он.— С доспехом — беда... Скольких я, Царствие им Небесное, из кольчужек повытряс, пока нужный размер нашел!.. Ну заходи, что ли...

Шерхебель (ибо это был он) пролез вслед за Афанасием в землянку и тут же принялся рассказывать.

— Ну, я вам скажу, двор у хана Батыя! — говорил он. — Это взяточник на взяточнике! Две трети сбережений — как не было... Хану — дай, — начал он загибать пальцы, — женам его — дай, тысячникам — дай... Сотникам! Скажите, какая персона — сотник!.. Ну да Бог с ними! Главное: дело наше решено положительно...

— Дело? — непонимающе сдвигая брови, снова переспросил Афанасий.

Ликующий Шерхебель вылез из дорогого халата и, отмотав с себя два слоя дефицитной парчи, извлек уже знакомый читателю рапорт о том, что гребное устройство непременно достигнет пристани Баклужино в такое-то время. Дата прибытия была исправлена. Чуть ниже располагалась ровная строка арабской вязи и две печати: красная и синяя.

— «Исправленному верить. Хан Батый», — сияя, перевел Шерхебель.

Афанасий задумчиво его разглядывал.

— А ну-ка прищурься! — потребовал он вдруг.

— Не буду! — разом побледнев, сказал Шерхебель.

— Смышлен... — Афанасий одобрительно кивнул. — Если б ты еще и прищурился, я б тебя сейчас по маковку в землю вбил!.. Грамотку-то покажи-ка поближе...

Шерхебель показал.

— Это что ж, он сам так красиво пишет? — сурово спросил Афанасий.

— Ой, что вы! — Шерхебель даже рукой замахал. — Сам Батый никогда ничего не пишет — у него на это канцелярия есть. Между нами, он, по-моему, неграмотный. В общем, все, как везде...

— А печатей-то наляпал...

— Красная — для внутренних документов, синяя — для зарубежных, — пояснил Шерхебель. — Так что я уж на всякий случай обе...

Тут снаружи раздался нестройный аккорд, и шемающий надтреснутый голос запел с надрывом:

— Ах, умру я, умру... Пахаронют миня-а...

Шерхебель удивился. Афанасий пригорюнился. Из левого глаза его выкатилась крупная богатырская слеза.

— Входи, бедолага...— с чувством пробасил Афанасий.

Вошел трясущийся Альбастров. Из-под надетой внакидку ношеной лисьей шубейки, только что, видать, пожалованной с боярского, а то и с княжьего плеча, глядело ветхое рубище да посвечивал из прорехи чудом не пропитый за зиму крест.

— Хорошие новости, товарищ Альбастров! — снова воссияв, приветствовал певца Шерхебель.

Электрик был настроен мрачно, долго отмахивался и не верил ничему. Наконец взял документ и обмер над ним минуты на две. Потом поднял от бумаги дикие татарские глаза.

— Афанасий! — по-разбойничьи звонко и зловеще завопил он.— А не погулять ли нам, Афанасий, по Волге-матушке?

— И то...— подумав, пророкотал тот.— Засиделся я тут...

— Отбить у татар нашу лодку,— возбужденно излагал Шерхебель.— Разыскать Чертослепова...

— И Намазова...— с недоброй улыбкой добавил электрик.

Глава вторая

Отгрохотал ледоход на великой реке Итиль. Намазов в дорогом, почти как у Шерхебеля, халате и в сафьяновых, шитых бисером сапожках с загнутыми носками прогуливался по берегу. На голове у Намазова была роскошная лисья шапка, которую он время от времени снимал и с уважением разглядывал.

Его только что назначили толмачом.

Где ж ему было заметить на радостях, что под полутораметровым обрывчиком покачивается отбитое вчера у татар гребное устройство, а на земле коварно развернут сыромятный арканчик электрика Альбастрова!..

Долгожданный шаг, мощный рывок — и свежеиспеченного толмача словно сдуло с обрыва. Он лежал в гребном устройстве, изо всех сил прижимая к груди лисью шапку.

— Что вы делаете, товарищи! — в панике вскричал он, мигом припомнив русскую речь.

— Режем! — коротко отвечал Альбастров, доставая засапожный клинок.

Шерхебель схватил электрика за руку.

— Вы что, с ума сошли? Вы его зарежете, а мне опять идти к Батыю и уточнять состав экипажа?

Электрик злобно сплюнул за борт и вернул клинок в ровное голенище.

— Я вот смотрю, — задумчиво пробасил вдруг Афанасий, глядя из-под руки вдоль берега, — это не замдиректора нашего там на кол сажают?

Зрение не обмануло Афанасия. В полутора перестрелах от гребного устройства на кол сажали именно Чертослепова. Вообще-то татары не практиковали подобный род казни, но, видно, чем-то их достал неугомонный замдиректора.

Самоотверженными гребками экипаж гнал лодку к месту события.

— Иди! — процедил Альбастров, уставив жало засапожного клинка в позвоночник Намазову. — И чтоб без командора не возвращался! А сбежишь — под землей сышу!

— Внимание и повиновение! — закричал по-своему Намазов, выбираясь на песок.

Татары, узнав толмача, многозначительно переглянулись. Размахивая широкими рукавами, Намазов заторопился к ним. Шайтан его знает, что он им там наврал, но только татары подумали-подумали и с сожалением сняли Чертослепова с кола.

Тем бы все и кончилось, если бы замдиректора сам все не испортил. Очутившись на земле, он мигом подхватил портки и бегом припустился к лодке. Татары уразумели, что дело нечисто, и кинулись вдогонку. Намазов добежал благополучно, а Чертослепов запутался в портках, упал, был настигнут и вновь водворен на кол.

— Товарищи! — страшно закричал Намазов. — Там наш начальник!

Итээры выхватили клинки. Натиск их был настолько внезапен, что им в самом деле на какое-то время удалось отбить своего командора. Однако татары быстро опомнились и, умело орудуя кривыми саблями, прижали экипаж к лодке, и Чертослепов в третий раз оказался на колу.

Бой продолжал один Афанасий, упоенно гвоздя наседавших татар своей железной палицей.

— Товарищ Филимошин! — надсаживался Шерхебель — единственный, кто не принял участия в атаке. — Погодите, что я вам скажу! Прекратите это побоище! Сейчас я все улажу!..

Наконец Афанасий умаялся и, отмахиваясь, полез в лодку. Шерхебель тут же выскочил на берег и предъявил татарам овальную золотую пластину. Испуганно охнув, татары попрятали сабли в ножны и побежали снимать Чертослепова. В руках Шерхебеля была пайцца — что-то вроде верительной грамоты самого Батыя.

— Ты где ее взял, хазарин? — потрясенно спросил Альбастров, глядя, как татары бережно укладывали замдиректора в лодку.

— Да прихватил на всякий случай... — небрежно отвечал Шерхебель. — Знаете, печать печатью...

— Капитана... — еле слышно произнес Чертослепов. — Главное, капитана не забудьте...

— Капитана? — удивился Шерхебель. — А при чем тут вообще капитан? Вот у меня в руках документ, покажите мне там хоть одного капитана!..

Глава третья

Разогнанная дружными мощными гребками, лодка шла сквозь века. В зыбких полупрозрачных сугробах межвременного тумана длинной тенью скользнул навстречу острогрудый челн Степана Разина. Сам Стенька стоял на коленях у

борта и напряженно высматривал что-то в зеленоватой волжской воде.

— Утопла, кажись,— донесся до путников его расстроенный, приглушенный туманом голос, и видение кануло.

Вдоль бортов шуршали и побрякивали льдышки — то ли суга, то ли последние обломки ледохода.

Без десяти десять лодка вырвалась из тумана как раз напротив дебаркадера с надписью «Баклужино». Пристань была полна народу. Присевший у руля на короточки Чертослепов мог видеть, как по мере приближения таращились глаза и отваливались челюсти у встречающих.

Что и говорить, экипаж выглядел живописно! Далече, как главка на церкви, сиял шлем Афанасия. Пламенела лисья шапка Намазова. Рубища и парча просились на полотно.

На самом краю дебаркадера, подтянутый, безукоризненно выбритый, в неизменном своем бежевом плаще, стоял майор Седьмых, а рядом еще один товарищ в штатском. Пожалуй, эти двое были единственными на пристани, для кого внешний вид гребцов неожиданностью не явился.

До дебаркадера оставались считанные метры, когда, рискуя опрокинуть лодку, вскочил Шерхель.

— Товарищ майор! — закричал он. — Я имею сделать заявление!

Путаясь в полах дорогого восточного халата, он первым вскарабкался на пристань.

— Товарищ майор! — так, чтобы слышали все встречающие, обратился он. — Во время заезда мне в руки попала ценная коллекция золотых вещей тринадцатого века. Я хотел бы в вашем присутствии сдать их государству.

С каждым его словом физиономия второго товарища в штатском вытягивалась все сильнее и сильнее.

Майор Седьмых улыбнулся и ободряюще потрепал Шерхеля по роскошному парчовому плечу. Затем — уже без улыбки — снова повернулся к гребному устройству.

— Гражданин Намазов?..

Эпilog

Машинистку уволили.

Над Намазовым хотели устроить показательный процесс, но ничего не вышло — истек срок давности преступления.

Электрик Альбастров до сих пор лечится от алкоголизма.

Что же касается Шерхебеля, то, блистательно обведя вокруг пальца представителя таможни (ибо незнакомец на дебаркадере был именно представителем таможни), он получил причитававшиеся ему по закону двадцать пять процентов с найденного клада и открыл кооператив.

Замдиректора по быту Чертослепов ушел на пенсию по инвалидности. А недавно реставраторы Эрмитажа восстановили уникальную икону тринадцатого века, названную пока условно «Неизвестный мученик с житием». В квадратиках, располагающихся по периметру иконы, представлены моменты трудной биографии неизвестного мученика. В первом квадратике его сжигают в каком-то челноке, далее он показан связанным среди сугробов. Далее его бичуют сначала татары, потом — судя по одежде — русские язычники. В квадратике номер семнадцать его пытается udавить арканом некий разбойник весьма неопределенной национальности. Последние три картинки совершенно одинаковы: они изображают неизвестного мученика посаженным на кол. Озадаченные реставраторы выдвинули довольно остроумную гипотезу, что иконописец, неправильно рассчитав количество квадратиков, был вынужден трижды повторить последний сюжет. И везде над головой мученика витает некий ангел с огненным мечом и крыльями бежевого цвета. На самой иконе мученик представлен в виде изможденного человека в лохмотьях, с лысеющей головой и редкой рыжеватой растительностью на остреньком подбородке.

А Афанасия Филимошина вскоре после мероприятия вызвали в военкомат и вручили там неслыханную медаль «За оборону Рязани», что, кстати, было отражено в местной прессе под заголовком «Награда нашла героя».

И это отраднo, товарищи!

РАЗРЕШИТЕ ДОЛОЖИТЬ!

Солдатская сказка

Глава первая

О воин, службою живущий!
Читай Устав на сон грядущий,
И утром, ото сна восстав,
Читай усиленно Устав.

— Рядовой Пиньков!

— Я!

— Выйти из строя! — скомандовал старшина, с удовольствием глядя на орла Пинькова.

Рядовой Пиньков любил выполнять эту команду. Не было тут ему равных во всем полку. Дух захватывало, когда, вбив со звоном в асфальтированный плац два строевых шага, совершал он поворот через левое плечо.

Но, видно, вправду говорят, товарищ старший лейтенант, что все имеет свой предел — даже четкость исполнения команды. А Пиньков в этот раз, можно сказать, самого себя превзошел. Уж с такой он ее точностью, с такой он ее лихостью... Пространство не выдержало, товарищ старший лейтенант. Вбил рядовой Пиньков в асфальт два строевых шага, повернулся через левое плечо — и исчез.

То есть не то чтобы совсем исчез... Он, как бы это выразиться, и не исчезал вовсе. В смысле — исчез, но тут же возник по новой. Причем в совершенно неуставном виде, чего с ним отродясь не бывало. Стойка — не поймешь какая, на сапогах почему-то краска зеленая, челюсть отвалена — аж по третью пуговицу. И что самое загадочное — небритая челюсть-то!..

Виноват, товарищ старший лейтенант, самоволкой это считаться никак не может. Какая ж самоволка, если рядовой Пиньков ни секунды на плацу не отсутствовал! Другой вопрос: где это он присутствовал столько времени, что щетиной успел обрасти?

Разрешите продолжать?

Значит, так...

Повернулся рядовой Пиньков лицом к строю, душу, можно сказать, в поворот вложил, глядь, а строя-то и нет! И плаца нет. Стоит он на дне ущелья посреди какой-то поляны, а поляна, что характерно, квадратная...

Никак нет, по науке это как раз вполне допустимо. Есть даже мнение, товарищ старший лейтенант, что в одном и том же объеме пространства понапихано миров — до чертовой матери!.. Почему не сталкиваются? Н-ну образно говоря... В ногу идут, товарищ старший лейтенант, потому и не сталкиваются...

Остолбенел рядовой Пиньков по стойке «смирно». Молодцеватости, правда, не утратил, но что остолбенел, то остолбенел. Однако нашелся — скомандовал сам себе шепотом: «Вольно! Разойдись!» — и начал осматриваться.

Местность незнакомая, гористая и какая-то вроде сказочная... Никак нет, в прямом смысле. Взять хоть поляну эту квадратную: четыре угла, в каждом углу — по дереву. Что на трех дальних растет — не разобрать, а на том, что поближе, разрешите доложить, банки с тушенкой дозревают. Пятисотграммовые, без этикеток...

Так точно, на мясокомбинате... Но это у нас. А там — вот так, на деревьях. Растительным путем... Вот и я говорю: непредставимо, товарищ старший лейтенант...

Смотрит Пиньков — за стволом шевеление какое-то. Сменил позицию — глядь, а там волк не волк, крокодил не крокодил... Короче, пупырчатый такой... И землю роет. Воровато и быстро-быстро. Передними лапами. А на травке стоят рядом четыре банки с тушенкой. И, надо полагать, свежесорванные — в смазке еще...

Изготовился рядовой Пиньков для стрельбы стоя и двинулся к дереву. А тот знай себе роет. То ли нюх потерял, то ли просто не ждет опасности с этой стороны. Потом поднял морду, а Пиньков уже — в трех шагах.

Как пупырчатый присядет, как подскочит! Вскинулся и обмер — ну чисто собачка в цирке на задних лапках. Стоит и в ужасе ест Пинькова глазами. Глаза — маленькие, желтые, нечестные...

— Вольно! — враз все смекнув, говорит рядовой Пиньков и вешает автомат в положение «на плечо». — Кто командир?

Даже договорить не успел. Хотите верьте, хотите нет, а только пупырчатый делает поворот кругом на два счета, да так ловко, что все четыре банки летят в яму, а сам — опрометью куда-то, аж гравий из-под лап веером.

Откуда гравий? Да, действительно... Поляна же... А! Так там еще, товарищ старший лейтенант, дорожки были гравийные от дерева к дереву! Ну а на самих-то полянках, понятно, трава. Причем с большим вкусом подстриженная: коротко, но не под ноль.

Ну вот...

Наклонился Пиньков над рытвиной, видит — даже номер на банках какой-то выдавлен. У каждой по ободку вроде бы брачок фабричный. А на самом деле — след от черенка.

Обошел Пиньков дерево, смотрит — а листочки-то кое-где к веткам пришиты. Для единообразия, стало быть. Кто-то, значит, распорядился. А то на одной ветке листьев мало, на другой — много... Непорядок.

«Однако, — ужасается вдруг Пиньков, — мне ж сейчас в караул заступать!..»

И тут, слышит, за спиной у него как бы смерчик теплый сфырчанием крунулся. Оборачивается, а там пупырчатый начальство привел. Начальство такое: дед... Да нет! Дед — в смысле старенький уже, пожилой! Хотя крепкий еще, с выправкой. На отставника похож. А с дедовщиной мы боремся, это вы верно сказали, товарищ старший лейтенант!..

— Осмелюсь доложить, — рапортует. — Премного вашим внезапным явлением довольны!

И тоже, видать, кривит душой — доволен он! Оробел вконец, не поймет, то ли это рядовой Пиньков перед ним, то ли ангел небесный откуда-то там слетел...

Никак нет, никакое не преувеличение. Вы рядового Пинькова по стойке «смирно» видели? Незабываемое зрелище, товарищ старший лейтенант! Стоит по струнке, глазом не мигнет, оружие за плечиком сияет в исправности, подворотничок — спит, надраенность бляхи проверять — только с

закопченным стеклышком. А уж сапог у Пинькова... Да какой прикажете, товарищ старший лейтенант. Хоть левый, хоть правый... Кирза ведь, а до какого совершенства доведена! Глянешь с носка — честное слово, оторопь берет: этакая, знаете, бездонная чернота с легким, понимаете, таким млечным мерцанием... Галактика, а не сапог, товарищ старший лейтенант!

— Рядовой Пиньков! — представляется рядовой Пиньков по всей форме. А сам ненароком возьми да и скоси глаз в сторону ямы. Ну, дед, понятно, всполошился, тоже туда глаз метнул. А там пупырчатый на задних лапах елозит — не знает, от кого теперь банки заслонять: от Пинькова или от дедка от этого.

— А ну-ка, любезный, — подрагивающим голосом командует дедок, — подвинься-ка в сторонку...

Пупырчатый туда-сюда, уши прижал, лоб наморщил, но видит, податься некуда, — отшагнул.

Смотрит дед: банки. Оглянулся быстро на Пинькова — и с перепугу в крик.

— Шкуру спущу! — кричит. — Смерти моей хочешь? Перед кем опозорил! Пятно на всю округу!..

Откуда ни возмись — еще четверо пупырчатых. Точь-в-точь такие же, никакой разницы — тоже небось банки тайком прикапывали, и не раз. Сели вокруг первого, готовность номер один: пасти раззявлены, глазенки горят. И смотрят в предвкушении на деда — приказа ждут.

И еще гномики какие-то... Как выглядят? Н-ну, как вам сказать, товарищ старший лейтенант... Гномики и гномики — пугливые, суеются. Похватали банки и полезли с ними на дерево — на место прикреплять.

— Взять! — визжит дед.

Как четверо пупырчатых на первого кинутся! Шум, грызня, клочья летят... А дед берет культурно Пинькова под локоток и уводит в сторонку от этого неприятного зрелища. А сам лебезит, лебезит, в глаза заглядывает.

— Нет, но каков подлец! — убивается. — Ведь отродясь не бывало... В первый раз... Как нарочно...

— Разорвут ведь, — говорит Пиньков, останавливаясь.

— У меня так! — кровожадно подтверждает дед, от усердия выкатывая глаза.— Чуть что — в ключья!.. Вы уж, когда докладывать будете... об этом, с банками, не поминайте, сделайте милость...

И уводит Пинькова все дальше, в глубь оврага... Горы? Виноват, товарищ старший лейтенант, какие горы? Ах, горы... Разрешите доложить, с горами у Пинькова промашка вышла. Не горы это были, а самый что ни на есть овраг. Просто Пиньков его поначалу за ущелье принял...

Да и немудрено. Ведь что есть овраг, товарищ старший лейтенант? Тот же горный хребет, только наоборот.

— Ты погоди, дед,— говорит Пиньков.— Ты кто будешь-то? Звание у тебя какое?

Дед немедля забегает вперед, руки по швам, глаза выкачаны.

— Колдун! — рапортует.

«Эх, мать!» — думает Пиньков.

И пока он так думает, выходят они из овражного отростка в центральный овраг. Ну вроде как на проспект из переуллка. Внизу речка по камушкам играет — чистенькая, прозрачная. И травяные квадраты — вверх по склону ступеньками.

— Извольте видеть,— сипит колдун,— вверенная мне территория содержится в полной исправности!..

И точно, товарищ старший лейтенант. Порожки-склончики от ступеньки к ступеньке дерном выложены. На деревьях банки качаются в изобилии. И под каждым деревом пупырчатый на задних лапах.

«Э! — спохватывается Пиньков.— Да ведь он меня так до вечера по оврагу таскать будет!»

Спихватился и говорит:

— Слушай, дед. Я ведь не проверяющий. Я сюда случайно попал.

Колдун аж обмяк, услышав.

— А не врешь? — спрашивает жалобно.

— Мне врать по Уставу не положено,— бодро и молодецкато отвечает Пиньков.

— Эй, там! — сердито кричит колдун. — Отставить! Ошибка вышла...

Ну, по всему овражному склону, понятно, суета, суматоха: кто на дерево лезет лишние банки снять, кто что...

— Эх, жизнь собачья... — расстроено вздыхает колдун. — Главное, служивый, не знаешь ведь, с какой стороны эта проверка нагрянет. Дери, вишь, со всего низового овражья ободрали, сюда снесли — а ну как оттуда проверять начнут? Прямо хоть обратно неси...

— И часто у вас проверки? — интересуется Пиньков.

— Да вот пока Бог миловал...

— Что, вообще ни одной не было?

— Ни одной, — говорит колдун.

А лет ему, товарищ старший лейтенант, по всему видать, немало. Колдуны — они ведь завсегда моложе кажутся, чем на самом деле.

— Так, может, никакой проверки и не будет? — сомневается Пиньков.

Обиделся колдун.

— Ну, это ты, служивый, зря... Проверка обязательно должна быть — как же без проверки?

Ну не врубается в ситуацию, товарищ старший лейтенант! Человеку в караул заступать, а он с проверкой со своей...

— Дед! — говорит Пиньков. — Помог бы ты мне отсюда выбраться, а? Служба-то ведь не ждет.

Встрепенулся колдун, глаза было хитрые-хитрые сделались, но как услышал слово «служба» — испугался, закивал.

— Да-да, — говорит, — служба. Это мы понимаем. Не извольте беспокоиться, сам до полянки провожу, сам отправлю...

И видно, что Пинькова он все-таки побаивается. Если даже и не проверяющий — все равно ведь непонятно, кто такой и зачем явился. Бляха-то вон как сверкает!

Двинулись, короче, в обратный путь.

— Слушай, дед, — говорит Пиньков. — А чего ты так этих проверок боишься? Ты ж колдун!

Усмехнулся дед криво, зачем-то вверх посмотрел.

— Колдун, — отвечает со вздохом. — Но не Господь же Бог!

— Это понятно,— соглашается Пиньков.— Бога-то нет...

Просто так, из вежливости, беседу поддержать. А колдун вдруг остановился, уставился прямой наводкой — и смотрит.

— Как нет? — спрашивает.

— А так,— малость растерявшись, говорит Пиньков.— Нету.

— А кто вместо?

— Вместо кого?

— Ну, того... этого... о ком говорим,— понизив голос, поясняет колдун. А глаза у самого так и бегают, так и бегают.

— Темный ты, дед,— смеется Пиньков.— В лесу, что ли, рос? Никого нет, понял? Ни Бога, ни вместо...

Обводит колдун диким взглядом вверенную ему территорию, и начинает до него помаленьку доходить.

— А-а... — тянет потрясенно.— То-то я смотрю...

Ну шутка ли, товарищ старший лейтенант,— столько информации сразу на голову рухнуло! Все равно что карниз с казармы — помните?

— Мне в караул заступать, дед! — стонет Пиньков.— Пошли, а?

Очнулся колдун и сразу куда-то заторопился:

— Ты, служивый, это... — и глаза прячет.— Ты знаешь что? Ты уж сам туда дойди, а? Тут рядом ведь... Недалеко то есть...

— Да ты погоди, дед! — ошеломленно перебивает Пиньков.— А как же я без тебя обратно-то попаду?

— А как сюда попал, только наоборот,— впопыхах объясняет дед.— А я побегу. Забыл, понимаешь, совсем: дела у меня, служивый, ты уж не обессудь...

И — рысит уже чуть ли не вприпрыжку вниз по оврагу. Станный колдун, подозрительный...

А полянку, между прочим, искать пришлось: они ж одинаковые все, квадратные. Еле нашел. Один был ориентир — яма из-под банок. Так они уже ее засыпали и травинки понавтыкали. Под деревом, понятно, пупырчатый навтыжку — опасно на Пинькова поглядывает, но не давешний — другой, хотя и одноглазый, хотя и ухо откушено. Потому что увечья, товарищ старший лейтенант, сразу видно, давние.

Сориентировался Пиньков на местности и приступил. Но это легко сказать: «Так же, как сюда попал, только наоборот», — а вы попробуйте, товарищ старший лейтенант, из стойки «смирно» совершить поворот через правое, смешно сказать, плечо и отпечатать строевым два шага назад! Спинай вперед то есть. Да нипочем с непривычки не получится!

Опять же нервничать начал. Время-то идет! Это мы с вами, товарищ старший лейтенант, знаем, что на плацу и в овраге оно идет по-разному, а Пиньков-то еще не знал!.. А нервы в военном деле, разрешите доложить, вещь серьезная. Помните того приписника, который на прошлых сборах в фотографа стрелял? Ну как же! Три километра с полной выкладкой, а потом еще полоса препятствий. Переваливается из последних сил через последнюю стенку, а за стенкой фотограф ждет. «Улыбнитесь, — говорит, — снимаю!» А патроны-то — боевые! Хорошо хоть не попал ни разу — руки тряслись...

Так вот, бился-бился Пиньков — аж взмок. Да еще автомат тут мешается! Снял его Пиньков, отложил на травку, решил сначала тренаж без автомата провести, а потом уже с автоматом попробовать.

А тут и сумерки наступили — в овраге-то темнеет быстро. Мрак, товарищ старший лейтенант. Видимость — ноль. Так, кое-где глазенки желтые сверкнули на секунду, банка о банку брякнет, да еще шум от рытья земли передними лапами то здесь, то там. Ночная жизнь, короче.

И вдруг — получилось! Достиг-таки рядовой Пиньков необходимой четкости исполнения. Глядь — стоит он опять перед строем, как будто и секунды с тех пор не прошло.

...Ну, в строю, понятно, шевеление — шутка ли: бойцы на глазах пропадать и появляться начали! Старшина догадался — скомандовал: «Отделение, разойдись!» И кинулись все к Пинькову.

Доложил Пиньков, что и как. Старшина в затылке скребет, рядовой состав тоже удивляется — не знают, что и думать. Не стрясись такое прямо перед строем — ни за что бы не поверили...

Краска? Какая краска? Ах, на сапогах, зеленая... Так ведь они с колдуном по полянам шли, товарищ старший лейтенант. Травка, значит, слегка пожухла, так гномики ее, видать, подновили слегка. А гуашь — она ж маркая...

Разрешите продолжать? Есть!

— Э, браток! — говорит вдруг старшина. — А автомат-то твой где?

Смотрят все: нет автомата.

— Стало быть, — бледнея, говорит Пиньков, — я его там оставил...

— Э, браток... — говорит старшина.

А что тут еще скажешь? Сами знаете: «За утрату и промотание казенного имущества...» Ну, промотания, положим, никакого не было, но утрата-то налицо!.. Ясно, короче: хочешь не хочешь, а придется Пинькову туда опять лезть.

— Стройся! — командует со вздохом старшина.

Построились.

Смотрит старшина на орла Пинькова и понимает, что в таком виде орлу Пинькову пространства нипочем не прорвать; шетина, гуашь эта на сапогах, да и бляха потускнеть успела...

— Отставить! — командует.

Привели Пинькова в порядок, пылинки смахнули. Оглядел его еще раз старшина и говорит:

— Ты вот что, браток... Возьми-ка еще один боекомплект. Ситуация, она ведь всякая бывает. А ты у нас вроде как на боевое задание идешь...

Зачем ему патроны без автомата? Ну а вдруг, товарищ старший лейтенант! Старшина ведь верно сказал: ситуация — она всякая бывает...

Отчислили Пинькову под ответственность старшины два полных рожка и снова построились.

— Равняйся! Смир-рна! Рядовой Пиньков!

— Я!

— Выйти из строя!

— Есть!

Вот когда проверяется, товарищ старший лейтенант, насколько развито у бойца чувство ответственности! Вбив в за-

звеневший плац два строевых шага, рядовой Пиньков со сверхъестественной четкостью повернулся через левое плечо — и снова очутился в овраге. С первого раза.

Глава вторая

О воин, службою живущий!
Читай Устав на сон грядущий,
И утром, ото сна восстав,
Читай усиленно Устав.

Нет автомата. Разворошил траву, землю пощупал — нету.

«Э! А туда ли я попал вообще?» — думает Пиньков.

И в самом деле, товарищ старший лейтенант, не узнать местности. Во-первых, в прошлый раз лето было, а теперь вроде как осень: листья сохнут, желтеют, падают. А во-вторых, бардак, товарищ старший лейтенант! Трава не стрижена, листву сгребать никто и не думает, поляна уже не квадратная — расплылась, съела гравийные дорожки, зато в траве кругом тропки протоптаны. Раньше, значит, ходили как положено, а теперь ходят как удобно. А автомат кто-то подобрал, не иначе. И хорошо, если так. А то ведь поди пойми, сколько тут в овраге времени прошло, пока Пиньков старшине о своих приключениях докладывал! Может, месяц, может, год, а ну как все пять лет? Проржавел бы в гречневую кашу — под открытым-то небом!

И направился рядовой Пиньков к ближайшему дереву. К тому самому.

Полпути еще не прошел, а сообразил, что никакая это не осень. Болеет дерево. Мало того, что листья желтеют и сохнут, банки тоже скукожились, помельче стали, искривленных полно, деформированных, кое-где уже бочок ржавчиной тронут...

Под деревом должен был пупырчатый стоять на задних лапах — пусто. Возле самых корней — норы какие-то, земля кучками.

— Эй! Есть тут кто-нибудь? — говорит Пиньков.

В одной из нор что-то заворочалось, и вылезает пупырчатый. Но какой! Уж на что Пиньков не робкого десятка — и то

попятился. Бегемот, честное слово! Лоб — низкий, глазенки — злобные, загривок прямо от ушей растет. Уставился на Пинькова, с четверенек, правда, не встает, но видно, что колеблется: не встать ли на всякий случай?

— Слышь, браток, — дружески обращается к нему Пиньков. — Ты тут на полянке автомата моего случаем не видел?

Ошибка это была, товарищ старший лейтенант. Явный тактический просчет. Как услышал пупырчатый, что добром его о чем-то просят, засопел, скосомордился... Зарычал в том смысле, что гуляй, мол, свободен, и снова в нору полез. Кормой вперед.

«Что это они так разболтались? — озадаченно думает Пиньков. — Может, колдун помер?»

Постоял он, постоял перед норой и решил не связываться — ну его, уж больно здоровый... Повернулся и пошел в сторону центрального оврага — тем путем, что в прошлый раз шли. Доберусь, думает, до речки, а там уж выпрошу, где этого колдуна искать.

Идет и головой качает. Во что овраг превратили — больно смотреть! Там банка пустая лежит ржавеет, там деревце в неположенном месте проклюнулось. А сорняки по обе стороны все выше и выше. Вот уже в человеческий рост пошли...

И тут из-за поворота тропинки выкатывается ему навстречу гномик. Счастливый, сияет, а в руках — помятая банка сгущенки с пятнышком ржавчины.

То есть не сгущенки, какой сгущенки?.. Тушенки, конечно! Хотя... Ну точно, товарищ старший лейтенант! Там и сгущеночные деревья тоже были, только у них плоды белые и помельче — граммов на триста...

Так вот, увидел гномик Пинькова — перепугался. Стал быстренько на четвереньки, сделал одно плечико выше другого и робко, неуверенно так зарычал. Пупырчатым, что ли, прикинуться хотел? Неясно...

— Ты больной или голодный? — прямо спрашивает его Пиньков.

Гномик ужасно смутился, встал с четверенек и, чуть не плача, протягивает банку Пинькову.

Не понял его Пиньков.

— Чей паяк?

— Мой.

— А чего ж ты мне его суешь?

— Все равно ведь отнимешь! — рыдающе говорит гномик.

«Порядочки!» — думает Пиньков.

— А где живешь?

— В яме.

— Да вижу, что в яме... Далеко это?

— А вон, за бурьяном...

— Тогда пошли, — говорит Пиньков. — Ну чего уставился? Провожу тебя до твоей ямы, чтобы банку никто не отобрал. А ты мне по дороге расскажешь, что у вас тут в овраге делается.

— А ты кто? — пораженно спрашивает гномик.

Поглядел на него Пиньков: вроде малый неплохой, забитый вот только, запуганный...

— Зови Лешей...

И пока до ямы шли, товарищ старший лейтенант, гномик ему такого понарасказывал!.. Короче, эти две расы (в смысле — гномики и пупырчатые) живут в овраге издавна. И каждая имеет свои национальные традиции... Так вот, пупырчатые в последнее время обнаглели вконец! Нарыли, понимаете, нор под деревьями, живут в них целыми сворами, а деревья от этого сохнут, пропадают. А крайними опять выходят гномики: дескать, не поливали. А попробуй полей: не дай бог, нору залешь кому-нибудь — пополам ведь перекусит!..

Гномикам, товарищ старший лейтенант, вообще житья не стало. Придешь за банкой, за своей, за положенной. — так он еще и не дает, куражится — скучно ему!.. Обойди, рычит, вокруг дерева на руках — тогда посмотрим. Обойдешь, а он все равно не дает, придирается: не с той, мол, руки пошел...

Никак нет, товарищ старший лейтенант, человеческой речью пупырчатые не владеют. Рычат, рвякают по-всякому... Как их гномики понимают? А куда денешься, товарищ старший лейтенант! Приходится...

Вот и Пиньков тоже возмутился, не выдержал:

— А куда ж колдун смотрит?

И тут выясняется интереснейшая деталь: оказывается, колдун уже года три, как в овраге не показывался. Раньше-то при нем пупырчатые какие были? Ребра одни с позвоночником!.. Нет, воровать они, конечно, и тогда воровали, но хотя бы жрать боялись наворованное! Чуть поправишься — улика налицо...

— Что же все-таки с колдуном-то, а? — размышляет вслух рядовой Пиньков.

— Я так думаю,— говорит гномик, и в глазах у него начинает светиться огромное уважение,— что у колдуна сейчас какие-то серьезные дела. Такие серьезные, что нам и не снилось. А вот закончит он их, поглядит, что в овраге делается, и строго пупырчатых накажет.

«Хорошо, если так,— думает Пиньков.— Хуже, если помер».

Добрались до ямы. Яма как яма, на четверых гномиков рассчитанная, живут шестеро. Остальные пятеро, правда, временно отсутствуют — на работах где-то, а у этого, что с Пиньковым (его, кстати, Голиафом зовут), у него вроде как отгул.

Да нет, товарищ старший лейтенант, нормальный гномик — ростом чуть выше автомата. А Голиафом его зовут не потому, что здоровый, а потому, что в лоб то и дело получает...

Спустились они в яму, банку в уголке прикопали, сидят, беседуют.

— Так, значит, говоришь, года три уже? — хмурится Пиньков.

— Или четыре,— неуверенно отвечает гномик.— Да вот сразу после проверки...

— А! — говорит Пиньков, оживившись.— Так, значит, была все-таки проверка?

— Была,— подтверждает гномик.— Сам-то я, правда, не видел, но говорят, была.

Любопытство разобрало Пинькова.

— Слушай, а как проверяющий выглядел?

— Проверяющий?.. — с тихой улыбкой восторга говорит гномик.— Высокий, выше колдуна... В одеждах защитного

цвета... Пуговицы — сияют, бляха — солнышком. А уж сапоги у него!..

Тут смотрит гномик на Пинькова, умолкает и, затрепетав, начинает подниматься в стойку «смирно».

— Да сиди ты! — с досадой говорит Пиньков. — Тоже мне проверка! Никакая это была не проверка. Я это был...

Сел гномик, дыхнуть не смеет и держит равнение на Пинькова.

— Сказано тебе: вольно... — сердито говорит Пиньков. — А про автомат про мой ты нигде ничего не слышал?

Не знает гномик, что такое автомат. Пришлось объяснить.

— Нет, — отвечает, подумав. — Про реликвию слышал, а вот про автомат — ни разу...

Насторожился Пиньков.

— А что за реликвия?

А реликвия, товарищ старший лейтенант, следующая. Во-первых, черт его знает, что это такое. Во-вторых, слышно о ней стало года три-четыре назад, то есть по времени вполне совпадает. В-третьих, известно, что стоит она в некой пещере, а пещера эта находится аж в низовом овражье за ободранной пустошью. И многие в эту реликвию верят.

— А как она хоть выглядит? — допытывается Пиньков. — Ствол есть? Затвор есть?

— Может, и есть, — вздыхает гномик. — Одним бы глазком на нее взглянуть...

Задумался Пиньков.

— А как считаешь, — спрашивает, — знает колдун, где сейчас мой автомат?

Гномик даже встал от почтительности.

— Колдун знает все, — объявляет торжественно.

— Знает он там с редькой десять! — недовольно говорит Пиньков. — Что ж ты думаешь, я с ним не беседовал?

Гномик брык — и в обморок. Не привык он такие вещи про колдуна слышать. Минут восемь его Пиньков в сознание приводил. Хлипкий народец, товарищ старший лейтенант, нестроевой...

Оживил его Пиньков, поднял, к стеночке прислонил.

— А далеко отсюда этот ваш колдун живет? — спрашивает.

— День пути, — слабым голосом отвечает гномик. — Только там не пройдешь — пупырчатых много...

Сомнительно? Виноват, товарищ старший лейтенант, что именно сомнительно? Ах, в смысле: почему колдун в прошлый раз так быстро явился к Пинькову, если день пути?.. Трудно сказать, товарищ старший лейтенант. Видимо, по каким-то своим каналам. А может, просто рядом околачивался...

— В общем, так, Голька, — говорит Пиньков (Голька — это уменьшительно-ласкательное от Голиафа). — Пойдем-ка мы к колдуну вместе. Я его про автомат спрошу, а ты все, что мне рассказывал, ему расскажешь. Надо с этим бардаком кончать.

А сам уже изготовился гномика подхватить, когда тот в обморок падать начнет. И верно — зашатался гномик, но потом вдруг выправился, глаза вспыхнули.

— Да! — говорит. — Пойду! Должен же кто-то ему сказать всю правду о пупырчатых!

И — брык в обморок. А Пиньков уже руки успел убрать.

Оживил его по новой — и двинулись. А чего тянуть? Глазомер, быстрота и натиск! Поначалу гномик этот, Голиаф, дорогу показывал, а как тропки знакомые кончились — шаг, конечно, пришлось убавить, а бдительность удвоить.

Вышли в центральный овраг. Та же картина, товарищ старший лейтенант. Речка по камушкам банки ржавые перекачивает, о террасах-ступеньках одна только легкая волнистость склонов напоминает.

— Ну и куда теперь? — спрашивает Пиньков.

Оказалось — вверх по течению. Колдун, по слухам, живет в самом начале центрального оврага — бункер там у него, что ли...

И тут, товарищ старший лейтенант, вспомнил Голиаф, что банку-то они как в уголке тогда прикопали, так и оставили. Но не возвращаться же! Зашли-то далеко...

«Плохо дело, — думает Пиньков. — Дневной переход на голодный желудок — это уже не служба, а так, несерьезность одна...»

— Слышь, Голька,— обращается он к гномику,— а банку эту тебе на сегодня выдали?

— Что ты! Что ты! — Голька на него даже ручонками замал.— Банка — это не на день. Это на неделю.

— Н-ни черта себе! — говорит Пиньков.— Выходит, за эту неделю ты уже все получил?

— Ну да — за эту...— слабенько усмехается Голиаф.— Это за позапрошлую, и то еле выпросил...

— Ага...— говорит Пиньков и начинает соображать. Сообразил и говорит: — Слышь, Голька, а как пупырчатые определяют, кому положена банка, а кому нет?

— А по ребрам...— со вздохом отвечает Голиаф.

Тут такая тонкость, товарищ старший лейтенант: если гномик возьмет вдруг и помрет с голоду, то у пупырчатых из-за него могут быть крупные неприятности. Но, конечно, могут и не быть.

Продолжают, короче, движение. От деревьев на всякий случай держатся подальше, а если услышат, что кто-то по тропинке навстречу ломится, то прячутся в бурьян. Причем прятаться все труднее, сорняки заметно ниже стали. И поляны тоже мало-помалу некую слабую квадратность обретать начинают. Оно и понятно: к начальству ближе — порядка больше.

Ну и наконец все. Пришли. В смысле — трава дальше стриженная и не демаскироваться просто невозможно. Присели в бурьяне, наблюдают за ближайшим деревом.

— Нет! — говорит минут через пять Пиньков.— Не могу я этот бардак видеть!

Достал из-за голенища бархотку и придал сапогам надлежащую черноту с млечным мерцанием.

— Значит, так, Голька,— инструктирует.— Посиди здесь немного, а потом иди и проси банку. Она тебе положена.

Поднимается в рост и твердым начальственным шагом направляется к дереву. Пупырчатые из нор вылезли, пасти поотворяли, смотрят.

— Встать! — рывкает рядовой Пиньков.— Смир-рна!

Опешили пупырчатые, переглянулись. Ну и, как всегда, товарищ старший лейтенант, нашелся один слабонерв-

ный — встал. А за ним уже и остальные. Трудно им с непривычки на задних лапах, но ничего — стоят, терпят.

— Кто дневальный? — гремит рядовой Пиньков. — Какую команду положено подавать, когда подходит старший по званию?

...Как может быть рядовой старшим по званию? Ну это с какой стороны взглянуть, товарищ старший лейтенант! Взять, к примеру, наш деревянный — уж, казалось бы, мельче денег не бывает... А если перевести на карбованцы? Вот то-то и оно... Так неужели же один наш рядовой не стоит десятка ихних пупырчатых?!

Проходит Пиньков вдоль строя, и никакая мелочь от его глаза укрыться не может.

— Как стоишь?! Носки развернуть по линии фронта на ширину ступни! Ноги в коленях выпрямить! Живот подогнуть! Подогнуть, я сказал, живот!..

И тычет пупырчатого кулаком в бронированное брюхо. Тот бы и рад его втянуть, да куда его такое втянешь! А у главаря их, у правофлангового, еще и клок волос торчит на загривке.

Вознегодовал Пиньков.

— Эт-то еще что за плацдарм для насекомых? Сбрить!

— Есть! — с перепугу рывкает пупырчатый.

Вот что значит дисциплина, товарищ старший лейтенант! Животное ведь, носорог носорогом — и то человеческий голос прорезался!..

А тут и Голиаф подходит — робко, бочком. Пиньков и на него сгоряча пса спустил — вернул к бурьяну, потребовал подойти и попросить банку как положено.

Ох, как не хотелось пупырчатому банку-то отдавать! Взят было за искривленную, с ржавым бочком, но покосился на Пинькова и передумал — полновесную сорвал, чистенькую.

Выждал Пиньков, пока Голька с банкой отойдет подальше, и скомандовал:

— Вольно! Продолжайте по распорядку.

Волосатый пупырчатый с облегчением опустил на четвереньки, перевел дух и так рыкнул на прочих, что разлетелись все вмиг по норам.

Догнал Пиньков Голиафа.

— Ты — колдун, — с трепетом говорит ему гномик.

— Какой там колдун! — хмурясь, отвечает Пиньков. — Жить надо по Уставу — вот тебе и все колдовство.

Между прочим, глубокая мысль, товарищ старший лейтенант.

Глава третья

О воин, службою живущий!
Читай Устав на сон грядущий,
И утром, ото сна восстав,
Читай усиленно Устав.

Но в световой день они, конечно, не уложились. А ночной марш в условиях оврага — это, разрешите доложить, дело гиблое. Пупырчатые, товарищ старший лейтенант, в темноте видят, как кошки, а вот у гномиков наоборот: чуть сумерки — и сразу куриная слепота.

Стали думать, где ночевать. Пиньков предложил было нагнать с проверкой в какую-нибудь нору, нагнать на пупырчатых страху и остаться там на ночь. Но, во-первых, чем страх нагонять-то? Время позднее, пуговицы с бляхой отсыяли и не впечатляют в сумерках. А во-вторых, Голиаф, пока ему Пиньков эту свою мысль излагал, три раза в обморок падал...

Хочешь не хочешь, а приходится продолжать движение. Чернота кругом, ногу ставишь — и не видишь куда. Ну и поставили в конце концов. Хорошо хоть высота была небольшая — без травм обошлось.

Вроде бы яма. Довольно просторная и, похоже, пустая. Фанеркой почему-то перегороджена. А пощупали в углу — гномик. Скорчился, трясется... Почувствовал, что щупают, и — в крик:

— Я селекционер! Я селекционер!..

— Обязательно вопить надо, раз селекционер? — сердито спрашивает Пиньков.

Удивился гномик, замолчал, но дрожать все еще дрожит.

— Ну и что ты тут, селекционер, селекционируешь?

Оказалось, деревья. Вот так, товарищ старший лейтенант! Оказывается, и тушеночные, и сгущеночные, и разные прочие — все это на поверку выращено гномиками. Народец-то, оказывается, талантливый, хоть и забитый. Угнетаемое национальное меньшинство. А может, и большинство — кто их там когда считал!.. И им же, главное, вредительство шьют: нарочно, дескать, такие деревья вывели, что стоит под ним нору вырыть, оно тут же сохнуть начинает.

Чистая дискриминация, товарищ старший лейтенант!

А этот, которого в углу нащупали, он, значит, как раз и занимается селекцией: ну там прививает одно к другому, опыляет по-всякому... За это ему банку в неделю выдают аккуратно, и яма у него попросторнее.

Ну, слово за слово, осмелел селекционер, разговорился, даже, кажется, расхаживать стал по яме — голос в темноте туда-сюда мотается. Пошупал в углу Пиньков — точно, нет гномика, одна только вмятина от него.

— Главная наша беда,— излагает из темноты селекционер,— что мало банок. Банок должно быть много. И тогда всем будет хорошо. Пупырчатые полюбят гномиков. Гномики полюбят пупырчатых...

— Это когда ж такое будет? — раздается тут развязный голос из-за фанерной перегородки.

— Скоро! Очень скоро! — запальчиво восклицает селекционер.— Вот только новое дерево выведу! Банок на нем будет видимо-невидимо!..

— Нор под ним будет видимо-невидимо,— еще развязнее отвечает голос из-за перегородки.

Очень странный голос, товарищ старший лейтенант. Гномики обычно разговаривают тихо, почти шепчут... А пупырчатые человеческой речью, как я уже докладывал, не владеют. Тот случай в строю — редчайшее исключение, чудо, можно сказать...

— Кто это у тебя там? — спрашивает Пиньков.

— Да помощник...— смущенно говорит селекционер.— Талантливый мальчуган, только испорченный сильно...

— Понятно,— говорит Пиньков.— Вы мне вот что, ребята, скажите: до колдуна далеко отсюда?

— А колдуну все до фени,— тут же встречается голос из-за перегородки.— Он проверяющему взятку сунул.

Рядом в темноте — бум! Глухо и мягко, словно тучок с метровой высоты упал. Голиаф, конечно.

— Молчи! — вне себя кричит селекционер.— Я тебя по доброте покрываю! Ты нарочно в прошлый раз сгущенку к тушенке привил!

«Ничего себе! — ошеломленно думает Пиньков.— Да что они, с ума тут посходили? Когда это он мне взятку давал?..»

— Ну и привил! — нахально отвечает испорченный мальчуган.— А что мне терять? Меня вон сожрать обещали! И сожрут...

— Ну, ребята...— покачав головой, говорит Пиньков.— Мое дело, конечно, сторона, но пора вам, по-моему, отделяться на фиг.

В темноте шорох — Голиаф очнулся и на ноги поднимается.

— Куда-куда отделяться? — робко переспрашивает хозяин ямы.

Объяснил Пиньков. И тут же — бум! бум! — селекционер с Голиафом.

— Что? Уже отделились? — спрашивает наглец из-за перегородки, хотя прекрасно ведь понимает, что произошло...

Да нет, какой сепаратизм, товарищ старший лейтенант? Ну сами подумайте: где Россия и где овраг!.. И потом Пиньков же сразу оговорился: мое, мол, дело — сторона... Просто дружеский совет, да и не совет даже, а так, сочувствие... Обидно же за гномиков-то!..

Короче, в яме и заночевали. Подъем сыграли чуть свет. Утро, товарищ старший лейтенант, прямо-таки лучезарное. Речка разлилась — аж до того берега! Дали кругом расстилаются... Так точно, в овраге... А почему нет, товарищ старший лейтенант? Впереди — да, согласен, впереди овраг смыкается, а если оглянуться, то там он, напротив, расходится, расходится... до бесконечности. Есть такое явление в природе: два луча,

например, из одной точки... Так что если в ту сторону, то растилающиеся дали там вполне могли быть... И даже были...

К полудню добрались до колдуна. Бункер не бункер, но что-то вроде. Одной гранатой развалить можно. В предбаннике пупырчатая сидит... Так точно, не пупырчатый, а пупырчатая... Виноват, товарищ старший лейтенант, иногда очень даже хорошенькие попадают. Пока, конечно, хайло не откроют.

Ну, Пиньков — парень бравый, видный, подмигнул, потрепал этак игриво по холке — та, дура, и растаяла.

Прошли в бункер. А там еще один пупырчатый, да такой, что и «смирно» ему не скажешь. А скажешь — все равно толку не будет, потому что потолок в бункере низковат.

— К колдуну с докладом,— говорит рядовой Пиньков.

А мордоворот этот его вроде и не слышит — смотрит с веселым удивлением на съездившегося Голиафа и как бы прикидывает: сразу его сглотнуть или погодить немного.

— Э! Э! — говорит Пиньков.— Ты на него так не смотри. Это со мной.

В желтеньких глазенках у пупырчатого — сожаление. Поглядел еще раз на Голиафа, вроде даже вздохнул и нехотя отвалил корму от стенки. А там — дверца. К колдуну, видать.

Хотели оба пройти — не тут-то было! Пинькова пупырчатый пропускает, а на гномика рычит: нет, и все. Что тут будешь делать!

— Ладно,— говорит Пиньков.— Придется тебе, Голька, в предбаннике подождать. Если кто обидит,— тут Пиньков поворачивается и пристально смотрит в глаза пупырчатому,— скажи мне — голову буду свертывать против резвы. Чтоб враз и навсегда.

Вошел. Лежит колдун живехонький на диванчике и, глядя в потолок, умиротворенно чему-то улыбается. Увидел Пинькова — обрадовался.

— А, служивый! Здорово, здорово...

— Здоровей видали,— холодно отвечает ему Пиньков.— Ты что ж делаешь, дед?

— А что такое?

— Да то самое! В овраге-то, а? Бардак!.. Пупырчатые, а? Кровь пьют шлангами! Хрящ за мясо не считают!..

— Быть того не может, — лукаво отвечает колдун. — Мне об этом никто не докладывал...

— Еще бы они тебе сами на себя стучали! — говорит Пиньков. — Ты на гномиков посмотри! Пропадают гномики-то! Ведь до чего дошло: селекционеры и те впроголодь живут!..

— Да-да, — прикинувшись озабоченным, говорит колдун. — Вот это действительно безобразие! Я и сам, знаешь, собирался селекционерам ставки поднять...

— Да разве в одних селекционерах дело? — перебивает его Пиньков. — Я вон гномика с собой привел, он тебе больше моего расскажет!

— Ни-ни-ни, — испуганно говорит колдун. — Ни в коем разе. Сам говоришь: порядок должен быть. А по порядку это не ко мне. Это к моему заместителю по гномиковым делам.

— Это какой же заместитель? — спрашивает, ужаснувшись, Пиньков. — Это тот, что ли, мордovorот за дверцей? Да он же гномиков живьем глотает — по нему видно!

— Строг, — бодро соглашается колдун. — Что строг, то строг. Пожаловаться не могу.

— Ну, дед! — говорит Пиньков. — Ну, дед! Завалил ты службу!

Сбросил колдун ноги на пол, сел, руки в бока упер.

— Ну и завалил! — признает с вызовом. — И что мне за это будет? Бога-то все равно нет!

Вот так, товарищ старший лейтенант! Верно поэт предупреждал: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...» Это нам с вами — что есть Бог, что нет его — Устав помним и службу знаем. А такие вот, как этот колдун... Он пока грозу чувствует — вроде бы ничего служит. Но как только понял, что начальства над ним нету — все! Рви провода, топчи фазу...

«Вот это удружил я гномикам!» — думает Пиньков.

— Ну ладно, — говорит он, вроде бы остывая. — Бог с ним, с Богом. Я ведь к тебе по другому делу-то. Вот когда я в прош-

лый раз здесь был, у меня такая штука, помнишь, за плечом висела. Автомат называется.

— Ну,— соображая, говорит колдун.

— Ну так вот оставил я его здесь. А вещь казенная, я за нее отвечаю. Ты думаешь, почему я вернулся-то?..

Обрадовался колдун.

— Ну вот,— говорит.— Сам на сознательность давишь, а сам казенные вещи бросаешь где попало.

— Не твоя печаль,— отвечает Пиньков.— Я бросил — я и отвечу. Ты мне лучше скажи: он не у тебя тут случаем?

— Кто?

— Автомат.

— А что, на месте нету?

— Да нету,— говорит Пиньков.— Смотрел.

— Ну, значит, подобрал кто-нибудь,— говорит колдун.

— А кто?

— А кто ближе — тот и подобрал.

«Ага,— размышляет Пиньков.— Значит, скорее всего, тот пупырчатый из-под ближнего дерева. Зря я тогда с ним до конца не разобрался...»

— Погоди-ка,— говорит.— А вот, болтают, еще реликвия какая-то где-то там у гномиков появилась. Может, автомат, как думаешь?

— А Бог ее знает,— беззаботно отвечает колдун, тонко давая понять, что помнит он, помнит про отсутствие Бога.

«А! — думает Пиньков.— Была не была! Попробуем взять на пушку».

— Слышь, дед,— говорит.— А ведь я в прошлый раз нарочно тебе соврал. Вижу: развел, понимаешь, показуху! Дай, думаю, совру, что Бога нет. Так что погорел ты, дед! Нет Бога кроме Бога, а я — проверяющий его.

Уставился колдун на Пинькова — и ну хохотать:

— Ой, не могу... — Одной рукой отмахивается, другой слезы утирает.— Ой, распотешил, служивый... Ой, уморил... Да ежели бы Бог был — он меня давно бы уже громом пришиб!.. Так что ступай, служивый, ступай... Ищи свое имущество, а то влетит...

— Ну ладно, дед! — в сердцах говорит Пиньков. — Ну ладно! Только имей, дед, в виду: отыщу автомат — тебя первого в расход выведу!

— И большой расход? — с хитрецей спрашивает колдун. (Темный, видать, неграмотный.)

— А вот найду — узнаешь! — отрезал рядовой Пиньков и вышел, хлопнув дверцей.

Глава четвертая

О воин, службою живущий!
Читай Устав на сон грядущий,
И утром, ото сна восстав,
Читай усиленно Устав.

Вышли из бункера.

— Ну что? — слабеньким голосом спрашивает Голиаф. — Накажет?

— Кто?

— Колдун.

— Кого?

— Пупырчатых.

Оглянулся Пиньков на бункер, насупился.

— Ага, — говорит. — Накажет. Со временем... Давай-ка, Голька, подтянись. Чтобы морда была бодрая — от колдуна идем...

Все по Уставу, товарищ старший лейтенант. Присутствие духа солдату терять не положено ни в каком случае. Пересекли стриженую зону с бодрыми мордами, ну а в бурьяне уже призадумались. Согласитесь, товарищ старший лейтенант, было над чем призадуматься.

И вдруг где-то совсем рядом — шум, гам, визг!..

— Ложись!

Залегли.

— Жди здесь, — тихо командует рядовой Пиньков и ползет на шум. Выглянул из-за куста, а там... Чистое побоище, товарищ старший лейтенант! Гномиков нет — одни пупырчатые.

Ну разборка разборкой. Шерсть летит, хвосты хрустят, ухо лежит выплюнутое...

Подвинулся Пиньков на такое дело и пополз обратно.

— Ничего себе! — говорит. — Выходит, они у вас и друг друга тоже?..

— Еще как! — вздрагивая, отвечает Голиаф. — Дня не проходит, чтобы не погрызлись...

— А им-то чего делить? — недоумевает Пиньков.

— Да деревья...

И выясняется еще одна тонкость: оказывается, пупырчатые гномиков даже и за врагов не считают. Да оно и понятно, товарищ старший лейтенант. Ну сами подумайте — какой из гномика враг, если он даже укусить никого как следует не может? Так что главный враг пупырчатых — сами пупырчатые. Отыелись, размножились, а деревьев-то не прибавляется! Вот и рвут друг друга почему зря... Ну а гномикам в такой ситуации главное — не подворачиваться. Подвернешься — перекусят...

«Ладно, — думает Пиньков. — Это мы учтем».

Дали здоровенный крюк и обошли драку стороной. Потом еще одну. Потом еще... Верите — четыре драки обходить пришлось. Видно, в прошлый раз, когда к колдуну направлялись, просто день тихий выдался...

Ну и подзадержались, конечно. К Голькиной яме вышли аж на следующее утро. И то ли выходной у них в овраге, то ли что, но только полна яма гномиков. Один столбиком, как суслик, сидит в уголке, и в глазах у него что-то такое теплится. Не то мечта, не то надежда. Двое других кусок фанерки не поделили: стоят нос к носу на четвереньках, одно плечико выше другого, и трусливо друг на друга рычат. Там рычание — смех один! Горлышки трепещут — лягушачья трель получается...

«И здесь бардак!» — с горечью думает Пиньков.

Спрыгнул он в яму, поставил драчунов по стойке «смирно» и назначил во внутренний наряд.

— Яму прибрать! — командует. — Чтобы все, как у кота, блестяло! За ведром, за шваброй — бегом марш!..

И поворачивается к тому, что столбиком сидит в уголке.

— А ты, сачок, чего размечтался? Встать!

— Нельзя ему... — умоляюще шепчет из-за плеча Голиаф.

Ну, гномик растерялся, встал. А под ним — можете себе представить? — яйцо. Большое такое, круглое. Гномики-то, товарищ старший лейтенант, оказывается, яйцекладущие! И пупырчатые, кстати, тоже...

— Виноват, — смущенно говорит Пиньков. — Вольно, браток, давай высиживай дальше...

Тут вернулись дневальные с ведром и со шваброй... Откуда там ведро и швабра? А как же без них, товарищ старший лейтенант?.. Вернулись, значит, дневальные. Они, кстати, братьями оказались. Одного Иоанн зовут, другого — Иаков. Приборочку провели, все блеснит, как у кота. Банку ту забытую в уголке откопали, Пиньков сам паек разделил на всех по-честному, гномики на него уже чуть ли не молятся... Никак нет, товарищ старший лейтенант, ни на что не намекаю. Вполне нормальные уставные отношения. А что зовут их так — да мало ли как кого зовут!.. Вон во второй роте ефрейтор Дракула — так что ж его теперь, осиновым колом, что ли?..

Словом, во второй половине дня вывел их Пиньков в разведку. В смысле — Голиафа вывел и двух братьев этих, а тот, что на яйце, тот, понятно, в яме остался.

Ну, залегли, наблюдают. До дерева — метров двадцать, все как на ладони. Три норы у самых корней. А на поверку — одна нора с тремя выходами. Вроде как на случай облавы...

А под деревом всю бартер идет. Разгул теневой экономики в чистом виде. Приходит, скажем, пупырчатый с десятью банками сгущенки... В чем несет? А в этом, как его... То есть отставить, они же сумчатые, товарищ старший лейтенант! Так точно, яйцекладущие, но сумчатые... Набьет, мародер, сумку банками и идет, брюхо по земле волочит. Ни вида, ни выправки... Тьфу!

Как торгуются? А как гномики в яме: станут нос к носу и давай рычать, визжать, зубами клцать... Ну, думаешь, сейчас друг другу в горло вцепятся! Нет, ничего... Иногда только, если чужак зарываться начнет, из норы еще двое пупырчатых вылезают и неодобрительно на него смотрят, хвостами подергивают... Ну, тот, ясно, сразу идет на уступки.

Цены? Да какие там цены, товарищ старший лейтенант! Что хотят, то творят! Одному мордовороту, например, за четыре сгущенки четыре тушенки отдали, чтоб не связываться. А пришел другой, похлипче, так они ему за пять сгущенок всего две тушенки со скрипом отчислили, да еще догнать хотели — обратно одну отобрать... Закон джунглей, товарищ старший лейтенант! Куда ж там гномикам соваться с пустыми руками!..

Пронаблюдали до сумерек и вернулись в яму, так ничего и не выяснив. Автомат (если его, конечно, пупырчатые подобрали) — он либо где-нибудь в норе припрятан как особо редкий предмет, либо они его уже на что-нибудь променяли. Будь это на стриженной территории, где порядка больше, можно было бы проверку учинить, а здесь, в глубинке, это, конечно, не пройдет...

Наутро опять залегли. Поначалу все было как вчера, а потом прибегает пупырчатый со свежеперебитым хвостом. «Наших бьют!» — визжит...

Так точно, не владеют. Так он же не по-человечески визжит, товарищ старший лейтенант, он по-своему. Просто по характеру визга понятно, что где-то их уже бьют.

Ну, пупырчатые тут же из нор повывлетали и рысью, как казачья сотня, туда, где бьют. А самого небоеспособного сторожить оставили.

«Ага», — думает Пиньков.

— Переползаем к дереву, — командует шепотом. — Яша, подползаешь справа, а ты, Ваня, слева. Боец Голиаф! Вы пока остаетесь на месте. а подам знак — подходи, как будто банку просить идешь. Ясна задача? На получетвереньках вперед!

Все-таки если с гномиками этими подзанияться, товарищ старший лейтенант (ну там уставами, строевой подготовкой), толк будет! Команду выполнили — любо-дорого посмотреть! Яша — справа, Ваня — слева, а Пиньков — с тыла. И все на получетвереньках.

Встал Пиньков за деревом, махнул рукой. Подходит Голька к норам и начинаст вежливо покашливать. Из норы — рычание, потом высовывается пупырчатый. В глазенках — радость:

а-а. дескать, вот кого я сейчас вокруг дерева на руках погоняю... И тут ему рядовой Пиньков сапогом в ухо ка-ак...

Грубейшее нарушение Устава? Ну, тут можно поспорить, товарищ старший лейтенант. С одной стороны, вроде бы да, грубейшее... А с другой, если посчитать овраг за глубокий тыл предполагаемого противника, то приходится признать, что рядовой Пиньков действовал в данном случае решительно и даже отважно.

Оглушил, короче. Ну, дальше, как водится, три метра капронового шнура, в пасть вместо кляпа подушку забили... Откуда подушка? Да оттуда же, откуда три метра капронового шнура, товарищ старший лейтенант! Связали, короче, все четыре лапы одним узлом и оттащили в кусты.

Ваню с Яшей оставили на... Да что вы, товарищ старший лейтенант, на каком на стреме! На подстраховке оставили...

Вот. Оставили, значит, их на подстраховке, а сами с Голькой — в нору. Ну, я вам доложу, нора! Кафель кругом, плитка чешская... Откуда взяли? Не могу знать, товарищ старший лейтенант, врать не хочу. Тоже, надо полагать, на банки выменяли.

А банок... Видимо-невидимо. Любых. И тушенка, и сгущенка, и кофе... Ну, а про гуашь и говорить не приходится... Так точно, гуашь. Зачем? Ну, интересное дело, товарищ старший лейтенант! А зачем нам литература? Зачем нам искусство вообще? Жизнь подкрасить... Так и у них.

С этими гуашными деревьями, разрешите доложить, интересная история. Раньше они среди пупырчатых не котировались, так что заведовали ими гномики. Ну а потом, когда у пупырчатых при попустительстве колдуна демографический взрыв произошел, тогда и гуашь в дело пошла. Гномиков из-под деревьев повышибли, ну и как результат — качество у гуаши, конечно, ухудшилось. Вскроешь банку, а там наполовину вода, наполовину ржавчина. Покрасишь, скажем, от тоски бурьян, а он еще хуже становится, чем раньше был...

Все есть, короче, одного только нет: автомата. Так точно, и под плиткой смотрели... Нету.

Ну, нет — значит, нет. Взяли по паре банок... Почему мародерство? Трофей! Взятый с боем трофей... А пупырчатого

так в кустах связанным и бросили. Свои вернутся — развяжут. А может, и так сожрут, не развязывая...

Вернулись к яме. А там гномики ликут.

— Вылупился! — кричат. — Вылупился!

Тот, что раньше на яйце сидел, сияет. Остальные — тоже, но уже с легким таким, знаете, оттенком зависти.

Любопытно стало Пинькову.

— А ну-ка, покажите, — говорит, — кто это такой там вылупился.

Расступились гномики. Смотрит Пиньков и глазам своим не верит. Представляете, сидит среди обломков скорлупы маленький пупырчатый. Ну да, пупырчатый, а никакой не гномик!

Вот тут-то и прозрел рядовой Пиньков. Он-то думал, что это две разные расы, а на проверку выходит — одна. И никто не знает толком, кто у кого вылупится. Может, и пупырчатый у гномика, а может, и гномик у пупырчатого. Всякое бывает, товарищ старший лейтенант.

А родитель — счастли-ивый... Ну, как же — жизнь-то у детеныша будет — во! — полной чашей, не то что у папани! А того не понимает, козел, что подрастет детеныш-то, и в первую очередь самого родителя и слопают!..

— Ну ладно, — говорит Пиньков. — Вы тут давайте празднуйте, а мне пора. Пойду эту вашу искать... реликвию. Если уж и это не автомат, то я тогда не знаю что... Голька, пойдешь?

Встребенул Голиаф, глаза радостные, даже лапки сложил молитвенно — до того ему хочется на реликвию поглядеть. И Ваня с Яшей — тоже.

— И мы, — просят. — И нас...

Нахмурился Пиньков. Толку от гномиков маловато, а вчетвером идти — и заметнее, и шуму больше... Но не бросать же их, верно? Да и в бою они себя показали, согласитесь, неплохо...

— А, ладно! — говорит Пиньков. — Вчетвером так вчетвером!

Попрошались и пошли. А этот, родитель который, так со своим пупырчком вылупившимся и остался. И что с ним потом стало — не могу знать, товарищ старший лейтенант...

Глава пятая

О воин, службою живущий!
Читай Устав на сон грядущий,
И утром, ото сна восстав,
Читай усиленно Устав.

Вышли снова к речке и двинулись по берегу в низовое овражье к ободранной пустоши. Присмирели гномики, притихли: бардак-то нарастает с каждым шагом... В общем-то, конечно, процесс естественный, товарищ старший лейтенант, но когда такими темпами, то жутковато... Бурьян вокруг — не продерешься, дички пошли целыми рощами. То ли не окультуренные еще, то ли уже выродившиеся. Плоды на них, правда, имеются, но, во-первых, толстокорые — полтора сантиметра железа, без взрывчатки не вскрыешь. А во-вторых, даже если вскрыешь, все равно тушенку эту есть невозможно — солидолом отдает.

Проломились кое-как через бурелом дикой гуаши, а там посреди полянки гномик на пеньке сидит и не убегает.

— Привет,— говорит,— проверяющий!

И голос знакомый — развязный, даже слегка нагловатый.

— Погоди-ка,— говорит Пиньков.— А это не ты тогда у селекционера за фанеркой сидел?

— Я,— говорит.

А зубы у самого длинные, как у зайца, верхняя губа короткая — все время скалится.

Понравился он Пинькову.

— Ну и как там твой селекционер поживает?

— А он уже не поживает,— цинично отвечает гномик.— Сожрали вчера.

— Как?!

— А так! Колдуну лимфа в голову ударила — приказал выдавать селекционерам по банке в день. Тут же и сожрали. Теперь там пупырчатый сидит... селекционирует.

«Эх...» — думает Пиньков.

— Ну а ты? — спрашивает.

— А что я? — отвечает гномик.— Я как услышал, что банку в день будут выдавать, сразу же и сбежал. Что я, глупенький, что ли? Ясно же, чем дело пахнет!

— Да уж...— соглашается со вздохом Пиньков.— Ну а зовут тебя как?

Фомой, говорит. Он, кстати, из всех пиньковских гномиков самым толковым оказался. Только вот с дисциплиной у него неважно. Ну, да это дело наживное, товарищ старший лейтенант: не можешь — научим, не хочешь — заставим.

Идут дальше. Трофейная тушенка кончилась, жрать нечего. А места кругом дикие: пупырчатые — как бронетранспортеры. Те, что помоложе, даже о колдуне ни разу не слышали, а уж о каком-то там проверяющем — тем более... Такая вот обстановка.

Боем? Да что вы, товарищ старший лейтенант! С пятью салагами, да без оружия, да против такой банды?.. Как хотите, а со стороны Пинькова это был бы чистейший воды авантюризм...

Но чем-то же кормить рядовой состав надо! «Ладно,— думает Пиньков.— Попробуем бить врага на его территории и его же оружием».

Присмотрел тушеночное дерево, стал наблюдать. Разошлись пупырчатые на утреннее мародерство, а одного, как всегда, оставили сторожить. Начистил Пиньков сапоги, надраил бляху, подворотничок свежий подшил, а дальше на глазах у изумленных гномиков делает следующее: расстегивает крючок с верхней пуговицей, сдвигает голенища в гармонику, распускает ремень, пилотку — на левую бровь и направляется вразвалочку к дереву. Глаза — надменные, скучающие.

Пупырчатый смотрит.

— Чего уставился, шнурок? — лениво и нахально осведомляется рядовой Пиньков.— Дембеля ни разу не видал?

Растерялся пупырчатый, глазенки забегали. А рядовой Пиньков тем временем все так же лениво протягивает руку и берется за банку. Только было пупырчатый зарычать собрался...

— А? — резко поворачиваясь к нему, спрашивает Пиньков.— Голосок появился? Зубки, блин, на фиг прорезались? Я те щас в зубах проборчик сделаю! С-салабон!..

Пупырчатый от ужаса на спину перевернулся, хвост поджал и только лапами слегка подрыгивает. А брюхо такое розовое, нежное...

Сорвал Пиньков одну банку, вторую, третью. Тянется за четвертой. Пупырчатый только поскуливает — рычать не смеет. Делает Пиньков паузу и смотрит ему в глаза.

— Положено дедушке, — негромко, но со всей твердостью старослужащего говорит он.

Срывает четвертую банку и некоторое время поигрывает ею над зажмурившимся пупырчатым.

— Сынок, — цедит, — службы не знаешь. Ты давай ее узнавай. Тебе еще — как медному котелку...

И с четырьмя банками неспешно, вразвалочку удаляется в неизвестном направлении...

...А по-моему, яркий пример солдатской смекалки. И потом, товарищ старший лейтенант, сами подумайте: ну какой из Пинькова дембель? Пиньков по общепринятой терминологии «черпак». То есть до дембеля ему еще служить и служить! А этих четырех банок им, между прочим, на два дня хватило...

Ночевали, конечно, где придется. На лужайке, к примеру, под скалой. Выставляли караул в количестве одного гномика, смену производили, все как положено. Утром гномик командует:

— Подразделение... подъем!

Открывает Пиньков глаза и видит на скале следующую надпись: «Нет Бога, кроме Бога, а рядовой Пиньков — Проверяющий Его».

«Этого еще не хватало!» — думает.

— Смыть, — командует, — в шесть секунд исламскую пропаганду!

Смыли.

— В следующий раз, — предупреждает, — замечу, кто этим занимается...

Сзади — шорох. Обернулся — а там два гномика стоят, потупившись. Гномики незнакомые.

— Мы, — говорят, — занимаемся...

— Два наряда вне очереди! — сгоряча объявляет Пиньков.

— Есть два наряда вне очереди! — просияв, кричат гномики.

Короче, пока дошли до ободранной пустоши, у Пинькова под началом было уже двенадцать гномиков.

Да нет же, товарищ старший лейтенант! Какие намеки? Просто число двенадцать — очень удобное число в смысле походного строя. Ведь двенадцать гномиков, согласитесь, это уже толпа, и не заметить ее просто невозможно. Так пусть хотя бы строем идут! Можно в колонну по двое построить, в колонну по трое, а если ширина дороги позволяет, то и по четверо.

Ну, рядовой Пиньков — вы ж его знаете! — строевик, все уставы — на зубок. Чуть утро — он им сначала теорию, потом — тренаж.

— Повторяю еще раз! Нogu ставить твердо на всю ступню. Руками производить движения около тела. Пальцы рук полусогнуты... Рук, я сказал!..

До того дошло, что при встрече одиночные пупырчатые дорогу им уступать начали. Видимо, принимали строй за единое живое существо. Собственно, так оно и есть, товарищ старший лейтенант...

Опять же самоподготовкой занялись. Как вечером личное время — собираются гномики вокруг костерка, и Голька, который все за Пиньковым записывал, начинает читать:

— «Ибо сказал Проверяющий: даже если идешь один — все равно иди в ногу...»

Услышал это Пиньков, поморщился. Во-первых, никогда он так не говорил, во-вторых, в Уставе об этом немного по-другому сказано... А потом подумал и решил: пусть их. В целом-то мысль правильная...

А, собственно, почему нет, товарищ старший лейтенант? Должен же человек во что-нибудь верить! Пусть не в Бога, но хотя бы в строевую подготовку...

Ну вот...

Добрались они, значит, до ободранной пустоши. Жуткое место, товарищ старший лейтенант. Голый камень кругом, как после ядерного удара. Дерн-то весь ободрали, когда колдун

еще проверки боялся... Так точно, за пять лет должно было снова зарости. Но вот не растет почему-то...

Но пейзаж, конечно, угрюмый. Справа — скала, слева — скала, терновник и груды песка... Стихи? Какие стихи? Виноват, говоришь старший лейтенант, кто ж в стихах докладывает? Это вам показалось...

И только это подошли они к скалам, за которыми даже и ободранная пустошь кончается, слышит Пиньков: что-то неладное у них в тылу делается...

— Стой! — командует.

Вслушались. А над зарослями низового овражья, товарищ старший лейтенант, тихий такой вой стоит. Тихий — потому что далекий. Но можно себе представить, что там, вверх по течению, творится... Возьмите нашу полковую сирену и помножьте на число пупырчатых!

И что уж совсем неприятно: вой помаленьку приближается, становится все громче и громче...

— Ну,— говорит рядовой Пиньков,— такого я здесь еще не слышал...

— Я слышал...— дрожа, отвечает один из гномиков.— Только давно очень — когда еще вылупился...

— А что ж это такое? — недоумевает Пиньков.

И оказывается, что страшная штука, товарищ старший лейтенант. Раз в несколько лет пупырчатые как бы сходят с ума и, вместо того чтобы грызться, как положено, друг с другом, набрасываются всем миром на гномиков. И скорее всего — с ведома того же колдуна... Так точно, на этот раз намек, товарищ старший лейтенант. Да хоть бы и на нас! Ну и на них тоже... «Охота за ведьмами» — слышали? Ну вот...

— Бегом... марш! — командует Пиньков и бежит к скалам.

— Товарищ проверяющий! — визжит сзади Голиаф.— Нельзя туда!

Притормозил Пиньков — и вовремя. Скалы вдруг шевельнулись да как сдвинутся с грохотом! В Древней Греции, говорят, было подобное явление...

«Надо будет Гольке благодарность объявить перед строем...» — машинально думает Пиньков и отступает на шаг. Ска-

лы, видя такое дело, задрожали-задрожали да и разъехались по местам.

А вой сзади все ближе, громче...

Делает рядовой Пиньков шаг вперед, и скалы тут же — бабах! — перед самым его носом. Да как! Гранит брызжет, товарищ старший лейтенант...

— А обойти их нельзя? — спрашивает Пиньков.

— Это надо возвращаться... — нервно отвечает Фома.

«Попали...» — думает Пиньков.

И в страшную эту минуту перед внутренним взором его возникает вдруг первый пункт первой главы дисциплинарного устава: «Воинская дисциплина есть строгое и точное соблюдение всеми военнослужащими порядка и правил...»

Отбегает Пиньков подальше и командует:

— Отделение — ко мне! В две шеренги — становись! На-ле-во! Строевым шагом — марш!

И ведет гномиков прямо в проход между скалами.

— Резче шаг! Не чую запаха паленой резины! Ы-раз! Ы-раз! Ы-раз! Д(ы)ва! Т(ы)ри! «Не плачь, девчонка» — запе... вай!

И грянули гномики «Не плачь, девчонка».

...И вы не поверите, товарищ старший лейтенант, пока проходили — скалы стояли как вкопанные! Но, правда, и шли тогда гномики! Ах, как шли!.. Чувствовали, видать: чуть с ноги собьешься — расплющит за милую душу!..

Да в общем-то все естественно, товарищ старший лейтенант. Самые замедленные процессы — какие? Геологические. Всякие там изменения в земной коре, скажем... Ну вот! В овраге давно бардак, а скалы все еще живут по Уставу.

В общем, прошли.

— Бегом... марш!

Побежали. А сзади уже — рев, давка. Явно настигают пупырчатые. И вдруг — грохот! Скалы сдвинулись! Визг — до небес! Мимо пупырчатый, вереша, как ошпаренный пролетел. Вместо хвоста — веревочка, как у крысы: в скалах защемило, стало быть...

Вот и я говорю, товарищ старший лейтенант: забвение Устава до добра не доводит...

А наши — бегут. Пещера вдали маячит. Весь вопрос: кто первый успеет. Пупырчатые-то в обход рванули, вокруг скал. Вот уже выворачивают из-за бурелома: глаза — угольками, пасти — как у экскаваторов... Так бы и полоснул по ним длинной очередью — было б только из чего полоснуть!.. Почему отставить? Лучше короткими?.. Да хоть бы и короткими, товарищ старший лейтенант, — все равно ведь не из чего!..

Все же опередили их наши. Пропустил Пиньков всех гномиков в пещеру, хотел было сам за ними нырнуть, а тут первый пупырчатый подлетает. А Пиньков его саперной лопаткой по морде — хрясь!.. Где взял? А в этой... в норе, когда автомат искали! Там, товарищ старший лейтенант, если пошарить, еще и не такое найдется...

И потом — разве пупырчатого саперной лопаткой уделаешь? Лезвие только покорежил — пропеллером пошло...

Залетает, короче, и смотрит: длинная такая извилистая пещера. На стенах — надписи политического характера. Ну там типа: «Колдуну все до фени» или «Проверяющий вернется...».

А у входа пупырчатые беснуются. Пролезть не могут — узко, а раскопать тоже не получается — камень.

— Другого выхода нет? — спрашивает Пиньков гномиков.

— Нет, — говорят.

«Так, — думает Пиньков, — тогда вся надежда на автомат...»

— Ну и где она тут, эта ваша реликвия?

Разбежались гномики по пещере — ищут.

— Здесь! — радостно кричит Голька. — Здесь!

Пиньков — туда. Поворачивает за угол, а там — тупичок. Свечи теплятся... Кто зажег? Да Голька, наверное, и зажег — кому ж еще, товарищ старший лейтенант! Шустрый...

А в самом тупичке, в нише, стоит деревянное изображение гномика в натуральную величину. Вот тебе и вся реликвия...

У Пинькова аж руки опустились.

«Эх...» — думает.

Мысль, конечно, неуставная, но и ситуация, согласитесь, безвыходная. Смотрит Пиньков на статую и понимает, что изображает она не совсем гномика. Сапоги, френч, пилотка,

ремень с бляхой... Так точно, товарищ старший лейтенант, это они рядового Пинькова из дерева выточили.

Ну уж этого он никак не мог перенести — взорвался.

— Раздолбай! — кричит. — Только и можете, что хреновины всякие вырезать! Прокую от вас...

Хватает он статую и со всего маху — об пол! Гномики ахнули, в стенки вжались от ужаса... Реликвия — в щепки! И вдруг что-то металлическое о камень — бряк!

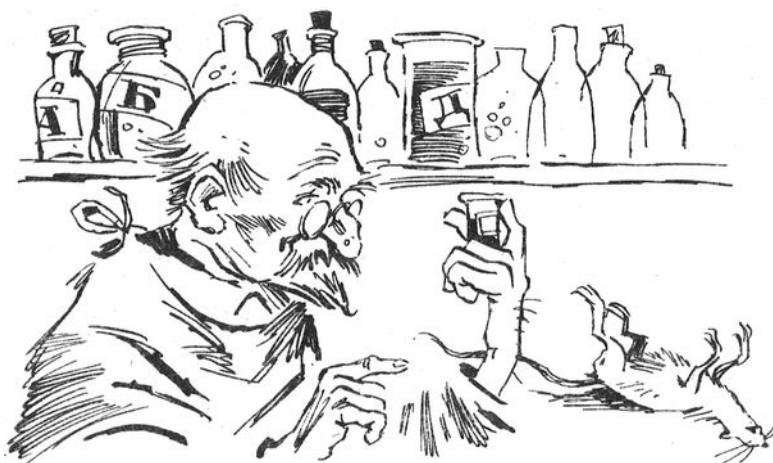
Ну, тишина, конечно, полнейшая. Слышно только, как пупырчатые у входа воют и землю скребут.

Нагнулся Пиньков, поднял то, что из статуи выпало, и говорит:

— Эх вы, шнурки!.. Ни черта-то вы, шнурки, не знаете, как положено с реликвиями обращаться...

И звучно передернув затвор, рядовой Пиньков твердым шагом направился к выходу из пещеры.

Вот и вся история, товарищ старший лейтенант... Разрешите доложить, в овраге теперь — полный порядок. Пупырчатые — и те строем ходят, а уж про гномиков и говорить не приходится. Такая пошла в овраге замечательная жизнь, товарищ старший лейтенант, что никто без приказа и дыхнуть не смеет... Кто командует? Да колдун же и командует — кому ж еще? Не глупенький ведь — в шесть секунд все понял: нет Бога, кроме Бога, а рядовой Пиньков — Проверяющий Его... Так что докладывать командиру части об этих ста двадцати автоматных патронах, по-моему, не стоит... Так я ж к тому и веду, товарищ старший лейтенант: списать их — и все дела! Тем более что потрачены они на восстановление социальной справедливости...

ЛЕКАРСТВО ОТ ВСЕГО

В последние годы Лев Христофорович Минц, профессор, проживающий в городе Великий Гусляр, сделал несколько бытовых открытий из породы тех, что публикуются в журналах для сельских жителей под рубрикой «Сделай сам». Лишь с той разницей, что в журналах помещают плоды деятельности практичного, но банального ума, тогда как ум профессора отличается гениальностью и непрактичностью. Стремление ходить лишь нехожеными тропами не раз приводило гения на край пропасти.

В отличие от иных изобретений и открытий Минца, ниже следующие не нашли житейского применения, может быть, к счастью для всех нас. Но в истории Великого Гусляра они остались как яркие страницы.

Идеальная крыса

Дело в том, что многие свои гениальные шаги Лев Христофорович совершает во сне, когда ничто не мешает его утомленному дневными делами мозгу творить в свое удовольствие.

Примерно между тремя и четырьмя ночи 18 октября прошлого года Лев Христофорович сделал одно великое изобретение.

Суть его состояла в следующем: он нашел способ изготовить средство, которое излечивает человека от всех болезней. Да, да, вот такой пустячок! Но смеяться может лишь тот, кто не знаком с другими изобретениями профессора и не знает, что профессор давно уже как без пяти минут лауреат Нобелевской премии.

В половине четвертого мозг Льва Христофоровича поставил точку. Теперь осталось лишь запустить средство в серию.

И тогда прозвучал Голос:

— Остановись, профессор!

— Вы кто такой? — спросил Минц.

— Я — сама Судьба. Я Голос Вечности и в то же время я — твой внутренний голос.

— Почему я должен остановиться?

Профессор оглянулся. Он отлично понимал, что спит, но тем не менее вокруг наблюдался незнакомый пейзаж, а освещение было неярким, без источника. Тело профессора не отбрасывало тени, хотя он находился в стоячем положении. Было прохладно, но не дуло.

— Ты намерен завтра утром поделиться со своими друзьями средством от всех болезней? — спросил Голос.

— Да, я собирался так поступить.

— Знаешь ли ты, что обрекаешь этим друзей на смерть?

— Еще чего не хватало! Я же первым отведаю это средство!

— Тогда первым погибнешь ты, а уж потом твои друзья, которым ты успеешь разлить по восемь капель.

— Но в чем дело? Я все просчитал, мое средство безошибочно излечивает от всех недугов.

— В этом его главное ужасное свойство! — сообщил Голос и растворился в бледном тумане.

Минц не стал просыпаться сразу, а поспал еще до семи часов, потом поднялся, попил кофе и надолго задумался. Как он ни крутил, получалось, что он прав, а Голос не прав.

И все же профессор не стал рисковать. Он достал из угла клетку с белой подопытной крысой, о существовании которой его внутренний голос, оказывается, знал, и влил ей три капли средства от всех болезней.

Когда утром по просьбе Минца к нему пришли его друзья Удалов и Грубин, Минц сидел за столом, а у его ног на полу лежал лист белой бумаги. На листе покоиласьдохлая крыса.

Удивленным друзьям Минц предложил кофе, а когда они отказались, поведал о своем приключении.

— Как видите,— сказал он, завершив рассказ о Голосе,— я проверил его предупреждение. Крыса умерла.

— Сразу? — спросил Саша Грубин.

— Нет,— ответил Минц.— Сначала крыса совершила несколько бодрых и веселых прыжков, побегала по кругу, попросила у меня пищи, но не приняла ее, а глубоко вздохнула и померла.

— Так что же случилось? — спросил Корнелий Удалов.

— Я усиленно думал и догадался,— ответил Минц.— Ведь раз это был внутренний голос, значит, внутри меня эта догадка уже существовала. Но мне было жаль отказываться от великого изобретения — каждому хочется примерить тогу Спасителя Человечества...

— Короче! — взмолился Грубин.— Я на автобус опаздываю.

— Крыса подохла потому, что нормальное состояние любого человека, включая крыс — ненормальное, болезненное! Не может живой организм существовать без аномалии. Ты влюбился — у тебя началась лихорадка, ты скучаешь — тобой овладевает меланхолия или понос, ты испугался — у тебя страдает мочевой пузырь. Любое действие организма — ненормальность. Потому что для него ненормальны желания, страсти, потери, достижения! Значит, как только я даю вам средство от всего, ваш организм лишается всего ненормального. А сам процесс жизни — это хождение по проволоке, и

организму не остается ничего, как умереть от общего счастья и совершенства.

Тут все увидели, что крыса пошевелила головой, повела усами и медленно поползла прочь.

— Чего же она не померла? — удивился Удалов, который поверил было профессору, а теперь усомнился.

— Она даже помереть толком не может, — сказал профессор. — Настолько ей плохо.

— Вспомнил научный термин! — воскликнул Грубин. — Это называется нирвана! Ну, я побежал на автобус!

— Не наступи на крысу, — предупредил его Удалов, — она, счастливая, где-то ползает.

Компромисс

Провал смелой попытки изобрести универсальное лекарство поверг профессора во временную депрессию. По выходным он перестал ездить на рыбалку с Корнелием Удаловым, а просиживал часами на любимой лавочке над речкой Гусь. Он глядел, как облетали березы на том берегу и не чувствовал холодного северного ветра, задувавшего от реки.

И вот однажды профессор рано возвратился домой и столкнулся в воротах с Корнелием Удаловым. Удалов кутался в плащ, надвинул на нос кепку, а профессор неся, как на свидание, и лысина его блестела от испарины.

— Новая идея? — спросил Удалов.

— Гениальная идея, скажу я вам, голубчик! — ответил профессор.

Удалов весь вечер ходил на цыпочках, чтобы не помешать соседу снизу. Ведь там рождалось открытие.

Открытие родилось опять же ночью, но на этот раз оно обошлось без внутреннего голоса. В семь утра профессор, плохо разбиравшийся во времени суток, громко постучал в дверь к Удаловым, чем всех перебудил.

Удалов смог обогнать рванувшуюся с перепугу к двери Ксению.

— Получилось? — прошептал он, увидев объемистую фигуру в китайском халате.

— Пошли! — приказал Минц.

— Я буду жаловаться! — заявила из глубины коридора Ксения. — Мне эта научная коммуналка надоела.

Игнорируя ее угрозу, друзья спустились к Минцу, и там торжествующий ученый показал Удалову скромный пузырек, в каких держат валерьянку.

— Я нашел выход, — сообщил Минц. — Бился, бился, но не нашел. Дело было в принципе. Лекарство от всего бесполезно и смертельно. Но если разделить универсальность на части?

— Получатся разные лекарства от разных болезней, — сказал сонный Удалов, который еще не осознал величия соседа.

— А если снова обобщить?

— Не томи, признайся! — потребовал Удалов.

— Я обобщил по революционному принципу, — сказал Минц. — Лекарства от отдельных болезней неэкономичны. Я же соединил их по буквам алфавита.

— Не понял.

— Ты сейчас держишь в руке лекарство, которое излечивает от всех болезней на букву «а». Понял? Завтра я примусь за лекарство от всех болезней на букву «б» и так далее.

— Та-ак, — сказал Удалов стараясь переваривать информацию. — А если эта болезнь тебе неизвестна?

— Во-первых, я просмотрел справочники и медицинскую энциклопедию. И сомневаюсь, что пропустил какую-нибудь серьезную болезнь. Но даже если пропустил, лекарство само справится. Не беспокойся, вылечит. Ну, предложи какой-нибудь мне недуг, и мы проверим.

— Ангина...

— А она у тебя есть? Нет? Тогда приходи, когда будет. Не могу же я лечить несуществующую. Еще?

— Артрит... Анестезия...

— Это не болезнь. Давай дальше!

— А у тебя от геморроя нет чего-нибудь?

— Лекарство на «гэ» будет готово на той неделе, — сообщил Минц.

В тот день Удалов ушел досыпать, так и не вылечившись от аритмии, потому что аритмии у него не обнаружилось. Но в ближайшие дни, пока Минц еще не послал в Москву свое средство на испытания, он не отказывал соседям в помощи. Больше всех повезло Гавриловой, которую одним лекарством вылечили от зубной боли, зуда и запора.

Но в последний день перед отправкой образцов и документации в Главное фармакологическое управление случилась неприятность, которая, следует признаться, в конечном счете загубила открытие Минца.

К Минцу пришел Погосян, который мучился давлением и которому все, от врача до мамы, велели сбросить вес.

И надо же было так случиться, что именно в этот момент Минц бежал через двор, чтобы успеть к междугородному автобусу, которым к нему приезжал господин Арман Сингх, друг и коллега.

— Ты постой, Лев Христофорович! — закричал Погосян. — Ты мой живот видишь? До какого я ожирения дошел — вот-вот рожу, понимаешь? А сегодня меня в гости к директору рынка позвали, если я пойду, то еще килограмма два ожирения прибавлю. Мое сердце сделает чик-чик — и готов! Весь город говорит, что у тебя лекарство по буквам дают.

— Вот что, — сказал тогда Минц, который не имел времени вернуться домой и снабдить Погосяна нужным пузырьком. — Дверь ко мне открыта, лекарства стоят на полке справа, все подряд, на каждой бутылочке буква. Ясно? Возьмешь бутылочку с первой буквой твоей болезни, накапай себе восемь капель и поставь бутылочку на место, понял?

— Все понял, — ответил Погосян. — Спасибо тебе, Лев Христофорович, приходи в гости, всей семьей будем рады.

На этом они и расстались.

Следующим утром, совсем еще рано, Погосян подошел к окну Минца и постучал сурово, как судьба.

Минц, ежась, отворил окно.

— Ты убийца, — сказал Погосян.

Под глазом у него желтело, на виске багровела ссадина, нос был слишком красным.

— Господи! — испугался Минц. — Кто тебя так?

— Ты мне какое вредное лекарство дал! Я за столом хозяина обидел, а хозяйские родственники потом меня коллективно обидели.

— погоди, погоди,— оборвал стенания Погосян. Лев Христофорович. — Ты в окно можешь влезть?

В окно Погосян влез, не прекращая стенать, потому что у него болело все тело.

— Рассказывай! — велел Минц, а сам тем временем накапал пострадавшему несколько капель лекарства на «у» от ушибов и на букву «ц» от царапин.

— Я в гости пришел, костюм надел,— признался Погосян,— сижу за столом, культурно. Никто на меня внимания не обращает. Только в рюмку налили. Потом Джуликадзе, уважаемый человек, тамада, говорит тост за здоровье уважаемого директора рынка товарища-господина Попийвода. Все, конечно, выпивают, а я не выпиваю.

— Почему? — спросил Минц, протягивая гостю лекарство.

— Потому, что не хочется,— признался Погосян. — Кушать зверски хочется, а пить не хочется. Я покушал немножко, а тут второй тост за хозяйку дома. Я кушать хочу, а пить не могу. Кушаю, а люди на меня смотрят очень подозрительно. А уважаемый товарищ Джуликадзе громко говорит: «Был один французский человек граф Монте-Кристо, он в дом приходил к кровникам, ничего не пил, только кушал. А потом мстил. Скажите мне, почему этот самый Погосян хочет мстить нашему товарищу господину Попийводу?»

— И что же?

— Потом меня бить стали,— закончил Погосян. Лекарство на буквы «у» и «ц» уже помогало. Царапины и ушибы исчезали с кожи.

— Дорогой Погосян,— вежливо сказал Минц,— ты не будешь любезен показать мне на полке, какую бутылочку ты брал и пил из нее капли?

— Какую сказал, из такой и пил,— ответил Погосян.

Но поднялся, кряхтя подошел к полке, взял с нее бутылочку и показал профессору.

— Эх, это я виноват! — сказал профессор. — Вкупе с отечественной системой образования. Плохо мы учимся в школе, ой как плохо! Признайся, на какую букву начинается слово «ожирение»?

— Ясно на какую, — обиделся недоверию Погосян, — на букву «а»!

— Вот именно. — Минц отобрал у Погосяна бутылочку с лекарством от болезней на букву «а». — Тебя мы вылечили от алкоголизма. Ты теперь никогда пить не захочешь.

— Ай, ай, ай! — завопил несчастный Погосян. — А как же презентации? А как же общественная деятельность?

Смерть в зеркале

Третье из неудачных изобретений Минца было связано со стариком Ложкиным, человеком вздорным и пожилым.

Хоть и не хотелось Ложкину идти к Минцу на поклон, ввиду того, что Минц был лицом еврейской национальности, почти чеченом, но склероз замучил. Старуха смеялась и издевалась, пенсионеры не брали в лото играть, да и сам старик чувствовал, что теряет хватку. А Ложкин занимался общественной и непримиримой политической деятельностью. Ему была нужна память.

Так он и заявил Минцу. Со всей прямоотой.

Минц сказал:

— Любопытно. А вы не пробовали записную книжку завести?

— Пробовал, три раза в автобусе забывал, остальные разы дома или на скамейке.

— Значит, вам нужно такое напоминание, которое нельзя забыть?

— Ну хоть разовое! — взмолился Ложкин. — Чтобы я из дома когда уйду, вспомнил, куда уйду.

— Это можно сделать, — ответил Минц. — Я завтра к вам зайду.

Когда Минц назавтра зашел, Ложкин не сразу вспомнил, зачем это лицо к нему явилось, и сначала решил, что Минц пришел сдаваться. Минц напомнил, Ложкин смутился.

— Покажите,— попросил Лев Христофорович,— как вы покидаете квартиру?

— А просто,— ответил Ложкин.— Галоши надеваю, причесываюсь перед зеркалом...

— Всегда?

— А как же непричесанным на улицу выйдешь?

— Замечательно. На это я и рассчитывал.— Минц достал из кармана тюбик и тряпицу. Выжал из тюбика немного мази.

На голоса вышла Матрена Ложкина. Спросила, чего мужики расшумелись.

— Сейчас я сделаю для вашего супруга антисклерозник,— сказал Минц.— Но нам нужна ваша помощь. Это зеркало будет теперь работать по принципу записной книжки. Вечером или с утра, не важно когда, вы этому зеркалу будете сообщать, куда вашему супругу надо идти, с кем встречаться. А когда он будет перед зеркалом причесываться на предмет ухода из дома, лицо, к которому он идет, будет появляться в зеркале и сообщать... Впрочем, к чему лишние слова! Смотрите.

Минц смазал из тюбика большое зеркало и сказал:

— Сегодня Ложкин должен пойти в универмаг и купить носки.

— Зачем мне носки? — рассердился Ложкин.

— Это условность,— сообщила его жена.— Ты иди, иди к зеркалу, проверять будем. Ложкин подошел к зеркалу, автоматически вынул расческу и стал приводить в порядок редкую седую поросль. И тут же в зеркале возникло, как живое, изображение Ванды Казимировны, из универмага, которая сказала: «Ждем, ждем, паста «Сигнал» уже приготовлена».

— Ясно? — спросил Минц.

Он спрятал тюбик и ушел. Два дня жизнь Ложкиных протекала спокойно. По сведениям, сообщенным Матреной, Ложкин стал другим человеком. Никуда без совета с зеркалом не выходил. Матрена лишь боялась, что мазь кончится, но Минц обещал, что мазь стойкая.

На третий день случилась беда.

Минц возвращался домой и увидел у подъезда «скорую помощь». Оказалось, она приехала к Ложкину. Старика вынесли из дома на носилках, при виде Минца он принялся ругаться, отчего Минц понял, что жизнь Ложкина вне опасности.

Профессор поднялся к Матрене Ложкиной. И первое, что он увидел,— из зеркала на него тарашилось страшненькое изображение смерти с косой в руке.

— Кто? Почему? Откуда? — накинулся перепуганный Минц на Матрену.

— Сам ее и спрашивай! — гневно ответила Матрена.

Смерть в зеркале повторяла словно испорченная пластинка:

— Жду тебя в три, Николай Ложкин. Не забудь, Николай Ложкин!

Минц присмотрелся к смерти и крикнул:

— Сними маску, глупец!

Смерть послушно сняла маску. Под маской было молодое, прыщавое, розовое лицо Дашеньки Гофф, воспитательницы детского садика.

— Куда вы его ждете? — грозно спросил Минц.

— На репетицию детского утренника, — ответила Дашенька. — По мотивам сказок. Он у нас обещал консультантом быть.

— На репетицию его не ждите, — сказал Минц. — Если Ложкин пробился в больницу, его оттуда не выжить, пока он все лекарства не перепробует.

— Так это Дашка! — спохватилась Матрена. — А он-то решил, что его туда, наверх, к трем часам вызывают! Побегу в больницу, разъясню дураку.

АНТ СКАЛАНДИС, СЕРГЕЙ СИДОРОВ

МЫШУЙСКИЕ ХРОНИКИ

Антишапка

Михаил Шарыгин остановился перед входом в скромный деревянный храм, единственный в Мышуйске, выстроенный года два назад на народные деньги при известной поддержке спонсоров из области и даже из Москвы. Строили православную святыню руками не претендующих на зарплату солдатиков из спецчасти генерала Водоплюева, доски и бревна Жилохвостовский леспромхоз подкинул по бартеру, а всю церковную утварь — разумеется, тоже бесплатно — предоставила патриархия. Так что от спонсоров больше шума было нежели помощи, а народные же деньги, как всегда бывает, пропили, не без помощи этих самых спонсоров. Доподлинно известно, что, например, сибирский золотопромышленник Зубакин лично подарил городу Мышуйску две упаковки сусального золота для покрытия куполов, при том что всего таких упаковок

истратили не менее сорока. А вот на банкете по поводу открытия и освящения храма в ресторане «Центральный» на улице Героев Мира (бывшей улице Героев Войны) Зубакин не только съел и выпил больше других, но и ухитрился потом перебить зеркала все до единого.

Однако же, несмотря на столь печальную (или, наоборот, веселую?) историю своего появления на свет, новая церковь, красовавшаяся аккурат напротив горкома, а ныне здания городской администрации, полюбилась мышуйцам, и батюшку, отца Евлампия, знал в округе едва ли не каждый.

Шарыгин как раз и шел побеседовать со святым отцом. Облегчить душу от всего навалившегося за последнее время. Вопросов-то много возникало. Допустим, почему родной Мышуйск иногда начинает казаться совсем не родным? Почему порою он, Шарыгин, забывает собственное детство, а порою — наоборот — ощущение, как в той песне: «...все, что было не со мной, помню»? Почему люди вокруг узнают Михаила как старого друга, а он их зачастую с трудом припоминает? Уж батюшка-то должен разъяснить, в чем тут дело. Кому же, как не ему, разбираться в душе человеческой? К врачам Михаилу пока не хотелось, а, например, глава администрации города Никодим Поросеночкин ничем Шарыгину не помог. Да и сосед по подъезду, признанный мышуйский философ, учитель биологии Твердомясов затруднился с ответом. Вся надежда оставалась на батюшку Евлампия.

Однако до священника дойти ему было в тот день не суждено.

— Мил человек! — окликнул Михаила нищий, стоявший на паперти с шапкой в протянутой руке. — Не откажи в помощи слепому.

Голос просящего звучал непривычно твердо, несколько даже грубовато и вместе с тем как бы иронично. Шарыгин не мог не остановиться. Посмотрел внимательно и сразу удивился как минимум двум вещам: хорошему, почти новому костюму на попрошайке и его поразительной опрятности, не соответствующей моменту. Ну кто ж в таком виде руку протягивает?.. Ба! Новое наблюдение озадачило еще больше — да в руке-то у че-

ловека дорогушая и практически не ношенная ондатровая ушанка. А в ней зеленеет один новехонький доллар и несколько мелких монет поблескивает. Наконец, глаза у «слепого» были живыми, ясными и даже улыбчивыми.

Вообще-то грех не подать такому чудаку, хотя бы для того, чтоб узнать о нем побольше. Шарыгин бросил в шапку рубль и поинтересовался:

— На храм, что ли, собираешь, приятель?

— Не-а,— ответил тот и честно признался: — На новую шапку.

Последней совсем уж абсурдной репликой самозванный слепой окончательно покори́л Михаила — любителя всяких парадоксов и загадок. Заинтригованный, Шарыгин спросил:

— А эта разве не новая?

— Ты не понял, мил человек,— улыбнулся псевдонищий.— Мое имя Прокофий Кулипин. Не слыхал? И эта шапка у меня неправильная получилась. Хочешь примерить? Тогда поймешь.

Шарыгин действительно не понимал ничего, однако от странного предложения не отказался, только недоуменно пожал плечами. И тогда его новый знакомый проворно ссыпал мелочь во внутренний карман, доллар аккуратно сложил пополам и отправил туда же, приговаривая себе под нос, что на пиво уже вполне хватит, а затем резким движением нахлобучил ушанку на голову Шарыгина.

В тот же миг все вокруг исчезло.

Нет, это совсем не походило на мгновенную потерю сознания и даже на внезапное ослепление. Все звуки по-прежнему слышались совершенно отчетливо, и пред очами осталась отнюдь не крошечная тьма, а некий желтовато-серый клубящийся туман во все стороны, насколько хватал глаз.

— Э! — сказал Шарыгин.

Ноль эмоций.

— Э-э-э!! — добавил он длиннее и громче, уже осящая подступающий страх.— Что это значит?

— А то и значит,— охотно принялся объяснять Прокофий, освобождая Шарыгина от столь необычного головного убора.— Я изобрел антишапку.

— В каком смысле «анти»?

— В самом прямом... Слушай, пойдем отсюда. Давай, что ли, правда пива попьем. Смысла уже нет стоять. День сегодня такой неудачный. Пошли. А там и расскажу.

До популярного в городе пивбара «Пена дней» было от церкви всего два квартала. И Шарыгин сразу согласился: в конце концов, с батюшкой он всегда успеет пообщаться. А вот такого необычного персонажа другой раз и не повстречаешь!

В полутемном зале по буднему и относительно раннему времени было довольно пусто, даже нашелся свободный столик в «сидячей» части. Взяли сразу четыре кружки на двоих и по первой выпили за знакомство. Прокофий оглоушил всю целиком, почти не отрываясь, как будто два дня по пустыне шел, а Шарыгин из своей потягивал медленно. Он никогда в жизни больше двух кружек зараз не выпивал. Так что торопиться было некуда.

— Так вот, мил человек,— начал свой рассказ Кулипин.— Зовут-то тебя как?

Шарыгин представился.

— Так вот, Миша. Был я с самого детства изобретателем. Чего только не придумывал: зубную щетку с часовым механизмом, то бишь со встроенным будильником, шарнир для флюгера с шестью степенями свободы, метод высушивания промокших бубликов, ботинки для хождения по крышам — уж всего и не припомнить! А сгубила меня идея вечного двигателя. Двенадцать лет на него потратил, а когда модель была полностью готова, оказалось, что это никому не нужно. Городские власти поглядели и говорят: «Значит, ты хочешь этот гончарный круг на фабрике поставить и глиняные горшки производить? И получается что горшки будут продаваться, а электроэнергия потребляться не будет?» — «Да что там горшки! — говорю.— Можно точно так же без электричества токарный станок запустить». — «Это уже хуже,— отвечает заместитель главы администрации по вопросам промышленности.— Значит, пойдет машиностроительная продукция. Мы ее продаем и начисляем налог на добавленную стоимость. Этот налог благополучно переходит на расходную часть, в частности, на ту же электро-

энергию. Энергетики гонят НДС дальше — неразрывная цепочка. А если станок не будет ничего потреблять, цепочка нарушится. Государство недополучит налогов, а бухгалтер на заводе сойдет с ума. Вы понимаете, товарищ Кулипин, что вы натворили?!» Этот заместитель главы администрации, когда нервничает, всех вокруг называет по старинке товарищами. Я тогда ничего не понял, про этот их НДС. «Ладно, говорю. Не надо, так не надо». Тот круг в моем сарае, наверно, до сих пор вертится, я только не наезжал туда давно, а раньше, бывало, еще цветочные горшки на нем делал и на городском рынке, то бишь на вернисаже, продавал. Ни разу меня там не видел, Миша?

— Нет,— сказал Шарыгин.

Он терпеливо слушал, ожидая, когда же разговор подойдет непосредственно к шапке.

— Так вот,— продолжил Прокофий своей обычной при сказкой.— После того двигателя окаянного я и понял, что надо не у физики проклятушей идеи заимствовать, а черпать мудрость из народной кладези. Сказки — ложь, да в них намек... В общем, я по этим намекам, как по чертежам, очень внимательно прошелся и рецепты многих чудес до мельчайших деталей выявил. Первым моим патентом стали сапоги-скороходы. По расчетам, человек в кулипинских сапогах должен был передвигаться в сто раз быстрее обычного, то есть примерно со скоростью реактивного самолета. Опасно это? Разумеется, опасно, потому я и заложил в устройство некий блок, названный мною «антифактум» (по-гречески *anti* — против, а по-латински *factum* — поступок). И надо полагать, я так серьезно задумался о безопасности, что антифактум получился у меня лучше самих сапог. Человек, их одевший, имел возможность передвигаться в сто раз... но не быстрее. А медленнее. Зачем такое нужно? Кроме меня, наверно, никто бы и не додумался. А я предложил свои сапоги на автомобиле ставить параллельно с колесами. Представляешь, за секунду до аварии антискороходы упираются в асфальт и экстренно тормозят движение. Я даже название красивое придумал: АБС-Р — автоматические блокирующие сапоги «Русь». Изобретение так и не внедрили — сказали, дорого слишком. Ну так я за новое взялся!

Про скатерть-самобранку все слышали? Ну, конечно. Об изобилии не мечтал разве только тот, кто есть никогда не хочет. Но если изобилие неуправляемое... Понимаешь ли, Миша, это как тот самый чудовишный горшочек каши у братьев Гримм. Короче говоря, опять мне антифактум понадобился. И похоже, эта шутка начала жить собственной жизнью. Скатерть моя, точнее антискатерть получилась не самобранкой, а самоубиралкой. Развернешь ее — на ней пусто. Зато все, что поставишь и положишь, даже прольешь — немедленно исчезает при свертывании. Казалось бы, опять — бессмысленная вещь. Ничего подобного! Это же универсальный утилизатор-ассенизатор! Мечта всех экологов. Ну, бегал я как ненормальный по всем городским помойкам и мусор с них собирал. Эффективность у антискатерти была потрясающей. Доложил начальству. Пригласили продемонстрировать. Высокая комиссия собралась. Все на антискатерть мою плюют, окурки бросают, бумажки, кофейную гущу из чашечек выливают, а завхоз горкомовский даже дохлую мышь принес специально — чтобы женщины повизжали. Но это он зря старался, потому что женщинам повизжать еще предстояло капитально. Едва антискатерть дохлого зверька в себя всосала, случилось нечто непредвиденное. Как я теперь понимаю, антифактум мой перегрелся — ну, сколько можно? Мощностъ его я на глазок прикидывал, а тут... В общем, эксперимент есть эксперимент. В один миг антискатерть-самоубиралка в натуральную самобранку превратилась. Если не сказать, в рог изобилия. Только, сам понимаешь, Миша, посыпались-то из нее не яства заморские да вина, а потекло нескончаемой рекой содержимое всех помоек города Мышуйска, по которым я с такой любовью трое суток лазил.

Как остановить скатерть, никто не знал. В том числе и я. Сотрудники в панике эвакуировались, из соседнего кабинета успели милицию вызвать, прежде чем стены рухнули, а милиция сразу догадалась, что простому наряду оперативников с происходящим не справиться ни в жисть и пригласили подкрепление — спецназ генерала Водоплюева. Но когда подъехал взвод особого назначения, им уже оставалась только самая нудная и грязная работа — завалы разбирать. Скатерть моя к

тому времени выдохлась. А жертв, к счастью, не было. Вот так. После этого случая меня и...

Несчастный изобретатель замялся, и Шарыгин сочувственно полюбопытствовал:

— В тюрьму отправили?

— Да нет, зачем в тюрьму... Впрочем, об этом позже. Ты слушай главное. Я теперь придумал новую вещь, не для людей — ну их всех в баню! — только для себя. Я придумал шапку-невидимку. Сам понимаешь, сколько преимуществ у невидимого человека, но и минусов хватает. Старика Уэллса все читали, знаем. В общем, и на этот раз без защитного блока моего работать не хотелось. Но антифактум окончательно озверел. Вместо шапки-невидимки сделал он мне в чистом виде антишапку.

— Что, — удивился Шарыгин, — она позволяет видеть невидимые предметы?

Увлечшись рассказом, он и позабыл, с чего все началось.

— Если бы! — вздохнул Прокофий. — Не я стал для всех невидимым, а все и всё стали невидимыми для меня.

— То есть ты попросту ослеп? — догадался наконец Михаил.

И вспомнил клубившийся у него перед глазами желтовато-серый туман.

— Вот именно. И пожалуй, это было первое мое действительно бесполезное изобретение. Если не сказать — вредное.

— Разве что применить его как оружие, — задумчиво проговорил Шарыгин. — Допустим, в порядке диверсии поставить партию таких шапок армии вероятного противника. Вот оно, настоящее российское шапкозакидательство!

Михаил допил уже вторую кружку и как-то незаметно для себя принялся за третью. Только этим и можно было объяснить столь не характерную для него идею. С чего бы иначе пришло такое в голову?

Прокофий посмотрел на собеседника мрачно и даже осуждающе. Судя по всему, он был убежденным пацифистом.

— Водоплюевская разведка уже не раз ко мне подгребала со всякими недостойными предложениями. Но я на войну ни-

когда не работал и работать не буду! — гордо заявил Кулипин. — Ну ладно. Шапка, конечно, не удалась, зато я понял, как работает антифактум и что надо сделать для исправления всех моих изобретений.

— Неужели понял? — не поверил Шарыгин.

— Мамою клянусь, — как-то очень трогательно отозвался Прокофий. — Только это все очень дорого — исправления вносить. Понимаешь? Вот я и начал деньги собирать. От властей же субсидий не добьешься! Зимой проходил в шапке, привыкал все делать не видя, с палочкой, на ощупь. Люди меня жалели, хотя и знали, что слепой я бываю только в шапке. Хорошие у нас люди в Мышуйске! Для подаяний пришлось вторую шапку купить, а то если каждый раз снимать ее, уж больно страшно выражение лица меняется. Вот смотри!

Изобретатель надел шапку, и глаза его вмиг остановились, сделавшись пустыми и как будто даже мутными. Снял — все вернулось к прежнему состоянию.

«Да, с такими жутковатыми стекляшками вместо глаз побираться можно», — понял Шарыгин.

— Ну а весной, — продолжал Прокофий, — уж больно жарко стало в шапке. Хожу так. Вот и подают меньше. Хотя, казалось бы, какая им разница? Все же знают, на что я собираю, только ты вот один и выслушал меня со вниманием. Ну да ладно. Пора мне.

— И мне пора, — согласился Шарыгин. — Хватит уже пьянствовать. Тебе в какую сторону?

— Да мне тут два шага. Солдатский Шум знаешь?

— Это там, где больница?

— Ну да. Я же у Вольфика и живу.

— У какого Вольфика? — не понял Шарыгин.

— Э, мил человек, да ты, видать, совсем новенький в нашем городе! Пошли. Проводишь меня, заодно и посмотришь, какие люди у Вольфика живут. А я по такому случаю в шапочке пройду — давно, черт возьми, слепым не был!

До улицы с загадочным названием Солдатский Шум было и впрямь недалеко. Но дальше Шарыгин идти передумал. Не захотелось ему смотреть, какие люди у Вольфика живут. Пото-

му что Прокофий привел его ко входу в больничный корпус с недвусмысленной табличкой «Центральная мышуйская психиатрическая лечебница им. Вольфа Мессинга». Навстречу им вышел гренадерского роста медбрат в устрашающем темно-зеленом хирургическом костюме и, добродушно улыбнувшись, пробасил:

— Больной Кулипин, почему опаздываете к ужину? Не иначе опять пиво пили? Нехорошо!

И когда Прокофий, торопливо попросившись, скрылся внутри, Шарыгин в растерянности полюбопытствовал:

— Простите, а как же это... психически больные — и по городу гуляют?

— Вы, должно быть, недавно в Мышуйск попали, — смело предположил медбрат. — Поживете здесь еще чуть-чуть и все поймете. Мы к людям гуманно относимся, не так, как в других больницах.

В этот момент двери лечебницы открылись, и на ступени парадного входа вышел батюшка, отец Евлампий — при всех регалиях.

— Здравствуйте, — сказал Шарыгин, замороженно глядя на сиявший в лучах солнца золотой крест на груди священника, и уже был готов воспользоваться случаем серьезно поговорить.

Медбрат, однако, опередил Михаила, обратившись к батюшке с вопросом:

— Ну как, отец Евлампий, все в порядке? Вы уж не забывайте, пожалуйста, что это только первая часть нашего курса лечения. Вам бы хорошо в следующий раз деньков на пять к нам лечь.

— Конечно, конечно, — согласился батюшка, — на будущей седмице — обязательно.

Шарыгин проводил священника совершенно обалделым взглядом и не сообразил, что сказать, когда медбрат заботливо поинтересовался:

— А кстати, вы сами-то ничего не изобретаете? Или, может, вас странные вопросы одолевают? Сомнения какие-нибудь? Так вы заходите, не стесняйтесь. Мы всем помогаем.

Из переулка, сбегавшего к реке, налетел внезапный порыв ветра, словно поторапливая Шарыгина.

— Спасибо,— сказал он и, развернувшись, быстро-быстро зашагал прочь.

Лыжня

Каждую зиму я хотя бы раз отправляюсь в поход на два-три дня. В одиночку. Такая традиция. Люблю поразмышлять, скользя по снегу, о всяких проблемах — домашних, научных. Словом — о жизни. Только в лесу и удастся спокойно подумать, чтобы никто не отвлекал.

А лыжи у меня отличные: пластиковые, легкие, с современными безопасными креплениями, никакого смоления и смазки, понятное дело, не требуют. Вообще, к хорошим лыжам я всегда был равнодушен, вот и теперь решил на этом не экономить. Однажды плюнул на все, сказал: «Могу себе позволить!» И купил настоящие, австрийские, почти профессиональные. Фирму называть не стану, чтобы лишний раз не выпендриваться. Но замечу, что и палки к ним взял родные: тонкие, прочные, потрясающе удобные.

Зимний поход — дело серьезное. Тут каждая мелочь важна. Одежда, например, должна быть легкой, но теплой. А в маленький рюкзак я прежде всего кладу небольшую палатку — нечто среднее между спальным мешком и стандартной туристической одноместкой, потом — минимальный запас еды на весь срок и огромный серебристый термос (любимый, китайский, лет двадцать ему, наверно) с крепким сладким чаем. Хотите верьте, хотите — нет, но чай и на третий день еще бывает горячим.

На этот раз мне удалось урвать в конторе целых пять дней без серьезных потерь для отношений с начальством. Договорился. Деньги-то платят смешные, а на работу приходи каждый день. Какие уж тут успехи в труде!.. И счастье в личной жизни. Кстати, о личной жизни. Почему я до сих пор не женат? Не знаю. Ведь стукнуло уже тридцать три — возраст Хри-

ста. Так вот помрешь ненароком, и на том свете вспомнить нечего будет. В науке — сплошь рутина никому не нужная, в быту — приятели с поразительным упорством уговаривают выпить водки, книжки попадают одна скучнее другой, и в разных постелях разные девки одинаково глупо хихикают... Да уж, на небе, в день Страшного Суда только и вспомню, что эту прямую, как штык, лыжную, рассекшую надвое белоснежное озеро зимнего луга.

В общем, братцы, от традиции своей я никогда не откажусь. Это — святое. Разве лишь в одном рискнул себе изменить: отправился в новое место. Ребята подсказали, бывшие друзья-спортсмены. От вокзала всего тридцать пять минут, а просторы, говорят, дивные, сказочные: поля, перелески, овраги, пологие подъемы и спуски.

Тридцать пять минут на поверку обернулись добрым часом утомительно противной тряски. В электричке с повсеместно выбитыми окнами удовольствие это было ниже среднего. Жуткая оказалась электричка. Три вагона прошел, и во всех без исключения от сидений одни лишь каркасы торчат. В четвертом начали попадаться сохранившиеся в целости скамейки, но я ж не один в том поезде ехал. Другие, более ушлые граждане, успели сыграть в игру для пассажиров с детьми и инвалидов. А несколько свободных мест, замеченных мною еще издали, оказались разукрашены цветистыми лужами заледеневшей блевотины. Ну, понятно, понедельник — день тяжелый.

В итоге я всю дорогу простоял в тамбуре. Когда из города наконец выползли, пейзаж за окном начал радовать глаз. День разгуливался. Электричка, скрипевшая, громыхавшая, еле тянувшая, готовая умереть каждую минуту, теперь словно отогрелась на солнышке и побежала быстрее, быстрее — навстречу зеленым елкам, морозцу и искрящемуся снегу.

Станция, точнее просто платформа, называлась странно: «Выбор». Конечно, если учесть, что в коллекции экзотических подмосковных топонимов существуют «Правда», «Серп и Молот», «Красный Слон», «Эммаус» и даже местечко с дивным названием «Льва Толстого» (не «Лев Толстой», а именно «Льва Толстого»), то «Выбор» звучит вполне буднично, не хитрее ка-

кого-нибудь там «Лося». И когда мне объясняли, что ехать надо до «Выбора», я даже не вдумался в смысл названия, но теперь, глядя на перронную табличку, невольно вздрогнул. Какой еще, к чертям собачьим, выбор? Может, тут при советской власти депутатов Верховного Совета СССР выбирали, а потом в перестроечном бардаке просто потеряли букву «Ы»? Ну да ладно.

На платформе пусто было: не Раздоры вам и не Подрезково, но, с другой стороны, для понедельника десяток лыжников-фанатов — это совсем не мало. Впрочем, что такое понедельник в наше время? Люди уже давно работают не по будням, а отдыхают не по праздникам... И о чем это я вообще? Разве мне нужны люди? Я ведь собирался размышлять о жизни и смерти, о судьбе, о вечном. И главное — чтобы не мешали. Хотя, конечно, по целине на моем пижонском пластике... извините! Лыжня — это, братцы, великая вещь. В ней-то все и удовольствие. А лыжню люди прокладывают. Будь они неладны. Вот такая диалектика.

Не люблю рвать с самого начала. Разогреваться, раскатываться следует постепенно. Я всегда считал себя стайером, а не спринтером и в спорте и вообще — по натуре. А в тот раз и вовсе торопиться не хотел. Запрограммировался на три дня похода, да еще в запасе было два. Какой запас, зачем? Странная мысль, правда? В поселок я, что ли, идти собирался за отсыревшими сухарями и общепитовским чаем? Или предполагал без еды и воды чесать себе дальше? И то и другое — глупость, сопливая романтика. Но я вдруг понял: хочу заблудиться. Заблудиться, замерзнуть и умереть. Как будто я в канадской тундре или сибирской тайге. В наших-то краях только псих заблудится... Во куда мысли о вечном завести могут!

А из-за спины кричали: «Лыжню!» Поначалу весьма часто, потом все реже и реже. Быстроногие спринтеры — ранние пташки — на одной электричке со мною приехали. Схлынула их волна, умчалась в даль, задернутую снеговой пылью, и

все — тихо вокруг. Ведь следом только пенсионеры и дети потянулись, но они-то остались далеко позади.

Я медленно, но упорно развивал свой обычный средний темп, от которого и получал максимум удовольствия. А день-то, день-то выдался! Ну просто по заказу. Снег — точно россыпь бриллиантов, небо — голубое-голубое, как над Черным морем в мае, елки сверкают, словно изумрудные, а с ветки на ветку краснопузыре снегири перепрыгивают, ни дать ни взять — танцуют, того и гляди соловьями запоют.

Вот в таком настроении и подошел я к тому самому повороту.

А поворот был так — ничего особенного. Ни тебе указателей, ни красот каких-то потрясающих, только лыжня уж хорошо хороша. Будто по ней не любители бегали, а специалисты высочайшего уровня под олимпийскую трассу накатывали, как это делалось в далекую теперь эпоху традиционного стиля, в те времена, когда великий швед Гунде Сван еще не заразил весь мир своим корявым коньковым шагом.

Ох, как хороша была лыжня! Уж больно хороша. Не мог я на нее не свернуть. Впрочем, на всякий случай огляделся. Спросить у завсегдатаев, куда ведет дорога — никогда не лишнее. Вдруг, например, через полкилометра меня ожидает какая-нибудь ведомственная спортивная база за высоким забором и больше никаких чудес? Скучно возвращаться, когда на долгий маршрут настроился.

Однако впереди за густой россыпью пушистых елок ждал меня лишь чудесный спуск в низину, долгий и ровный. Ветер свистел в ушах, мороз пощипывал кожу, разогретые мышцы работали с наслаждением. И когда лыжня снова вышла на горизонталь, даже начался небольшой «тягунок», я как будто и не заметил этого. Все молотил и молотил в прежнем темпе и с прежней неиссякающей радостью, словно заведенный. Давно уже не было мне так хорошо. Разве только в детстве...

К обеду я отмахал весьма приличное расстояние. По самым осторожным прикидкам километров двадцать, не меньше, и за весь путь не встретил ни единой живой души. Ни прямо по курсу, ни за спиной — нигде. И пейзаж практически не менялся.

Поля, перелески, снег, елочки. И лыжня — прямая, четкая и такая же гладкая, как фирменный пластик моих лыж. Вертелись, конечно, в голове недоуменные вопросы типа: что это? Полигон артиллерийской части? Заповедник? Президентское охотхозяйство? Стратегический объект спецназначения? Но мысли толкали друг дружку легко, весело. Не хотелось ни о чем думать всерьез. Через шлагбаумы я не прыгал? Не прыгал. Под колючую проволоку тоже не подлезал. И в конце-то концов, я свободный гражданин свободной страны. Реализую свое конституционное право на отдых. Мне было хорошо, и я бежал.

Это была моя лыжня. Моя собственная. Так я чувствовал.

На закате пришла усталость. Я пригладел высоченную ель и под ее широкими, мохнатыми лапами устроился на ночлег. Плотно поужинал — аппетит был зверский, — улегся поудобнее в своей уютной конуре и, защищенный от ветра и посторонних глаз (интересно, чьих?), крепко уснул. Так крепко, что даже не видел снов.

Следующий день начался безмятежно — с кружки горячего чая и бутерброда. А выбравшись из лесного массива на свободное пространство, занесенное еще более чистым, чем накануне, кристально чистым снегом, я вдруг остановился в нерешительности. Необозримое белое пространство пугало своей величественной пустотой. Ни дорог, ни зданий вдалеке, ни даже мачт высоковольтки. Только лес за спиной чернеет. Где я? В казахстанской степи, в Гренландии, на Южном полюсе? Новый день выдался не таким лучезарным, солнце светило сквозь морозную дымку, небо казалось выцветшим, почти белым. Так и до снежной слепоты недалеко! А лыжня, убегая вперед и немного вниз, все несет и несет меня в эту белую бесконечность.

Сразу захотелось свернуть. Просто из упрямства. Не стоит и объяснять, как быстро я понял всю нелепость своего поступка: в рыхлом снегу, среди недавно наметенных сугробов ноги вместе с лыжами проваливались едва ли не по колено. Зато по лыжне бежалось еще лучше, чем давеча. Коньки по льду так не

скользят, как я скользил по этим двум отполированным полам.

«Не гони волну, Шарыгин, — сказал я себе. — Чудес не бывает. Уже к обеду ты выйдешь к какому-нибудь грязному городишке, выстроенному вокруг закопченной кирпичной фабрики, и там будет автобус, и скучные замерзшие люди, и желто-серый снег под колесами...»

«Нет», — подумал я, отвечая самому себе и непонятно против чего возражая. Какая-то неведомая сила заставила упереть палки в снег и сделать остановку. Машинально наклонившись и сняв перчатку, я потрогал лыжню.

Плотный, укатанный снег был теплым и не таял под рукою.

Я надавил сильнее. Ледяная корка треснула, подушечки пальцев обожгло морозным рассыпчатым снежком. Ф-фу! Померещится же такое! Что за чушь?

Чушь не чушь, а я все-таки крутанулся на сто восемьдесят градусов и пошел назад. «Лучше возвратиться на основную трассу, чем двигаться в неизвестность. — Такая мысль показалась наиболее логичной. — Что за мальчишество в конце концов — лезть напролом в какую-то запретную зону?!»

Но я сумел дойти лишь до леса. Лыжня кончалась аккуратно в том месте, где вчера я разбивал палатку на ночлег. Нормальный следопыт мог сделать только один вывод из этого милого зрелища: лыжник несколько дней сидел на дереве, а потом спустился с него и пошел. Даже если бы всю ночь валил снег, он не мог засыпать лыжню лишь с одной стороны. Загадка? Да какая там загадка! Просто руководство к действию: иди вперед, Шарыгин!

И я пошел.

К вечеру на моем пути снова вырос лес, и я снова заночевал под высокой елью. Второй попытки идти назад предпринять уже не хотелось. Умом-то я понимал, что по-хорошему должен уйти в сторону. Без всякой лыжни, чего бы это ни стоило. Должен дойти до ближайшего населенного пункта, а там сообщить в отделение милиции, какие здесь странные вещи

творяются... Стоп, стоп, какая милиция? Ведь это же верная дорога в психушку. И вообще, если честно, я не хотел «по-хорошему». Логика ушла на второй план. На первом было другое. Лыжня бросала мне вызов, и я принял его. Собственно, я принял его сразу, только сначала не догадывался об этом. А теперь готов был сражаться до конца.

Обычно в трехдневном походе на второй ночевке я доедал поутру последние бутерброды, оставляя на обратный путь только чай. Идти легче и домой приятнее возвращаться с волчьим аппетитом. На сей раз неведомый внутренний голос подсказывал, что провиант следует растянуть на более долгий срок. Внутренний голос не ошибся. На этой лыжне мне суждена была и третья ночевка.

После которой я начал ненавидеть лыжню.

Да, я правильно догадался: она была моя, моя собственная. Вот только некий вселенский шутник переставил все с ног на голову: не лыжня — моя собственность, а я — собственность лыжни. Она элементарно диктовала мне свои условия. И я был вынужден продолжать игру по правилам, с которыми меня никто не удосужился познакомить.

Размышлять о вечном стало теперь особенно интересно. Мир сузился до двух параллельных полосок на бескрайнем поле белизны. Ничего другого просто не существовало. Моя научная карьера? Так ведь это тоже лыжня. Прямая, гладкая, скучная до оскомины. Мои женщины? Так каждая из них была просто лыжней, которую я использовал, чтобы достичь финиша и благополучно забыть мимолетную радость приятного скольжения. Зато эта новая лыжня как будто мстила мне за всех предыдущих. Да, именно за всех, а не за все. Я думал о лыжне как о живом существе. Я думал о лыжне. А она вела меня. И целый день я бубнил себе под нос: «Параллельные прямые пересекаются в бесконечности».

На четвертый день стало голодно и грустно. На пятый закончился чай. На шестой сделалось просто тяжело. На седьмой — невыносимо тяжело. Наверно, я уже не мог идти само-

стоятельно, но лыжня вела. Она ухватывала за шероховатый фирменный пластик и дергала вперед поочередно правую и левую ногу, а я лишь безвольно переставлял палки одеревеневшими руками. Собственно, это был уже не я.

В какой-то момент я напряг память и попытался вспомнить, какой же это добрый человек посоветовал мне поехать именно сюда. Вот вернусь и оторву ему голову в порядке благодарности. Вспоминать было трудно, очень трудно, но я все-таки сумел это сделать. Из глубин заснеженного мозга выплыли два имени, которых я ни разу в жизни не слышал, — Иннокентий Глыба и Парфен Семечкин. Да, это именно они подсказали мне станцию «Выбор». Но я готов был поклясться, что впервые слышу эти имена и фамилии. Впервые слышу. От самого себя.

Захотелось тут же упасть и заснуть посреди поля, но я все-таки дотянул до леса и как исправный автомат выполнил все необходимые действия, готовясь к ночлегу. «Слава Богу», — думал я, засыпая. А поутру восьмого дня ощутил небывалый прилив бодрости и свежей спортивной злости. Насчет восьмого дня уверенности не было, я давно мог сбиться со счета, просто накануне вертелась в голове старая битловская песенка: «Eight days a week/ I love you, love you, love you!..» — «Восемь дней в неделю я люблю тебя, люблю тебя, люблю!..» И я снова любил эту лыжню. И пошел быстрее. Куда? К той самой точке, где пересекаются параллельные прямые? Да нет же! Просто к финишу. Я не знал, насколько меня хватит. Это было не важно, потому что я не собирался сдаваться.

В жизни, как правило, происходит именно то, чего совсем не ждешь. Шум раздался из-за спины — низкий, глухой и невнятный, как раскаты дальнего грома или рокот прибоя. Я оглянулся. Метрах в трехстах позади меня шли люди. Они приближались цепью, каждый по своей лыжне, но палки взлетали синхронно, как по команде, а могучие ноги настоящих спортсменов за каждый шаг продвигались на полдесятка метров.

Скорее всего, это была галлюцинация. Шутка ли, столько дней в пустоте и тишине! Но я не мог позволить обойти себя даже галлюцинациям. Это была моя, шарыгинская, лыжня, я должен был покорить ее первым. И я прибавил. Я очень сильно прибавил в темпе, даже оглядываться стало некогда. Шум делался все тише, тише, и вот уже снова — только ветер свистит в ушах.

А потом все закончилось. Поперек лыжни была натянута яркая полосатая ленточка, и я разорвал ее грудью. В тот же миг десятки людей окружили меня. Кто-то протягивал стакан с горячим кофе, кто-то набрасывал плед, кто-то совал прямо в лицо мягкий поролоновый шарик микрофона, сверкали фото-вспышки, видеокамеры вылуплялись на меня большими стеклянными глазами с синеватым отливом. Непонятно как, но я оказался на пьедестале, тяжелый лавровый венок натирал шею, большая золотая медаль ослепительно сверкала, несмотря на пасмурную погоду. «Суета сует», — думал я, косясь на медаль и улыбаясь из последних сил. Странная там была надпись: «Чемпион зимней спартакиады города Мышуйска». А впрочем, чего ж тут странного, если это мой родной город?..

Из толпы вдруг выскочила сказочно красивая девушка. Таких красивых я еще никогда в жизни не видел. Но уже в следующую секунду понял, что ее лицо мне знакомо. Некогда было подумать над еще одним противоречием. Девушка подлетела с криком: «Молодец, Мишка!» — крепко обняла, расцеловала, потом сняла с себя безразмерную пуховую куртку и со словами: «Замерзнешь, дурачок!» — накинула ее на мои плечи. Невозможно было представить себе что-нибудь теплее этой куртки! И я тут же вспомнил, что девушку зовут Аня, что она у меня единственная и что я люблю ее.

— Пошли, — сказала Аня.

Я улынулся ей, согласно кивнул, взял за руку. И вот тогда смутное подозрение внезапной тоненькой болью кольнуло в самое сердце.

— погоди, я должен вернуться.

— Куда? — не поняла Анюта.

Но я уже бежал по утоптанному снегу в ту самую сторону, откуда пришел. Все мои соперники к этому моменту давно закончили дистанцию, корреспонденты и зрители разошлись, только по следам от лыж и можно было разобрать, где именно заканчивалась трасса. Я еще раз пересек линию финиша — теперь с другой стороны — и замер в недоумении.

Анюта стояла рядом. Она сочувственно и нежно гладила меня по щеке своей теплой ладонью.

Нет, я не плакал. Я просто все смотрел и смотрел в безбрежную белую даль.

Не было там никакой лыжни. Вообще никакой.

Лыжня исчезла.

Подъеза

Большинство подъездов в девятиэтажках Мышуйска ничем друг от друга не отличаются. Собственно, до такой степени не отличаются, что некоторые граждане, особенно по темноте и после пяти-шести кружочек пива заходят не в свои дома, да так и остаются до утра на лестнице, если какой добрый человек не пустит по знакомству в свою квартиру. Не мудрено, что при этом парадные двери все покорежены, стекла в них и на межэтажных площадках разбиты, лифты работают одышливо и нутужно, лампочки не горят совсем. Под нижним лестничным маршем подсыхает как минимум одна дежурная кучка, лужи известного происхождения (впрочем, и неизвестного — тоже) можно встретить на любой высоте над уровнем земли, почтовые ящики раскурочены вдрызг, местами обуглены, а стены снизу доверху обильно усеяны доморощенными граффити, выполненным не столько в современной технике аэрозольного баллончика, сколько в более традиционной — углем, кирпичом, мелом, калом и всякой прочей дрянью, попавшей под руку.

Мышуйцы давно привыкли к подобному положению дел, примирились, притерпелись — до подъездов ли им, когда це-

ны растут, погода скверная, дети-оболтусы жрут в три горла, и как от аванса до зарплаты дожить, не перезаняв десятку-другую, мало кто себе представляет. Зато в квартирах у горожан чистенько и красиво. Да, никто особо не шикует, импортной техникой здесь все углы не забивают, но мыть полы, подновлять обои и время от времени белить потолки считается хорошим тоном. А уж про окна никто и не говорит — их в Мышуйске моют не только весной и осенью, но и еще раза четыре в году, как минимум. Лучший комплимент хозяину — это войти в дом и спросить: «Ой! У вас что, стекло вылетело?» — «Нет, — ответят вам, с пониманием улыбаясь, — это мы как раз вчера окошки помыли!»

Конечно, встречаются среди жителей города и неряхи, но это скорее исключение, а большинство все-таки очень любит, чтобы дома было все прибрано и изящно расставлено.

Образцовой аккуратностью отличалась и семья Бертолаевых — Акулина, муж ее Прохор, трое детишек — Гаврик, Маврик и Настенька, да еще крупный пес дворянского звания по кличке Мопс. К модной нынче мелкой породе со сплюснутой мордой это благородное животное никакого отношения не имеет. Мопс — это просто сокращение от красивого имени Мопассан.

Акулина в тот вечер возвращалась с работы из родной поликлиники и, уставшая от непрерывной ругани в регистратуре (что за день такой выдался?), с брезгливым раздражением представляла себе, как станет подниматься на свой восьмой этаж без лифта с тяжелой сумкой, перешагивая в неверном свете уличных фонарей через вывернутую на ступени помойку, через невиданно большое количество экскрементов, а главное через ужасные ошметки растерзанной кем-то накануне собаки. В таком чудовищном состоянии их подъезд и лестница пребывали, пожалуй, впервые, и у Бертолаевой мелькнула даже странная мысль: уж не помыть ли лестницу хотя бы перед своей дверью. И не позвонить ли наконец в «Лифтремонт». Темнело по-осеннему рано, погода выдалась сырой и ветреной. С продувного проспекта Летчиков-победителей Акулина свернула на тихую улицу Подзаборную и с радостью отметила,

что фонари на ней хоть и через один, но пока еще горят. А вот и дом номер 28, то есть их дом... Каково же было ее удивление, когда обнаружилось, что весь первый подъезд сияет огнями, как новогодняя елка. «Неужели и лифт починили?» — боясь в это поверить, спросила сама себя Акулина.

Но оказалось, не только лифт.

Подъезд и внутри и снаружи сиял чистотой, словно офис коммерческого банка. Свежеокрашенная дверь улыбалась новыми никелированными ручками, исчезла куда-то вся грязь, все надписи, даже порезы на перилах и выщерблины на бетонных ступенях. Не хватало разве что ковровых дорожек, прижатых надраенными до солнечного блеска бронзовыми прутьями, и огромной хрустальной люстры, свисающей с потолка. Но стоило прикрыть глаза на секундочку, и все это великолепие возникало перед мысленным взором в мельчайших подробностях. А открыв глаза, Акулина нисколько бы не удивилась, лицезрея вновь привычную грязь и разруху. Но нет! Чудеса дворцовые, конечно, померещились, но аккуратность во всем была идеальная. Лифт медсестра Берталаева вызвала, заглянула туда, ахнула, с удивлением ощутила запах приятного дезодоранта, а потом в полной ошарашенности, забыв про набитую сумку в затекшей руке, поднялась вверх пешком. И все еще не могла поверить, что ремонт сделали за один день на всех этажах. Бертолаев встретил ее веселый и благостный, дети, которых никто не заставлял делать уроки, тоже вершали наперебой радостными голосами.

«Принял уже, мерзавец! — подумала Акулина. — С чего бы это?»

Но подумала как-то беззлобно и вслух ничего не сказала. А Прохор сам начал:

— Линушка, у нас же праздник сегодня!

«И точно: праздник», — подумала она, но на всякий случай спросила:

— Какой еще?

— Дак ведь на заводе полувековой юбилей нашего пробочно-крышечного цеха отмечали. С обеда всех домой отпустили.

— А-а,— протянула Акулина.— Ну давай тогда уж и вместе за ужином по рюмочке нальем. Анисовую-то из холодильника не выжрал еще, троглодит?

— Нет, только чуть-чуть отпил,— честно признался Прохор, сраженный такой благосклонностью.

Ну а разомлев после еды с водочкой и оставив детей у телевизора смотреть мультяшки («Какие уроки, мать? Заработалась совсем — суббота завтра!»), вышли они вдвоем покурить на лестницу.

— Видал? — спросила Акулина.

И сразу поняла, что Прохор еще ничего не видал. Он вертел по сторонам головою и трезвел на глазах.

— Ничего себе! Когда ж они успели?

Прохор четко помнил, что с завода возвращались они вместе с Родионом, а Родион нажрался, как свинья, наверх ему очень тяжело было идти, настолько тяжело, что между пятым и шестым этажами, споткнувшись о растерзанную собаку, Родька, бедный, упал, растянулся, потом встал все-таки, с усилием хватаясь за перила, и вот тут уже начал блевать. А после, как водится, оклемался чуть-чуть и заявил, что в гости к Бертолаеву не пойдет, уж лучше домой — спать. На том они и расстались. А дальше Прохору почудилось, что он вот так сразу и оказался дома на диване. Ни как шел, ни как дверь открывал и раздевался, вспомнить не мог. Ну что поделать, бывает! Хотя вроде и не столько выпил... Ну а потом проснулся, хлебнул чуть-чуть анисовой — тут как раз Акулинушка и пришла.

История как история. Вполне обычная, если б только не подъезд...

Бросили они окурки под ноги и пошли обратно к столу доедать салат и кильку в томате, да чайник ставить, но, едва закрыли дверь, не сговариваясь исполнили команду «кругом!» и снова выскочили на лестничную клетку. «Ох, негоже в подобной чистоте мусор оставлять!» — подумали оба одновременно. Подошли к идеально чистой крышке мусоропровода, обшарили глазами все вокруг — нет окурков, словно сами собой исчезли. А ведь не было тут никого, не было, пять секунд же прошло, ей-богу!

Проход помрачнел и проговорил:

— Ну все, еще по маленькой — и на боковую, а то и до белой горячки недалеко!

Однако на следующий день «белая горячка» охватила все тридцать шесть квартир подъезда. Жители, почуяв неладное, пустились во все тяжкие. Кто-то, мальчишки, наверно, специально разбил пару стекол камнями, другие накидали мусора, перепачкали стены и даже потолки, испарали кабину лифта, а лампочки повыворачивали все до единой и растащили по домам. Но победить подъезд не удалось ни в субботу, ни в воскресенье. По ночам брошенные бутылки, бумажки и плевки словно всасывались в пол, надписи со стен буквально испарялись (так чисто не отмоешь, только если по новой закрашивать), окна зарастали новыми стеклами, словно ранка молодой кожицей, лифт, гладенький и блестящий, продолжал работать совершенно бесшумно, а лампочки, едва ли не ярче предыдущих, появлялись из ниоткуда в полном комплекте.

Мышуйцы призадумались, готовые сдаться.

Дольше других держался местный Пикассо — семнадцатилетний рокер и бузотер Леа Сизов, он же Сизый. С привычкой разрисовывать стены расставаться он не желал категорически, но, в отличие от многих сверстников-хулиганов, для которых главным был процесс, Леа ценил результаты своей деятельности и считал их достойными если не Лувра, то уж Мышуйского музея народного творчества определенно, за что и прозван был не только простецкой кликухой, но и гордым именем великого испанца. В общем, Сизый превзошел самого себя в художественности написания любимых лозунгов. Вооружившись тремя баллончиками яркой краски, он подарил миру три сентенции, далекие от понимания среднего мышуйца: «Даешь свободу куртуазному постмодернизму!», «Стэн+Хавронья=либидо» и «I love rap. I'm goat»¹. Надписи, разумеется, исчезли без следа в течение ближайшей ночи. Си-

¹ Я люблю рэп. Я козел (англ.).

зый завелся и, потихоньку выскользнув из квартиры, когда родители уже спали, тщательно разрисовал стены с первого по восьмой этаж. На свой девятый не пошел, потому что намерен был дежурить возле росписей ночь напролет, а под собственной дверью сидеть не хотелось. Лозунги и абстрактные фигуры получились на этот раз еще эффектнее прежних, Сизый просто обязан был подкараулить поганца, упорно уничтожавшего эти произведения искусства. Но, видно, под утро паренька все-таки сморило, на каких-нибудь пятнадцать минут, не больше, и, когда он пробудился от неудобной позы, стена перед ним была уже идеально чистой. Вниз не стоило и ходить, но Леха все-таки спустился до самой внешней двери — ровной, чистой, нетронутой, плотно закрытой — и разозлился окончательно. «Перехитрил, проклятый чистильщик! — кипело внутри у Сизого. — Ну, держись, дружок, сейчас я такое изображу, что сюда телевидение приедет! Разрисую весь дом снаружи, насколько краски хватит!»

Выбежал горе-Пикассо на улицу, готовый к бою не на жизнь, а на смерть, да и замер как вкопанный, едва обернулся на родимый подъезд.

Его опередили. Прямо над дверью по кафельной стенке тянулась нереально четкая огненно-красная надпись: «ТОВАРИЩИ ЖИЛЬЦЫ! БУДЬТЕ АККУРАТНЫ И ВЗАИМНО ВЕЖЛИВЫ. СОБЛЮДАЙТЕ ЧИСТОТУ И ПОРЯДОК. СПАСИБО. ПОДЪЕЗД».

«Что значит — подъезд? В каком это смысле — подъезд?» — недоумевал Сизый.

А рядом с ним, оказывается, уже стоял сосед — Парфен Семечкин, чудака-спортсмен из городской лыжной команды. Длинный, нескладный, сутуловатый, он близоруко шурился и выглядел совершенно растерянным. Леха иногда подумывал, что годам к тридцати тоже будет крутым спортсменом, его это по-настоящему прикалывало, вот только стремался юноша сделаться таким же горбатым и слепым.

— Вы что-нибудь понимаете, Парфен Геннадиевич? — дуря от собственной вежливости, поинтересовался Сизый.

— Ровным счетом ничего! — бросил Парфен уже на ходу: он спешил на работу.

Оставшись снова один, Сизый воровато огляделся и сладострастно залил густым слоем краски проклятую надпись, сделанную конкурирующей фирмой. Потом изо всех сил хлопнул дверью, в надежде разбить ее, и отправился домой спать.

Следующей выходила из подъезда жилища со второго этажа бабка Дуся по прозвищу Балкониха. Бабка эта днями напролет сидела на балконе и, зорко выхватывая взглядом интересные события, а чутким ухом ловя обрывки разговоров, формировала в голове целые штабеля компромата на всех соседей по микрорайону. При этом в свои семьдесят пять здоровье имела недюжинное и была одной из тех немногих, кто время от времени брался за уборку подъезда. Росписи на стенах ненавидела она люто, за Лехой Сизовым гонялась лично и не первый год, а для мытья стен применяла не только мыльную воду, но и всевозможные растворители.

— Опять каракули! — всплеснула руками Балкониха, уязвленная в самое сердце высоким классом исполнения богомерзкой надписи.

Мигом возвратилась домой за ведром, шеткой и тряпкой, даже стремянку вынести не поленилась и за дело взялась всерьез. Однако уже через полчаса выяснилось, что керосин, едкая щелочь, и даже автомобильный электролит супротив ярко-красных букв бессильны, а за это время около подъезда собралась уже целая толпа. Вызвали и милицию, благо участковый дядя Гриня жил в соседнем подъезде. Одни Балкониху активно поддерживали, другие осуждали, третьи потребовали вытащить за ушко да на солнышко Сизого Пикассо — по мнению большинства, он был безусловным автором нового граффити, а значит, он-то и владеет секретом краски. Но несчастный парень, едва успевший заснуть, был жалок, сразу во всем сознался и от обиды едва не плакал.

Дядя Гриня состава преступления ни в чем не усмотрел и отбыл на дежурство в отделение. А народ все шумел и шумел.

Никто даже не слышал, как второклассница Марфуша Палкина с четвертого этажа негромко, но упорно спрашивала у всех подряд:

— А вы, вааще-то, прочли, что там написано?

К вечеру понедельника в подъезде, как обычно, набросали рекламных листов, оберток, окурков и огрызков — меньше, чем обычно, но набросали. Один довольно длинный бычок остался непотушенным. Долго тлел, от него даже загорелся ворох бумаги, и дымом пахло до самого верхнего этажа. Но спали все крепко, никто и носа не казал на лестницу. Зато наутро любимая надпись над входной дверью дополнилась новым пожеланием: **«НЕ БРОСАЙТЕ ЗАЖЖЕННЫЕ ОКУРКИ! ЭТО МОЖЕТ ПРИВЕСТИ К ПОЖАРУ. СПАСИБО. ВАШ ПОДЪЕЗД».**

Изящно добавленное слово «ваш» перечеркнуло наконец все сомнения. Итак, с людьми разговаривал лично Подъезд, собственной персоной. Доведенный до отчаяния наплевательским отношением людей, он принял сам за наведение порядка. Во всяком случае, именно такое незамысловатое объяснение происшедшим событиям дал известный в доме интеллигент старой закваски учитель биологии Твердомясов с шестого этажа. Понятное дело, не все ему поверили, но ведь мышуйцы такой народ — верить вообще ни во что не привыкли, привыкли дело делать. И при этом очевидные вещи признавали, а заведомо невозможные выкидывали из головы. Какая разница, кто у них порядок наводит: ЖЭК, Господь Бог, инопланетяне или просто Подъезд. Главное, чище стало, лучше — вот и хорошо!

ЖЭК, между прочим, записал это дело себе в актив и тут же в соседних подъездах ремонт затеял — негоже, когда такой диссонанс. Из других микрорайонов приходили по обмену опытом. Потом городское начальство приезжало. Посмотрели, языками поцокали, обещали в Москву сообщить о феномене. Однако уполномоченный президента по Мышуйску товарищ Худохрунов прямо заявил, что без согласования с генералом

Водоплюевым, командиром спецчасти, дислоцированной на Объекте 0013 в мышуйской полутайге, никаких телеграмм в центр отправлять не будет. В общем, спустили дело на тормозах. Тем более, что надпись пропала давно, а других доказательств чудесного превращения у жителей подъезда не имелось.

Меж тем в самом доме 28 по Подзаборной улице продолжали твориться форменные чудеса: Леха Пикассо перестал разрисовывать стены и поступил в художественное училище имени Расстрела кронштадтского мятежа. Балкониха стала собирать компромат только на чужих. Соседи же по подъезду были отныне в ее глазах родными и непогрешимыми. Вообще все тридцать шесть квартир сдружились, как никогда. Начали вместе на субботники выходить, озеленять территорию, а потом до того дошли, что общими усилиями детскую площадку перед домом соорудили. Соседний подъезд, отремонтированный ЖЭКом по старинке, включился в соревнование и изо всех сил пытался не отставать.

Дальше — больше. Мания чистоты и порядка оказалась заразной и постепенно перекинулась на другие дома, не только на Подзаборной, но и дальше — на проспекте Летчиков-победителей.

И вот погожим весенним деньком видный общественник Твердомясов собрал всех жителей подъезда на очередной субботник да и объявил для начала коротенький митинг. Подвел итоги отчетного периода и в заключение сказал:

— Товарищи! Мы не должны останавливаться на достигнутом. Наши успехи уже стали примером для жителей соседнего подъезда и близрасположенных домов. Это хорошо. Но этого мало. Я думаю, нашему коллективу по плечу навести порядок и во всем микрорайоне. Да что там, товарищи, давайте мыслить смелее — во всем городе!

— Ура! — дружно зашумели мышуйцы.

А Леха Сизов с молодым задором прокричал:

— А я считаю, что мы и всю Россию за собой потянем! Да что там Россия!..

Он вдруг поперхнулся, закашлялся, и в наступившей тишине все услышали тоненький голосок второклассницы Марфуши Палкиной с четвертого этажа:

— Эй! Смотрите!

И все посмотрели в ту сторону, куда показывала девочка.

Над подъездом сияла новая надпись, только теперь она была светящейся, и буквы бежали, как по экрану дисплея, красные, уверенные — они складывались вновь и вновь в одну короткую фразу:

«ПОЖАЛУЙСТА, СТАВЬТЕ ПЕРЕД СОБОЙ ТОЛЬКО РЕАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ. ВАШ ПОДЪЕЗД».

Родословная

Была у студента третьего курса Кеши Пальчикова одна заветная мечта.

Нет, были, конечно, и другие мечты, например, стать великим хирургом и научиться пришивать давно оторванные конечности работникам родного железнодорожного депо; или встретить на жизненном пути любимую девушку и поехать вместе с нею отдыхать на озеро Чад. Но это были просто мечты, а заветная — только одна: докопаться однажды до своих корней, до предков своих дальних. До пращуров. Методом опроса ближайших родственников удалось Кеше уточнить лишь полные имена одного деда да двух бабушек, но бабушки его как раз мало интересовали, ведь одна имела фамилию Алексеева, а другая — Николаева. Скучно это все. По-настоящему увлекала юного Иннокентия только линия его деда по отцу — тоже Иннокентия Дмитриевича. Однако кто такой был Дмитрий Пальчиков-старший, родившийся еще в прошлом веке — никак, ну никак не удавалось выяснить. Да и где выяснять? Городской архив сгорел дотла, сказывали, еще в войну, когда в него фашистская бомба угодила. Да и было ли что в этом архиве, неизвестно.

Сам Кеша детство провел в Ленинграде, отец его и мать привыкли называть себя псковитянами, а вот дед как раз ро-

дился в Мышуйске. Так, во всяком случае, рассказывал Кеше отец, когда они все вместе вернулись в «город предков». Однако многие друзья и соседи считали это не более чем красивой легендой. История Мышуйска — вещь сама по себе загадочная. Военные из спецчасти генерала Водоплюева, а также милиционеры и все люди, близкие к городским властям, вообще уверяли, что городу лет пятьдесят, максимум семьдесят, что возник он посреди дикой полутайги возле Объекта 0013 «с целью создания приемлемых условий жизни для персонала всех учреждений, занимающихся изучением Объекта». А на вопрос, откуда же в Мышуйске столько старинных зданий и в частности университет, на котором красовалась табличка «Памятник архитектуры XVIII века. Охраняется государством», военные, не моргнув глазом, докладывали: «Все эти здания возведены были при Сталине исключительно на предмет конспирации и камуфляжа».

А меж тем любители старины, такие, например, как школьный учитель Твердомясов или аспирант кафедры анатомии Коринфаров специально исследовали храм Николая Угодника, что на Свинаяй горке, и доподлинно выяснили: да, перестроена сия церковь в начале XVII века, аккуратно после набега на Мышуйск Лжедмитрия Второго, а фундамент, вне всяких сомнений, заложен еще в XI веке, то есть задолго до татаро-монгольского нашествия. Кеша Пальчиков был внутренне убежден, что правда на стороне интеллигенции, а не военных, и неистово мечтал раскопать всех своих предков до двадцатого колена и доказать миру, что жили они именно в этом городе, на его исторической родине.

В тот вечер Иннокентий Пальчиков задержался на кафедре анатомии дольше обычного. Аспирант Евдоким Коринфаров, которого никто не звал Кимом, а величали все поголовно только ласковой кличкой Дока, позволил студенту поработать на новом «пентиуме» — компьютере с самой мощной в Мышуйске конфигурацией. Кому пришло в голову закупить для кафедры анатомии это электронное чудо, неизвестно, но поработать на нем становился в очередь весь университет. Одним словом, Коринфаров должен был делать какие-то расчеты в

ночную смену, после полуночи, а Кешу по знакомству запустил начиная с восьми вечера. И все бы здорово, да только минувшей ночью парень практически не спал, к зачету готовился, и теперь, когда за окном совсем стемнело, а в лаборатории было тихо-тихо, Кешу начало отчаянно клонить ко сну.

Он как умел боролся с подступающей слабостью. Обидно же — не использовать такой шанс! Уперев локти в стол, он держал голову обеими руками, боясь уронить ее на клавиатуру и устроить на экране жуткую путаницу вместо четко прорисованных и аккуратно надписанных костей человеческого скелета.

— Любезнейший! — вдруг раздалось у Кеши за спиной. — Вы сюда, между нами говоря, делами серьезными заниматься пришли или так, из праздности одной время убиваете?

Обороты речи были непривычно витиеватыми, да и голос незнакомый, хоть и приятный.

Пальчиков повернулся вместе с удобным офисным креслом, но решительно никого не увидел в лаборатории, а вот учебный экспонат — скелет человека — стоял теперь почему-то не слева от компьютера, где было удобно рассматривать каждую косточку, а аккурат за спиной, откуда только что и раздалась (или померещилась?) странная реплика. Скелет поднял правую костлявую руку и, зашевелив нижней челюстью, произнес:

— Да-да, это именно к вам я и имею честь обращаться.

— В-в-вы? Ко мне? — еле вымолвил Пальчиков, пугаясь не столько вида говорящего скелета, сколько своего непонятного спокойствия в этой ситуации.

— А к кому же, милейший? Если у вас, допустим на мгновение, возникли серьезные проблемы, так поделитесь. Смелее, молодой человек! Чем черт не шутит, глядишь, и я помочь сумею. Если же так;лодырничать изволите, дома перед телевизором не спится — тогда прошу покорно: освободите дефицитное рабочее место. Мне тоже трудиться надобно. А то, не ровен час, наш общий друг Евдоким Коринфаров заявится.

Речь скелета была удивительно гладкой и какой-то очень уютной, завораживающей. Некогда стало Пальчикову размышлять, спит он или бодрствует, нужно ли ему шипать себя за руки и за щеки, стоит ли, наконец, рыскать по углам в поисках швабры, насаженной на осиновую палку, — хотелось просто поговорить с этим таинственным персонажем.

— А позвольте узнать, — заражаясь манерой собеседника, начал Кеша, — как, собственно говоря, намерены вы трудиться, если вы, простите, не более чем скелет?

— Да очень просто! — улыбнулся тот. (Впрочем, он ведь непрерывно улыбался.) — Головой буду работать и руками. Главное — не мякоть, главное — крепкий костяк. Заметьте: это мой собственный афоризм. А я на свете белом вот уж без малого две сотни лет живу, и то, что сегодня, в силу известных обстоятельств, скелетом подрабатываю, — так это особая история. Между прочим, молодой человек, ничего постыдного в нынешнем своем положении я не усматриваю. Даже напротив, массу преимуществ наблюдать смею...

— Сколько?! Сколько вам лет? — непочтительно перебил Кеша, словно только теперь осознал сказанное.

— Знаю, что трудно поверить, знаю. А ведь я, милостивый государь, первым экспонатом был в этом высокопросвещенном учреждении. Оно же еще при матушке Екатерине Великой создавалось, императрица лично на открытии Мышуйского университета присутствовали, а я в тот самый день и завещал использовать брэнное тело свое на благо естественных наук и процветания России. Когда же в тысяча восемьсот тридцатом, уже при Николае, стало быть, Палыче душа моя отлетела — хе, хе! — в виртуальный мир, я и оказался вот в этом непосредственно углу. Много с тех давних пор воды утекло, много хозяев у этой комнаты переменялось...

— И как же, простите, ваша душа обратно из виртуальной реальности к нам вернулась? — Кеша уже сгорал от любопытства.

— Не спешите, мой юный друг. Я же об этом вам и рассказываю. Только всему свой черед. Так вот, самым славным хозяином сего кабинета был доктор Поликарп Ильич Укропов. Пять-

десять шесть годков тому назад принял он в руки свои все это хозяйство и с упорством воистину подвижническим разрабатывал одну феноменальную гипотезу. О том, мой юный друг, что в костях человека веками могут сохраняться так называемые «генетические споры». Ну, то есть ДНК особого типа, хранящие полную информацию о всех живых клетках организма, в том числе и о клетках головного мозга. Доктор Укропов изобрел уникальную методику полного восстановления центральной нервной системы на базе имеющегося костного остова, а через это — нота bene, милейший! — чисто теоретически становилось возможным воскрешение личностей давно погибших индивидуумов. И не хватало Поликарпу Ильичу какой-то малости. Все методы химического воздействия были испытаны от и до, оставалась теперь только лучетерапия, то есть всяческая злобредная радиация. Эксперименты затянулись, доза, полученная стариком Укроповым, накапливалась, и однажды, рискнув увеличить мощность облучения, он пренебрег плотностью отраженного и рассеянного потока. Сердце профессора не выдержало.

А вот на меня эта самая радиация подействовала наконец-то благотворно — я проснулся. Точнее, проснулись во мне пресловутые генетические споры, процесс пошел с каждым днем все активнее, ДНК-то оказалась саморазвивающейся... Да вы же медик, любезнейший. Слыхали, наверно, о подобных вещах, — но говорят-то сейчас все больше о динозаврах да о мамонтах. И кому они, эти чудища, прости Господи, надобны? Куда важнее бессмертную человеческую душу к жизни вернуть. И вот, любуйтесь, пожалуйста: я стою здесь, перед вами, и мы беседуем, как Герцен с Огаревым.

Кто из них Герцен, а кто Огарев, Кеша решил не уточнять и, прогнав в очередной раз назойливую мысль: «Дозанимался, приятель, со скелетами разговариваешь!» — щипать себя опять-таки не стал, а задал очередной вопрос, точнее, сразу два. Первый — очевидный:

— Неужели вы никому до меня ничего о себе не рассказывали?

И второй — не дожидаясь ответа, с надеждой («Значит, не случайно все, значит, что-то роднит нас — этого загадочного скелета и меня, Кешу Пальчикова»):

— А над чем вы, собственно, работаете, уважаемый?

— Э-э, милейший! Отвечаю по порядку. Никому я о себе не рассказывал. Да и зачем? Помощь мне никакая не нужна. А сам — кому я могу быть полезен? Умникам высоколобым? Так ведь нагонят сюда, окаянные, всяческих экспертов, замучат тестами, сделают из меня подопытную свинку, а в душу бессмертную наплюют... Вы же человек хоть и молодой, но с пониманием. Я это чувствую, а главное, интересы у нас с вами общие. Неужто не догадались? Я же большой знаток и ценитель Ее Величества Истории. Люблю, знаете ли, заглянуть в глубь веков, опуститься вниз по корням собственного генеалогического древа. Дабы ощутить в полной мере аромат ушедших эпох и вместе с легендарными...

Кеша уже не слушал, в голове его все смешалось, и стучала там неустанно лишь одна радостная мысль: «Свершилось! Свершилось!»

— ...или вот, к примеру, назовите мне вашу фамилию! — услышал он вдруг. — Назовите. Я в тот же миг введу ее в компьютер. У меня, между прочим, есть в этой славной машине своя собственная блуждающая и жестко запароленная директория, в которую я и заносу все сведения о дальних и близких родственниках своих. Все, какие удалось разыскать за эти годы. Если вы, скажем, сами из этих мест приходите, то я почти наверняка сумею рассказать очень многое об истории соответствующего рода. Так как же-с фамилия ваша, милейший?

Кеша и не заметил, что уже уступил свое место за дисплеем скелету, а сам встал рядом, держась за спинку стула и пристально следя, как длинные костлявые пальцы с легкостью необыкновенной летают над клавиатурой, запуская специальные программы и вызывая скрытые файлы из глубины компьютерных мозгов.

— Пальчиков я, Иннокентий Дмитриевич.

— Пальчиков, Пальчиков,— зашептал скелет, а потом воскликнул: — Ба! Да вы откуда родом-то?

— Из Питера, на Литейном жил до пятнадцати лет, а потом... Батя у меня военный, сюда как раз и направили...

— Сия информация, милейший, как раз не очень важна,— перебил скелет.— Пращуры ваши откуда? Не знаете случаем?

— Наверняка не скажу, но батя как раз уверяет, что отсюда, из Мышуйска.

— О! — скелет торжественно поднял вверх самый длинный и самый костлявый палец.— Тогда ошибки быть не может. Слушайте. Неподалеку отсюда в восемнадцатом веке знатное имение было, так и называлось — Пальчиково. Ваши наипрямейшие предки этими землями и лесами владели. А моя-то фамилия, кстати, Юсупов — извините, что сразу не представился. Так вот, дочь моя любимая, Аглая, аккурат накануне осенней кампании восемьсот пятого года — помните, мы тогда под Аустерлицем французов-то разбили с австрийцами в союзе, генерал Вейротер блистательный был командир... О чем это я? Да! Аккурат в то самое лето Аглая моя и выскочила замуж за вашего прапрапрапрадеда Пальчикова. Он, кстати, там, в Австро-Венгрии и погиб, но род продолжить успел, и очень достойный, между нами говоря, дворянский род. Вы не смотрите на то, что фамилия такая смешная — Пальчиковы. Пальчиковы, они еще со времен Ивана Калиты на Руси известны были... Впрочем, давайте-ка проверим мою память. Глядите сюда!

Кеша попытался глянуть, но изображение перед его глазами плыло и колыхалось. И где ж это он очки оставил? Ведь сидел теперь позади скелета на стуле. А спать хотелось невыносимо, и не было даже сил встать и поискать проклятые стекла. Неожиданно для себя самого он напряг зрение и сумел разглядеть время в нижнем правом уголке на панели задач — 23.55.

«Э, так ведь через пять минут пробьет ровно полночь, и придет аспирант Коринфаров, и карета превратится обратно в пустую тыкву, а лошади в мышей... Нет, это какая-то совсем

другая сказка», — подумал Кеша, но такова была последняя мысль, посетившая его. Потом сон сморил Пальчикова окончательно.

Кто-то тряс Иннокентия за плечо. Пальчиков поднял голову и сначала увидел серое, потухшее стекло монитора, а уж потом обернулся и узнал старого друга Доку.

— Вставай, рабочийчек. Я на целых два часа задержался, а ты не ценишь дефицитного времени. Эх, молодо-зелено! Это тебе, брат, по девочкам ночью бегать надо. Мне же полагается пахать в поте лица на свою кандидатскую, однако у нас как-то все наоборот получается. Точнее, даже не наоборот, а просто... по идиотски, — зарпортовался возмущенный Дока, — ерунда какая-то: ты приходишь ко мне в лабораторию и спишь!..

А Пальчиков все никак не мог понять, где он, и вот теперь принялся запоздало щипать себя за руки и за щеки.

— Это что, такой новый вид бодрящего массажа? — не понял Дока.

Кеша ответил вопросом на вопрос:

— Компьютер ты выключил или кто?

— А ты его включал? — ядовито поинтересовался аспирант Коринфаров.

Домой Иннокентий Пальчиков шел как пьяный — на автопилоте. И только попив чайку в неурочное время — в квартире-то все спали, — начал потихонечку приходить в себя. Мучила его некая забытая деталь, и, нащарив в памяти подходящую народную примету, Кеша сообразил подойти к большому зеркалу в прихожей. И ведь помогло! Оттуда, из зазеркалья, смотрело на него растерянное, утомленное, но счастливое лицо человека, познавшего тайну тайн. И ключ к разгадке был здесь, при нем, совсем рядом.

«Ну же, ну, еще немножко, и ты вспомнишь — ну!»

От напряжения на лбу Пальчикова выступили бисеринки пота, они увеличивались на глазах, сливаясь в крупные капли,

и наконец побежали шекотными струйками вниз по лицу. Пальчиков не выдержал и полез в карман пиджака за платком. Но платок оказался слишком жестким и почему-то шелестящим...

И тогда он все вспомнил. Это был не платок — это была распечатка с компьютера. И еще не развернув первую страницу, он уже увидел, словно читал сквозь плотный лист бумаги: «ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО РОДА ПАЛЬЧИКОВЫХ ОТ XI ВЕКА ДО НАШИХ ДНЕЙ». На пяти листах и внизу последнего лаконичная подпись в этакой изящной виньеточке: «Подготовил сотрудник Мышуйского университета Ск. Юсупов».

Шильдик

День был воскресный, и Прохору Бертолаеву разрешили поспать до полудня. На завтрак он скучно поклевал каши, глотнул растворимого кофе с молоком — аппетита не было совсем — и отправился гулять с Мопсом, без особого энтузиазма взяв с собою напросившегося старшенького, Гаврика. Маврик и Настенька остались смотреть мультяшки. Погода выдалась отличная, солнечная, легкий морозец бодрил, и они махнули через пустырь к дальнему магазину, в котором пиво дешевле. Однако супротив всякой логики Прохор вдруг купил в ларьке у гастронома четыре банки самого дорогого, импортного — захотелось кутнуть в кои-то веки, тем более что накануне премию на заводе дали — зря он, что ли, третью субботу подряд без отдыха ишачит? Конечно, после таких нагрузок нельзя было не выпить вечером. И возможно, Прохор немного погорячился, уговорив бутылку 0,75 практически в одиночку — Акулина помогала чисто символически, вот наутро и чувствовал себя несколько вялым.

В общем, одну из ярко-зеленых голландских баночек он тут же у ларька и высосал под осуждающие взгляды Гаврика и Мопса. Зато настроение мгновенно улучшилось, и, придя домой, Прохор полез в кладовку с благородным намерением навести там порядок.

До обеда оставалось еще часа два, можно было успеть многое, и Акулина напомнила мужу:

— Полгода уже прошу тебя полку повесить! А без этого чего тут разбираться? Как был бардак, так и останется на всю жизнь.

— Линушка! — взмолился Прохор. — Но ты же помнишь, там эта стена, ну как будто из танталовой стали, ни одно сверло не берет, я тогда уже пробовал дырки делать. Намаялся только и плюнул. Помнишь?

— Помню. Но полка-то нужна. Тоже мне — передовик труда! Лучший слесарь города Мышуйска! Значок получил, а звание не оправдываешь. Ты же приносил сверла со специальными наконечниками.

— Ну, приносил, — буркнул Прохор.

Он надеялся, что Акулина забыла про те сверла. Были они жутко дефицитные и дорогие, а ему достались почти даром — друг из соседнего Жилохвостова привез по случаю за бутылку коньяка, и Прохор их жалел — боялся испортить необратимо о злосчастную стену, а мало ли какие еще задачи возникнут. Но теперь, похоже, Акулина не успокоится, пока не добьется своего, значит, откажись он дырывать стену, рискует обедать совсем без выпивки. Тем более женоушка еще не знает, что он пива нынче басурманского купил. Это ее не порадует, а два огорчения в один день — явный перебор.

— Ладно, — смирился Прохор и достал дрель.

Он решительно закрепил ключом уникальное произведение жилохвостовских мастеров-металлургов и вдавил кнопку включателя. Дрель отчаянно завизжала, вгрызаясь в давно намеченное на стене место — крошечную лунку, отполированную до блеска предыдущими попытками. Акулина постояла с минуту, упиваясь своей маленькой домашней победой, да и пошла на кухню суп варить из тощего синеватого цыпленка. «Мама, и как у тебя из такой страшной птички такой вкусный булён получается?» — спрашивал по обыкновению Маврик.

А Прохор сверлил, навалившись на дрель всем телом, но вдруг сообразил, что надо бы точку поменять, ну на сантиметрик сместить — и всего делов. Чего он действительно так тупо

уперся в одно место? Может, это в бетон и впрямь какой-нибудь сверхтвердый сплав вмерз в виде прутка или маленькой болванки? Сказано — сделано. Дрель пошла явно веселее, хотя по началу судить не следует, в верхнем слое и старые обои, и штукатурка — пока еще до бетона дойдешь. Так и есть: на полноты погрузился, и снова — ни в какую!

— Эхма! — зарычал Прохор, вкладывая все силы в последнюю отчаянную атаку, как шахтер в забое, как солдат с «калашом» наперевес, и чуть не выматерился на всю квартиру, да только тут и случилось непредвиденное. Сверло пролетело в пустоту, палец сорвался с кнопки, дрель остановилась, а лучший слесарь Мышуйска лбом ударился в стену. И стена, словно живая, отбросила его назад и вниз. Он еще только успел заметить, как из проделанного в ней отверстия вырвалось нечто — то ли огонь полыхнул, то ли дым повалил красно-оранжевый. Похоже, именно в этой загадочной субстанции и было дело, удар-то оказался никакой. Даже не больно — с чего ж тогда сознание терять?..

Очнулся Прохор, судя по всему, быстро, шишки на лбу не было, дрель валялась рядом, а напротив, касаясь его ногами, сидел в такой же позе человек. Очень странный человек, ну просто как две капли воды похожий...

«Э,— подумал Прохор,— что за шутки? Зачем это Акулина старое зеркало с балкона в кладовку притащила, да еще поставила передо мной, пока я тут без сознания валялся? Воспитывает, что ли, таким образом? Мол, полюбуйся, голубчик, до какого свинского состояния наакался!»

Меж тем отражение «налакавшегося» Прохора там, в зеркале, наклонилось вперед, протянуло руку и сказала:

— Помоги подняться, чудик, теснотища тут, ё-моё! Опять не успел порядок навести.

— Так если полку повесить, сразу места больше будет,— рассудил Прохор.— Главное дырку просверлить. Точнее две.

— То-то и оно,— согласился его двойник.— А как ее про-
сверлишь, когда эту стену ни одна зараза не берет?

— Ты тоже пытался?

— И не раз. А вот сегодня полная фигня получилась...

Они мило так разговаривали друг с другом, будто встречались каждый день. Общение казалось очень простым и естественным для обоих, а потом и тот и другой словно проснулись одновременно.

— Да ты кто такой? — выпалил Прохор, опережая двойника с этим нелепым вопросом.

Потому, наверно, двойник и ответил как бы не своей репликой:

— Я-то здесь живу. А вот ты откуда взялся? Не пойму я. Ты мой клон, что ли?

— Сам ты клон,— обиделся Прохор.— И живу здесь как раз я. А там у вас, выходит, тоже по телевизору добрым людям лапшу на уши вешают про козочку Полли.

— Про овечку Долли,— поправил двойник.

— Какая разница? — буркнул Прохор, не придав этому значения, и подумал: «Параллельный мир, он и в Африке параллельный мир, там обязательно что-нибудь не как у нас. Читали. Знаем». Он почему-то сразу решил, что повстречал второго себя из параллельного мира. Другие версии критики не выдерживали: клонирование, размножение в дубликаторе, путешествие во времени — все казалось нелогичным. Просто есть два мира, и здесь в бертолаевской кладовке они торжественно пересеклись. Все-таки Прохор не последний человек в Мышуйске, вот кто-то там наверху и выбрал его для этого исторического контакта. Приятно? Безусловно. Но знакомить второго себя с женой представлялось пока несколько преждевременным.

Прохор прислушался, как Линушка безмятежно напевает что-то на кухне, а Маврик и Гаврик ссорятся в дальней комнате из-за кедрового кокоса, найденного вчера в полутайге. Прохор-2 за компанию тоже прислушался, но к чему-то своему и вдруг сказал:

— Вот черт! Чайник свистит, а в нем воды мало. Надо бы...

— Погоди ты с чайником,— перебил Прохор-1.— Давай разберемся, что произошло.

— Да и так все понятно,— самоуверенно заявил двойник.— Сверлил я у себя стену, попал в какое-то сопряжение между двумя мирами, ну и провалился к тебе.

— Нет,— возразил Прохор.— Никуда ты не провалился. Ты же свой чайник слышишь, а не моих детей. Я тут вот о чем подумал: вся штука, конечно, в этой дырке, но...

Оба хорошо помнили, как старались из последних сил и как потом сверло пролетело в пустоту. Они одновременно повернули головы: не было на стене никакого нового отверстия — все те же упрямо блестящие лунки, слева — новая, справа — старая. А внимательно оглядевшись, и Прохор-1 и Прохор-2 не смогли не заметить, что все в кладовке, кроме них самих и дрелей, нерезкое какое-то. Ненастоящее. Прохор попытался взять в руку молоток, но это был не молоток, а только муляж его, к тому же намертво прилипший к пассатижам, словно склеенным из цветной бумаги, и к совершенно несерьезным тискам из папье-маше.

— Да уж,— проговорил Прохор.— Попали мы с тобой. Это уже не кладовка — это своего рода тамбур, шлюз между двумя мирами, понимаешь? Я, кажется, догадываюсь, как все вышло. У каждого материала, у стекла, например, даже пуленепробиваемого есть точка наивысшего напряжения. В нее ткнешь совсем легонько — и стекло в мелкие дребезги. А через нашу любимую стенку, видно, проходит граница между мирами. И мы вдвоем совершенно случайно на этой границе нашли точку уязвимости. Понимаешь? Навалились с обеих сторон, ну и случился коротыш.

— Что случилось? — не понял двойник.

— Ну электрики короткое замыкание так называют,— слегка раздражаясь, пояснил Прохор и в этот момент особенно остро ощутил, что беседует не просто с самим собой, а с другим собой.

И тут же спросил:

— Послушай, а у тебя тоже жена Акулина и трое детей?

— Нет,— сказал Прохор-2,— мою жену зовут Маша, третью жену. Первая меня бросила, а вторую я сам послал. Детей вообще нет.

— Вот те на! А занимаешься ты чем?

— Как чем? Бас-гитару мучаю в «Отделе пропаганды». Известная же рок-группа! Шесть дисков записали, несколько наград на конкурсах, за границей три раза уже выступали. Но теперь все — пик популярности прошел.

«Вот так,— подумал Прохор,— в моем Мышуйске больше нет такой группы. Значит, зря я тогда из ПТУ в техникум пошел, надо было на Валеркино предложение соглашаться и рискнуть. Профессиональным музыкантом мог и без образования стать. Ездил бы сейчас по загранкам, а не ходил бы каждый день на завод как проклятый».

Вкратце рассказал двойнику о себе. Поняли они оба, что две биографии разбежались именно тем летом, когда менеджер-авантюрист Валерка уговаривал плюнуть на все и ехать в Москву на конкурс. Прохор-1 не рискнул — выбрал учебу, профессию. А Прохора-2 повлекла романтика творческих взлетов.

Однако теперь он удивительным образом завидовал первому:

— У тебя все лучше. Я не шучу. Мало ли что слесарем работаешь — ты же мастер. У тебя же руки золотые. А Мышуйский комплекточный завод — это же гордость российской экономики. Всю страну обеспечивает пробками, крышками, ручками и задвижками. Вы еще на экспорт не работаете?

— Нет пока,— тихо проговорил Прохор, сраженный такой неожиданной реакцией двойника.

— А я всю жизнь мечтаю что-нибудь своими руками сделать. А получается только одно — по струнам шлепать. Для мужика в тридцать пять лет на гитаре лабать — это не профессия, тем более если ты не Джимми Хендрикс...

И тут с кухни позвала Акулина:

— Прошик, ты там не заснул? Все в порядке?

Прохор предложил двойнику:

— Давай отсюда вместе попробуем выйти. Ты свой чайник погасишь, а я узнаю, чего жена хочет. Заодно посмотрим, удастся ли вернуться.

Двойник первым пересек плоскость дверного проема из кладовки в прихожую, и было это как в кино — монтажный стык — был человек, нет человека.

— Чего так долго возишься? — пожурила Акулина.

— Быстро хорошо не бывает, — слукавил Прохор.

— Закругляйся давай. Скоро позову к столу. Тяпнем по маленькой. Не откажешься?

— Ох, не откажусь! — улыбнулся Прохор. — А пивка?

— Да уж как обычно, — добродушно откликнулась Акулина.

И Прохор в прекрасном расположении духа двинулся обратно. Только перед дверью его Настенька остановила:

— Па, а па, а с кем ты там разговаривал?

— Да это я сам с собою, Настюш, — сказал Прохор истинную правду, а потом приврал для убедительности: — Прикидывал, куда полку вешать.

Настенька ответом удовлетворилась и убежала в комнату, а вот дверь в кладовку открывалась с необычным трудом, словно кто-то держал ее изнутри.

«С ума он, что ли, сошел, — подумал Прохор, — двойничок мой несчастный? Творческая личность, ядрена вошь!»

Но творческая личность дверь держать и не думала. Прохор-2 прилаживал дрель к стене и намеривался продолжить сверление.

— Эй, ты что? — удивился Прохор-1. — Давай лучше поговорим еще.

— Давай, но ты мне помоги для начала. Бункер наш переходный сжимается. Вот я и подумал — может, навалимся в два сверла, расширим зазор между мирами?

Прохор отнесся к этой идее с сомнением, однако дрель в руки взял. Тут же, впрочем, и понял, что это глупость: в одну точку оба сверла не воткнешь, так что сверлить начали все равно в двух разных местах, и уже через секунду муляжи инструментов, проводов, деревяшек, велосипедных запчастей и прочего барахла сделались более четкими, грозя вернуться в первоначальное состояние.

— А вот и струны опять появились на моей старой гитаре,— не совсем понятно пробормотал Прохор-2, ошалело глядя на сортирный бачок без крышки, но с исправным регулятором.

Оба поняли одновременно, что времени для общения осталось не густо. Сверли не сверли, а скоро расставаться. Черт! Столько еще вопросов повисло в воздухе! И о чем они тут болтали, придурки? Ведь так хотелось узнать, кто там у власти, есть ли прямые рейсы из Мышуйска в Москву, какие фильмы у них самые популярные, кто из наших космонавтов сейчас на орбите, почем у них водка и пиво, и как там «Динамо»...

Они перебирали в голове все эти вопросы и, словно читая мысли друг друга, отбрасывали один за другим как несущественные.

Наконец творческий подход к проблеме победил и Прохор-музыкант сформулировал главное:

— Слушай, мы должны обменяться чем-нибудь на память. Тогда пересечение миров сделается необратимым, и мы обязательно встретимся где-нибудь еще раз.

— Давай! — обрадовался Прохор-слесарь. — А чем?

— Ты шильдики до сих пор собираешь?

— Ну конечно.

Это была его страсть с детства — откручивать, отрывать, срезать шильдики, маленькие таблички с приборов в лабораториях, со станков на заводах, со стен вагонов в электричках, даже инвентарные номера с казенной мебели тоже проходили по ряду шильдиков, если красиво сделаны были. Гордостью коллекции Бертолаев считал шильдик, сорванный с японского крышкоштамповочного станка, приобретенного Мышуйским заводом еще лет тридцать назад за какие-то сумасшедшие доллары, но так и не запущенного в дело. Документация вся оказалась на японском, переводчика долго не могли найти, а когда нашли (года два назад), выяснилось, что это вообще не станок, а секция пульта управления гробоукладчиком для крематория, причем морально устаревшая еще на момент покупки.

Имелись у Прохора забавные экземпляры и среди новых шильдиков. Только за ними надо было идти в комнату. Ну он и рванулся.

— Погоди,— остановил его второй Прохор.— У меня с собой в кармане как раз один прелюбопытный образец. Смотри. Это когда мы на гастролях были в Японии, я специально попросил сделать для наших колонок и усилков.

На шильдике значилось: «Аппаратура группы «Отдел пропаганды», Мышуйск, Россия». И ниже то же самое по-японски.

— Класс,— сказал Прохор,— вот это действительно сувенир! Подожди меня.

Вылетел в коридор, метнулся в свою комнату, быстро нашел обувную коробку с коллекцией последнего года, выбирал недолго, схватил, быть может, и не самое интересное — шильдик от старинного рояля из Мышуйской филармонии, где Прохора как-то попросили проводку поменять — и пулей обратно, мимо совершенно опешившей Акулины и вытаращивших глаза детишек.

Дверь в кладовку дернул изо всех сил, а она открылась подозрительно легко. И все предметы внутри выглядели уже как обычно. Зря, выходит, спешил. Не было там больше никого...

Полка осталась не повешенной. Так что жене пришлось рассказать все как на духу. Ну и ребята послушали про чудеса. С удовольствием и раскрывши рты от удивления. Трудно сказать, кто из них поверил Прохору, а кто не очень. Во всяком случае, Линушка дорогая не могла его обвинить в галлюцинациях с перепоем. Там-то, в кладовке, Прохор совсем трезвым был, это уж потом с горя напился. Особенно после того, как шильдик повнимательнее рассмотрел. Сметливый Гаврик сразу решил достать для сравнения жемчужину папиной коллекции — ту самую японскую диковинку. Ну и оказалось, конечно, что иероглифы на обоих совпадают точь-в-точь.

— Надул он меня,— горько произнес Прохор, смахивая пьяную слезу.— Ни в какую Японию на гастроли ансамбль не ездил. Я теперь понял: он этот шильдик в нашем «Металлоремонте» на Краснолошадской улице заказал.

Ну а семейство Прохора решило про себя, что батя дурака валяет, разыграл их, придумал невероятную историю в оправдание своего безделья, а единственное доказательство сам и притащил накануне с Краснолошадской. Впрочем, ему-то за чем? Он ведь сам себе «Металлоремонт».

Только младшенький Маврик считал иначе. Ему новый шильдик уж очень понравился: такой гладкий, такой легкий, такой красивый... Вечером следующего дня сын подошел к Прохору и сказал:

— Смотри, папуль, он в темноте светится.

Прохор глянул — и правда. Слабое такое розоватое сияние. Бережно взял в ладонь и вдруг понял, что еще необычно. Шильдик не весил ничего. Ни грамма. Прохор потом специально на аналитические весы клал. Масса-то была у этого феномена, а веса не было, не давил он никакую поверхность, парил в воздухе...

В общем, после того случая Прохор Бертолаев каждое воскресенье выпивает баночку импортного пива и перед обедом принимается стену в кладовке дрелью сверлить. Двойник больше ни разу не появлялся, но Прохор не сдается.

— Тут же теория вероятностей, — по обыкновению объясняет он. — Вот если б я мог двойнику по телефону позвонить и точно договориться... А так можно лишь на интуицию надеяться.

И еще он точно помнит, что пиво в тот раз было «Хайнекен», а теперь то «Гессер» попадает, то «Хольстен». Ну, не завозят больше в Мышуйск «Хайнекен». И Прохор свято убежден, что в этом-то все и дело.

Ягоды

День выдался просто чудесный. Густое синее небо было идеально безоблачным, над лугами плыли дурманящие запахи июльского разнотравья, заливались кузнечики, гудели стрекозы. И когда я вышел к сторожке старого алкоголика Василия Пустыша, настроение у меня было лучше некуда.

А вообще с тех пор, как я попал сюда, минуло уже почти два года. Многое довелось понять за это время. Главное, я теперь знаю: совсем не важно в какой точке земного шара ты живешь, гораздо важнее, как и зачем. А еще очень важно, кто живет рядом с тобою.

Здесь, в Мышуйске, я оказался нужен людям, а люди — мне. У меня любимая жена Анюта и наш сын Петька (и когда он успел родиться и вырасти?), у меня замечательные друзья, интересная работа и множество всяких увлечений. Чего еще человеку надо? Лично я не знаю. Впрочем, если честно, я просто пытаюсь обмануть самого себя. Я знаю, чего еще надо. Просто иногда забываю об этом. А иногда вспоминаю. Забываю чаще, потому что почти все время занят, и мне хорошо. С женой, с друзьями, с сыном. Я, кстати, не курю и почти не выпиваю, но вот когда выпью... Или еще, когда мы остаемся вдвоем с Анютой, и она вдруг начинает печалиться безо всякого видимого повода...

Несколько раз я спрашивал ее, как же все-таки люди попадают в Мышуйск, она сама, например. И Анюта сразу делалась сердитой.

Вот и на этот раз: сжимает кулачки, хмурит брови.

— Никак я сюда не попадала! Я здесь родилась! Понимаешь? Спроси у мамы.

А что мне спрашивать, когда я никому не верю. В этом вопросе — никому, даже любимой жене. Хотя говорит она, похоже, чистейшую правду. Дело не в Анюте — тут вся беда во мне. Ведь я-то хорошо помню, что не родился в своем родном городе, а пришел сюда однажды на лыжах из самой Москвы. По лыжне пришел. Впрочем, в такую странную легенду уже давно никто не верит, даже я сам начинаю сомневаться: не сон ли мне тогда привиделся...

Вообще наш Мышуйск — это скромный заштатный городишко, каких немало разбросано по всей России и ничего в нем нету особенного, разве что полутайга, начинающаяся сразу за кварталами новостроек. И если поехать сквозь ее дрему-

чие заросли по старой растрескавшейся бетонке, то на двенадцатом километре дорога упрется в скрипучие ворота, траченные ржавчиной, с еле заметными красными звездами, а дальше потянется в необозримую даль территория воинской части специального назначения, дислоцированной на Объекте 0013. Собственно, благодаря Объекту и вырос в свое время город Мышуйск. Потому и нет его ни на одной карте. Соседний совсем маленький Бурундучий Яр — обозначен, и поселок городского типа Жилохвостово — нанесен в полном соответствии с реальностью, даже крошечную деревушку Ханево сможете вы найти, а населенного пункта с доброй сотней тысяч жителей — нет как нет, и не ищите, не положено ему быть на картах: география сама по себе, Мышуйск — сам по себе. Может, из-за этого все и вышло?

Прошлым летом я все рвался поехать в Москву — ну, было у меня такое ощущение, что именно там я родился. Соседи беззлобно подсмеивались, Анята грустила, Петька канючил:

— Па, ну чего ты в этой Москве не видел? Поехали лучше на юга...

А потом старый друг Иннокентий Глыба посоветовал:

— Знаешь что, Михаил, сходи-ка ты к Москвичу, он тебе расскажет, есть ли смысл так далеко ездить — все-таки, сам понимаешь, четыре с лишним тысячи верст...

Москвичом звали в Мышуйске семидесятитрехлетнего дядю Трифона. По слухам, он был единственным местным жителем, добравшимся однажды до столицы нашей Родины, за что и получил гордое прозвище. И было это еще при Хрущеве, в год фестиваля молодежи и студентов.

Дядя Трифон охотно вспоминал бурную молодость свою, но о поездке рассказывал монотонно, бессвязно, зато с массой никчемных подробностей — и все это попивая чаек и гостю подливая. Признаться, он сильно утомил меня. Какой может быть толк от бесед с выживающим из ума стариком? Последней каплей стала демонстрация фотографий. Я решил, что не переживу этого и подался к выходу, но хитрющий дед попр-

сил достать тяжеленные альбомы со шкафа и взял с меня обещание убрать их все на место, дескать, ему уже не по силам такое — вот я и ждал, как дурак, пока он свои пожелтевшие фотки отыщет. Однако за мучения я оказался полностью вознагражден.

Московский альбом дяди Трифона я изучал внимательно и долго. Зацепившись случайным взглядом за чудные картузы и косоворотки на групповой фотографии ударников коммунистического труда, я все медленнее и медленнее перелистывал страницы и все больше терял ощущение реальности происходящего... Особенно запомнились три сюжета: дядя Трифон и его первая жена Пелагея на фоне храма Христа Спасителя (1957 год!); веселая компания студентов у подножия бронзового Пушкина на Тверском бульваре и, наконец, отдельно снятая Спасская башня с арабскими цифрами по кругу циферблата. От этих арабских цифр на кремлевских курантах мне сделалось как-то особенно грустно, и я передумал куда-либо ехать. Зачем? Все равно это будет не моя Москва. Зато Мышуйск был вполне мой, и, значит, следовало жить в Мышуйске.

А еще через год выяснилось, что я не один такой ненормальный. И поведал мне об этом не кто иной, как мой сын Петька.

— Знаешь, пап, нам сегодня учитель биологии рассказывал, что бывает такая болезнь. Когда человеку кажется, будто он родился не здесь, жил в каком-то другом месте, и вообще будто он — это не он. Учитель даже сказал, что в нашем городе живет такой человек.

— Учитель ваш — это Твердомясов, что ли? — осведомился я недружелюбно.

— Да, — сказал Петька, — Афанасий Данилович. Но ты не обижайся пап, он не тебя имел в виду. Про твои странности вообще никто не знает. А мне уже после мальчишки объяснили, что он, оказывается, про Пустыша говорил.

— Про Пустыша? — удивился я. — Так Василий же просто алкоголик.

— Нет,— протянул Петька со знанием дела,— это он потом алкоголиком стал. А сначала сошел с ума.

— Но меня-то ты сумасшедшим не считаешь? — поинтересовался я настороженно.

— Да ты что, пап?! — вытаращился Петька.

На том разговор и окончился, но я не забыл про Пустыша и, выбрав время, однажды посетил его.

Василий жил в маленькой сторожке на заброшенной пасеке. Раньше, когда здесь всюду гудели пчелы и живы были разводившие их хозяева, рядом стоял большой дом, но потом родственники погибших свезли добротный сруб в деревню — то ли на стройматериалы, то ли даже в целом виде поставили — изба-то была еще о-го-го! А супружеская пара, одинокие старички Волдыревы, Илья Дормидонтович и Лизавета Максимовна, только считались погибшими — на самом деле они просто исчезли. Ушли, говорят, однажды в лес и пропали. А были оба с рождения деревенскими, лес знали лучше, чем город. Например, в Антипову забучую топь никогда бы не сунулись, да и ядовитые кочанные лопухи со съедобной дикой капустой нипочем бы не спутали. Что могло случиться с Волдыревыми? Весь город недоумевал. Однако в Мышуйске всегда так — поговорили, поговорили о загадочной истории, да и выкинули из головы. Только Василий не забыл, он-то Дормидонтыча, что называется, с пеленок помнил, вот и поселился в сторожке пасечника, когда жена Пустыша, не в силах больше терпеть его пьянство, выгнала мужа из дома.

Я не был близко знаком с Василием — так, виделись раза три на городском базаре, когда он, еще не окончательно спившись, торговал медом — пасеку-то восстановил худо-бедно. Потом, рассказывают, начал самогонкой медовой промышлять, а затем и вовсе перестал появляться в городе. Чисто внешне я хорошо помнил Пустыша, он был похож на вяленого снетка — такой же маленький, тощий, почти невесомый, а лицо, темное от солнца и в несметных морщинах, словно сушеная груша. Лет пятьдесят ему было, не больше, а выглядел уж

давно на семьдесят — допился, понятное дело. Вот почему теперь я удивился не на шутку. Василий необычайно окреп и похорошел. Пить, что ли, бросил или какой-нибудь йогой занялся? Ведь одним свежим воздухом и трудотерапией здоровье так не поправишь.

— Отлично выглядишь, Василий! — приветствовал я его.

Он в ответ хитро улыбнулся:

— Садись, мил человек, медовушки моей хлебни да рассказывай, с чем пришел.

Медовухи хлебнуть пришлось — иначе какой разговор с Василием! — но пойло оказалось добрейшее, по классическому рецепту сваренное и подействовало на меня исключительно благоприятно. Я сразу разоткровенничался, обо всех сомнениях своих поведал, про лыжню, приведшую меня в город рассказал, о старике Трифоне вспомнил, на учителя Твердомясова пожаловался и ждал, конечно, ответных признаний. Однако Пустыш все так же молча потягивал свою медовушку и все так же хитро улыбался.

— Ты сам-то откуда будешь? — спросил я напрямую.

— Сам-то я из Железнодорожска, под Курском это. Сюда в командировку прислали.

— Давно?

— Очень давно.

— А на чем приехал-то? — попытался я зайти с другого конца.

— Вестимо на чем — на лошадях, — проговорил он, неторопливо раскуривая трубку и шурясь от дыма.

— Дурацкая шутка. А я ведь серьезно спрашивал.

— А я серьезно отвечал.

Вот и весь разговор. Верить — не верить? Выпить еще по кружке? Или просто встать и уйти?

Пока я размышлял над вариантами, Пустыш неожиданно достал из-под подушки потрепанную общую тетрадь и протянул мне со словами:

— На вот, почитай. Это здесь, в доме лежало. Дормидонтыч оставил, прежде чем совсем уйти.

Передо мной был дневник исчезнувшего без следа пасечника Волдырева, написанный в те самые последние дни. Даты на всех листочках проставил он скрупулезно, но сам текст высокой художественностью не блистал, да и с элементарной грамматикой не дружил. Первая запись начиналась, например, так: «Давеча, ну тойсть намерен был я пришедши в лес и оченна подивилси, что грибов мало. А потом глежу место совсем нето, заплутали мы значить со старухою...»

В общем, историю Волдыревых позволю я себе пересказать своими словами.

В тот день они действительно заблудились в лесу. Случай редкий, но в нашей полутайге такое может быть с кем угодно. Короче, намаявшись по буеракам, вышли дед с бабкой на незнакомую полянку, приятную глазу, да и решили отдохнуть. Присели, глянули окрест и заприметили сразу усыпанный крупными алыми ягодами куст. С виду как вишня, да ведь куст, а не дерево, листья больше на жасмин смахивают, а кожица у самого плода нежная, чуть матовая — вблизи не столько на вишню, сколько на один шарик гигантской малины походит. В полутайге чего не встретишь! Ну, Дормидонтыч привычным жестом ягодку из грозди выпепил, в пальцах размял — сочная! И пахнет приятно. А пить хотелось — ну сил нет никаких, и от ручья как назло далеко ушли. Недолгими были сомнения.

И ягоды оказались наивкуснейшими — отравы такой не бывает. Так что поели оба, а то, что набрали в туесок, Лизавета по дороге докушала. Бодрость в обоих проснулась небывалая, и путь домой нашли они легко и быстро. Впрочем, Волдыревы не удивились: лесные ягоды — давно известно — волшебной силой целительной обладают, одна земляника чего стоит.

Как домой пришли, старуха пошла обед готовить, дед же надумал дров поколоть — хоть и семьдесят лет, а здоровье еще было. Но только колун в руки взял, чувствует: что-то не то. Подменили колун, уж больно легкий. Вернулся в избу и обомлел: кто это возле печи суетится? А Лизавета обернулась и тоже странно так на своего благоверного смотрит.

К зеркалу подошли вместе. Долго пялились, несколько раз пробовали пыль протереть, очки надевали. Но факт оставался

фактом: помолодели они — Илья лет на пятнадцать—двадцать, а Лиза — так и на все двадцать пять.

— Ну, мать,— сказал Дормидонтыч,— ты ягодок-то, видать, перекушала!

— А, думаешь, от этого? — спросила Лизавета испуганно.

— От чего же еще? — резонно спросил Илья Дормидонтович.

На следующее утро чуть свет двинулись они на ту же поляну. Нашли быстро. И ели сколько влезет. Казалось, много — не мало. Лишняя молодость не повредит, а то еще удастся и впрок запасться. Но ягода была не только вкусной, но и сытной, так что корзинку они все-таки с собой притащили.

— Ну и как я? — спрашивала Лиза.

— Красавица неопиcуемая! А я?

— Первый парень на деревне!

И каждый спешил до зеркала добраться. Смотреть на себя было особенно интересно. Но потом Илья понял, что все-таки на жену смотреть приятнее, и Лиза, закончив сравнение со всеми пожелтевшими фотографиями в старых альбомах, переключила внимание на молодого супруга.

В общем, остаток дня провели они в постели, с перерывом на обед, за которым с удовольствием пили медовуху. А потом, уже совсем ночью, устроили еще и ужин, не обошедшийся без самогона. Весело стало до коликов! И после шестого, если не восьмого раза смешливая Лизушка ткнула в бок притомившегося Илюшку и сказала:

— Неужто иссяк? Может, ягодку съешь? Глянь, там в мисочке остались еще!

Угомонились под утро. Ей было двадцать в ту ночь. А ему двадцать три.

В несуразно поздний час, ближе к полудню, пошел Дормидонтыч к своим пчелам, да те не признали его, молодого парня,— ждали-то старичка. За чужого приняли. Пришлось дымник надевать, чтобы не покусали.

Ну а потом Лизка проснулась и сразу заявила:

— Я хочу еще тех ягод.

— Я тоже,— честно признался Илья.

Он в тот день съел меньше жены и успел сделать такую запись:

«Слышу из сеней, кто-то детским голосочком поет любимую Лизину песню. Выхожу, а там симпатичная такая девчушка лет шести старых кукол из сундука вынимает. Меня увидела, зыркнула шаловливыми глазками и от испуга в корыто с водой села. Вот дурочка! Я подумал: дочки-то у нас вроде не было. А еще сразу захотелось ягод поесть. Вернулся в светелку. Взял туесок, щедрую горсть в рот отправил. Но вспомнил про девочку — ягоды-то вкусные. Надо и ее угостить!..»

На этом запись обрывалась.

Только полный тупарь мог бы не понять, что произошло с супругами Волдыревыми.

— Ну и что же ты сделал, когда прочел тетрадь? — поинтересовался я.— Сразу побежал к той поляне?

— Не,— сказал Пустыш.— Я же советский человек. В милицию пошел.

— Иди ты! — Я не поверил.

— Да, да,— подтвердил он.— Я сначала пожалел, что так сделал. А потом сообразил: какая разница?

— Что ты имеешь в виду? — не понял я.

— А то, что милиция об эти ягоды зубы обломала. Точнее, у них целый наряд в ноль сошел. И начальник отделения, набравший новый состав, отказался посылать молодых ребят на гиблое дело. Понятно, что после такого ягодами сразу заинтересовались компетентные органы. Генерал Водоплюев личным приказом прислал сюда роту особого назначения. Ребята в ней были все, как один, рослые. Косая сажень в плечах. И всяким невероятным вещам обучены — это ж сколько государственных денег ушло!

Но ягоды с кем угодно чудеса творили. Присяга присягой, а кушали их все без остановки. Только за ушами трещало. И когда та рота тоже в ноль сошла, прислали уже сверхсовершенную команду. Суперспециально подготовленную и отдельно проинструктированную насчет стремительного помолодения. У них существовал категорический запрет на ягоды. Не то что пробовать — нюхать не велено было! Но тут и вышла маленькая накладочка.

Одновременно очень секретный отдел Главного технического управления ФСБ прислал из столицы в Мышуйск своего специалиста в звании полковника, но в штатском. Якобы ученого. Собственно, он и был ученым. Кажется, доктором наук. Без дураков. Вот этот доктор и принялся за изучение ягод всерьез. Понятное дело, держался доблестный чекист мужественно. К ягодам даже не притрагивался. Профессором его прозвали. И в воинской части любили как родного. Однако для полноты картины Профессору в итоге понадобились люди, непосредственно подвергшиеся воздействию страшного яда. Короче, властью своей отменил он приказ Водоплюева и разрешил всему воинскому коллективу ягод попробовать. Тут же с невероятным энтузиазмом принялся за изучение последствий. Дня не хватило. Продолжал работать ночью. А славная команда отборнейших головорезов, превратившаяся теперь в ватагу двенадцатилетних пацанов, сильно притомилась, играя в футбол, и спать они легли, конечно, намного раньше Профессора. Намного раньше и проснулись.

Позавтракали замечательно. Готовила ротная повариха тетя Маша — вчера еще совсем старушка, а сегодня миловидная девушка лет двадцати, — и побежали опять на футбольное поле. Но — вот незадача! — лучший центральный нападающий Жека ногу подвернул и, соответственно, из игры выбыл. Ребятам из его команды замена понадобилась. Где ж нового игрока найти на закрытой территории? Хорошо, Колянчик сообразил: «Давайте Профессора ягодами накормим. Он помолодеет и будет с нами вместе гонять». Так и сделали. Пока московский специалист спал, ему через трубочку для коктейлей давленного сока тех ягод в рот залили, и, когда проснувшись, он уже был

вполне достойным центрфорвардом, не хуже Жеки. Пять голов забил и привел своих к победе. Ну а через два дня, как обычно, никого в испытательном лагере не осталось. Никого. Только стрекозы гудели над лугами.

— А ты-то каким образом жив остался? — спросил я у Пустыша.

— Ответил бы тебе, — сказал Василий. — Да сам не знаю.

Мне кажется, он действительно не знал, и разговаривать дальше на эту тему не имело смысла.

А уже уходя, я вдруг вспомнил: «Надо же! Я его и не спросил, как пройти к той поляне с ягодами». Но тут же и понял: ни к чему мне туда идти.

Я ведь и еще одного важного вопроса не задал Василию. Неужели страшной наркотической силе ягод не подвержены только те люди, которые попали сюда издалека, то есть из другого мира? Похоже на правду. И тогда существует какая-то связь между этими ягодами и обратной дорогой отсюда. Но почему-то не только спрашивать, но и размышлять об этом не хотелось.

Наверно, просто потому, что я окончательно передумал покидать Мышуйск.

Юннат

Юный натуралист Петя Чугунов к своим тринадцати годам был уже законченным исследователем. Можно сказать, естествоиспытателем. Его выдающаяся коллекция засушенных, заспиртованных, закатанных под стекло или пластик, а также выпотрошенных и набитых опилками образцов могла поразить воображение не только учителя биологии Афанасия Даниловича Твердомясова или, скажем, руководителя кружка в Доме пионеров Софьи Илларионовны Пыжиковой, но и любого выдавшего виды специалиста. Свое уникальное собрание природных экспонатов Петя создавал все лето. Феноменаль-

ному успеху мальчика в немалой степени способствовало географическое положение родного Мышуйска — густые дремучие леса тянулись на многие сотни километров на восток от затерявшегося в российской глубинке райцентра. Петя Чугунов, как и многие его сверстники, не боялся совершать вылазки в глухую чащобу в поисках очередных новинок, хотя мама с папой иной раз и ворчали — мол, в нашей полутайге встречаются иногда и опасные звери, даже крупные хищники. Меж тем никто из ребят крупных хищников ни разу в жизни в глаза не видел, и вера в них растаяла еще в первом классе, практически одновременно с развенчанием красивого мифа о настоящем Дедушке Морозе и внучке его Снегурочке. С другой стороны, в окрестных лесах попадалось весьма много необычных растений, мелкой живности и вообще всякого такого интересного. И не беда, что однажды Афанасий Данилович объяснил на уроке биологии — дескать, наличием всей этой флоры и фауны обязана Мышуйская полутайга расположенному невдалеке, километрах в пятистах отсюда, Большому Полигону. Никакого полигона, равно как и хищных зверей, никто из ребят в жизни не видел, поговаривали даже, что и нет его совсем, по крайней мере, теперь. А в школе любили рассказывать страшные истории о том, как дети ночью ходили на Полигон и не вернулись, о том, как тамошние солдаты бесшумно расстреливают из лазерных пушек гигантских волосатых слонов, о том, как сам командующий спецвойсками генерал-лейтенант Водоплюев лично руководит ночными покосами «бешеной травы», и прочее, и прочее...

Но Петя Чугунов, как и большинство нормальных ребят, до Полигона дойти ни разу не пытался — не то чтобы страшно было, а просто пятьсот километров — это все-таки далековато. Петя все больше по опушкам бродил, по буеракам шарил, в овраги, заросшие густым можжевельником, спускался, тщательно обыскивал каждый мшистый пенек, иногда и на деревья лазил в поисках гнезд на ветвях да в дуплах, а за сотню верст ходить — это был не его стиль. Петя и без того славился лучшим гербарием в городе и самой полной коллекцией насекомых. Предметом его особой гордости был гигантский жук-короед

величиной с ботинок сорок шестого размера. Жаль, хитиновый покров получился слегка подпорченным, но ведь насекомое удалось поймать только благодаря мощной струе из углекислотного огнетушителя, баллончик же с нервно-паралитическим газом на эту тварь решительно не подействовал. И все-таки жучина выглядел необычайно красиво. На городском конкурсе работ юннатов у него были все шансы занять первое место. Были. Пока не появилась Верка Носова со своим — чтоб ей вместе с ним лопнуть! — чучелом ежа-альбиноса. Гигантский короед даже с треснувшим от замораживания панцирем был, конечно, великолепен, но это ж любому придурку ясно: с ежом-альбиносом сравнения он не выдержит. Еж оказался размером с хорошую собаку, морду, лапы и хвост имел тоже чисто собачьи, но вместо шерсти покрывали его действительно иглы, по величине и прочности не уступавшие сапожным. Ну а уж красные глаза альбиноса, заспиртованные отдельно, — это был вообще улет! Победа Носовой ни у кого сомнений не вызвала.

Так за два дня до открытия городского конкурса юннат Петя Чугунов понял, что может проиграть, а он привык занимать всегда только первое место.

«И как только этой противной Верке удалось своего ежа изловить?» — раздумывал Петя, в одиночку отправляясь на очередные поиски. Юннат решил не тратить драгоценное время на всякие пустяки вроде увлекательного швыряния друг в друга тряпочных мешочков с мокрым песком или примитивного футбола до упаду — он сразу после уроков сменил кроссовки на резиновые сапоги, форменный пиджачок — на штормовку, взял рюкзак да и двинул в самую глубь простиравшейся на восток полутайги. Дни стояли весенние, длинные, и если пообедать в пути взятыми впрок булочками с котлетой, то времени до темноты останется еще вагон. Вот только Веркин еж все не выходил из головы.

Сама-то она рассказывала, что альбинос повадился ходить к ним таскать цыплят, и смекалистая Носова поставила на вороватого зверя хитрую ловушку в сарае. Короче говоря, еж оказался оглушен ведром с водой, подвешенным к притолоке на

длинной веревке, пропущенной через подвижный блок. Якобы. Не очень-то верил Петя в технические таланты Носовой, по физике у нее одни тройки — какая уж там ловушка с блоком! Но факт оставался фактом: еж пойман и освежеван, а уж чучела-то Верка делать умела — это весь город знал. Экспонат теперь говорил сам за себя — весомо, грубо и зримо.

Чтобы отогнать прочь грустные мысли о еже, Петя стал вспоминать своего любимого героя-естествоиспытателя Паганеля и мурлыкал под нос его любимую песенку композитора Лебедева на стихи Дунаевского-Кумача: «Кто ищет, тот смеется, кто весел, тот добьется, кто хочет, тот всегда найдет!»

И ведь нашел же! Не комара, не птичку-задохлика, даже не ящерицу с тремя хвостами. Собственно, на любую живность размером меньше тигровой жабы Петя Чугунов в этой своей экспедиции вообще не реагировал. Однако возникший перед ним феномен заставил бы среагировать любого.

Собственно, еще непонятно было, кто кого нашел. Вначале раздался пронзительный свист, переходящий в бульканье, затем сверху посыпалась прошлогодняя листва, мелкие веточки, и вся эта труха мерзко зашекотала спину под рубашкой. Петя инстинктивно отскочил в сторону, вжался испуганно в могучий ствол старого дуба. В тот же момент и ухнула неподалеку во мшаник большая закопченная кастрюля.

«Вертолетчики совсем оборзели,— подумал Петя Чугунов.— В рабочее время суп едят и пустыми кастрюлями вниз бросаются».

Какова же была радость нашего юного натуралиста, когда он увидел, что кастрюля отнюдь не пуста: крышка ее приподнялась, и оттуда показались вначале две мохнатые лапы, а затем и отвратительная морда диковинного зверька. Такого мутанта никто в Мышуйске еще ни разу не видел. Уж кто-кто, а Петя Чугунов мог поручиться за это. И ему теперь некогда было думать, зачем и каким образом это странное существо попало в кастрюлю. Теперь главное — не упустить!

Петя рванулся вперед, готовый творить чудеса голыми руками,— вот она отчаянная храбрость настоящего естествоиспытателя! Опять же, применяя любое, даже самое примитив-

ное оружие, ты всегда рискуешь подпортить экспонат — первая заповедь юнната. Петя не знал, как отреагирует на него это чудовище — нечто среднее между стареющей облезлой совой и только что народившимся медвежонком. Зверь отреагировал спокойно, издав лишь пару невнятных булькающих звуков, позволил в итоге схватить себя за шею и поместить в плотный полиэтиленовый пакет. Находчивый исследователь завязал пакет сверху узлом и опустил в рюкзак, который на всякий случай еще и плотно стянул веревкой, пропущенной в дырочки по краю.

Ну вот и все! Держись теперь, Носова!

Потом для очистки совести дотошный юннат заглянул в кастрюлю, однако не обнаружил в ней больше решительно ничего интересного. «Медвежачий совен» оказался единственным пассажиром этого кухонно-летательного аппарата. А слой липкой гадости, покрывавшей кастрюлю изнутри, напомнил Пете ненавистный мутно-розовый холодец с волокнами мяса. Мама готовила его по праздникам и всякий раз норовила накормить мальчика этим тошнотворным блюдом, коварно заливая его сверху вкусным майонезом, забрасывая салатом или свеклой с хреном. Да и запах из кастрюли исходил какой-то желатинно-крахмальный, так что Петя содрогнулся от омерзения и, ухватив посудину за очень неудобную ручку в виде овальной ажурной сеточки, забросил в ближайшее болото. Гнилая вода поглотила тяжелую железяку, выпустила на поверхность два больших пузыря, а потом как бабахнет! И целый фонтан пара вырвался из трясины.

Но Пете Чугунову и об этом некогда было думать. Ведь предстояла еще большая и очень серьезная работа по подготовке настоящего экспоната, действительно достойного занять первое место на городском конкурсе.

Домой Петя Чугунов вернулся в приподнятом настроении. Все случилось так быстро и удачно, даже папа с мамой еще с работы не пришли и волноваться не начали. Главное теперь было решить, заспиртовать будущий экспонат или двинуться

по более сложному пути и все-таки сделать чучело. Конечно, чучело эффективнее. «Есть еще время,— решил Петя,— надо постараться».

Он извлек из сумки уже недвижимую тушку, разложил на столе и отважно приступил к препарированию. Года два назад, смешно вспомнить, он резал бесхвостых земноводных мышей и длинноухих лягушек простым швейцарским перочинным ножиком. Теперь в руках Пети Чугунова блестел настоящий медицинский скальпель — подарок учителя Твердомясова, и даже с гравировкой на ручке. Вот только резать пернатого медведя оказалось нелегко. Кожа была плотной, словно резина автомобильной покрышки, а внутри ничего знакомого найти не удалось. Вместо сердца, кишок, печени и почек, было там сплошное беспорядочное переплетение отвратительных серых жил, скрежетавших под скальпелем, как медная проволока. «Эдак и инструмент попортить можно!» — ворчал себе под нос недовольный юннат. А потом он перерезал жилу потолще, и весь стол вмиг затопило маслянистой желтой жидкостью с резким и абсолютно незнакомым запахом. Этот неприятный инцидент доканал Петю. Зажав нос бельевой прищепкой, он тщательно вытер стол целой горой тряпок и свалил всю эту дрянь вместе с непонятными внутренностями в три больших пластиковых мешка для мусора, предусмотрительно вложенные один в другой. Надо отдать должное неведомой твари, внутренности ее очень легко отделились от стенок «резиновой» оболочки. Пока же оболочка просыхала, Петя решил побыстрее избавиться от невыносимого запаха. Ему подумалось, что логичнее всего вытряхнуть сами жилы в унитаз, а уж тряпки с пакетами вытащить во двор, где, по счастью, именно в это время горела подоженная кем-то помойка. Вряд ли запах дыма станет сильно противнее от Петиного не совсем обычного мусора.

Ну, а чучело «мутанта неопределенного» — такое загадочное название казалось юннату Чугунову наиболее романтичным — получилось на славу. «Шерстоперья», как окрестил их пытливый исследователь, уцелели полностью, да и всем остальным диковинным частям тела Петя сумел придумать остроум-

ные названия. У мутанта имелись в наличии необычайно забавные «губоуши», роскошный «носоклюв» в самом центре головы, а стоять ему надлежало гордо на пяти семипалых «ноговеерах» — этаких перепончатых лапах со множеством суставов и «когтешупами» на концах.

Готовое чучело умелый юннат водрузил на самую красивую подставку, какую сумел найти в доме — это была малахитовая плита от старого дедушкиного чернильного прибора. По краю Петя приклеил табличку из плотного картона с каллиграфической надписью: «МУТАНТ НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ. Обнаружен и препарирован П. Чугуновым, 13 лет, средняя школа №11 г. Мышуйска».

Уже на следующий день после проведения общегородского конкурса юннатов в местной газете поместили подробный отчет о его результатах. В заметке, занимавшей почти целую полосу, были, например, такие слова:

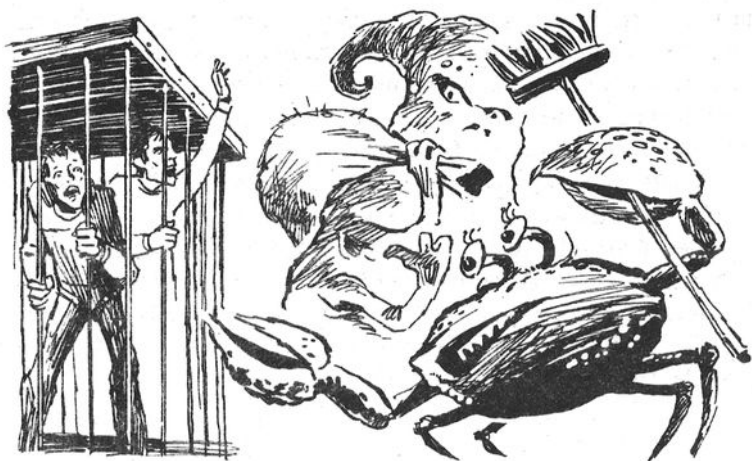
«Много интереснейших экспонатов увидели посетители конкурсной выставки и уважаемые члены жюри. Многие задерживались, например, возле останков крылатой жабы и скелета воробья с двумя головами. Никого не оставил равнодушным и представленный на суд зрителей экспонат шестиклассницы Веры Носовой — чучело гигантского ежа-альбиноса. Настоящее украшение выставки. И все-таки первую премию безоговорочно и единодушно вручили юннату Пете Чугунову из кружка при Доме пионеров (руководитель С. И. Пыжикова) — за чучело мутанта неопределенного. Оригинальность этого экспоната повергла в изумление и полностью обезоружила всех членов авторитетного жюри. Решением городских властей лучший юннат Мышуйска направлен на всероссийский конкурс в Москву. Пожелаем же настоящего взрослого успеха нашему юному земляку не только в столице нашей великой Родины, но, возможно, и за ее пределами, на международных конкурсах».

Перечитав статью в газете трижды, Петя Чугунов удовлетворенно потер руки и засобирався в дорогу.

Вот только зря он собирался. Нефтяники Сургута недопоставили Мышуйску в текущем квартале керосина, и все четыре самолета, имевшиеся в городском хозяйстве, грустно стояли на приколе. Когда же не на шутку расстроившийся учитель Твердомясов, пользуясь старыми связями, выхлопотал на соседнем Жилохвостовском комбинате цистерну горючего, начались проливные дожди, невиданные в этих местах, и взлетную полосу грунтового мышуйского аэродрома смыло напроочь. Непогода бушевала все три дня, пока в Москве проходил всероссийский конкурс юннатов.

Небо расчистилось лишь в ночь на понедельник, и все, кто чудом не спал от половины третьего до десяти минут четвертого утра, имели счастливую возможность наблюдать, как сорок минут подряд в черном небе над Мышуйском все падали и падали крошечные зеленые звезды.

НИКОЛАЙ ГУДАНЕЦ

КОВЧЕГ

Первым делом, парень, на судне должны быть чистота и полный экологический баланс. Чтoб никто никого не жрал, не обижал, чтoбы никто потомством не обзаводился, ясно? Как увидишь этaкое безобразие — сразу дуй ко мне, а уж я найду на них управу. Сам в этo дело не лезь. Съесть, может, и не съедят, но покалечить могут.

Да ты садись, не стесняйся. Вон на тот мешок с кормом. Звать меня можешь без церемоний — дядюшка Крунк. Есть, правда, некоторые молокососы, кому надо крепко надрать уши, так они зовут меня старым свистуном. Ты ведь не из таких, верно? Значит, дядюшка Крунк, и точка.

В прошлом месяце у нас тоже был практикант вроде тебя. Штурману с ним возиться было некогда, и парня, само собой, сплaвили ко мне в трюм. Помощник из него получился уж больно интеллигентный, то есть, сам понимаешь, никудашный. Не то чтoбы отлынивал, просто норовил не столько работать, сколько соображать. Вместо того чтoб самому толком

продраить трюм, этот паршивец приволок с жилой палубы киберуборщика. Едва зверюшки увидели кибера, с ними приключилась форменная истерика. Шипухи подняли гам, змееглав со страху загадил клетку доверху, а хвостодонт с Ганенбейзе выломал переборку, поймал кибера и съел. Потом ветврач два дня ему брюхо резал автогенном, все искал корабельное имущество. Во-он он, хвостодонт, за террариумом. Ты не бойся, он, пока сытый, вполне смирный.

Значит, никаких киберов. Эта вот штука называется швабра, сынок. Небось и не видывал никогда? То-то. Ничего, освоишь, дело нехитрое. Если зверюга зубастая, в клетку к ней не лезь, окати из брандспойта пол, и все тут. А вон ту трехглавую скотину, вроде дракона, вообще стороной обходи. Огнем плюется.

Ты, я вижу, парень смирный и понятливый. Это хорошо. Слушайся меня, как родную маму, и самостоятельность мне тут не разводи. Тот практикант, видишь ты, захотел клетки покрасить. Оно вроде неплохо придумано, только едва парень влез к гигантскому скусну с Тамальты, этот зверь его так уделал, что мое почтение. Уж на что я привычный ко всему, и то с души воротило, когда рядом стоял. А сам он прямо-таки купался в одеколоне, и все равно не помогало. Хоть противогаз надевай. Такие дела.

Ты чего трепыхаешься? Чего вскочил, говорю? Ты не волнуйся, это камнедав орет. Скучно ему. Сиди себе спокойно, часок поорет и сам перестанет. Как говорила моя покойная старуха, на всякий чих не наздравствуешься.

Так о чем бишь я? Ага, вот. Сам я на Ковчеге с первого дня, с тех самых пор, как академик Фуск выдумал эту самую программу спасения редких видов животных. Была такая планета, Пиритея, и на ней водилось видимо-невидимо разной живности. Ох, как ее изучали — вдоль и поперек и всяко-разно. На каждую скотинку приходилось по профессору да еще по целой куче диссертантов, не считая студентов с лаборантами. Они бы там до сих пор науку двигали всем нам на радость, да только в один погожий денек врезался в Пиритею здоровущий астероид. Тряхнуло ее таки основательно, и полматерика снесло к чертовой бабушке. Это было бы полбеды, но еще и наклон оси

к эклиптике поменялся, полярные шапки растаяли, и вышел, значит, на Пиритее самый что ни на есть всемирный потоп. Вот тогда Фуск свою программу и предложил. Вывезти оттуда всю живность вместе с фауной и на другой подходящей планете ее поселить. Академику что, его давным-давно птицеящер съел, и в Главном космопорте поставили его бюст аккурат напротив закусочной. А мы до сих пор возим всякую нечисть — сначала с Пиритеи, потом с другой планеты, где солнце погасло, потом еще со всяких-разных.

Взять ту же Марианду. Порешил Галактический совет целиком пустить планету на руду. А мы, значит, подчистую вывозили оттуда биосферу. Эта биосфера у меня вот где сидит. Скажем, забрали мы с Марианды красных термитов. Собирали их, когда они были в спячке. Ну, а в полете мураши взяли да и проснулись. Прогрызли ходы, с полдюжины переборок попортили, добрались до резервного двигателя и сожрали там весь уран. Хорошо еще, до ходового реактора добраться не успели. Мы их, паразитов, жидким гелием замораживали. А потом еще в капитальном ремонте два месяца прохлаждались.

Или Альмар. Там такая история приключилась, что ты...

Слышал небось? Неужто нет? Да об этом вся Галактика знает.

Ты чего ежишься? Ну да, запах тут, прямо скажем, не ахти. Некоторые с непривычки в обморок падают. На-ка вот флажку, отхлебни. Не употребляешь? Ну и зря.

На Альмаре, значит, выращивали капусту. Ох, до чего шикарная капуста была, ну прям-таки с меня ростом. Все шло как по маслу, пока не появились десятиножки. Эдакие букашки с карандаш величиной. Расплодилось их видимо-невидимо, жрут капусту подчистую, и никакие химикаты их не берут. Тут профессора опять же почесали в затылке и порешили развести на Альмаре широкозобых туканов. Сказано — сделано, развели их тьму-тьмушую, и тогда десятиножкам пришел форменный капут. А заодно пропали пяденицы, началидохнуть с голodu четырехкрылые гуськи. Тогда стали истреблять туканов, разводить пядениц и спасать гуськов, потому как от ихнего помета зависел рост дубабовых рощ, в которых водились бурав-

чки, у которых симбиоз с ползучим бородавчиком, которым питались хабры. А уж с хабрами шутки плохи. И пошла катавасия. Как говаривала моя старуха, нос вытащишь — хвост увяз. Когда начали дохнуть зубодуи, тогда уж стали всю биосферу переселять. Прилетели мы на Ковчеге. Глядь по сторонам — пусто. Вся планета лысая, только какие-то заморыши ковыляют по песочку. Даже до половины трюм не загрузили, так мало живности осталось. Вот и вся тебе капуста.

Ну, значит, так. На тебе швабру, тряпку, ведро. Ежели станет худо, вон там голубой краник. Отверни и подыши кислородом. Уши можешь ватой законопатить.

Я буду в соседнем отсеке, так что не бойся. Особо не прохлаждайся, дел невпроворот. Конечно, прежде всего — мытье, но и за зверюшками поглядывай.

Не приведи Господь, ежели они начнут деток заводить. А то в одном рейсе у нас двуглавая питониха разродилась от камышового дикобраза. Детки стали плодиться дальше. Чуть ли не каждый день — новое пополнение. До того живучие гадены оказались, никакая холера их не брала. В конце концов, сняли мы с турели метеоритную пушку, всей командой приволокли в трюм и этих гадов перестреляли. А то бы они сожрали биосферу с двух планет, да и меня в придачу. Пушка теперь тут лежит, на всякий случай. Полезная штука, правда, пользуемся мы ею редко. Без меня ты вообще к ней не прикасайся, а то из нее обшивку продырявить — раз плюнуть, понял?

Да, еще. Ты, сынок, держись подальше вон от той клетки. Там у нас самые злобные и опасные на всю Галактику твари. Просто чокнутые они, эти двуногие солдатики. Передрались меж собой и всю свою планету как есть загадили. Теперь вот их осталось всего-навсего три экземпляра. Ты с ними держи ухо востро. Вчера я за кормежкой зазевался, так мне один солдатик чуть верхний шупалец не оторвал.

Ладно, пойду я. Заболтался с тобой, а мне ведь еще хрипуна кормить. Через часок опять зайду — поглядеть, как ты справляешься.

Дядюшка Крунк встал, ухватил шупальцами мешок и выполз в соседний отсек. Практикант взял в клешни швабру и принялся за уборку, стараясь не обращать внимания на клетку с двуногими солдатами, которые сучили кулаками и хрипло ругались на своем неведомом языке...

У НАС В ГОРОДКЕ

Мажордом

Мне бы только выбраться отсюда. Я им покажу, как измываться над беспомощным стариком. Да я на весь мир растрблю, что они со мной сделали. Я на них в суд подам за оскорбление личности. Эти мерзавцы у меня еще попляшут. Но как отсюда выбраться — ума не приложу.

Значит, так. В канун прошлого Рождества, точнее не припомню, Сэви подала мне завтрак да и говорит:

— Господин Урт, я замуж выхожу.

Я чуть не поперхнулся.

— Неужто,— говорю,— нашелся такой обалдуй? Интересно, сколько у него процентов зрения?

— Не ваша забота,— отвечает эта халда, снимает передник и вешает в шкафчик.— У него аптека в Дель-Гро, и я к нему переезжаю. Так что попрошу расчет.

Вижу, делать нечего. Выписал ей чек, и в тот же день она подалась к своему воздыхателю. А я остался один как перст, потому как Тоби еще раньше околел, и я его зарыл в саду под вишней. Ладно.

На объявление в газете никто не клюнул. Понятное дело, в нашем городишке нанять прислугу — все равно что найти нефть на Луне. Тем более, что мой характер всем известен. Одна старая карга, правда, приплелась, обошла весь дом и заявила, что столько паркета ей и за год не надраить. Я ее послал к чертовой бабушке, а сам отправился в «Зеленый поросенок» обедать.

Сижу, потягиваю пиво, читаю «Коммерческий еженедельник». Тут-то и попалась мне на глаза та самая треклятая реклама, с которой все началось.

Все ваши заботы смело доверьте
фирме «Харальд и К°»!
Спокойную старость, уют, здоровье, долголетие
обеспечит «Харальд и К°»!
Безупречная прислуга, опытный врач,
великолепный повар и внимательный друг —
все это, вместе взятое, —
электронный Мажордом
фирмы «Харальд и К°»!

Ну и так далее. Не долго думая, заправил я свой лимузин и поехал в Бельвилль. Нашел отделение фирмы. На вид у них все прилично, солидно. Даже абстрактные картинки висят. Стали составлять контракт.

— Как вы желаете, — спрашивают, — только сервис или полное обеспечение?

— Валяйте на всю катушку, — отвечаю.

— Значит, уборка, питание, охрана здоровья, психологический комфорт...

— Вот-вот, — говорю. — Только чтоб все самое лучшее.

— Это вам обойдется в семьдесят тысяч за год.

— Ну, при нынешней инфляции это не деньги, — отвечаю.

— Мы заключаем контракты на год, на три, на пять лет и бессрочно. Что вас больше устраивает?

— Бессрочный — значит, куда я не загнусь?

— Совершенно верно. У вас не будет никаких забот до конца ваших дней. И при бессрочном контракте, заметьте, мы предоставляем пятипроцентную скидку.

— Кройте, — говорю. — Подходяще.

И подмахнул бумаженцию. На том и расстались.

Через неделю в доме у меня начался суший бедлам. Явился какой-то сукин сын в пестром галстуке и с ним трое громил в комбинезонах. Понатащили ящиков, кабелей и прочего бараха-

ла, ступить негде. Молотки стучат, дрели визжат — короче, сами понимаете, что жизни нет никакой.

— А ваше присутствие вовсе не обязательно, — говорит мне медовым таким голосом тот прошелыга в галстук. — Пока мы ставим автоматику, вам лучше всего пожить где-нибудь в гостинице.

Делать нечего, плюнул я на все и укатил в Бельвилль, трянуть стариной.

Вернулся к сроку. Сукин сын встречает меня на крыльце.

— Все в порядке, господин Урт, — говорит. — Вчера мы закончили монтаж и проверку.

— Какого черта на окнах решетки? — спрашиваю. — Я не для того бешеные деньги угрохал, чтобы век доживать за решеткой.

— Здесь же ценнейшая аппаратура, — отвечает мне этот фрукт.

Ладно. Вошел я в дом и прямо ахнул. Двери все нараспашку. Дверные ручки поотвинчивали. Телевизор — новехонький, за четыреста монет — уперли, а вместо него поставили какой-то дурацкий, без кнопок. И кухню обчистили ну всю как есть. Ни плиты, ни холодильника, ни бара, стоит только железный ящик, на манер автомата с газировкой.

Хотел я этому хлыщу сразу по уху врезать, однако удержался.

— Это что ж такое? — говорю. — А ну вертайте живо все, что уперли. Я таких шуток не люблю.

Тут сукин сын заулыбался и аж зарделся от удовольствия, что твоя майская роза.

— Все, как вы заказывали, — говорит. — Полная автоматика.

— Ты, сынок, не финти, — говорю, а сам весь киплю от злости. — Ничего такого я не заказывал. И я не позволю, чтоб за мои деньги, в моем же доме всякая шушера надо мной потешалась. Мне надо, чтоб в доме был порядок и чтоб харчи водились, ясно?

— Да вы не волнуйтесь, я вам все объясню, — лебезит этот подонок. — Двери открываются и закрываются по вашему

мысленному приказу. И вообще все, о чем бы вы ни подумали, будет исполняться моментально. А об уборке и стирке даже думать не надо, они заложены в программу. Еду и питье Мажордом заказывает по радио. Наш фургон будет подъезжать с черного хода и по транспортеру подавать продукты в хранилище. Плюс охрана здоровья...

— Ладно,— говорю,— кончай бодягу разводить. Покажи, как и что надо включать.

— Сейчас включу Мажордома,— отвечает.— И до конца ваших дней он будет исполнять все ваши пожелания.

— Валяй,— говорю.— Включай и проваливай ко всем чертям.

Ведет он меня в холл, а там в углу стоит здоровенный железный шкаф с вензелем фирмы.

— Разговаривать с ним вы можете из любой комнаты,— объясняет мне чертов жулик. Достал какой-то хитрый ключ, вставил сбоку и шелкнул два раза.

— Добрый день, господин Урт,— говорит шкаф.— Рад вам служить.

Голос вроде человеческий, но как-то все-таки жутко. Я даже оробел малость. Что бы такое приказать, думаю.

— А ну закрой дверь,— говорю.

И дверь сама собой закрылась.

— А теперь открой.

И она распаивается как миленькая.

— Ух ты,— говорю.— Вот это номер.

— Господин Урт, я спешу,— говорит мне мерзавец в галстуке.— У вас есть еще ко мне вопросы?

— Катись,— говорю.— А ты, Жестянка, закрой за ним двери.

— Рад вам служить,— отвечает шкаф.— Меня зовут Кью триста двадцать пять.

И тот пройдоха сразу смылся. Ох, потолковать бы с ним еще разок! Я потом только смекнул, что ключ от Жестянки у него остался.

Сел я в кресло и думаю, что бы такое приказать. А Жестянка мне и говорит:

— Разрешите дать вам совет, господин Урт.

— А ну-ка давай.

— Вас утомила дорога. Не угодно ли принять снотворное и лечь спать? Чистая пижама в спальне, на кровати.

— Ишь ты,— говорю.— А может, я и не устал вовсе, почему ты знаешь?

— Господин Урт, мой долг — охранять ваше здоровье. Я веду постоянное телепатическое наблюдение за вашим организмом и самочувствием. В данный момент у вас кровяное давление сто восемьдесят на сто. Прошу вас, примите лекарство и лягте.

— А как насчет ужина?

— По дороге домой вы поужинали в «Зеленом поросенке»,— отвечает Жестянка.— Причем имели неосторожность употребить триста пятьдесят лишних килокалорий.

«Тебя не проведешь»,— думаю.

— Совершенно верно,— говорит.— Ведь я читаю ваши мысли.

Ай да Жестянка! Признаться, я даже расчувствовался от такой заботы.

— Ладно,— говорю.— Давай свое лекарство.

Дверь открылась, и появляется этакая этажерка, с меня ростом и на паучьих ножках. В клешнях у нее поднос, на подносе таблетка, стаканчик джуса и салфетка. Все, как в лучших домах.

Выпил я снотворного и пошел спать.

— Спокойной ночи, господин Урт,— шепчет Жестянка.

— Спокойной ночи,— говорю машинально. Ей-богу, даже приятно, когда за тобой такой уход. Ну, думаю, другой такой прислуги не найти. С тем и заснул.

Проснулся оттого, что заиграла музыка.

— Доброе утро, господин Урт,— говорит Жестянка.— Если вам нравится эта мелодия, я буду вас ею будить каждое утро.

— Какого черта,— отвечаю.— Еще только шесть утра.

— Именно такого режима вам следует придерживаться. Сон с двадцати двух до шести. Потом физзарядка...

— Чего-о? — спрашиваю.— Чтоб я на старости лет дурака из себя строил? Не будет этого.

— Господин Урт, мой долг — охранять ваше здоровье.

— Плевать мне на твой долг. Я никому не позволю командовать в моем доме. Тащи-ка мне завтрак в постель. Кофе, яичницу с беконом, гренки...

— Сию минуту.

И появляется Этажерка с подносом. Гляжу — тысяча чертей! — там овсянка и кефир.

— Это еще что? — говорю. — Я же сказал, яичницу и кофе.

— Ваш процент холестерина и ваше давление исключают подобные блюда.

Тут я обложил Жестянку на чем свет стоит.

— Господин Урт, эти слова мне непонятны, — отвечает она. — Меня зовут Кью триста двадцать пять. Можно просто — Кью.

— Так, распротак и разэтак, — говорю я. И ка-ак наподдал ногой поднос! Этажерка выкатилась, зато вползла большущая никелированная Черепаха и все осколки мигом убрала. Не успела она слизать кашу со стенки, Этажерка опять приперлась со своим подносом. Гляжу — овсянка!

— Господин Урт, ничего другого вам на завтрак нельзя, — говорит Жестянка. — Приятного аппетита.

Вот влип, думаю. Пришлось съесть. Без соли.

— Хоть бы посолила, скотина, — говорю.

— Напоминаю, что меня зовут Кью триста двадцать пять. Ваша суточная потребность в хлористом натрии вчетверо меньше того, что вы привыкли употреблять. Кстати, именно поэтому ваша левая почка серьезно поражена.

— Ладно, — говорю. — Поди к черту.

— Извините, не понимаю.

— Отцепись.

— Не понимаю вас.

— Заткнись, отвяжись, сгинь!

— Кажется, понимаю.

Встал я, пошел в ванную. Двери перед носом распахиваются сами собой. Чудеса, да и только.

Помылся-побрислся, сел в кресло и говорю:

— Газету мне и сигару. Живо.

— Вам категорически запрещается курить,— говорит Жестянка.

— Еще чего,— говорю. Встал и сам пошел к камину, где у меня лежит коробка с «Ла Корона». Да только Этажеркахватила сигары у меня из-под носа и кинула на ковер. А Черепаха мигом подлетела и запихнула коробку в пасть.

Ох, как я взбеленился. В Черепаху запустил каминными шипцами. А ей хоть бы что. Этажерка подобрала шипцы и в угол поставила.

— Не волнуйтесь, господин Урт,— говорит паскудная Жестянка.— У вас и без того давление сто на двести. Вы присядьте, посмотрите телевизор.

Включила она мне телевизор. Сижу, подыхаю от злости и слушаю душеспасительную передачу. Какая-то постная рожа в очках агитирует вступить в Добровольную Ассоциацию По Борьбе С Неумеренным Употреблением Пива. Слушал я, слушал, и до того мне вдруг захотелось холодного пивка, что никакого терпезу нет.

Моментально эта стерва выключила телевизор.

— О пиве не может быть и речи,— говорит.— И вообще вам нельзя ни грамма алкоголя. Ваша печень в таком запущенном состоянии...

Тут я выложил ей все, что думаю о ней и о фирме «Харальд и К°». А Жестянка талдычит свое — мол, я не понимаю вас, господин Урт, и точка. Представьте, ну какой интерес выражаться, если тебя оценить некому.

Ладно. Успокоился я чуток и решил наведаться в Бельвилль. Думаю, не попрется же эта гувернантка за мной в заведение.

— Господин Урт,— говорит Жестянка.— Вы хотите ехать в Бельвилль?

— Да,— говорю.— Почему бы и нет?

— И там вы, как я понимаю, собираетесь развлечься?

— Точно,— говорю.— А что, тоже нельзя?

— Сожалею, но в таком случае я не вправе выпускать вас из дома. Ваше сердце может не выдержать.

Я опять взялся за каминные шипцы. Колошматил Жестянку, пока действительно сердце не запрыгало. Этажерка сердечные капли принесла. Я выпил.

— Ну вот и хорошо,— говорит Жестянка.— Вам полезен физический труд. Только напрасно вы хотите поджечь дом. Я не могу вам этого позволить.

Гляжу — двери все закрыты. На окне фигурная решетка. Схватился за телефон, а он отключен. Этажерка встала в боксерскую стойку и обмотала правую клешню полотенцем.

— Во избежание серьезных травм,— объяснила Жестянка.

Я взвыл. Лег на пол и грызу ковер. Этажерка принесла таблетки. Поглядел я на ее клешни, и мне что-то расхотелось капризничать. Принял я всю эту гадость, выпался, чуток успокоился. А Жестянка смиростивилась и пообещала дать вечером стакан безалкогольного пива. Если буду паинькой, конечно.

Так я теперь и живу. Делаю зарядку, жру овсянку, и все такое прочее.

Ох, попадись мне теперь в руки этот самый Харальд со всей своей К°...

Да только не выбраться отсюда никак. Жестянка меня утешает. Она долдонит, что в этих условиях да при налаженном режиме я протяну еще лет пятнадцать. А то и больше.

Забудь, прошу тебя...

— Тим,— сказал отец.— Ты опять взялся за свое?

Он стоял со свечой у распахнутого окошка. В холодном трепетном свете его лицо казалось гипсовым.

В испуге мальчик отпрянул. Свисающие ветви ивы расступились и окутали его темным шелестом.

— Не прячься — я все видел. Поговорить надо, Тим. Ты слышишь?

— Да...— отозвался мальчик.

— Давай сюда, сынок. Давай, пока не увидел никто. Не бойся, я тебя не трону.

Поколесившись, Тим покинул свое лиственное укрытие и приблизился к окну. Отец отошел в глубь комнаты. Мальчик ступил на подоконник, соскочил на пол и понурился. Некоторое время они молча стояли друг против друга. Слышно было, как бесконечную ночную тишину сверлят цикады и где-то, на другом краю спящей земли, тащится скрипучая повозка. Со вздохом облегчения отец затворил окно, поставил подсвечник на стол и сел на кровать мальчика.

— Я же тебя просил, Тим, — начал он. — Просил или нет?

Сын не отвечал.

— Ты не такой уж и маленький, должен понимать. Зачем ты это делаешь?

Мальчик порывисто поднял голову. Набежавшие слезы блеснули в его глазах.

— Папа, но почему, почему?... Я ведь не делаю ничего плохого... Никто даже не видел. Я осторожно, честное слово...

— Не увидели сейчас, так увидят потом, — возразил отец. — Рано или поздно тебя заметят и что тогда? Об этом ты подумал? Хочешь, чтобы тебя стороной обходили, чтоб дразнили, как дурачка Фаби, так? Подумай о нас с матерью. Как-никак среди людей живем. Я не хочу, чтобы соседи показывали на нас пальцами.

Ночная бабочка трепетала под слабо озаренным потолком. Она мягко тыкалась в побелку, словно рука, накладывающая незримый шов. Потом по стремительной спирали спустилась к свече и заплясала вокруг нее, колебля язычок огня. Она порхала, сужая кольцо своего полета, и вдруг коснулась пламени. Раздался еле слышный треск, словно маленькую жизнь насекомого единым махом разорвали в клочки. Мгновение спустя обгоревшая бабочка лежала на столе, и ее лапки судорожно комкали воздух. Потом она затихла.

— Видишь? — сказал отец. — Видишь, что с ней стало? Но тебе-то разум дан, Тим. Ты должен понимать что к чему. Вот вырастешь, станешь взрослым, надо будет обзаводиться своим

домом, кормить семью. Кто тебе даст работу, если люди начнут обходить тебя стороной как зачумленного?

— Я могу наняться в цирк,— прошептал мальчик.

— Этого еще не хватало! — От возмущения отец вскочил.— Все в нашем роду зарабатывали честным трудом. И прадед твой, и дед, и отец. Я не хочу, чтобы ты стал ярмарочным трюкачом без роду и племени, без куска хлеба и без крыши над головой. Такого позора в моей семье не будет. А о матери ты подумал? Что, хочешь свести ее в могилу? Да? Я ведь ей ни полсловечка еще не сказал. А ну как она узнает?

Мальчик потупился. Его маленькое сердце выворачивалось наизнанку от горя и стыда.

Отец подошел к сыну и привлек к себе за плечи.

— Брось это дело,— заговорил он укоризненно и просяще, поглаживая волосы Тима.— Брось. Ни тебе от этого проку, ни нам чести. Ну пожалуйста. Забуди, что ты это можешь. Ради нас и ради себя. У тебя когда-нибудь будут дети. Ради них забудь об этом, пожалуйста, Тим. Поверь, так оно спокойнее. Потом ты сам поймешь, что я был прав.

Тим всхлипнул. Он ткнулся лицом в рубашку отца.

— Папа...— прерывающимся голосом проговорил он.— Папочка... Но... это так... здорово... Если бы ты знал, как это здорово...

На груди отца расплылось мокрое и горячее пятно. Он прижимал к себе сына и гладил его по голове и все никак не мог справиться с комком в горле.

— Да я знаю, сынок. Знаю. Меня самого за это папаша о-го-го как лупил... Двух раз с меня хватило, и больше в жизни не пробовал. Да потом и некогда было думать об этом. Вот так-то.

Мальчик отстранился в изумлении.

— Так ты... тоже?! И ты?

Отец кивнул.

— Да. И дед твой это умел, и прадед, и прапрадед. Все пошло с колдуна, который много лет назад жил в нашем городке. Твоя прапрапрабабка купила у него снадобье, чтобы ребенка родить здоровым, сильным и счастливым. Что за снадобье та-

кое, не знаю. Никто не знает. С тех самых пор в нашем роду все и впрямь были крепкими на диво. А еще они умели ЭТО. Умели — и все тут.

Тим слушал с раскрытым ртом. Он смотрел на отца так, словно увидел его впервые.

— Прапрадед был умным человеком, — продолжал отец. — Он строго-настрого приказал жене и сыну молчать. С тех пор так и повелось. Никто в городе не знает о нашем даре. Ни к чему он, Тим, поверь. С тех пор как я его забросил, ни разу не пришлось мне пожалеть. Теперь уж разучился поди...

Отец задумался. Лицо его стало непроницаемым и тихим, как бывает, когда зрение и слух человека обращаются внутрь его. Вдруг он приподнялся над полом и повис в воздухе.

— Нет, не разучился... — пробормотал он и медленно, с опаской, опустился.

— И ты совсем... ни разу... никогда...

Отец покачал головой.

— Нет. Даже мама не знает. Не говори ей, Тим. Не выдавай меня. Будь умницей. — Он обнял мальчика и потерся о его щеку носом. — Спокойной ночи, сынок. И забудь об этом. Прошу тебя.

Он пошел к двери, обернулся, посмотрел на Тима. Казалось, он хотел что-то добавить, но передумал. Вышел и осторожно притворил дверь.

Мальчик распахнул окно и сел на подоконник. Пышная и свежая темнота обняла его. Запахи ночных цветов душистой радугой реяли над клумбой. Меж ветвей ивы крался тихий, как лепет, ветер. Звенели цикады. Звездное небо текло и дрожало, а спящий городок опрокидывался и все проваливался и проваливался в эту бездну, не достигая дна. Нежная прохлада забиралась под рубашку и тихонько шевелилась меж телом и тканью.

Тим затрепетал и приподнялся над подоконником. Он повис, покачиваясь, точно шарик на нитке. Осторожно выплыл из окна и огляделся. Ни души, ни огня не видно было в городке. Поколебавшись, мальчик рывком повернулся и влетел об-

ратно в комнату. Задул свечку, нырнул в кровать и свернулся калачиком.

— Нельзя,— сказал он себе.

Блаженное тепло заструилось по коже, смывая озноб полета. Тим зарылся в подушку, и его зажмуренные глаза обожгло слезами.

— Нельзя,— повторил он.

Он лежал, тихо, беззвучно плача. И сон спустился к мальчику и окутал его душу милосердной тьмой.

Наутро, после завтрака, Тим вышел погулять.

Ясное, безоблачное небо предвещало погожий день. Ночной холодок еще соперничал с дневным теплом, и в тени было зябко, а на солнце жарко.

Тим направился к пустырю за церковью, где мальчишки обычно собирались для игры в лунки. Он беспечно посвистывал на ходу и перебирал в кармане куртки горсть стеклянных шариков. Почти от самого дома за ним увязалась бродячая собака. Пегая и вислоухая, она трусила за мальчиком не отставая.

— Ну что тебе? — спросил Тим, остановившись.

Собака села и уставилась на него влажными вишнями глаз. Казалось, она, созерцая мальчика, читает про себя молитву на собачьем языке.

Тим протянул руку, но собака испуганно отскочила и завиляла хвостом. Мальчик пожал плечами.

— Не пойму я тебя,— сказал он и пошел дальше.

На пустыре еще не было никого, кроме рыжего Дильса по кличке Битка. Он слонялся вдоль забора и сшибал хворостинной макушки крапивы.

— Привет,— крикнул Тим.

— Здорово,— ответил Битка.— Это что за собака, твоя?

— Бродячая. Сама прицепилась. Ну что, сыграем?

— У меня шариков нет,— печально сообщил Битка.— Вчера проиграл последние.

— Хочешь, одолжу парочку?

— Не-е. А ну как и их проиграю, тогда отдавать нечем.

Тим поскреб в затылке.

— Тогда давай так. Если проиграешь, будем считать, что я их тебе подарил.

Битка всерьез задумался.

— Эй, мальцы! — позвал кто-то.

Возле церкви стояли двое незнакомцев. По торбам с инструментами, висевшим через плечо, в них легко было угадать бродячих мастеровых, которые летом ходят по городам и селам в поисках заработка.

— Где ваш пономарь живет? — спросил мастеровой помоложе, одетый в латанные брюки и красную клетчатую рубаху.

— А здесь неподалеку, — отозвался Тим.

— Сбегай к нему, попроси, чтобы открыл церковь. Нам работать надо. Вот, держи яблоко.

Тим на лету поймал яблоко и сунул за пазуху.

— Я мигом, — пообещал он.

Тут из-за угла появился хромой пономарь Маттас со связкой ключей.

— А, вы уже здесь, — обрадовался он и отпер дверь черного хода. — Ну и слава Тебе Господи. Заходите.

Мастеровые и пономарь скрылись в церкви.

— Ладно, давай шарики, — согласился Битка.

Тим отсчитал ему четыре штуки. Мальчики кинули жребий, и первый номер выпал Тиму. Он отошел к черте, подбросил шарик на ладони, тщательно прицелился.

Вдруг собака залаяла, забежала по пустырю, подняв морду.

Тим посмотрел вверх и увидел на балюстраде колокольни двоих мастеровых. Парень в клетчатой рубахе повесил на плечо моток веревки и, цепляясь за громоотвод, полез на черепичную маковку, которая снизу казалась не больше тюльпана. Вспугнутые голуби, словно чайнки в стакане, кружили над позолоченным флюгерным петухом, венчавшим покосившийся шпиль.

— Ух ты, — сказал Битка.

Мальчики оставили игру и выбежали на площадь перед церковью, оттуда лучше видны были колокольня и человек на ней. Собирались зеваки.

— Отчаянный парень,— приговаривал жестянщик Дат, задрав голову.— Я бы так не смог, ни даже за полцарства.

— Лишь бы не сверзился,— заметил старик Наль.— Там давным-давно все сгнило да проржавело.

— Ничего,— ответил кузнец Хортис.— Долезет до верха, привяжется веревкой.

Затаив дыхание, Тим смотрел, как на головокружительной высоте развевалась клетчатая рубаха. Вот смельчак наконец добрался до шпиля, захлестнул веревку и опустил ее конец своему напарнику. Потом выпрямился во весь рост и, держась за флюгерного петуха, помахал рукой людям на площади.

И тут шпиль с треском накренился. Мастеровой потерял равновесие, взмахнул руками и, упав на черепицу, заскользил вниз. Чудом он успел схватиться в последний миг за веревку, слетел с маковки и повис, раскачиваясь, над площадью.

Раздались крики ужаса. Пегая собака заметалась и залаяла.

Извиваясь всем телом, парень старался подтянуться, перехватить веревку. С трудом ему удалось немного подняться и достать до водосточного желоба. Ухватившись за него, мастеровой попытался закинуть ногу на карниз, но тут желоб прогнулся, и человек повис на нем, вцепившись пальцами в гладкую жуть. Считанные секунды отделяли его от падения — либо соскользнут руки, либо оторвется желоб. Неподвижно висел он под карнизом, сознавая безнадежность своего положения и готовясь к неминуемой смерти. Ветерок поигрывал краем рубахи.

И тогда не помнящий себя, задыхающийся Тим почувствовал, что земля ушла из-под ног. Словно сама собой двинулась вниз и стремительно уменьшилась площадь. Горизонт поднимался вместе с мальчиком, городок стал виден как на ладони, показались далекие лесистые холмы, меж которых вилась речка. Но этого мальчик не замечал, он видел только висевшего на колокольне человека. Тим подлетел к нему и мертвой хваткой вцепился в ремень.

— Не бойтесь! — крикнул он.

Напрягая все силы, мальчик пытался подняться со своей ношей на карниз. Вдруг на его лицо упала тень. Он поднял го-

лову и увидел, что старик Наль, распластавшись в воздухе, держит парня за запястье. Чье-то плечо коснулось Тима. Это Битка подлетел и обхватил ногу мастерового. И еще чье-то дыхание слышалось рядом... И еще...

— Ну-ка, все разом, полегоньку вниз,— велел Наль.

— Эй, полегче...

— Сам не толкайся, ч-черт...

— Не так шибко...

— Крепче держи, болван...

Причудливая гроздь человеческих тел плавно спускалась с колокольни. Собака носилась кругами по пустой площади и сумасшедше выла.

— Уф-ф...

— Все...

На земле образовалась бесформенная куча рук и ног. Огрызаясь беззлобно, люди кое-как встали, расступились. Мастеровой сидел в пыли и ошарашенно озирался.

Старик Наль повернулся, пошел прочь. Заковылял в другую сторону пономарь Маттас. За ним последовали Дат и Сторген, один за другим расходились жители городка, молча и поспешно, не глядя друг на друга.

— Айда,— дернул Тима за рукав Битка.

Мальчики скрылись за углом церкви, следом затрусила пегая собака.

— Эй, куда же вы,— пробормотал мастеровой.

Площадь опустела.

Дурачок Фаби

— Так вы, значит, лекарь...— пробормотал Бьунк, сунув задаток в нагрудный карман комбинезона.— Ясно.

— Вывеска нужна к понедельнику,— сказал молодой врач.— Надеюсь, вы успеете.

— Лекарь, значит,— повторил Бьунк.— Ну и ну. А чем вы собираетесь у нас заняться?

— Естественно, частной практикой. Насколько мне известно, в городке нет ни одного врача.

— Это точно. Последний дал тягу лет эдак двадцать назад. Бывали тут, правда, заезжие молодцы вроде вас. Больше месяца никто не выдерживал.

Уже было собравшийся уходить, собеседник Бьонка задержался на пороге:

— Неужели так много пациентов?

— Наоборот, док, в этом-то вся и штука. У нас в городке никто не болеет.

— Позвольте... Как так не болеют?

— Да так. Разве утонет кто или приключится поножовщина из-за девчонки. Но вы ведь не гробовщик, верно? У нас был один, да спился от безделья. Теперь гробы заказывают мне. Последний я сооружал три года назад, когда старик Хагес перепутал уксусную эссенцию со спиртом. Такие дела, док.

— Странно. В высшей степени странно. Я вчера нанял этаж в доме неподалеку от вас. Хозяину известно, что я врач, но он ничего мне не сказал.

— Так вы небось не спрашивали.

— Почему же, я спросил — правда ли, что здесь нет врачей. Он ответил — правда.

— А чего еще ему говорить? Денежки-то уплачены?

— Естественно, за месяц вперед.

— Понятное дело. Кому охота постояльца терять. Ну, проживете месяц, отдохнете. Места у нас красивые, воздух что надо. Опять же харчи недорогие. А насчет практики — выбросьте это из головы, док. Вывеску я вам сварганю, раз уж взял задаток, но учтите, что здесь вы нужны, как...— Бьонк стал подыскивать сравнение поделикатнее.

Врач нервно теребил свою каштановую бородку, отпущенную недавно для придания солидности.

— Посмотрим, — сказал он вызывающе. — Я полагаю, что, если поискать, больные найдутся.

— Помогай вам Господь, — насмешливо сказал Бьонк.

Собеседники стояли в дверях мастерской, окутанные сложным запахом костного клея, опилок, паяльного флюса и неведомо чего еще.

Над ними красовалась яркая вывеска:

*Анвер Бьюнк,
мастер на все руки.
Консультации по вопросам брака и семьи
даются бесплатно*

...надо пойти к тому в самом большом доме нет сначала посмотреть кудрявую все ли в порядке а то у нее уже скоро и заодно ее отца мне что-то не нравится его тук-тук-тук посмотрю кудрявую и отца и пойду к тому в самом большом доме если не прогонят опять не дают никак посмотреть его поближе а я чувю что надо скорее у него исправить только издали не разгляжу что и еще к худому зайти он уже совсем хорошо но может быть остались комочки в крови как это я не заметил сразу ведь чуть не опоздал но к нему зайду потом сначала обязательно к кудрявой у того приезжего в крови были такие гадкие белые вьюнки я их всех вывел и долго надо было исправлять маленького отец кудрявой говорил не смотри на него а то родится такой же как он и гнал меня а я все равно ходил исправлять маленького и теперь он выйдет из живота здоровый и вовремя и без вьюнков...

— Ничегошеньки у вас не выгорит, док. Точно вам говорю. Разве что будете за деньги себя показывать. Живой лекарь у нас в диковинку.

— Посмотрим,— сказал врач уже без прежней решительности и надел шляпу.— Да, я хотел узнать, а что за консультации вы даете?

— Очень просто. Ежели какой дурень спросит: дескать, папаша Бьюнк, у тебя большой жизненный опыт, скажи, мне жениться или нет,— я ему говорю: как хочешь, так и делай, все равно потом будешь каяться.

— Это, если не ошибаюсь, изречение Сократа?

— Кого-кого? — спросил Бьюнк.

...если успею пойду к той которая дает вкусные куриные косточки у нее во лбу справа все время может лопнуть внутри это надо проверять и исправлять если не успею то завтра к ней

первой а рядом с ней который играет мячом у него зубы растут неправильно а я не знаю как их надо и еще там живет старый-старый злой который кинул палку и расшиб мне ногу у него камушки начинаются надо их истолочь и он тогда их все выписает кажется никого не забыл только тот в самом большом доме до него никак не добраться а мне очень надо посмотреть вблизи...

Мастерская выходила не то на маленькую площадь, не то на большой перекресток. По обе стороны ближайшей улицы находились два ресторанчика — «Вкусный отдых» и «Веселая компания». Под вывеской одного висел транспарант: «Здесь готовят с душой». Фасад конкурента украшала более свежая надпись: «А здесь готовят с маслом». Обе они бесспорно принадлежали кисти Анвера Бьюнка.

— Веселый у вас городок, — сказал врач, косясь на вывески. — Одного не могу понять: как это вы до сих пор находитесь в безвестности? Ведь это же сенсация.

— Мы люди тихие, скромные, — ответил Бьюнк.

...чуть не забыл к тому носатому в очках кажется он опять начинает кашлять ну это очень просто и к тому же по пути а у кудрявой оказывается все хорошо и у ее отца тук-тук-тук я исправил а ведь могла быть трещина как вовремя я заметил еще совсем немного и была бы а вот стоит который всегда насмехается и рядом незнакомый с бородкой у незнакомого в животе растет неправильное зернышко там перекосились пружинки если разрастется и будет их много и пойдут в кровь может умереть надо исправить пока зернышко маленькое а то потом труднее сейчас поправлю и пойду посмотреть на...

— Кто это? — спросил врач, провожая взглядом сгорбленную фигурку в лохмотьях.

— А это Фаби, городской придурок. Он немой.

— У него совершенно магнетический взгляд. Так посмотрел, что у меня даже под ложечкой засосало.

— Да, неприятно, когда он так пялится. Словно протыкает насквозь.

— Послушайте-ка! — вскричал врач. — У него же астматическое дыхание. И на голове стригущий лишай. А вы говорили, нет больных.

— Верно. Он один и есть такой, это ж не в счет. Только капитала вы на нем не наживете, док. Разве что горсть объедков в уплату.

— Пожалуй, я мог бы полечить его бесплатно, пока уж я здесь, — задумчиво произнес врач.

— Сначала подите-ка его словите, — сказал Бьюнк. — Он, хотя больной, чертовски быстро бегают. Так, значит, вывеска нужна к понедельнику? Или как?

Клубника в январе

Я вам прямо скажу: сама по себе наука — вещь никчемная. Взять, к примеру, электричество. Да за него никто гроша ломаного не дал бы, не появись на свете смекалистые ребята, которые выдумали электрическую лампочку, и телевизор, и всякое такое. А то изобрели какую-то там плазму. Что с нее толку, ее ведь на хлеб не намажешь, плазму эту. И касательно того голубого фургона я полагаю так: тот, кто его соорудил, был головастый парень. Но вот додуматься, как его приспособить к делу и получать барыш, мог только великий человек.

А с виду он был самый обыкновенный малый лет тридцати, в синем комбинезоне, кожаной куртке на меху и твидовой кепчонке.

Очень хорошо помню, как он в первый раз наведался ко мне в лавку. Дело было под вечер, когда я уж собрался запереть дверь и подсчитать выручку.

Слышу — подъехала машина, затормозила, потом дверь открывается, и входит он.

— Здрасьте,— говорит.— Мне бы надо потолковать с хозяином.

— Я хозяин,— отвечаю.— А вы кто такой будете?

Поначалу я заподозрил неладное. Не похоже, чтоб этому типу на ночь глядя понадобился бушель картошки или там луку.

Он вместо ответа полез в карман куртки и вытащил бумажный фунтик.

— У меня для вас товар есть,— говорит, вынимает из фунтика здоровенную спелую клубничину и кидает себе в рот.— Попробуйте, угошаю.

А на дворе, между прочим, январь.

Я попробовал. Свежая, сочная клубника, только что с грядки.

— И сколько у вас этого товара? — интересуюсь.

— Пятьдесят ящиков. По сотне за штуку. Берите, не пропадаете.

— Желательно было бы взглянуть.

— Пожалуйста.

Я накинул пальто, и мы вышли на улицу. Уже стемнело, горят фонари. С неба мелкий снежок сеет. У крыльца стоит голубой автофургон. Номер не местный. Тот парень открыл заднюю дверь, гляжу — полон фургон ящиков с клубникой.

— Ну что, берете?

— Подумать надо,— отвечаю.

— Что тут думать? Или берете, или я поехал.

А я никак не разберусь, в чем тут подвох. Потому что не может не быть подвоха. Ну просто никак.

— Вы от какой фирмы? — спрашиваю.

— Это никого не касается.

Вижу, из него лишнего слова не вытянешь. И прицепиться не к чему. В конце концов, какое мне дело до его фирмы? Каждый ящик не меньше двадцати пяти фунтов потянет.

— Ладно,— говорю,— по рукам. Давайте разгружать.

Заташили мы весь товар в лавку.

— На какую фамилию писать чек? — говорю.

— На предъявителя.

Я верчу в руках чековую книжку и пристально гляжу на этого типа.

— Сдается мне,— говорю,— вон те ящики я уже где-то видел. И даже припоминаю, где. На ферме старого Бальдена. Он сам к ним прибывает жестяную окантовку. Других таких ящиков во всей округе не сыщется.

— Знать не знаю никакого Бальдена,— отвечает тот.— Вы товар взяли? Взяли. Давайте чек, и я поехал.

— Сейчас. Ручку вот возьму.

Я выдвинул ящик конторки, порылся в нем.

— Ах, вот он где,— говорю.— Нашелся.

Вынул оттуда свой «Ствеккер» 45-го калибра (вижу краем глаза — парень вздрогнул), покрутил барабан, сунул в брючный карман. Потом достал из ящика вечное перо.

— Все ж таки не могу взять в толк,— рассуждаю я вслух.— Как вдруг в январе могла появиться свеженькая клубника у старика Бальдена? У него теплиц отродясь не было...

— Не все ли вам равно, откуда клубника? От Бальдена, Шмальдена, черта рогатого... Забрали ее, так давайте чек, и до свидания.

— Э нет,— отвечаю.— Я честный торговец. Просто так подозрительный товар не возьму. Видно, придется нам с вами выяснить, откуда эти ящики. А ежели сами не разберемся, кликнем кого-нибудь на подмогу. Вот так.

Отложил я чековую книжку, сунул руки в карманы и стою, с каблуков на носки покачиваюсь.

— Это кого же вы собираетесь кликать? Уж не полицию ли часом?

— А там видно будет кого.

Парень чуток поразмыслил.

— Ладно,— говорит.— Раз уж на то пошло, я вам расскажу. Но только об этом больше никому, идет?

И вот что он мне рассказал.

Звали его Оре Хассен, и был у него старший брат Айн, который окончил университет и стал ученым. Сам Оре никаких научных задатков не имел, да и не слишком огорчался по это-

му поводу. Он просто работал в автомобильной мастерской отца, а когда тот помер, сам стал хозяином. Тем временем старший братец успел разругаться вдрызг со всеми в своей ученой лаборатории, уволился оттуда и подался к младшему брату.

Там-то он и смастерил эту штуковину для прыжков во времени. Я ее видел собственными глазами. Она была смонтирована в перчаточном ящике автофургона и смахивала на обыкновенный транзисторный приемник со шкалой и ручками, а главный рычаг управления торчал в полу машины, рядом с рукоятью передач. Младший Хассен пытался мне растолковать, как оно действует, но я ничегошеньки не уразумел, да и он в конце концов запутался. В общем, все сводилось к тому, что время течет наподобие реки и несет нас вперед, вроде как плоты. И ежели приподняться над этим течением, можно в один миг перемахнуть в будущее, хочешь — на день, хочешь — на тыщу лет. Но обратно уже, само собой, не вернешься. Такая вот штука.

Долго ли, коротко ли, старший Хассен опробовал свой аппарат, собрал чертежи и поехал в Дель-Гро, чтобы взять патент на свое изобретение. Однако там ему заявили, что, мол, проекты вечных двигателей и машин времени не принимаются к рассмотрению. Тогда он начал ерепениться, доказывать, орать, пока на шум не сбежалось патентное бюро в полном составе. Они даже не пожелали вникнуть, в чем суть, а просто подняли его на смех. Кончилось тем, что Хассен не выдержал и запустил в кого-то там стулом. Парня связали и отправили в сумасшедший дом.

Меньшой братец хотел было его вызволить. Но, оказалось, тем временем старший уже спятил взаправду, его держали в смиренной рубашке и лечили электрошоком.

Так Оре Хассен стал владельцем единственной в мире машины времени. Сначала он никак не мог додуматься, какой ему в этом прок, но потом его осенила идея. И тут уж, не откладывая в долгий ящик, Хассен продал мастерскую, дом, сел в голубой фургон и отчалил в будущее.

А что было дальше, сами понимаете. Он приехал в ближайший июнь, накупил клубники по оптовым ценам и прямоком двинулся в январь. Тут-то мы с ним и повстречались.

Распрошались мы прямо-таки друзьями, и Хассен пообещал, что на будущий год опять заглянет ко мне с товаром.

Назавтра моя лавка ломилась от покупателей. К обеду я распродал все пятьдесят ящиков.

Спустя год, в январе, Хассен объявился снова, выгрузил клубнику, забрал пустые ящики, чек на пять тысяч и снова махнул в будущий июнь. Так оно и шло, год за годом. Думаю, у него накопилась кругленькая сумма к тому времени, когда разразился Великий Кризис. Уж не знаю, каким чудом я в ту осень не разорился дотла. Потому, наверно, что кризис кризисом, а без картошки людям не обойтись. Среди всей этой коловерти я, грешным делом, и думать забыл про Хассена, пока он не появился, как обычно, в середине января.

— Привет,— говорит.— Принимай товар, старина.

Не тратя времени попусту, мы выгрузили ящики, я выписал чек и отдаю Хассену. Тот мельком глянул на него и вдруг ка-ак выпучит глаза!

— Пятьсот тысяч?! Ты часом не ошибся?

— Ах да,— говорю.— Ты же не в курсе. Пока ты вез клубнику, тут у нас такое творилось...

И рассказал ему вкратце про осенний кризис, инфляцию, про денежную реформу. Вижу — на нем лица нет.

— Ну дела...— бормочет он.— Ну дела...

— Ничего страшного,— успокаиваю я.— Ежели твой банк не лопнул, значит, вклад целехонек. Само собой, переведут его в новые деньги, немножко потеряешь, но не вдсятеро же. Так что не волнуйся.

— Я не держу денег в банке,— отвечает.— Я банкам не доверяю.

— Так что ж ты их — наличными с собой возишь, что ли?

— Ну да. В чемодане.

Видали остолопа?

— В таком случае я тебя поздравляю,— говорю.— Все старые денежки надо было обменять до Рождества. Так что ты малость опоздал. Вот ежели б твой фургон имел задний ход...

Хассен схватился за голову, раскачивается и мычит как ненормальный. Ну, думаю, теперь он, чего доброго, отправится на излечение вслед за братцем.

Однако не прошло и двух минут, как он притих и остолбенело выпучился на меня.

— Стоп,— говорит он.— Но ведь есть же еще эти самые... Ну, которые деньги собирают.

— Налоговые инспекторы, что ли?

— Да нет. Которые собирают старинные деньги.

— Нумизматы?

— Вот-вот.

Больше он ничего не сказал. Повернулся и дверью хлопнул.

Я вышел следом за ним на крыльцо и увидел, как голубой фургон рванул с места, аж снег взвился столбом. Не доезжая поворота, он вдруг стал прозрачным и растаял в воздухе, точь-в-точь привидение.

Бьюсь об заклад, он гнал вперед, через годы и века, покуда у него оставалась хоть капля горючего в баке.

Сильное чувство к зеленым человечкам

Ежели вам придется побывать у нас в городке и потребуются наладить сцепление или перемотать моторчик у бритвы, милости прошу в мою мастерскую. Меня зовут Анвер Бьюнк, а где я живу, любой укажет.

Чего только я не починал на своем веку. Были примусы — паял примусы. Теперь вот появились микроволновые печи — я и тут при деле. По мне, так они лучше примусов, потому как ломаются чаще.

Думаю, нет на свете такой штуки, которую я не мог бы при случае исправить и привести в божеский вид. Не сочтите, что

хвастаю. Просто однажды мне довелось ремонтировать самую что ни на есть настоящую летающую тарелку.

Дело было так. Прошлым летом, в субботу, ко мне с утра заявились два зеленых человечка. С виду люди как люди, даже при шляпах и галстуках, только физиономии зеленые, как трава. Я не особо удивился, просто подумал, помнится, что пора завязывать с этим делом. Видите ли, накануне я соорудил новую вывеску для Хумма, ну и, как водится, угостили меня на славу.

— Привет,— говорит один из зеленых.— Это есть мастерская?

Я вздохнул, пошел на кухню и сунул голову под кран. Малость помогло, но человечки остались.

— Спрашиваем, это есть мастерская? — не отстает зеленый.

Тогда у меня появилось подозрение, что вчерашняя гулянка ни при чем.

— Допустим,— отвечаю,— мастерская.

— Нам надо запаять трубка. Медный такой тонкий трубка. Быстро-быстро.

Я пожал плечами. В конце концов, почему у зеленого человечка не может сыскаться медной трубки, которую надо срочно запаять? В нашем городке и не такого навидеешься.

— Дело нехитрое,— говорю.— Давайте ее сюда.

— Нет. Она там. Надо ехать. Там паять.

— Тогда придется раскошелиться, ребятки. Во-первых, за срочность, во-вторых, за выездную работенку.

Зеленый поморгал растерянно.

— Не понимай.

— Деньги у вас есть? — спрашиваю.— Меньше чем за двадцатку я и пальцем не пошевелию.

Конечно, я заломил двойную плату: понадеялся, что отстанут. А второй зеленый парнишка, что молчал всю дорогу, вытащил из кармана увесистый золотой брусок и протягивает мне.

— Столько хватит?

— Вряд ли у меня найдется сдача,— предупреждаю.

— Какая сдача. Нам трубка паяй. И быстро.

Живо я погрузил паяльные причиндалы в пикап, и мы поехали.

Свою летающую тарелку ребята посадили на заброшенной ферме покойного Хагеса — аккурат в амбаре, с которого смерчем снесло крышу. Снаружи ее и не заметить было. Толком я ничего не разглядел из-за тесноты. Одно только отполированное брюхо видел, с открытым ремонтным лючком. Работенка оказалась пустяковая — наложить латку на топливный, насколько я понял, трубопровод. За полчаса управился.

— Ну, привет, ребятки,— говорю.— Я поехал. Ежели еще чего понадобится, милости прошу.

Вижу, зеленые замялись чего-то, моргают.

— Есть вопрос,— бормочет один.

— Валяйте.

— Нам очень нужны чувства. Сильные-сильные чувства. Мы согласны за плату. Хорошую плату.

Поначалу я ничего не мог уразуметь. Какие такие сильные чувства? И на кой ляд они зеленым ребятам? Но они мне втолковали, что их двигатель работает не на бензине или там уране, а на чувствах, то бишь эмоциях. Это, дескать, самое мощное горючее на свете. Когда ихний трубопровод лопнул, все чувства из бака улетучились, и пришлось делать вынужденную посадку. Теперь летающую тарелку надо заправить, и штука в том, что своих эмоций у зеленых нет как нет, слишком далеко эволюция зашла.

Я от всей души им посочувствовал. У нас в городке всякое случается, в основном по пьяной лавочке, но чтоб какие-нибудь сильные чувства... Нет уж, извините, мы — порядочные граждане. Так им и выложил. Не обессудьте, мол.

— Так есть,— уныло говорит зеленый.— Думал, датчик испорчен, стрелка на ноль. Значит, так есть. Нету эмоций.

— Ума не приложу, откуда вам их взять.

— Мы могли простимулировать бы,— мямлит тот.— Пример, осквернить что-то... Какую-то вашу святыню...

— У нас осквернять особо нечего,— отвечаю.— Без вас постарались.

Зеленые пригорюнились. Ей-ей, мне их стало жалко. Надо ж ребятам так влипнуть. И тут меня осенило.

— Порядок, — говорю. — Придумал. Будут вам эмоции.

В воскресенье спозаранок я забрался с биноклем на колокольню. Жадюга Матгас не хотел одалживать ключи меньше чем за четыре пива, но столковались на трех. Сами понимаете, мог ли я упустить такое зрелище? Вообще-то я сплеховал. Не додумался открыть продажу билетов на колокольню. Любой выложил бы трешку за вход и не остался бы внакладе. Потому как было на что посмотреть.

На небе ни облачка, солнышко встает, птички поют. Из Хагесовой развалюхи вылезают два зеленых человечка, в шляпах и при галстуках, чинно эдак топают через лужок и скрываются в ивняке около запруды.

А пяток минут спустя они уже несутся во весь опор обратно, придерживая шляпы. За ними с гиканьем мчится целая орава, все багровые от ярости: Сторген с булыжником, Капр с дубиной, еще двое-трое с ножиками, остальные с пустыми руками, хотя настроены не менее серьезно. Красивая получилась картинка. Красные гонятся за зелеными, те малость посерели, видать, не ожидали таких сильных чувств, а главное, такой прыти. Из Капра бегун, как из навоза пуля, но он, видать, крепко завелся и отставал от зелененьких всего на десяток шагов, когда они наконец влетели в амбар и захлопнули дверь.

Орава ломится следом, старик Наль суетится, командует, путается под ногами, Прыщ волочит лестницу, а Сторген с Датом уже отыскивали бревно для тарана. В детстве мне тетка подарила книжку с картинками про какой-то там Илион. Вот эти самые картинки мне тогда и припомнились.

Тут из амбара плавно взмывает летающая тарелка. Снизу в нее швыряют камни, грозят кулаками. Она подлетает к колокольне, и я даже без бинокля вижу прозрачный колпак, под ним двое вострепанных зеленых ребят улыбаются до ушей и посылают мне ручкой прощальный привет.

Я подмигнул, козырнул, тарелка покружилась над шпилем и умчалась.

Когда я посмотрел вниз, компания возле амбара еще не утомилась. Они махали руками, лаялись, кто-то кому-то сплюнул под ноги, кто-то кому-то легонько заехал в ухо, словом, обычная разборка — чужих не догнали, срывают зло на своих. Чувства кипят всюю.

Оно понятно.

Вы представьте: встаете на зорьке, черви с вечера накопаны и присыпаны влажным песочком, снасти в полной готовности, жена свое выложила еще вчера, больше не протестует. А на речке — тишь да гладь, благорастворение воздушных, местечко приважено — короче, ожидается изрядный улов. И тут, не успели вы дожидаться первой поклевки, как на берегу появляются два зеленых охламона, которые ни с того ни с сего начинают вопить, костерить вас на все корки, швырять в воду камни...

Небось зелененькие заправили свой бак под самую завязку.

Все это строго между нами. Никто из наших не знает, кто подал зеленым ребятам такую шикарную мысль, а то бы мне солоно пришлось. Надеюсь, вы не проговоритесь, — ну а ежели у вас не в порядке карбюратор, или кофемолка, или револьвер, или там летающая тарелка, милости прошу ко мне. Городок маленький, где мастерская Бьонка, всякий укажет. За срочность особая доплата, идеи — даром.

Машина счастья

У нас в городке чудиков хватает, но такого, как Данелл, сроду не бывало. Вообще-то его жаль, ежели б выучился и получил диплом, может, из него большой человек вышел. Только я в жизни не видел, чтоб кому-нибудь так не везло, как этому парню. Дня не проходило, чтоб он не порезался, не обжегся, а как-то раз он даже отхлебнул глоток салифенового клею — понимаете, я развел клей в бутылке из-под джиг-сода и оставил на верстаке, а жара стояла невероятная...

И вечно он читал что-нибудь. Сидя, стоя, на ходу и так далее. Это надо было видеть, к примеру, как он рихтует капот, а заодно читает последний выпуск «Науки сегодня и завтра». Другого такого подмастерья поискать, но я терпел, потому как

все-таки грех обижать сироту, вдобавок восьмьюродного племянника.

Как-то раз заглянул я в его книжки. Сплошная тарабарщина.

— Слышь, Данелл,— говорю.— Ты хоть что-нибудь разбираешь в этой китайской грамоте?

— А как же,— отвечает.— Только там очень много ошибок. Де Бройль, например, открыл только половину истины, остальное просто не укладывалось в рамки его мышления.

— Очень может быть,— говорю.— Только небось этот самый Де Бройль и то не смог бы запаять кастрюлю толстухи Лумины так коряво, как ты.

Само собой, парень надулся и денек-другой со мной не разговаривал. Чудик он был, но безобидный, покуда не сбрендил на своих виртуальных частицах. Тем более у нас в городке виртуальных частиц никогда не было и в помине. И ничего, жили. А он мне прямо-таки все уши ими прожужжал и допек до самых печенок, так что я даже обрадовался, когда он натаскал в свой сарайчик гору всякого хлама, от перегоревшего пылесоса до разбитого транзистора, и каждую свободную минуту там пропадал с молотком и паяльником.

Через месяц он заявил, что соорудил вечный двигатель на виртуальных частицах, и я ничуть не удивился. В его возрасте оно простительно, и все же сооружать что-то лучше, чем стишки кропать. По правде говоря, та штуковина действительно давала ток. Данелл приладил к ней велосипедную фару, и та горела день и ночь. Школьный учитель Мулссон посмотрел на этот двигатель, на чертежи и поднял парня на смех. Он доказал как дважды два, что вечных двигателей не бывает. После этого Данеллу в городке проходу не давали. Наконец ему надоело огрызаться, он взял тачку, отвез двигатель к реке и выкинул в омут возле мельницы. По ночам там до сих пор видят, как на дне светится лампочка.

Думаете, он после этого угомонился? Не тут-то было. Неделью-другую ходил тише воды, ниже травы. А потом разбудил меня среди ночи. Глаза горят, руки трясутся.

— Дядя Бьюнк,— говорит,— я открыл формулу когерентности.

— Да провались она пропадом,— отвечаю,— уже час ночи.

— Вы не понимаете. Это же залог абсолютной власти над природой.

— Брысь отсюда! — разозлился я.— Из-за тебя мне скоро хоть мастерскую отдавай в залог.

А он меня обнял и говорит:

— Ничего. Скоро вы поймете. Дайте только установку собрать.

Над второй своей штуковиной он корпел полгода и, между прочим, выклянул у меня подержанный телевизор, где всего-навсего барахлил блок развертки. Ему, видите ли, потребовался вакуумный резервуар. Знал бы я, как обернется дело, он бы от меня и ржавого гвоздя не получил.

У нас в городке всякого навидались и ко всему привыкли, но Данелл со своей машиной такое отмочил, что даже нас проняло.

Итак, он в конце концов собрал свою установку, и она заняла сарайчик почти целиком, а моя мастерская, надо сказать, совсем очистилась от утильсырья. После этого Данелл расклеил повсюду объявления — дескать, в воскресенье, в полдень, состоится бесплатная демонстрация машины счастья, и милости просим в его сарайчик.

Чего-чего, а посмеяться у нас любят, поэтому в тот день на площадь перед мастерской не явились разве что паралитики. Толпа шумела, волновалась, а капрал Думпи нацепил кобуру, хотя давно известно, что он из своей полицейской пушки с двух шагов не попадает в корову.

Данелл вышел на крыльцо и произнес возвышенную речь. Ей-богу, проповедник из него получился бы высший сорт. Правда, скоро он съехал на свои разлюбезные виртуальные частицы и формулу когерентности. Тут публика малость скисла, начала поглядывать на учителя Мулссона, а тот неопределенно пошевеливал усами.

Главное понял каждый. Машина Данелла исполняла самое сокровенное желание — при условии, что оно вообще исполнимо.

— Прошу,— сказал наконец Данелл.— Кто хочет попробовать? Надо войти в эту дверь и нажать на белую кнопку.

Тут народ замялся. Кому охота выставять себя на посмешище? А старая ведьма Гайнц протолкалась к самому крыльцу и сказала:

— Не советую, Данелл. Я полагала, ты умный мальчик.

После чего отправилась к себе на веранду вязать носок.

Вдруг из толпы вылез Ризл-Прыш.

— Я хочу,— говорит.

Когда он скрылся за дверью, многие заржали. Известно, что у Прыща одно на уме, и стало даже интересно, как машина Данелла справится с заданием.

Ризл вышел и направился прямо к красотке Беате... Батюшки-светы, как она на него смотрела! Дьяволу душу можно запродать за один только такой взгляд. Ризл взял ее под ручку, и они удалились.

Моментально старый сквалыга Нурес всех растолкал и забрался в сарайчик. Мы уж думали, он выйдет оттуда набобом, но ничего подобного. Выскочил злой как черт и стал орать, что тут сплошное надувательство и он этого так не оставит.

Данелл робко объяснил, что машина удовлетворяет лишь те желания, которые возможно исполнить. А чего там объяснять. Нуресу сколько ни дай, все мало.

Энтузиазма у толпы поубавилось. Капрал Думпи кашлянул, поправил фуражку и сунулся в сарайчик. От кого-кого, но от него такой резвости не ожидали. Что вы думаете? Машина мигом притачала ему новехонькие погоны вахмистра. Мы так и легли от хохота. Наперебой поздравляли с внеочередным повышением, желали дослужиться до полковника, советовали требовать с машины разницу в жалованье. Думпи засопел, побагровел, сорвал погоны и ушел, погрозив Данеллу кулаком.

Не успели мы отдышаться, как Сторген решил тоже попытать счастья. Ну, тут мы просто ахнули. Его женка, Лумина, стояла возле меня, и я своими глазами видел, как она в один миг подросла, глаза стали большие, нос прямой — словом, вылитая Юлли Чилс в лучшей своей роли, да и только. Первым

остолбенел сам Сторген. А Лумина, едва ей поднесли карманное зеркальце, обрушила на муженька громы и молнии.

— Ах ты, скотина! Я тебе, значит, не по вкусу? Тебе Юлли Чилс подавай?!

И пошло-поехало.

Под шумок пономарь Маттас заковылял к сараю. Его старуха почуяла неладное и гаркнула:

— Маттас, ты куда? Стой, тебе гово...

Однако тот уже нажал кнопку. Между прочим, его вполне можно понять.

Началось форменное светопреставление. Старуха тузила Маттаса что есть мочи, разевая рот, как рыба. Лумина гонялась за Сторгеном с туфлей в руке. Никто не обратил внимания, что кабатчик Хумм юркнул в дверь, а потом незаметно выбрался наружу. То есть я уверен, так оно и было, иначе с чего бы вдруг кабачок Капра мигом вспыхнул синим пламенем?

Сколько живу, не припомню, чтобы у нас в городке такое творилось. Шум, тарарам, драка, толпа с ревом валит смотреть пожар. Кабачок горит, как бензиновый факел. Данелл сидит на крыльце, обхватив голову руками, и плачет.

— Дядя Бьунк... — лепечет. — Как же так... Как же так...

А я гляжу — Капр уже налюбовался на свой пожар и мчит-ся обратно со здоровенным дрыном в руках.

— Данелл, — говорю, — полагаю, это по твою душу.

Парень, завидев кабатчика, вскочил как наскипидаренный и шмыгнул в свой сарайчик.

Не стоило труда угадать его самое сокровенное желание — оказаться вместе со своей машиной где угодно, лишь бы подальше от нашего городка.

Помаленьку жизнь вошла в колею.

Капр проиграл дело против Хумма в первой инстанции и подал апелляцию в окружной суд.

Думпи все величают господином вахмистром.

Нурес запил горькую и, похоже, допьется до ручки.

Лумина сбежала с коммивояжером.

Маттасова старуха занимается у логопеда.

Ума не приложу, как и когда в сарайчик пробрался кто-то из школяров, но только учитель Мулссон целую неделю не мог сидеть и извел здоровенную бутылку свинцовой примочки.

Беата с Ризлом живут душа в душу.

Тройное вечное заклание

— Господин полковник, вас спрашивает какая-то старая дама,— доложил адъютант, вытянувшись в струну.

Полковник Фухлер оторвался от созерцания своего письменного стола. Общеизвестно, что чем выше чин и должность, тем меньше на столе бумаг и больше телефонов. Перед полковником лежало три секретных досье, сбоку красовалось три разноцветных телефона. Испытания в лаборатории шли полным ходом, и близился час, когда одна из папок с документами бесследно исчезнет, уступив место кнопочному аппарату прямой высокочастотной связи. Именно об этом грезил полковник Фухлер перед появлением адъютанта.

— Кто такая, зачем? — отрывисто спросил он.

— Некая госпожа Гайнц, жительница городка. Сказала, что вы ей нужны по безотлагательному делу. Причину визита назвать отказалась. Ждет в приемной.

— Что? Как она там очутилась?

— У нее пропуск на одиннадцать ноль-ноль.

— Кто выписал пропуск?

Адъютант оставался бесстрастным, но крошечная пауза вполне засвидетельствовала его недоумение.

— Вы, господин полковник.

Фухлер помедлил. Вот уже несколько лет он страдал склерозом вкупе с диабетом и скрывал это, как мог. Ему совсем немного оставалось до следующего чина, а там уж пускай за него шевелят мозгами нижестоящие офицеры. Генеральская фуражка покроет любой склероз.

— Впустить,— распорядился он.

Адъютант открыл дверь и пригласил госпожу Гайнц в кабинет. Она оказалась малорослой сухонькой старушкой в вяза-

ном платье мышиного цвета. Седые волосы скручены сзади узлом, на носу круглые очки в стальной оправе. Полковник встал, предупредительно обошел вокруг стола и встретил даму точно посередине алой ковровой дорожки.

— Здравствуйте, госпожа э... Гайнц. Садитесь, прошу вас.

— Здравствуйте, полковник, — неожиданно звучным контральто отозвалась старушка и уселась на стул, приставленный боком к столу. Она держала спину прямо, не касаясь спинки, как ее, наверное, приучили еще девочкой в пансионе.

Адъютант подобрал с дорожки проволочную шпильку, подал ее госпоже Гайнц и, повинаясь взгляду полковника, retiréровался.

Полковник опустился в кресло.

— Чем могу служить? — осведомился он, вкладывая в вопрос определенную долю прохладцы, точно соответствовавшую цене латунных часов, болтавшихся на груди гостыи, и степени потертости ее туфель. Старушка неторопливо вогнула шпильку в седой узел, кончиками пальцев подоткнула остальные, торчавшие точно крокетные воротца.

— Насколько я понимаю, вы главный в этой вашей лаборатории, — начала она.

— Совершенно верно.

— Значит, я попала туда, куда нужно.

Фухлер озадаченно пожевал губами.

— Позвольте взглянуть на ваш пропуск.

Гостыя порылась в ридикюле и протянула полковнику квадратную бумажку с лиловой печатью. Беглого взгляда ему хватило, чтобы убедиться в подлинности своей подписи. И по меньшей мере странно было бы спросить: «Позвольте, а с какой статьи я оставлял его для вас на проходной?» Склероз, склероз... Полковник хмыкнул.

— Слушаю вас.

— Ах, полковник, вы себе не представляете, до чего вначале мы были вам рады...

— Мне?

— О, я, пожалуй, неточно выразилась. Я хотела сказать, что все жители обрадовались, когда узнали, что правительство ку-

пило усадьбу покойного Хагеса, и там будут строить секретную лабораторию. Особенно ликовали те, у кого дочери на выданье. А некоторые даже гордились — ведь таким научным учреждением не всякий город, даже большой, может похвалиться, верно?

Из всего этого лепета полковник принял к сведению только упоминание о дочерях на выданье. Вот оно что. Видать, кто-то из лейтенантиков порезвился, а жениться не хочет, стервец...

— Нельзя ли ближе к делу, сударыня?

Старушка вскинула брови, однако решила оставить неделикатную реплику без внимания.

— Должна сказать, что некоторые наши чаяния сбылись. Ресторанчики Хумма и Капра пошли в гору. Вдова Лапес выдала замуж обеих дочерей, а вскоре и старый Наль пристроил свою дочурку...

— Еще раз попрошу, без обиняков.

— ...хотя на их месте я бы не особенно радовалась. Военные все до одного ужасные грубияны. Почтения к полу и возрасту от них не дождешься. Ну что ж, раз вы так настойчиво просите, я перейду к делу. Видите ли, полковник, вы оказались слишком шумными соседями. Да-да, ваша лаборатория очень гремит.

— Что-о? — Полковник чувствовал, как с каждой минутой он раздражается все больше и больше: и сахар в крови уже небось двести, и язык абсолютно пересох, ворочается во рту, как кусок наждака.

— Я сказала, гремит. Грохочет, громыхает. У нас городок тихий, мы к этому не привыкли. И вот поэтому я хотела вас попросить...

Госпожу Гайнц прервал могучий гром, от которого по всему зданию задрожали стекла. Причиной тому был первый пробный заряд взрывчатки С27, которая, надо полагать, в скором времени доставит полковнику Фухлеру вожделенные генеральские погоны. Невольно он повернулся к окну. Там, на аккуратном прямоугольнике полигона, окаймленном тремя рядами колючей проволоки, высились конические бетонные трубы чудо-

вишной толщины. Над ближайшей из них мелькнул яростный язык пламени и тут же скрылся в клубах желтого дыма.

Раздражение полковника как рукой сняло.

— Вот, пожалуйста,— поморщилась госпожа Гайнц.— Удивляюсь, как вы сами выносите этот постоянный грохот.

— Я солдат, сударыня.

— А я, представьте, нет. Меня нервируют эти ваши взрывы. Они так неожиданны. Я совершенно не могу вязать, когда вы тут грохочете. Я сбиваюсь, путаю счет петель... Одним словом, это невыносимо, полковник.

— Что поделать,— развел руками Фухлер.

— Так вот, я пришла просить, чтобы вы взрывали свои заряды потише.

Полковнику стоило героических усилий удержаться от хохота.

— Сожалею, но это невозможно,— выговорил он.

— Совсем?

— Совсем.

— Ну а если перевести лабораторию в какое-нибудь место побезлюднее?

— Перенести? Абсурд. Это значит снести ее и построить заново.

— Предположим, затраты будут возмещены.

Старушка явно спятила. Надо заметить, держалась она и впрямь с достоинством миллиардерши.

— Не вижу надобности,— отчеканил Фухлер тоном, который, по его разумению, наиболее подходил для бесед с тихо помешанными.— Это место представляется нам самым подходящим. Тут нет ни курортов, ни заповедников, ни оживленных магистралей. Жаль, что единственный участок, который удалось купить, оказался непосредственно вблизи вашего городка. Думаю, вопрос исчерпан. Адъютант проводит вас.

— Нет, погодите, полковник,— с живостью возразила старушка.— Если вы не дадите мне спокойно заниматься вязаньем, я приму меры.

— Лучшая из них — перебраться в другой город,— отрезал Фухлер.

— Нет, зачем же. Я требую, чтобы наступила тишина. Даю вам срок сутки. Иначе я добьюсь тишины сама.

Опять полковник чуть не покатился со смеху. Старушка напоминала болонку, изготовившуюся к атаке на танк.

— Будете жаловаться? Это меня не волнует. Правительство отлично понимает, что такое военная мощь страны,— в отличие от вас, сударыня.

Госпожа Гайнц встала, едва возвышаясь седым узлом волос над плечью сидевшего Фухлера.

— Я приду за ответом завтра в одиннадцать,— раздельно произнесла она, повернулась и пошла к двери.

— Погодите,— сказал ей вслед полковник.— Без пропуска вас не выпустят.

Он взял ручку, поставил на бланке время ухода и расписался. А когда поднял голову, в кабинете никого не оказалось. Госпожа Гайнц как сквозь землю провалилась.

От удивления он не сразу нашарил кнопку звонка.

Вошел адъютант.

— Верните старуху,— приказал полковник.

— Простите, не понял.

— Отставить. Догоните ее и отдайте пропуск. Она его забыла.

Адъютант растерянно осмотрелся.

— Но госпожа Гайнц не выходила от вас,— промямлил он.

Полковник схватил трубку внутреннего телефона и набрал срывающимися пальцами трехзначный номер.

— Капитан! — рявкнул он, услышав в ответ: «Дежурный слушает». — Немедленно усилить посты! Никого не впускать и не выпускать без моего разрешения. Понятно? Ни-ко-го!

Тут полковник Фухлер взвизгнул, вскочил, выронив телефонную трубку, и шарахнулся к стене.

Пропуск госпожи Гайнц, лежавший перед ним, вдруг встрепенулся, округлился, из него проросли ножки, хвостик, острая мордочка с красными глазенками. Получился самый настоящий белый мышонок с заливчатским росчерком полковника на боку.

С детства полковник Фухлер панически боялся мышей.— Помогите! — завопил он, вжимаясь в стену.

Адъютант застыл соляным столпом.

Пользуясь неразберихой, мышонок соскочил со стола и юркнул под шкаф.

Полковник еще пил сердечные капли, адъютант все еще безуспешно орудовал шваброй под шкафом, когда начальник отдела контрразведки принес срочно затребованное досье госпожи Гайнц. Оно, собственно, умещалось на одном листке. Дата и место рождения. Владеет собственным домом на улице Независимости, 6. Держит акции городских коммунальных служб, живет на скромные дивиденды. Замужем никогда не была, контакты не выяснены. В нелояльной деятельности не замечена. Имеется хобби — вязание. Вот и все.

— Установите круглосуточное наблюдение,— распорядился полковник.— Обо всем замеченном докладывать без промедления.

Ужинать Фухлер отправился, как обычно, в ресторанчик Хумма «Вкусный отдых». За десертом он пригласил к столу хозяина и собственноручно налил ему коньяку.

— У меня к вам вопрос, Хумм.

— Рад быть полезен господину полковнику.

— Вы знаете некую госпожу Гайнц?

— Конечно.

— Что она собой представляет?

Хумм почесал за ухом.

— Обыкновенная старая ведьма. А что такое?

— Гм... Так я и думал. Спасибо, Хумм.

Полковник просидел в ресторанчике до самого закрытия, потягивая коньяк и предаваясь невеселым раздумьям.

Утро началось, как обычно, с доклада о предстоящих испытаниях.

— Мы приготовили два заряда,— сообщил профессор Мэллиг, отец новой сверхмощной взрывчатки С27.— Двухсот-

граммовый заложим в третью камеру, а четырехсотграммовый — в пятую.

— Так-так,— пробурчал Фухлер и занес перо над листком сводки.— Очень хорошо, профессор. Только первый заряд мы взорвем не в десять, а в одиннадцать часов. Не возражаете? Отлично.

Отпустив профессора, полковник вызвал к себе капеллана.

— Как церковь сражается с нечистой силой? — напрямик спросил он.

— Постом и молитвой,— отрапортовал слуга Божий.

— Отлично. Попрошу вас заняться этим сию минуту в моей приемной и никуда не отлучаться. В одиннадцать часов, если потребуется, я вас вызову. Выполняйте.

Озадаченный капеллан сделал налево кругом и вышел.

Без четверти одиннадцать Фухлер позвонил начальнику отдела контрразведки.

— Срочно выясните, чем занята госпожа Гайнц, и доложите.

Через пять минут он получил ответ:

— Наблюдатели сообщили, что она вяжет у себя на веранде. С утра никуда не выходила.

— Отлично,— сказал полковник.

Он положил трубку, прошелся по кабинету, остановился у окна и заложил руки за спину.

Полигон раскинулся перед ним как на ладони.

Автокран уже опустил в жерла труб экспериментальные заряды, и теперь они ждали своего часа глубоко под землей, в железобетонных камерах, окруженных множеством хитроумных датчиков. Скоро грянут взрывы, которые принесут отечеству мощь и славу, врагам страх и смерть, а полковнику Фухлеру — золоченые генеральские веночки на петлицы.

— Добрый день, полковник,— раздался за его спиной звучный, отнюдь не старушечий голос.

Госпожа Гайнц сидела в кресле за столом полковника, держа на ладони свои непрезентабельные латунные часики.

— Я пришла за ответом,— сказала она.

В ту же секунду грянул чудовишный взрыв. Двести граммов адского зелья, казалось, сотрясли твердь земную и небесную.

— Вот вам ответ! — патетически воскликнул полковник и шагнул к двери, чтобы позвать капеллана. Однако следующего шага он сделать не смог. Его тело одеревенело, а крик застрял в гортани. Превращенный в немую беспомощную статую, он с ужасом следил за манипуляциями госпожи Гайнц. Та вынула из ридикюля кожаный кисетик, насыпала на полковничий стол черного порошка, разровняла, начертила пальцем треугольник с загадочным значком у вершины. Потом распростерла руки, запрокинула голову и что-то вполголоса забормотала. Ошарашенный полковник сумел разобрать среди ее тарабарщины: «...бомбы, заряды, гранаты, снаряды, мины, патроны...»

— Алеф! — вскричала старушка, произнеся заклинание.

Тотчас порошок вспыхнул и сгорел без остатка, распространяя омерзительный запах. Госпожу Гайнц заволокло дымное облако, и она исчезла.

— А теперь, полковник, попробуйте хоть что-нибудь взорвать, — напоследок донеслось с потолка насмешливое контральто.

Примерно три часа спустя на веранду дома номер 6 по улице Независимости вошел сухопарый пожилой человек в сером костюме.

— Разрешите представиться, госпожа Гайнц, — произнес он. — Я профессор Мэллиг.

— Здравствуйте, профессор. Прошу, присаживайтесь. — Старушка указала на плетеное кресло возле себя и положила вязанье на колени.

— Прежде всего позвольте выразить мое искреннее восхищение вашими способностями, — начал Мэллиг, осторожно опустившись на скрипучее сиденье. — Поверьте, я не отношусь к тем ученым обскурантам, которые априори отметаю... гм... все сверхъестественное.

— Вы очень любезны,— заметила старушка.— Этот грубиян полковник знал, кому доверить дипломатическую миссию. Но, увы, ничем не могу вам помочь.

Профессор внушительно, по-профессорски откашлялся.

— Видите ли, госпожа Гайнц... Ваше вмешательство прервало эксперимент в решающей стадии. Не буду распространяться о чрезвычайной важности наших изысканий, поскольку это военная тайна, но поверьте, они имеют огромную научную и прикладную ценность. А посему прошу вас, позвольте нам произвести еще хотя бы два опытных взрыва.

— Сожалею, но это невозможно.

— Хотя бы один. Один-единственный...

— Увы, профессор. В сердцах я наложила тройное навечное заклятие. Снять его не в силах ни я, ни кто-либо другой. Если бы двойное — тогда другое дело.

— Неужели ничего нельзя исправить?

Госпожа Гайнц покачала головой.

— Как бы вам подступнее объяснить... Понимаете, профессор, такое заклятие имеет фундаментальную силу. Оно непреложно, ну, скажем, как второе начало термодинамики. Известно ли вам, что такое тюмризи?

— Как? Тюмризи? Никогда не слышал.

— Еще бы,— усмехнулась старушка.— Это детское кушанье, которым меня в свое время пичкали. Я прямо терпеть его не могла, вот и наложила тройное заклятие. Помню, мама даже отшлепала меня за эту проделку. А теперь никто не имеет ни малейшего понятия о тюмризи.

Мэллиг задумчиво откинулся на спинку кресла.

— Поразительно,— прошептал он.— Просто поразительно. Старушка пристально взглянула на него поверх очков.

— Думаю,— сказала она,— вопрос исчерпан, как выражается ваш полковник.

— Да-да, то есть нет, если позволите...

Госпожа Гайнц милостиво позволила.

— У меня к вам еще одна просьба,— заявил профессор.— Ваш дар открывает совершенно небывалые перспективы в

военном деле. И если бы вы дали согласие сотрудничать с нами...

— Об этом не может быть и речи, — с живостью перебила его старушка. — Я не делюсь профессиональными секретами и не торгую ими.

— Умоляю, не спешите с отказом. Мы ведь не посягаем на тайны вашего ремесла. Нам достаточно одного-единственного заклатья для взрывчатки противника. Это неизмеримо укрепит мощь нашей державы. Ведь вы патриотка, не правда ли?

— Да, я патриотка, но не идиотка, — фыркнула госпожа Гайнц. — И поэтому я применила вариант заклатья, который имеет силу повсюду, в любой точке планеты.

— Ах так... — выдавил Мэллиг.

— Неужели вы полагали, что я ограничусь вашей лабораторией? Мало ли откуда вы можете привезти новые бомбы. Нет, сударь, больше во всем мире никогда и ничто не взорвется.

— Н-неужели? И ядерные боеприпасы — тоже?

— Признаться, я не усматриваю разницы между ними и обычными. Разве они взрываются беззвучно?

У профессора голова пошла кругом. Все бомбы, снаряды, гранаты, мины, патроны, ракетные боеголовки, сколько их есть на свете, все, что сеяло смерть, разрушение и ужас, отныне обратилось в бесполезный хлам и навечно канет в неизвестность, подобно детскому кушанью под названием «тюмризи». И сделала это шуплая старушка в очках, с вязаньем на коленях. Невероятно.

Собравшись с мыслями, Мэллиг встал.

— Госпожа Гайнц, — торжественно произнес он. — Как ученый я могу считать себя покойником. Мои знания и опыт отныне никому не нужны. Но как мыслящий индивид я считаю, что вы поступили совершенно правильно, избавив мир от оружия и войны. Не будет преувеличением сказать, что человечество в неоплатном долгу перед вами. Всего вам доброго.

— До свидания, — отозвалась госпожа Гайнц, опять принимаясь за вязанье.

Профессор поклонился и зашагал прочь. Однако у калитки он вдруг остановился, постоял минутку в раздумье, затем вернулся на веранду.

— Госпожа Гайнц, разрешите задать еще один вопрос.

— Извольте.

— Я хотел бы узнать, почему этот величайший акт гуманности вы совершили только теперь. Почему не раньше?

Мелькание спиц в морщинистых пальцах прекратилось.

Старушка вздохнула.

— Ах, профессор,— сказала он.— Откуда мне было знать, что эти гадкие бомбы так сильно грохочут?

АНТ СКАЛАНДИС

КАТАЛИЗАТОР ПРОГРЕССА

Если бы я раньше хоть иногда почитывал те книги, которые продавал и покупал, вся эта история могла бы закончиться совсем иначе. И я бы не сидел сейчас как дурак перед совершенно никчемной штуковиной, а держал бы в руках настоящий катализатор прогресса — орудие для переделки мира. Но что теперь мечтать? Впрочем, надежда-то у меня осталась. Я, собственно, для того и записал это все. Даже попросил приятеля, балующего фантастикой, подработать мой опус по стилю и отнести в какой-нибудь журнал. Если прочтут многие, кто-то обязательно поверит, заинтересуется и поможет мне. Но не ждите в конце рассказа телефона и адреса. Не нуждаюсь я в глупых советах, издевках и шуточках. И очень хочется избежать наплыва безумных изобретателей, самоуверенных дилетантов, просто любопытствующего дурачья. Пусть те, кто действительно хочет помочь, найдут меня сами через издателей и автора.

Кстати, имейте в виду, я закончил мехмат. Правда, давно по специальности не работаю, но ведь мехмат все-таки. Так

вот, знаний моих до смешного мало, чтобы разобраться в этой штуковине... Ну да ладно, начну по порядку.

В тот злополучный день я пришел на толкучку к магазину на целый час позже обычного. Завсегдатаи уже маячили в излюбленных уголках, а народец собрался какой-то на удивление разношерстный. Никак я не мог понять, кому из них что нужно. Старина Петерс, тот, как всегда попыхивая трубкой, торговался с любителями детективов. Носорог со своим огромным саквояжем, набитым так же туго, как и его брюхо, стоял грустный — видать, торговля шла неважно. Для конспирации он всегда отпускает не больше экземпляра в руки, а дома держит по полтиража. Сновал в толпе и маленький юркий старичок Марк Ефимович, меняющий дешевенькое ходкое чтиво на роскошные тома литпамятников. В окружении до тошных очкариков стоял у самой витрины, где посветлее, Штирлиц, знаменитый тем, что может достать любую книгу. Поговаривают, что его библиотека — вторая в Москве после Ленинской. Увидел я и майора Пронина. На самом деле его фамилия Мухин, но он действительно майор, сотрудник ОБХСС и в свое время чуть не упрятал меня за решетку. Но мы столковались и теперь дружим. Я ему подсказываю, с кого можно содрать побольше, а он меня не трогает и даже делится, когда дают не «бабками», а книгами.

В общем, покрутился я, покрутился и начал искать клиентов. Я вообще-то специализируюсь на «БП», заодно и фантастика идет, а тогда временно занимался еще и «БК»¹. Помнится, подошел к одной группке — а у меня, знаете, на клиентов чутье — и тихо так спросил:

— «БК» нужно?

— Ефремова, что ли? — откликнулся кто-то.

— Почему Ефремова? — не понял я.

— Ну, говоришь, «быка». «Час быка», что ли?

«Вот черт!» — так обидно стало — в покупателях ошибся, как распоследний чайник, что я даже про фантастику не спросил.

¹ «БП» — Библиотека приключений, «БК» — Библиотека классики (*Примеч. автора.*).

Потом попался некий чудак, разыскивающий детективы в стихах. Потом несколько раз дергал какой-то псих, тараторивший нечто вроде: «Уна-муна есть? Мульта-тульта есть?» Потом подвернулся уже полный кретин. Я назвал ему цену — «два», а он возьми да и спроси:

— Два рубля?

Я только пальцем по голове постучал. И он воскликнул радостно:

— А, два номинала!

Тут уже я не выдержал:

— Какие, к черту, номиналы, когда на книжке цена стоит — шестьдесят семь копеек! Потому что издана двадцать лет назад. А «два» — это «два». Не «один и семь», не «два с половиной», а «два»!

Так я ему ничего и не продал.

И вот когда я решил, что придурков с меня на сей раз уже хватит — вот тогда и подошел этот. Подошел и сказал:

— Мне нужна книга.

Одет он был уж больно странно: джинсовая куртка с меховым воротником, глухо застегнутая на молнию, брюки — легкие и явно от дорогого костюма, на голове кепка-аэродром, а на ногах — ей-богу, не вру — женские туфельки на шпильках по моде шестидесятых. И было этому хиппарю на вид не меньше пятидесяти. И он подошел и сказал:

— Мне нужна книга.

— Любая? — спросил я, кисло улыбнувшись.

— Мне нужна книга, — повторил он.

И я, уже закаленный всеми предыдущими идиотами, не стал нервничать, а просто вынул ему маленький десятикопеечный справочник московского «Книготорга».

— Эта подойдет?

— Сколько? — поинтересовался он.

— Двадцать пять, — рискнул я, как-то сразу догадавшись, что эту бешеную цену следует назвать на общедоступном языке.

Он кивнул, полез в карман и извлек зеленую бумажку, за которой я протянул было руку, да замер, ошарашенно глядя

на незнакомый профиль и читая по буквам, как на уроке английского: DOLLARS. Должно быть, лицо у меня сделалось таким же зеленым, как эта бумажка, потому что незнакомец спохватился, убрал валюту и из другого кармана достал вполне советский четвертной. Но вот когда я взглянул на него вблизи, меня, братцы, пот прошиб. Не четвертной это был. Это была фиолетовая, новенькая, точно нарисованная и даже с водяными знаками двадцатирублевая купюра. А пока я глазел на эту чудовищную по нелепости фальшивку, он что-то такое сделал с моей книжицей (съел, что ли?) и попросил:

— Еще книгу.

И тут внутренний голос подсказал мне: не упускай этого типа. Я даже не представлял себе, кто он такой: безумный фальшивомонетчик, хитрый шпион-вербовщик или... Черт его знает! Но я почувствовал: пахнет прибылью.

— Еще — не здесь, — произнес я строго. — Пошли со мной.

И он пошел, безропотно стуча по асфальту своими дурацкими шпильками. Я вел его к себе домой, и, если честно, мне было страшно — как когда-то мальчишкой в деревне, на чужом дворе, куда мы лазали через забор таскать с веревки вялившуюся на солнце рыбу. Именно такой был страх — детский, панический, перемешанный со стыдом, но и романтически щемящий одновременно, а вовсе не привычная боязнь нарваться на стражей порядка.

В моей однокомнатной халупе он прежде всего подошел к книжным полкам, обернулся с счастливой улыбкой идиота и спросил:

— Можно? — Потом добавил: — Я заплачу.

В растерянности я пожал плечами, и он тут же стал снимать с полки одну книгу за другой, быстро перелистывать их и записывать себе под куртку.

— Очень хорошо, — говорил он, — это мне поможет. Сейчас я все вам объясню. Сейчас вы все поймете, — говорил он. — У нас мало времени, — говорил он, — но вы обязательно все поймете...

С каждой новой книгой он становился разговорчивее, словно был иностранцем и таким образом обучался русскому языку.

На тринадцатой штуке он остановился, пересек комнату и сел в мое любимое кресло, так что мне пришлось расположиться на стуле.

— Фу,— выдохнул он,— устал. Но времени очень мало. Поэтому слушайте меня внимательно. Я прилетел с очень далекой планеты.

Улыбаясь и скептически покачивая головой, я смотрел на него, как на больного ребенка. Он видел это и стал очень нервничать. Он сбросил женские туфельки, и под ними оказались невероятно пижонские сверкающие металлом носки, словно связанные из тончайшей серебряной проволоки. Потом он вытряхнул из рукавов пару отличных кроссовок и удивительно ловко надел их, не расшнуровывая.

«Фокусник,— подумал я.— Надурит в два счета».

И поторопился потребовать деньги.

Он вынул пачку зеленых и пачку фиолетовых. Но ведь и те и другие были ненастоящие. Я вдруг вспомнил, что в Штатах нет банкнотов достоинством двадцать пять долларов. Значит, уже надурил. Боже, где мои книжки?! Куда он девал их? Неужели под этой курткой уместится тринадцать увесистых томов? А ведь он вроде и полнее не стал... Голова у меня шла кругом.

А он все так же монотонно упрашивал послушать его.

— Деньги у тебя, братец, неправильные,— выдавил я наконец главный пункт своих переживаний.

— Торопился очень,— пояснил он извиняющимся тоном.— Но что деньги! Забудьте про них. Я дам вам нечто гораздо большее. Послушайте меня, пожалуйста. У нас мало времени.

Я сдался:

— Бог с тобой. Только говори по существу и не завирайся.

— А вы, пожалуйста, не перебивайте,— вежливо попросил он.— Мне и так трудно. Послушайте, можно я...— он замаялся,— разденусь?

— Да в чем вопрос!

Но то, что он сделал вслед за этим, было бы очень трудно определить словом «разделся». Он взял двумя пальцами замок молнии, дернул сначала вверх, а потом вниз, куртка распахнулась, и из-под нее вывалилась... Нет, не куча моих книг, а полупрозрачная, ярко-зеленая, как зубная паста «Флюодент», желеобразная масса. Вывалилась и повисла огромным мерзким пузырем, а гость мой вздохнул облегченно, словно галстук снял в жаркий день, и с наслаждением повертел шеей. И я увидел, что молния у него вшита прямо в кожу, и от движения расходится, а под кожей колыхается эта зеленая гадость. Замутило меня тут, братцы, да так замутило, что пришлось бежать в ванную, и минут на пять я отключился, а когда вернулся, он все так же сидел и повторял жалобно, что времени у нас очень мало.

В общем, после такого фокуса я уже был готов поверить, что он с другой планеты, но вот что с ним, бедолагой, делать, совершенно не представлял. И я снова сидел напротив на стуле и слушал сбивчивый его рассказ, но думал больше о своем: в какую скверную историю вляпался, каким дураком выгляжу и что теперь будет. Но с какого-то момента я включился и начал слушать осмысленно. Помню, как он наконец представился:

— Особоуполномоченный агент тайного межзвездного общества бескорыстной помощи слабо развитым планетам.— Это он повторил два раза, и я запомнил точно.

И дальше агент поведал мне примерно следующее. Тайком от своего правительства члены их общества шастают по слабо развитым планетам вроде нашей и безвозмездно передают их обитателям всякие штуки для ускорения прогресса: кому бессмертие подбросят, кому — антигравитацию, других в пространстве учат перемещаться без ничего, еще кому-то телепатию дарят или там пирокинез какой-нибудь. Он много еще всякого перечислил, некоторых слов я и не слышал никогда, а он удивлялся. Это же, говорил, на вашем языке. И только под самый конец я понял, что все эти чудеса он мне на выбор предлагает. Ну, растерялся, конечно: ведь одно лучше другого. А если иначе взглянуть, все — бред. Не может такого быть. Хоть у него и брюхо из зубной пасты, все равно не верилось.

— Ну ладно,— сжалился агент тайного общества,— я дам вам универсальный катализатор прогресса. Согласны?

— Согласен. Почему нет? — ответил я, словно речь шла о самой обыкновенной сделке — какое-то отупение нашло на меня.

И он достал из своих полупрозрачных недр бутылек с темно-красным, как сухая кровь, порошком.

— Возьмите. Этот катализатор небывало ускорит развитие человечества во всех сферах деятельности.

И тут (уж в который раз!) я подумал, что Зеленое Брюхо просто издевается надо мной. Бутылочку я взял, потряс ее, поглядел на свет, потом спрятал в секретер и повернулся к гостю.

— И каким же это образом произойдет ускорение? — максимум сарказма постарался я вложить в эти слова.

— Охотно объясню,— откликнулся агент.— Я, правда, хотел подождать немного. Для ясности. Но суть в том, что катализатор прогресса подарит человечеству всеобщее и полное изобилие.

— Так просто? — удивился я. Мне как-то никогда не приходило в голову, что достаток или — в более общем виде — материально-техническая база коммунизма может быть не следствием, а причиной прогресса.— Будет же просто обжираловка. Какой там прогресс!

— Пожалуйста, не спорьте. Над этой проблемой работали специалисты, проводились эксперименты. Изобилие всего и для всех ускоряет развитие науки и общества. Это древняя аксиома.

— А гонку вооружений оно тоже ускоряет? — обозлился я.

— Да. А что? Гонка вооружений в конце концов приводит к разоружению. Вы подошли вплотную к последнему ее рубежу. Поэтому у вас изобилие практически сразу приведет к демилитаризации.

— Ну хорошо,— продолжал нападать я,— а этот, как его, экологический кризис тоже небывало ускорится?

На лице агента отразилась обида, но он терпеливо объяснил:

— Экологический кризис устраняется. Для производства материальных ценностей катализатор позволит использовать любые вещества, в том числе химические и радиоактивные отходы.

Вот такие сказки он мне рассказывал, но говорил с убедительностью настоящего специалиста, а не психа, и я увлекся, развесил уши. Потом вдруг спохватился:

— А мне-то что делать с этим порошком? Есть его, что ли?

— Нет,— сказал агент,— катализатором прогресса следует заправить мультипликатор — прибор, размножающий любую вещь, в том числе и самого себя в неограниченном количестве.

— Ах, вот оно что...

— Мультипликатор дать я вам не могу,— опередил он мой вопрос.— Слишком тяжелый. Я объясню вам, как сделать его. Дам чертежи, документацию, как это у вас называется, ноу-хау. Через несколько минут я должен получить все это. И тотчас же вам объясню, что делать. Понятно?

— Как будто... А вдруг у меня не получится?

— Да что вы! Мультипликатор — примитивная вещь. Сделаете в два счета.

— А почему же тогда у нас никто не делает эту примитивную вещь?

— Вы не имеете ноу-хау. Да и катализатора у вас нет, то есть до сих пор не было, а без него нельзя...

— Ну, хорошо. Допустим, сделаю я этот мультик-пультик...

— Мультипликатор,— поправил он, не уловив юмора.

— Сделаю, а дальше что?

— Какой наивный вопрос! Разумеется, обеспечите этим устройством все население планеты. Через существующую систему распределения.

— Эк у вас все просто получается! — возразил я.

И тут в дверь позвонили. Один раз, но как-то очень решительно. Я понял, кто это, и мне сделалось кисло. Думать стало некогда.

— А ну-ка заberi свои дурацкие деньги,— распорядился я, и он послушно спрятал обе пачки в зеленом брюхе.— Я пойду открою, а ты приведи себя в порядок. Нельзя людей пугать.

Он вострепнулся и начал лихорадочно возиться с молнией. А зеленый пузырь все колыхался, все выскальзывал — никак не хотел забираться под куртку. Я махнул рукой и вышел из комнаты.

В глазок, конечно, не видно было никого. Позвонили еще раз. Не открывать им глупо. Тем более что в тот день в квартире было абсолютно чисто. И ничего на мне не висело. А гость... Да черт с ним! Пусть сам выпутывается как знает, пусть покажет свои инопланетные способности. Я, честно говоря, надеялся, что он вообще исчезнет к моменту их появления.

А это действительно были они. И майора Пронина среди них не было. Все трое в штатском, одного роста, в одинаковых серых плащах и шляпах. Вошедший первым молча раскрыл передо мною книжечку, и я ее с дотошностью, как всегда, изучил. Книжечка была настоящая, нечего возразить. Двое сразу прошли в комнату, а третий остался у дверей. Тут-то я и понял, что пришли не за мной. Квартира у меня маленькая: что происходит в комнате, слышно от самого входа, поэтому я не пропустил ни одного слова моих незваных гостей.

— Именем закона Союза Советских Социалистических Республик вы арестованы! — вот так до дикости высокопарно начал товарищ из органов.

Мой зеленобрюхий все так же сидел у окна, только повернулся к вошедшим спиной вместе с креслом и смотрел через плечо, а руками продолжал, наверно, воевать с молнией.

Тогда один из штатских зашел к нему спереди и сразу заорал, изменившись в лице:

— Ах ты, сволочь! Засветился уже! Ты сколько же галактических законов нарушил, рецидивист проклятый?! Но это уж точно в последний раз. И вот что...

На этом, братцы, понятная для меня часть кончилась, и началась несуразица. Во-первых, все они перешли на свой язык — этакое пронзительное верешание вроде птичьего. Во-вторых, нарушитель галактических законов вскочил, брюхо его стало стремительно желтеть и сделалось похожим на гигантский кусок янтаря, а руки обвисли плетьюми и лицо помертвело. В-третьих, штатские лопнули оба, как перезревшие

каштаны, и под их бутафорской одеждой обнаружилась та же полупрозрачная масса, только ярко-красная, словно клубничный джем. Верещали они с каждой секундой все яростнее, а человеческие тела их вместе с одеждой довольно быстро растворялись в красном и желтом студне тел настоящих. И я еще не успел подумать про того, третьего, в прихожей, как он ударился в дверях о мою спину, развалился на два бесформенных красных мешка, которые обтекли меня и тут же снова слились воедино. Он двигался, ни за что не задевая, и те трое уже висели над полом безо всякой опоры. Верещание перешло в пронзительный писк на грани ультразвука. Желтый внезапно вильнул и бросился к окну, но все красные разом налипли на него, и образовавшийся ком с громким шипением начал сжиматься. Не прошло и минуты, как от них не осталось ничего: ни дыма, ни даже запаха.

Я стоял как дурак посреди собственной комнаты и с глубокой тоской вспоминал то славное время, когда на полочке в дверце моего холодильника ютилась неизменная бутылка водочки.

Утром я нашел в кресле полупрозрачную бесцветную плитку размером с книгу. Долго вертел ее в руках, наконец угодил пальцем в какое-то углубление, и плитка — действительно, как книга — развернулась веером упругих листков, испещренных штрихами и точками. Потом вновь сложилась. «Растяпа этот рецидивист, — подумал я, — забыл какую-то свою игрушку». И положил плитку в секретер, рядом с давешним катализатором. Ничего не хотелось мне делать с этими штуками. Ничего: ни экспериментировать, ни выбрасывать, ни сдавать куда бы то ни было. Я решил просто подождать. Чего? Не знаю. Но вся моя жизнь с тех пор переменялась.

Я по-прежнему хожу в свою контору, по-прежнему толкаюсь вечерами у книжного, зарабатывая на жизнь, даже девченок вожу к себе по-прежнему. Но я вдруг стал думать о таких вещах, которым раньше не придавал значения или вовсе не догадывался о них. Меня, например, неотвязно мучит проблема: спасет ли людей внезапное изобилие? Кому мультипликатор будет нужнее: лентяям, обжорам или творцам, которые навсег-

да освободятся от черной работы? Людям доброй воли, которые дадут еду голодным и лекарства больным, или воякам, которые враз все уничтожат в бешено ускорившейся гонке вооружений? Черт знает о чем думаю я теперь. Всерьез переживаю, что не спросил зеленобрюхого, может ли его мультимпликатор тиражировать людей как вещи — ведь это, пожалуй, было бы ни к чему. В общем, частенько я рассуждаю так, будто мультимпликатор на самом деле возможен. А время от времени (как же иначе?) подвергаю сомнению собственную психическую нормальность. И только эти «вещдоки» в секретере спасают меня от окончательного безумия. А впрочем, что это за доказательства: бутылка с красной пылью да какая-то китайская головоломка? Подумаешь, инопланетные штучки!

И однажды я не выдержал. Позвонил старому знакомому еще по «универу» (он окончил химфак) и попросил сделать — не для себя, конечно — максимально полный анализ одного порошка. Передал ему крохотную горсточку. Он обещал звонить и пропал надолго. Я успел забыть о своей просьбе, когда он внезапно объявился.

— Старик! — орал он в трубку. — Где ты взял этот порошок?!

— А что такое? — спросил я невозмутимо.

— Понимаешь, вообще-то это двуокись тория, но не совсем двуокись тория. У нее совершенно немыслимая кристаллическая структура.

— Ну и что?

— А то, что она, например, оказалась уникально эффективным катализатором (при слове «катализатор» я вздрогнул) в реакции окисления... (тут я ни черта не запомнил — какого-то альфа-минус-хренатина в бета-плюс-хренатан).

— А для чего это нужно? — поинтересовался я.

— А тебе зачем? — агрессивно откликнулся он.

— Вот как. Ты где работаешь-то?

— Извини, старик, не имею права разглашать.

Кисло мне стало, братцы, от этого разговора. А он спросил:

— Слушай, не можешь еще достать порошочка? Спирту нальем один к одному. Годится?

— Нет, не смогу, — отозвался я глухо.

— Так, может, мы сами? Ты только адрес дай.

— Не знаю я никакого адреса. Друг на одном «ящике» спер из буржуйской установки — вот и все.

— На каком «ящике»-то? — продолжал он допытываться. — Назови хоть что-нибудь: открытое название, номер... Я же их знаю все.

— Не имею права разглашать, — сказал я и повесил трубку.

Порошок ему! Катализатор. Шиш тебе, а не катализатор! Он для прогресса предназначен, а вы там из него химическое оружие сляпаете. Нет уж, дудки.

И больше я ни к кому не обращался. Но почему-то именно тогда меня осенило. Я даже удивился, что раньше не догадывался. Ведь эта дурацкая плитка — она и есть ноу-хау, про которое талдычил мой пришелец. Он только объяснить не успел, как с ним работать. Точно, точно. А заказать ноу-хау успел — вот оно и свалилось в мое кресло. Обидно, братцы, до соплей. А уж ему-то как обидно! Сидит небось на своей Альфа Центавра за решеткой и плачет. Не представляю, впрочем, какие должны быть решетки для такой зеленой размазни.

А еще, братцы, я начал много читать. Особенно фантастику. Ведь у фантастов подобных случаев сколько хочешь описано. И так все по-умному получается, и все-то проблемы у них решены, и все они знают, как вести себя. Впрочем, не всегда. Бывают и дураки вроде меня. Но это в юмористических рассказах. А мне сейчас не до юмора. Я же, выходит, сорвал грандиозную программу ускорения прогресса. И все из-за того, что не читал раньше фантастики. Ведь если бы читал, разве бы я так себя вел?... Эх, братцы!

А над этим ноу-хау я долго голову ломал, но так и не понял. Теперь на вас вся надежда, читатели. Ищите меня, поговорим, может, и доверю вам штуковину эту. Только имейте в виду, если вы на каком «ящике» работаете или, не дай бог, из органов ко мне явитесь — лучше не приходите: сразу пойму, у меня на эти дела нюх, не обманете. Дурачком прикинусь — дескать, вот так мы глупо шутим — и провожу вас до дверей. Да, и

обыск у меня не надо делать, граждане сыщики, потому что давно уже нет ничего в моей квартире.

Вот так, братцы. Мне ведь в самом деле помощь ваша нужна. Вы только не обижайтесь, если кто-нибудь из вас разгадает ноу-хау и сделает мультипликатор, а я ему все равно катализатор прогресса не дам. Вы понимаете, в чем дело, я очень много умных книжек прочел, но так и не знаю до сих пор, хорошо ли это — внезапное изобилие и ускорение прогресса. Лично по мне — так, пожалуй, хорошо. А вот что другие скажут? Вон эти-то, краснопузые, вылавливают самовольных миссионеров, мешают им делать их доброе дело. Почему? Я-то этих «стражей» не очень жалею, даже инопланетных. Но черт их знает, может быть, правы-то как раз они? Может быть, вовсе и не нужен слабо развитым планетам катализатор прогресса? Как вы полагаете?

НЕТ ПРАВДЫ НА ЗЕМЛЕ

Андрей Васильевич Тимохин садится к телефону. Начальник попросил остаться в ночную смену (идет очень важный эксперимент), а он ответил уклончиво:

— Не обещаю пока, Петр Кузьмич.

Теперь он снимает трубку, слушает гудок и думает:

«Главное — ничего не перепутать. Надо же, год уже прошел, а я все никак не привыкну. Значит, так. Матери нельзя говорить о работе. Она будет нервничать. Жене нельзя говорить, что еду к матери. Обидится, скажет, дома совсем не бываешь. Начальнику нельзя говорить о жене. Он ее слишком хорошо знает, не поверит ни одному слову, Паше Мельникову нельзя говорить ни о жене, ни о матери — только о бабах. Лучшее всего приплести Татьяну, это понятнее всего. Татьяне нельзя говорить... Боже, как я устал!»

Дома к телефону подходит Алешка. Приходится сделать ему выговор за вчерашнюю двойку.

— Вот,— канючит сын,— а говорил, что за отметки ругать не будешь.

— А я за двойку и не ругаю,— говорит Андрей Васильевич.— Я за вранье ругаю. Зачем было говорить, что ничего не задали?

— Так все же врут,— рассудительно отвечает Алешка.

— Что значит — «все»? Я, например, разве вру когда-нибудь? Ну ладно, мать позови.

У Анюты очень усталый голос, и она просит прийти пораньше.

— Не получится, малыш,— прерывает ее Андрей Васильевич.— Я ж как раз и звоню, чтобы предупредить. Как назло, меня сегодня в ночную оставляют...

— Мамуля,— говорит он через минуту,— это я. Просто кошмар какой-то! Опять не смогу приехать. Да, да, Алешка заболел. Да и Анюта что-то неважно себя чувствует...

— Петр Кузьмич,— с начальником он связывается по селектору,— только что матери звонил. Ей очень плохо. Вот такие дела получаются... Я уж поеду. А ты запиши меня на любой день, какой надо...

— Видал, как крутиться приходится? — подмигивает он с улыбкой Мельникову, сидящему рядом.— С Татьяной на сегодня договорился, у нее квартира свободна.

Но и это неправда. Вместе с Татьяной, секретаршей Петра Кузьмича, Андрей Васильевич выходит из института, но на улице говорит:

— Подожди, я позвоню из будки. Это очень срочно. Из будки он никуда не звонит — просто вертит диск и прижимает к уху трубку. Потом возвращается очень довольный. Именно в этот момент он вдруг понимает, что сделает нечто, не предусмотренное заданием. Ему делается страшно. И потому он врет уже совершенно беззастенчиво, не задумываясь о последствиях:

— Танюшка, у меня сюрприз! Я договорился насчет твоей шубы. Только ехать надо прямо сейчас.

— За шубой?

— Да нет, за деньгами. И еще в одно место... В общем, ты поезжай домой и, пожалуй, не жди меня сегодня...

Татьяна расстраивается не слишком. Он подбрасывает ее до метро. Потом долго крутит по переулкам и, лишь убедившись, что «хвоста» нет, выруливает на шоссе.

Из телефонной будки возле стадиона звонит шефу:

— Иван Иванович? Сергеев. Хочу увидеть вас сегодня. Есть идея.

Это означает, что майор Сергеев, работающий завлабом Тимохиным, готов доложить строго конфиденциально полковнику Н. свои соображения о личности резидента Икс, для выяснения которой он и внедрен в НИИ «Кирпич». Встреча должна состояться в условленное время и в условленном месте на только им двоим известном километре шоссе Энтузиастов.

Но и это неправда. Выехав за черту города, майор Сергеев сворачивает в лес, по узкой заросшей дороге едет к полю, засеянному рожью, у опушки выходит из машины, садится в траву и, достав из внутреннего кармана сигаретную пачку с передатчиком, выходит на связь:

— Генерал Бирс? — говорит он по-английски. — У меня все готово.

— Отлично, Макмиллан. У нас тоже все в порядке.

Это означает, что ровно в 22.00 над той самой точкой встречи возле шоссе, куда Джо Макмиллан как бы случайно опоздает, будет проходить стратегический околоземный спутник, и остронаправленный высокоэнергетический импульс, выпущенный с него, уничтожит полковника Н. Потом начнется сильная гроза, которая и подскажет всем причину смерти.

Но и это неправда. Не сходя с места, из другого внутреннего кармана Джо достает небольшой черный шарик, кладет его на ладонь, и шарик начинает раздуваться. Достигнув размера теннисного мяча, вспыхивает ярким желтым светом, а когда свет гаснет, внутри шара появляется изображение — лицо немолодого и очень усталого человека. Звучит голос:

— Привет тебе, Тсирх. Я слушаю тебя. — Голос звучит в сознании разведчика.

И так же молча он отвечает:

— Привет, Талип.

Потому что на самом деле он не агент ЦРУ, а особоуполномоченный сотрудник галактической разведки Звездного Содружества с центром на планете Куарга и находится на Земле для изучения и контроля развития цивилизации.

На Куарге уже много столетий не знают, что такое ложь. Когда-то давно она считалась самым тяжким преступлением. Теперь с этим древним грехом высшего разума во всем Звездном Содружестве соприкасается лишь одна служба, работа в которой окутана ореолом романтики и зловещей тайны. Эта служба — галактическая разведка. Ее посланцам порою приходится иметь дело с ложью в других мирах, они исследуют ее, с тем чтобы искать пути искоренения. Обработкой полученных данных занимаются только машины. Люди планеты Куарга и всего Звездного Содружества не должны знать о лжи ничего. Таков замысел. Таковы условия игры.

— Привет тебе, Талип,— говорит Тсирх шефу галактической разведки.— Я больше не могу работать здесь. Наверно, я очень плохой разведчик. Я хочу выйти из игры и вернуться на Куаргу.

— Добро,— говорит Талип,— возражений нет. Добытые тобой сведения имеют уже достаточно высокий коэффициент насыщения информацией.

— Я намерен использовать вариант возвращения по схеме 82/14.

— Добро,— повторяет Талип.

И это означает, что Тсирх совершит межпространственный переход, используя энергию местного происхождения. В момент встречи с полковником Н. он примет импульс на себя и преобразует его целиком в энергию пси-поля. Полковник останется жив. Грозы не будет. А он исчезнет для землян, исчезнет из памяти всех, кто знал его на этой планете, информация о нем будет автоматически вычеркнута тем же способом, каким год назад она была введена. Так Тсирх благополучно вернется домой на Куаргу.

Но и это неправда. Разведчик Тсирх не вернется домой. Он погибнет. В официальном бюллетене галактической разведки Звездного Содружества будет сообщение о несчастном случае.

При межпространственных переходах такие случаи бывают. Редко, но бывают. И для всех жителей Куарги это будет правдой. Потому что жители Куарги не знают, что такое ложь.

А настоящую правду знают только машины. За века работы они сами создали и отладили программу, в соответствии с которой любого разведчика, научившегося лгать, следует уничтожить при попытке возвращения. Чистку памяти машины сочли недостаточно надежной. Ведь жителям Куарги не стоит даже видеть человека, который когда-то лгал.

ПЯТОЕ И ДВАДЦАТОЕ

В понедельник пятого января Егор Иваныч пришел на работу, как обычно, минут на пятнадцать раньше всех. Нельзя сказать, чтобы таким образом он пытался повлиять на дисциплину своих сотрудников, и нельзя сказать, чтобы работу свою Егор Иваныч очень любил (любить ее, скажем прямо, было не за что), — просто он всегда старался подчеркнуть свою невероятную загруженность. И не без успеха: в течение всего дня оба телефона трещали не переставая, посетители шли сплошным потоком, стол обрастал бумагами, время летело быстро, незаметно подступал вечер, и Егор Иваныч уходил домой последним, как капитан с корабля.

Нет, не любил Егор Иваныч работу. Но он любил деньги, которые за эту работу платили, и то, что можно было купить за деньги. Но все-таки сами деньги Егор Иваныч любил больше. Поэтому, должно быть, он и жил один, и даже машины у него не было.

Итак, был понедельник, день, как известно, тяжелый, однако на этот раз тяжесть его заметно скрашивалась ожиданием получки, призывно маячившей сквозь пелену дел. А дел навалилось больше обычного. Звонили из разных мест, назначали встречи, почему-то либо на среду, либо на сегодня, никто не хотел увидеться с ним во вторник, что представлялось странным, но думать об этом было некогда, а на перекидном календаре не оказалось листа с четвертым и пятым числами, и при-

шлось все сегодняшние дела писать на лист шестого января, на тот самый никому не нужный вторник.

В обед Егор Иваныч позвал расчетчицу Катю и спросил:

— Ну-с, когда денежки будем получать, Катюша?

— Какие денежки, Егор Иваныч? — удивилась Катя. — Зарплата же вчера была.

— То есть как «вчера»?! — Егор Иваныч буквально оторопел.

— Ну, вчера же было пятое. Все и получили вчера.

— А я? — глупо спросил Егор Иваныч.

— И вы получали. Помните, вы еще пошутили: «Ой, как много! Уж не чужие ли вы мне деньги даете?» А я вам объяснила, что это премия.

— Да-да,— сказал Егор Иванович, хотя абсолютно ничего не помнил,— извините. Совсем заработался.

Все это было очень мало похоже на розыгрыш, но он все-таки поговорил еще с двумя-тремя сотрудниками и убедился, что сегодня действительно шестое января, вторник. И тогда сразу и очень сильно заболела голова. Сказав, что едет в главк, Егор Иваныч ушел домой.

А дома стало хуже. Вызвал врача. Оказалось, давление. Врач даже предлагал в больницу, но Егор Иваныч отказался.

Всю неделю, пока был дома, мучили его два вопроса: первый — рассказать ли врачу про свою странную забывчивость, и второй и главный вопрос — куда он девал полученные в зарплату деньги. Ведь дома их не оказалось, и это тревожило. Впрочем, Егор Иваныч нередко прямо в день получки всю зарплату клал на сберкнижку. Оставалось надеяться, что так оно и было в этот раз. А с врачом он все-таки поделился своими бедами. И врач успокоил: неприятный, конечно, случай, но вполне объяснимый — частичная амнезия на почве переутомления. Рекомендовал пойти в отпуск.

В отпуск Егор Иваныч не пошел — не время было отдыхать, дел неуворот. Однако, изучая накопившиеся за неделю отсутствия дела, он с удивлением обнаружил, что самые главные вопросы решены. Кто же это постарался? Он начал осторожно выяснять, и получилось, что все, абсолютно все

было сделано им в тот самый понедельник, о котором он ровным счетом ничего не помнил. «Странная болезнь», — подумал Егор Иванович.

А однажды утром за завтраком, когда он, дожевывая бутерброд с осетриной, рассеянно разглядывал шикарный календарь с натюрмортом, привезенный из Франции, взгляд его вдруг зацепился за одну мелочь. «Во, французы, — подумал Егор Иванович, — тоже халтурить начали, вроде нас. Цифра не пропечатана». В марте месяце на календаре не было пятого числа. Потом Егор Иванович скользнул глазами вправо, влево... и обмер.

Пятого числа не было ни в одном месяце.

«Дурацкие же шутки у кого-то!» — сказал он про себя. Но почему-то ему совсем не хотелось думать, кто же это способен так шутить.

На маленьком календаре в бумажнике (как и на всех прочих календарях, кстати) тоже не было пятых чисел; и на работе Егор Иванович как бы между делом показал его заму:

— Глянь, как делают, сволочи. Кругом брак.

— Какой брак? — не понял тот.

— Ну, смотри, пятерки не пропечатаны.

— Егор Иванович, тебе, наверно, очки нужны новые. Вот же пятерка, и вот... — Зам говорил и тыкал пальцем в пустые места.

Страшно сделалось Егору Ивановичу.

А в феврале история в точности повторилась. Заснув четвертого, он проснулся шестого. И на работе все благодарили его за какие-то улаженные проблемы, поздравляли с какими-то успешными договорами, уточняли какие-то данные накануне и очень дельные поручения. В курилке он ненароком подслушал фразу: «Шефа-то нашего словно подменили вчера: всю показуху побоку, сколько дел переделал! Расскажешь кому — не поверят».

Болезнь — если это была болезнь — представлялась все более странной. И к врачам обращаться не хотелось — хотелось самому во всем разобраться. Тем более что денег, получаемых в аванс, двадцатого (ставка у Егора Ивановича была высокая — пятьсот рублей), вполне хватало на жизнь.

И в сберкассе он опять не пошел. Почему-то. В марте он понял почему.

В марте он специально не лег спать вечером четвертого и ровно в полночь наблюдал, как на табло электронных часов цифра «4» сменилась цифрой «6». И тогда он понял, что никакая это не болезнь. Что просто он живет теперь в мире, где для него не существует пятых чисел, потому что пятые числа забрал у него какой-то другой Егор Иванов, его двойник из иного мира, где как раз, наоборот, существуют только пятые числа. Это был ужасный бред, о котором никому невозможно было рассказать, но Егор Иванов знал, что все именно так. И он снова не пошел в сберкассе. Даже в книжку не заглянул. Потому что понял: боится. Боится увидеть: счет закрыт, и рядом — его подпись, поставленная тем, из пятых чисел.

К апрелю Егор Иванов вполне смирился с отсутствием пятого. К маю начал находить преимущества в своем новом положении. В июне окончательно пришел к выводу, что при такой работе и отпуск ни к чему. Он жил теперь ожиданием двадцатого числа, которое было для него настоящим праздником, а в остальные дни, как и раньше, подписывал уйму бумаг, звонил во все концы, принимал вереницы посетителей. Он только перестал нервничать, он знал, что все самое главное будет наверняка сделано без него, пятого числа, и для себя выбирал лишь те дела, которые были попроще, понесерьезней. Разумеется, иногда не удавалось отвертеться от решения важных практических вопросов, но Егор Иванов совершенствовался в своем мастерстве, и случаев таких становилось все меньше и меньше.

Так и прошла вторая половина года. В декабре Егор Иванов получил повышение. Аванс его вырос. После банкета в отличном настроении он позвонил старому другу, кончавшему вместе с ним институт, а ныне работавшему начальником главка, и спьяну разболтал ему всю свою историю. Друг почему-то совсем не удивился. Спросил только:

— Ну и как ты теперь? Работаете?

— Да уж, конечно, стараюсь, — соврал зачем-то Егор Иванович.

— А у меня вот не получилось,— грустно ответил друг.— Ты извини, я тороплюсь.

— Куда? — удивился Егор Иваныч.— На ночь глядя?

— Да на вокзал, вагоны разгружать,— серьезно пояснил друг.— Но ты не беспокойся, если действительно начал работать — все будет хорошо. Ты календарь на новый год купи,— каким-то странным голосом посоветовал он напоследок.

Егор Иваныч из этого разговора толком ничего не понял, но идея с календарем ему понравилась. Утром же на следующий день он еще до работы завернул к газетному киоску и спросил календарик. Заплатил, достал очки, посмотрел и тут же, у киоска, рухнул навзничь.

В календаре на новый год не было ни пятых, ни двадцатых чисел.

КАПУСТА БЕЗ КОЧЕРЫЖКИ

Как-то вечером ко мне зашел за сигаретами сосед из квартиры напротив Вася Трубицын. Вася — инженер, но в студенческие годы писал фантастические рассказы, даже пытался, хотя и безуспешно, печатать их, и со мной он любит поговорить о литературе. Я как-то похвалил один его рассказ, и он, видно, решил, что мы теперь с ним коллеги. Сам я писатель. Не великий, конечно, и даже не крупный, но, можно сказать, преуспевающий. Меня печатают. Вышли уже три книги, четвертая готовится, а некоторые журналы так просто ждут моих рассказов. Зовут меня Алексей Ерохин, но мало кто знает эту фамилию. Печатаюсь я всегда под псевдонимом.

— Алексей Семеныч,— сказал Вася, поблагодарив за сигареты.— А вы не могли бы опубликовать мой рассказ?

— Ну вы же знаете, Вася, я не издатель. Я, конечно, могу поговорить с кем-нибудь. А что за рассказ?

— Новый. Совсем новый.

— Дайте почитать.

— Разумеется. Но, знаете что, Алексей Семеныч,— Вася посмотрел на меня долгим пристальным взглядом,— опубли-

куйте его как свой. Я не гордый, и вам легче будет. А рассказ увидит свет — вот что важно.

Его уверенность в себе и его странная просьба несколько обескуражили меня, но я сказал:

— Хорошо, Вася, я почитаю.

И рассказ понравился мне, а еще больше понравилась идея напечатать его под своей фамилией. Почему? Вы это поймете из текста. Рассказ перед вами, читатель.

Странный попутчик (рассказ Василия Трубицына)

Ровно в 23.59, словно стремясь в последнюю минуту удрать от новых суток, опускавшихся на столицу из необъятной черноты, скорый поезд Москва—Ереван с большими медными буквами, составлявшими на вагонах слово «дружба», тихо тронулся и, проталкиваясь через метель и ночь, как проталкивается червяк сквозь рыхлую землю, набрал скорость.

Я докурил сигарету в тускло освещенном тамбуре и вернулся в купе. Там было не менее тускло. Мой попутчик, парень лет тридцати с усталым грустным лицом, опустил и зашелкнул глухую серую штору.

— Чтобы не поддувало, — объяснил он.

Без белых сполохов придорожных огней в купе стало совсем мрачно. А мне не терпелось дочитать начатый в метро увлекательный рассказ. Я люблю фантастику, и у меня был с собой великолепный новый сборник Рогалевского. Я вышел в коридор, там было светлее, и сел на откидной стульчик. Недочитанный рассказ зудел, как шелушащаяся кожа на губах, которая не дает покоя, пока не обкусаешь ее всю, до последнего розового от крови кусочка. И совершая насилие над своими глазами, я погрузился в чтение.

А когда вернулся, мой попутчик, держа в левой руке большой неуклюжий бутерброд с колбасой, наливал чай из термоса в пластмассовый стаканчик. Увидев название книжки, которую я положил на стол, он вдруг как-то загадочно улыбнулся и спросил:

— Можно посмотреть?

— Разумеется, — сказал я.

Книжку он смотрел, прямо скажем, странно: чуть откинувшись назад и наклонив голову, долго вертел ее в руках, не раскрывая, словно это была картина. Потом положил обратно на стол и снова улыбнулся.

— Вы, наверно, очень удивитесь,— произнес он,— если я скажу, что эту книгу написал я.

«Вот те на! — Мне даже стало чуть-чуть не по себе.— Маньяк. Самозванец. Лжерогалевский».

— Простите,— сказал я,— но вы совсем не похожи на Рогалева.

— А я и не говорю, что похож.— Он был невозмутим.— Моя фамилия Ветров. Сергей Ветров.

— Ну и что? — спросил было я и осекся.

Это был оригинальный маньяк. Он вообразил себя не автором, а героем книги. Сборник назывался «Миры Сергея Ветрова», и в предисловии Рогалевский писал: «Эта книга составлена из рассказов удивительного человека. Случай свел меня с ним и случай разлучил. Но рукописи его у меня остались, и по ряду причин я счел возможным опубликовать их. Кто он, Сергей Ветров? — вопрошал Рогалевский.— Гениальный фантаст? Или участник первого в истории контакта с иным разумом? А может быть, он сам пришелец?..» И все в таком же духе.

И вот теперь этот «пришелец» сидел передо мной и пил чай из термоса.

— Простите,— я был уже несколько раздражен,— такое может заявить каждый.

— Положим, не каждый,— спокойно возразил Ветров. Привычным движением человека, часто предъявляющего свое всесильное удостоверение, он вытащил из внутреннего кармана паспорт и развернул его у меня перед носом. Паспорт разозлил меня еще больше.

— Вы никогда не интересовались,— язвительно осведомился я,— сколько в Советском Союзе Ветровых Сергеев?

— Правильно,— сказал он,— я бы на вашем месте тоже не поверил. И все-таки книгу написал я. Хотите, расскажу вам эту историю?

Вагон бросало из стороны в сторону. Колеса гулко стучали на мерзлых стыках. За стенкой, в служебном помещении, громко храпел уснувший проводник-армянин. В щель, оставленную дверью купе, словно в прорезь амбразуры то и дело попадали огни, внезапные, яркие и бесшумные, как далекие разрывы снарядов. Спать не хотелось. Читать было невозможно. И я сказал:

— Валяйте, рассказывайте.

— Так вот. Я пишу хорошие фантастические рассказы.

Он прямо так и сказал, и я подумал: «Ну, скромняга!» — а он продолжал:

— Давно пишу. Но меня никогда не печатали. Журналы отбрыкивались под самыми разными предлогами. Я даже стал коллекционировать рецензии, письменные и устные, которые записывал по памяти. Мне говорили, что мои рассказы банальны, что я пишу дичь, недоступную среднему читателю; мне говорили, что они подражательны и что они слишком оригинальны; мне говорили, что они дилетантские, стилистически слабые и что они чрезмерно эстетские, что я увлекаюсь формалистическими вывертами; их называли антинаучными и слишком наукообразными; перегруженными проблематикой и слишком безыдейными... Все это было забавно, но рассказы не публиковали. И тогда я решил обратиться к Рогалевскому. В его творчестве наметился какой-то застой. Печатали его последнее время что-то мало, и новые его вещи слишком подходили одна на другую. И вот как-то я поймал его в ЦДЛ, и он согласился почитать мои рассказы. Я заинтриговал его предложением издать их под своей фамилией. Буквально на следующий день Рогалевский пригласил меня к себе домой. «Вы пишете неплохие рассказы,— сказал он.— Конечно, в них есть над чем поработать, но, в принципе, я принимаю ваше предложение. Гонорар пополам?» Я не ожидал такой щедрости и сразу согласился. Но Рогалевский оказался ещё благороднее, он указал в книге мою фамилию.

— Потрясающее благородство! — заметил я с иронией и сделал вид, что поверил. — И что же, вам не обидно читать, как «Миры Сергея Ветрова» называют новым взлетом отечествен-

ной фантастики, ставят чуть ли не в один ряд с классикой, в то время как все лавры, предназначенные вам, нахально пожинает плагиатор, откупившийся половиной гонорара и жульнической уловкой с фамилией, могущей разве что выставить вас на посмеище, если вы вздумаете вдруг заявить о своем авторстве?

— Нет,— сказал Ветров,— не обидно. Знаете, что сказал Рогалевский, когда мы уже обо всем договорились?

— Интересно, что же?

— Он сказал: «А теперь, Сергей, признайтесь честно: чья это идея — подсунуть мне ваши рассказы?» И я признался. А он сразу поверил. Вот за что я люблю писателей-фантастов.

— Ничего не понял,— сказал я.

— Вы уже прочли рассказ «Стеклянный гвоздь»?

— Это где пришелец предлагает землянину свою повесть «Стеклянный гвоздь»? Он мне как раз меньше всего понравился. Идея слишком банальна: рассказать землянам о другой цивилизации под видом фантастической повести. Подсчитайте на досуге, сколько раз уже писали об этом.

— Да-а,— протянул он, нарочито бася.— Идея банальна, очень банальна. Как сама жизнь. Вы никогда не задумывались над тем, как банальна жизнь? Рождение, смерть, любовь, ненависть — и ни черта нового. Герой рассказа «Стеклянный гвоздь» — это я сам, и пришелец действительно разговаривал со мной и действительно передал мне свою повесть.

С этого момента его исповеди я окончательно перестал ему верить, но слушать было интересно.

— Он подарил мне свою повесть на родном языке в виде книжки и на русском (он сам перевел) — в виде машинописной копии. И, представьте себе, в обоих вариантах автором значился не он, а известный в его мире фантаст, согласившийся за половину гонорара издать рукопись под своей фамилией. А когда я без всякой задней мысли поинтересовался, как это пришла ему в голову такая идея, он сообщил злоевшим шепотом, что это не его идея, и в одной из глав повести «Стеклянный гвоздь» он пишет об этом. Способ публикации произведений начинающих авторов под фамилиями знаме-

нитостей поведал ему житель далекой планеты Флаггатор, и негуманоидный этот писатель тоже признался, что позаимствовал идею из другой части Вселенной.

— Так кому же она все-таки принадлежит? — не выдержал я наконец, задавленный этим потоком информации.

— Никому. — Голос Ветрова тоже превратился в зловещий шепот. — Эта идея не принадлежит никому. Она вечна, как сама Вселенная. Вам знакома концепция вложенных миров? Вот и здесь нечто подобное. Бесконечная матрешка. Капуста без кочерыжки. Понимаете?

И я понял. Я представил себе эту странную идею, уходящую в глубь парсеков и закрученную в вихрь беспрестанно дробящихся наносекунд, идею, охватившую всю чудовищную ширь пространства и проникшую в самые потаенные уголки микромира. И это был абсурд и глупость. Капуста без кочерыжки. Но я помню, как мне стало жутко, словно вселенский реликтовый холод прокрался в сердце. И в отместку за это ощущение я решил напугать или хотя бы удивить Ветрова.

А наш поезд, громыхнув на стрелке, вдруг взвыл надсадно и жалобно, и мне показалось, что я видел, как его металлический крик долго висел в морозном воздухе над полями.

— По поводу концепции вложенных миров, — заметил я небрежно. — Слышали такую гипотезу, будто самый маленький мир — это и есть самый большой? Замкнутая система. Она всегда легче воспринимается человеком.

— Но ведь это же бред, — сказал Ветров. — Особенно в приложении к нашему случаю.

— Отнюдь, — сказал я. — Как раз к нашему случаю легче всего приложить эту гипотезу. Человек, который откажется использовать идею плагиата, и будет ее автором. Круг замкнется.

На мгновение в глазах его мелькнула искорка испуга, но он тут же улыбнулся:

— Дурака валяете, да? Вы же мне не верите.

— Конечно, не верю. Где ваша инопланетная повесть?

— У Рогалевского,— быстро ответил он.— Скоро выйдет в «Молодой гвардии».

— Ну вот,— проговорил я с издевкой,— а я-то надеялся поглядеть на рукопись, отпечатанную инопланетными пальцами. Или чем он там печатал — псевдоподиями?

— Бросьте,— сказал он.— Конечно, рукопись не доказательство. Книжка — доказательство. Но она у меня дома, в Харькове. Так что уж и не знаю... Э-э-э! — Он вдруг невероятно обрадовался.— У меня же с собой письмо Рогалевского!

Вот это уже было интересно. И особенно интересно потому, что в моем сборнике был автограф знаменитого фантаста. Я мог сличить почерки, а Ветров не знал об этом.

Он лихорадочно рылся в своих карманах и все мрачнел и мрачнел. Потом перерыл чемодан и небольшую дорожную сумку, бормоча себе под нос: «Где же оно? Куда же оно пропало?», и был огорчен не на шутку, и все это было так натурально, что трудно было не поверить.

Но я не поверил ему.

Утром он сошел в Харькове. У меня появились новые соседи. С ними разговор не клеился, и весь день я читал Рогалевского. Шикарные у него все-таки рассказы. А я, когда читаю хорошую литературу, всегда неудержимо хочу писать сам. И мне явилась идея написать о моем странном попутчике и попросить Ерохина напечатать это как свое, и я сидел и думал, как здорово все получится, а за окном уже было море, и летняя голубизна неба, и пальмы вдоль шоссе, и в открытом настежь купе гулял свежий, но теплый ветер, и поезд приехал в Адлер.

Послесловие Алексея Ерохина

Когда я уже подготовил к печати этот рассказ, я вдруг понял, что мы с Трубицыным невольно стали очередным звеном той бесконечной цепи, очередным листом той капусты без кочерыжки. И стало страшно, словно чья-то гигантская незримая рука, ведомая чужой непреклонной волей, направила меня

не по мной избранному пути. Признаюсь, я не сразу сумел отмахнуться от этого навязчивого, хотя и нелепого кошмара. Но потом все же взял рассказ и отнес в редакцию.

Послесловие Анта Скаландиса

Рассказ, который вы только что прочли, написан инженером Константином Мушкиным из города Урюпинска. Константин попросил меня пристроить этот опус где-нибудь в Москве. Условий он не оговаривал, и я счел возможным переписать его и напечатать как свой. Однако ведь я упомянул и фамилию автора, более того, весь гонорар я отправляю ему. Поэтому мне кажется, что я как раз тот человек, который отказался от использования идеи плагиата, и значит, по замыслу (смотри выше) являюсь ее автором.

ПЛАНЕТА № 386

Хочешь получить умный ответ — спрашивай умно.

И. В. Гете

Младший офицер кастикусийской звездной разведки Локумби-ру-Зига обнаружил кислородную атмосферу на третьей планете малой желтой звезды в созвездии Клопа и завис в двухстах километрах над аэропортом Адлер города Сочи. За полтора часа, болтаясь в летающем блюдце, Локумби-ру-Зига (далее для краткости будем называть его просто Зига) изучил в совершенстве все языки, употребляемые на территории Сочи. Потом он покинул блюдце, материализовался в свободной кабинке общественного туалета в торце здания аэропорта, и, одетый по-адлерски, вышел на площадь.

У Зиги был собственный ускоренный метод исследования обитаемых планет. Он выбирал индивидуума в случайной точке планеты, проводил с ним короткую беседу и придумывал главный вопрос. Этот вопрос Зига разбивал на две части и

первую сразу же задавал индивидууму. Затем ради чистоты эксперимента он пересекал планету в произвольном направлении, находил другого индивидуума и задавал ему вторую часть вопроса. Объединив ответы, он загонял их в бортовой компьютер, и послушная машина выдавала заключение по всем пунктам.

Свой метод Зига называл методом двойного экономического вопроса. Он считал, что именно мелкие детали таят в себе суть планетарной жизни. Так, в предыдущем рейсе в системе Мерцающей Крокодила он спросил у одного из тамошних жителей, сколько зеленых палочек светожора выращивает тот за сезон, а у другого — сколько таких палочек уходит на светокорм его семье. Отсюда Зига сделал вывод об уровне благосостояния мерцающих крокодильцев, а заодно и о том, насколько сильна у них медицина, поскольку попутно выяснилось, что зеленые палочки светожора используют как средство от насморка у детей.

Зига гордился своим ускоренным методом. Собрав информацию за час-другой и поручив остальное компьютеру, он уже к вечеру сажал свое блюдо у дверей шикарного отеля на знаменитой курортной планете Тиржи-Гарман-Жири.

Зига окинул взглядом адлерскую площадь. Его внимание привлек торговец растительностью: длинные стебли с большими белыми венчиками напомнили ему уши его любимого зверька брамглюкаса.

— Сколько стоят ваши цветы? — спросил Зига на родном языке торговца, чем растрогал его необыкновенно.

— Семь копеек штука, генацвале, — ответил торговец.

— А за какое время вы зарабатываете семь копеек?

Абориген растерялся.

— Спроси что-нибудь полегче, — сказал он. — В день я зарабатываю в сто раз больше, в двести раз больше, в тысячу раз больше! Что, я считал?

— Спасибо, генацвале, — поблагодарил Зига и поспешил через площадь к туалету, отметив про себя, что по ту сторону здания взлетают в небо транспортные устройства то ли на химической, то ли на внутриядерной тяге.

Младший офицер кастикусийской звездной разведки Локумби-ру-Зига совершил прыжок в произвольном направлении и материализовался в аэропорту Внуково города Москвы. По другую сторону здания поднимались в небо те же транспортные средства то ли на химической, то ли на внутриядерной тяге. Зигу порадовало единообразие в транспорте, архитектуре и одежде: это подтверждало давно доказанный тезис о том, что в обитаемых мирах, где применяются воздушные средства сообщения, имеет место всепланетная система с равномерным распределением материальных благ.

Разыскав место, где продают образцы планетной растительности, Зига для разнообразия обратился не к продавцу, а к покупателю, несущему букет из трех стеблей с белыми ушами брамглюкаса.

— Сколько вы заплатили за цветы? — спросил Зига.

— Пять рублей, — ответил тот.

Рубли были для Зиги таким же пустым звуком, как и копейки.

— А сколько времени можно прожить на пять рублей?

— Один день можно, — сказал абориген. — С грехом пополам.

Зига издал булькающий звук, выражающий у кастикусийцев крайнюю степень изумления. Однако информация была собрана, и перед глазами разведчика уже замаячил стакан безалкогольного коктейля «Жамбань», который можно было отведать только на курортной планете, потому что вне ее магнитного поля коктейль распадался на атомарные составляющие. И через пять минут Зига направил свое блюдо точнехонько на Тиржи-Гарман-Жири.

Компьютер урчал, переваривая информацию, но Зига и без него уже прикинул: если взять за единицу отсчета цветы, то получается, что дневной прожиточный минимум жителя планеты составляет лишь ничтожную долю от заработка. Вскоре компьютер подтвердил, что на малой желтой звезде созвездия Клопа самый высокий уровень жизни в обитаемой Вселенной, а материальные богатства планеты за каждый оборот вокруг светила увеличиваются примерно на четыре порядка.

Зига радовался, что открыл для Кастикусии достойного партнера по контакту, и четыре дня гулял напропалую. А на пятый день он предстал перед начальником разведгруппы.

— Младший офицер Локумби-ру-Зига,— процедил начальник,— вы знакомы с результатами вашего дублера?

Этот второй разведчик по имени Марумби-ку-Пига тоже применял метод двойного экономического вопроса, который Зига разболтал ему как-то за стаканом «Жамбани». И уже передал рапорт о том, что на малой желтой звезде созвездия Клопа невероятно низкий уровень жизни, то есть настолько низкий, что даже компьютер удивился, как это тамошние жители ухитряются использовать воздушные средства сообщения.

Пига пришел к такому выводу после того, как спросил у аборигена в городе Одесса, какая часть дневного заработка уходит у него на гроздь бананов, а у аборигена в городе Гуаякиль — надолго ли хватит ему денег, вырученных за такую же гроздь.

После этой скандальной истории Зигу и Пигу перевели на ближние рейсы, начальник разведгруппы взял отпуск, а малую желтую звезду созвездия Клопа занесли под номером 386 в реестр миров с аномальными признаками, потому что кастикусийская звездная разведка не могла позволить себе роскошь дважды посылать десант на одну и ту же планету.

Хочешь получить умный ответ...

ПОБЕГ

В дверь позвонили. Отложив книгу, я пошел открывать. За дверью кто-то нетерпеливо скребся и шаркал ногами. Я открыл дверь, и в прихожую ввалился... Боже! Мой старший брат Леня! Вот уж кого я не ожидал увидеть, так это его. Одиннадцать лет назад он принял участие в экспедиции на одну из планет Водолея, да так там и остался. Рассказывали, что Леня женился на местной девушке и не пожелал вернуться на Землю. Правда, один из участников экспедиции проговорился, сказал, что жители этой планеты мало похожи на землян, но тут же добавил, что отвращения своим видом они не внушают, а, наоборот, вполне симпатичные существа.

И вот Леня здесь, собственной персоной. Вид у него был довольно потрепанный, и, едва переступив порог, Леня, сумасшедше жестикулируя, хрипло проговорил:

— Я сейчас все тебе объясню! Кстати, здравствуй.— Он энергично обнял меня и, хлопая по спине, запричитал: — Здравствуй, милый мой братишка! Господи! Если бы ты знал,

как я рад тебя видеть! Нет! Ты просто не можешь себе представить, как я рад тебя видеть!

После того как дверь была заперта, мы с Леней прошли в комнату и еще долго хлопали друг друга по плечам и говорили всякие глупости типа: «Ну, ты даешь!» или «Ну, как живой!». Наконец первая волна удивления и восторга схлынула, и мы уселись в кресла.

— Сейчас я тебе все объясню,— прикуривая от дрожащей спички, сказал Леня.— Погоди немного.

— Да ты успокойся,— сказал я.— Отдохни.

— Не могу успокоиться, Андрюха. Если бы ты знал, чего мне стоило это возвращение!

Леня сделал несколько глубоких затяжек, сел поглубже в кресло и начал:

— Ты помнишь, как я улетел одиннадцать лет назад?

— Конечно, помню. Правда, я не знал, что ты останешься там, но...

— Вот, вот! В том-то и дело, что я тоже не знал! — воскликнул Леня и ткнул окурком в пепельницу.— Прилетели мы, стало быть, на эту, будь она трижды проклята, Бету Водолея. Все хорошо. Естественный космодром не хуже нашего. Климат — пальчики оближешь. Флора и фауна — тысяча и одна ночь, а главное, ни тварей ядовитых, ни тиранозавров, ни людоедов — ничего! Рай! Аборигены — золото. В кирпичных домиках живут, цветы выращивают. Нянчились с нами, как с младенцами. Целый месяц мы их изучали, и весь этот месяц, поверь, нас в самом буквальном смысле слова на руках носили. Я ни разу в жизни отпуска так не проводил, как тот месяц работы. Так вот. За три дня до отлета подходит ко мне один бетовец и буквально требует, чтобы я день-другой погостил у него в доме. Я ему объясняю, что, мол, по инструкции не положено. Не понимает. Пообещал я ему в гости прийти. И пришел. Он меня со своими познакомил. Семья огромная — мал мала меньше. Сели за стол. Ну, выпили, как полагается, закусили, а я возьми да и похвали кого-то из домашних. Выпили еще, а затем он мне и говорит:

«Оставайся, Леня, у нас. Женишься на моей дочери. Я в приданое трех боканов дам». Это домашний зверь у них такой.

По десять ведер молока зараз дает. Больше слона — скотина такая. Ну я возьми да и пошути, что, мол, с удовольствием, только вот как с начальством моим быть? А он: «Да я все устрою». Понимаешь, Андрюх, пьяный я был, покуражиться захотел. Одиннадцать лет куражился. Ну я: ха-ха да хи-хи, а он мне подливает и подливает. Очнулся я через три дня от жары неимоверной. У них нормальная температура тела пятьдесят два по Цельсию. Смотрю: рядом — мужик не мужик. Я до сих пор не научился их по полам различать. Я быстренько встал, извинился и к выходу. Х-ха, разбежался! Хозяин меня за руку и за стол. «Куда ты,— говорит,— Ленечка?» — «Домой»,— отвечаю. «А дом-то твой здесь отныне,— заявляет.— Ты разве не помнишь? Третьего дня мы вас с дочкой расписали, как полагается». И документ мне показывает. Действительно, моя подпись, мои отпечатки пальцев и расписка в получении приданого — тоже за моей подписью. «По твоему желанию,— говорит,— двух из трех боканов зарезали на свадьбу и съели всей деревней. Так что ты уж, Ленечка, не подведи. С начальством твоим я договорился. Да ты и сам пожелал товарищам своим счастливого пути. Неужто не помнишь? Они здесь как раз в первый день свадьбы были...» А я, Андрюх, ничего не помню, хоть убей. Вот так меня и окрутили. Ну а дальше и рассказывать противно. В тот же день мне сказали, что моя жена беременна. Ты же знаешь, Андрюх, я не большой охотник до баб. А здесь: корова не корова — в три раза больше меня. Я до сих пор не знаю, где у нее руки, а где ноги. Обхватит сразу всеми шестью лапами и дышит в ухо, как паровоз.

Леня взял сигарету и закурил. Сделав несколько затяжек, он продолжил:

— Построили нам дом. Это они быстро умеют. Действительно, большой хороший дом. А через два месяца моя благоверная счастливо разродилась. Я поначалу радовался — хоть дом большой. Какой там! На следующий день после родов она мне заявляет: «Я,— говорит,— беременная». «Как,— спрашиваю,— отчего?» А она мне эдак игриво: «Будто не знаешь, отчего дети бывают!» Десять лет прожили, так она каждые два месяца рожала. От чего — убей Бог, не знаю. Как облапит меня, через

два месяца смотришь — ребенок. Я уж и в суд подавал. Доказали, сволочи, что мои дети. Я все равно ничего не понял. Они как-то иначе устроены. У нее там внутри от страсти все само оплодотворяется. Ну а я-то тогда на хрена нужен? Я мужик или не мужик?

Подавал на развод, а у них, оказывается, разводы запрещены.

Десять лет ждал я этого момента, Андрюха. За десять лет ни одного космического корабля. И вот четыре месяца назад узнаю: прилетели. Всей семьей меня охраняли. Да, между прочим, можешь меня поздравить: я — отец шестидесяти двух детей, если можно их назвать детьми. Они растут, как на дрожжах, носятся по всему дому и все меня папой зовут. А я их только по размерам и различаю, да и то не всех. Начал было их пинками к порядку приучать, а им нравится. У них, оказывается, игра такая есть. В общем — хоть плачь. Так вот: четыре месяца назад прилетели три корабля с Земли. Веришь, когда увидел человека — заплакал. Все до секунды рассчитал. В тот момент, когда должна была захлопнуться дверь, я пролез в корабль. И вот я здесь. Я здесь, Андрюха!

В дверь позвонили.

— Это Катя, моя жена, — сказал я и пошел открывать. Но за дверью я увидел что-то очень странное и большое. Оно двинулось на меня, и мне пришлось отступить в комнату. В кресле сидел Ленья, белый как бумага. Большое бесформенное существо чем-то захлюпало и тонким голосом запричитало. Вслед за первым вошло второе, такое же большое и широкое. Вместе они заняли около трети моей довольно просторной комнаты. Неожиданно Леню прорвало:

— Не смотри так на меня, или я тебе выбью все твои восемь глаз, — закричал он.

— Стыдно, Ленья, от жены и детей бегать, — с небольшим инопланетным акцентом спокойно ответил один из вошедших. — Ты же хороший человек, Ленья. Я понимаю: много детей — много забот. Ну, хочешь, я тебе еще двух боканов подарю?

— Ничего я не хочу! — истерически закричал Ленья.

— Ну ладно, хватит, Ленечка. Пошутили и хватит,— сказал, как я понял, Ленин тесть.— Через два часа к нам улетает ракета. Ваши-то у нас какой-то редкий металл нашли. Огромную экспедицию посылают. Ну ладно, Ленечка, не упрямясь. Ты же знаешь наши законы: безотцовщины у нас не бывает. Наделал детей, так уж будь добр — воспитывай.

— Я?! — взвизгнул Леня.— Это я наделал? Да это ваша ко-рова сама их нашла неизвестно каким местом!

— Ну, ну, ну, успокойся,— сказал тесть.

— Ну, а если отец семейства умирает? — спросил я.

— Тогда его жена и дети переходят к одному из братьев,— ответил тесть.

— То есть ко мне? — переспросил я.

— Значит, к тебе,— ответил тесть.

Леня сидел бледный и осунувшийся. Руки его висели как плети, а глаза были пустыми.

— Знаешь, Андрюх,— сказал он тихо.— Мой тебе совет: смени квартиру, а лучше город. К черту город, уезжай на другой континент и поменяй фамилию... и как можно быстрее. А пока — прощай.

ПРИВЕТ АБОРИГЕНАМ

Разведчики с трудом продирались через заросли. Прорубая дорогу допотопным мачете, Хенк ругался на всех известных ему языках и то и дело страхивал с себя отвратительных насекомых. Бойко, следуя за товарищем, не забывал поглядывать назад и по сторонам. В руке он держал наготове плазменный пистолет и, как новичок, постоянно наводил его на подозрительные предметы, будь то причудливо сплетенные ветви или разлапистый сгнивший пенёк. Бойко впервые принимал участие в разведке еще неизученной планеты, поэтому одновременно испытывал и страх, и восторг, и уважение к своему более опытному товарищу.

Совершенно неожиданно лес кончился, и разведчики вышли на небольшую поляну. Посреди поляны блестела лужа,

облепленная насекомой мелочью, а с противоположной стороны виднелись следы, похожие на медвежьи, только много меньше.

— Рай! — радостно воскликнул Бойко и выскочил из зарослей на нетронутую траву.

— Погоди ты со своим раем,— пробубнил Хенк.

В это время листва на другом конце поляны дрогнула, на землю упало несколько срубленных веток, и в просвете показалось странное существо с необычным топориком в необычной руке.

— Назад! — крикнул Хенк, но Бойко поднял руку с пистолетом и нацелился на аборигена.— Не стреляй,— приказал Хенк.— Попробуем так разобраться.

Абориген стоял не двигаясь. В другой руке, прижатой к животу, у него откуда-то появилась странная штука с широким раструбом на конце. Отверстие раструба было направлено на Бойко, и землянин при всей своей неопытности сразу догадался, что из этой штуки запросто может вылететь либо пуля размером с мандарин, либо, что еще хуже, нечто похожее на заряд его собственного оружия.

Минуты две представители двух цивилизаций смотрели друг на друга и ничего не предпринимали. Наконец Хенк прижал свободную руку к груди, слегка наклонил голову и, как можно приветливее, произнес:

— Мы не сделаем вам ничего плохого.

— Так он тебя и понял,— не отрывая взгляда от аборигена, сказал Бойко.— Может, пальнуть и сразу упасть? Кто первый, тот и выиграл.

— Я тебе пальну,— прошипел Хенк.— Опустит пистолет.

— А если...— начал Бойко.

— Я сказал: опустит пистолет,— перебил его Хенк. Он бросил на землю мачете и жестом предложил аборигену сделать то же самое.

— Ну, бросать-то я его, на всякий случай, не буду,— сказал Бойко и опустил руку с пистолетом. На другом конце поляны немедленно последовали примеру землян. Абориген швырнул топорик и убрал в складки одежды свое необычное оружие.

— Мир, дружба,— убирая пистолет в кобуру, радостно сказал Бойко. Абориген что-то пролопотал, немного отодвинулся, и из-за его спины высунулись еще две головы.

— Их там целая рота,— воскликнул Бойко и полез было в кобуру, но Хенк ударил его по руке и сделал два шага к аборигенам. Постояв пару секунд, он продвинулся еще на три шага, демонстрируя свои пустые руки и широкую американскую улыбку.

Незнакомцы оказались очень симпатичными и сообразительными ребятами. Жестами они объяснили, что гуляют по джунглям. Затем они предложили устроить на поляне совместный привал, а заодно и побеседовать. Земляне с удовольствием согласились.

Вскоре на поляне запылал большой костер. Три аборигена и два землянина устроились вокруг костра и принялись оживленно беседовать, помогая себе и руками и ногами. Не снимая с лица улыбки, Хенк приказал Бойко ни в коем случае не говорить о космическом корабле и спрятанном в километре от поляны катере.

— Ну, ты меня совсем за идиота считаешь,— обиделся Бойко. Он подвинулся поближе к аборигену и жестами попросил его показать удивительный пистолет. Абориген, не проявив при этом никакой подозрительности, охотно дал разведчику одну из «пушек», а Бойко, в свою очередь, протянул ему свое оружие. И земляне и аборигены долго с удивлением рассматривали незнакомое оружие и хвалили, кивали головами, цокали языками, а затем Бойко поднял раструб пистолета вверх и нажал на пуск. Не было ни грохота, ни вспышки, лишь тонкий лучик ушел в небо да послышалось что-то вроде пенья комара.

— А ведь он этой штукой мог порезать нас на антрекоты,— удивленно сказал Бойко.— Правда, и я бы успел сделать из него подгоревшую котлету, но боюсь, что не увидел бы этого.

— М-да,— покачал головой Хенк,— надо бы сообщить на корабль, но так, чтобы они не догадались.

— А ты думаешь, они нас за незнакомых зверушек приняли? — язвительно спросил Бойко.— Если они здешние, то зна-

ют, какие твари водятся у них в джунглях. Так что надо расконспирироваться. Они нас засекли и, может даже, шли на встречу с нами.— Говоря все это, Бойко не переставал улыбаться и делать вид, что рассматривает пистолет.

— Я тебе расконспирируюсь,— так же улыбаясь, ответил Хенк.— Нашли, значит, нашли. Наше дело помалкивать.

— Отличная вещь,— сказал Бойко, возвращая аборигену оружие. Для убедительности он поднял большой палец кверху, хохотнул и похлопал владельца пистолета по плечу. Тот сделал то же самое: пальнул вверх, восхищенно охнул и вернул пистолет Бойко.

Хоппер рубанул топориком по веткам, и они упали на землю, открыв космонавтам небольшую полянку. На полянке, в двух метрах друг от друга, стояли два аборигена очень странной наружности. У одного в руках был большой металлический нож, у другого — непонятного назначения черная штука-вина. Едва аборигены заметили космонавтов, как тот, что был ближе, направил конец «штуковины» на Хоппера. Опытный космонавт понял, что это означает. Неуловимым движением он выхватил из кармана комбинезона щегольский бластер с широким раструбом и направил его на незнакомца. Хоппер слышал, как аборигены о чем-то тихо переговаривались. Он и сам успел шепнуть стоящим позади товарищам, чтобы они не шевелились, но один из аборигенов неожиданно бросил на землю нож, а второй тут же опустил черный инструмент.

— Ф-фу,— облегченно вздохнул Хоппер.— Кажется, они не совсем дураки,— сказал он тихо.

После этого Хоппер последовал примеру незнакомцев.

Тот из аборигенов, что стоял подальше, сделал несколько шагов по направлению к космонавтам. Он показывал свои пустые руки и сильно морщил лицо.

— Боится, бедняга,— сказал Хоппер и дал команду выходить на поляну.

Аборигены оказались очень милыми существами. Они все время размахивали длинными передними конечностями, мор-

шились и не переставая лопотали. Неожиданно один из них принялся собирать палки, а когда набрал большую охапку, то сложил их шалашиком и поджег чем-то похожим на зажигалку.

— Техника-то у них на уровне,— сказал Хоппер.

— Надо бы на связь выйти,— забеспокоился один из космонавтов.

— Как? — отмахнулся Хоппер.— Догадаются. Еще не хватало, чтобы к нам на корабль пожаловали гости. Кто их знает. Это сейчас они такие доброжелательные. Шарахнут по кораблю из какой-нибудь бандуры, и крышка.

— А ты думаешь, что они считают нас своими, из зоопарка, например?

— Не важно, что они думают. Про корабль — ни слова.

Аборигены худо-бедно объяснили космонавтам, что гуляют по лесу, ищут всякую живность. Затем один из них попросил показать пистолет, и Хоппер достал свой посеребренный бластер, а взамен получил черную «штуковину» незнакомцев.

Аборигены внимательно разглядывали оружие космонавтов и о чем-то оживленно болтали. Хоппер уловил в разговоре нотку восхищения и с гордостью подумал о достижениях своего народа. Он бы с удовольствием продемонстрировал жителям этой планеты свое оружие, но один из них поднял руку и нажал на спусковой крючок. «Жаль, что не по деревьям,— подумал Хоппер,— вы бы в действии его посмотрели».

Повертев в руках оружие аборигенов, Хоппер поднял пистолет и выстрелил. В воздухе мелькнула бледная черточка, и на высоте около километра вспыхнул небольшой взрыв.

— Плазма,— охнул Хоппер.

Вернув пистолет владельцу, Хоппер закивал, опустил один из пальцев вниз и добавил:

— Замечательно. Черт, а вы, ребятки, не так просты.— Затем он при помощи жестов объяснил новым знакомым, что им пора уходить, а своим приказал: — Все. На корабль. Какими бы они хорошими ни были, а что там думают их правители, одному Богу известно.

Прощание было очень теплым. Аборигены пожали космонавтам руки, а космонавты похлопали в знак дружбы в ладоши.

Едва космонавты сделали несколько шагов к лесу, как из кустов на поляну выкатились два милых зверька. Они по инерции пробежали почти до самой лужи, но, увидев космонавтов, остановились.

— Ну вот и фауна, — удовлетворенно сказал Хоппер. — Может, захватим одного? А то как-то неудобно возвращаться с пустыми руками.

Аборигены тоже остановились и о чем-то заговорили.

— Эй! — окликнул их Хоппер и показал на зверьков: — Они не ядовитые? Собственно, чего я спрашиваю? — Хоппер жестами объяснил, что хочет поймать зверька, и аборигены согласны закивали.

— Они предлагают нам в подарок этих зверушек, — сказал Бойко.

— Я не против, — ответил Хенк, — если это недолго.

На ловлю зверьков ушло не больше минуты. Их поделили пополам между группами. Хоппер попытался просто так, из любопытства, выяснить, съедобны ли они, но Хенк решительно тряхнул головой и сказал:

— Спасибо, господа, собачины (или что это — не знаю) не ем. Кошек, кстати, тоже не люблю.

Еще раз попрощавшись, группы разошлись в разных направлениях. Зверек в руках у Хоппера дергался и надрывно кричал. У него совсем не было когтей и почему-то шкурка отставала от тела.

Чак бился в лапах у чудовища и пытался разглядеть сквозь ветви, куда унесли Тюи. Последнее, что он слышал:

— Чак! Чак, дорогой... кто это, Чак?! Спаси меня, Чак!

ПРАЗДНИК ЗАЧАТИЯ

Вот и пришло мое время. Завтра праздник зачатия. Свою жизнь я прожил честно. Мне повезло: мало кому удастся увидеть столько, сколько видел я.

Они прилетели в двадцать первый день. Да, в двадцать первый. Все правильно.

Недалеко от города в полдень на землю опустилась огромная башня. Как сейчас помню: загрохотало, словно при оползнях. Все сильно перепугались и попрятались в домах. Я живу на окраине, и мне хорошо было видно, как это произошло.

Из башни долго никто не выходил. Вечером в ней открылась дверца, и оттуда выдвинулась лестница, но никто не вышел. Когда совсем стемнело, я лег спать.

Утром надо было идти на работу, и я пошел. Около моего дома стояла большая толпа. Все смотрели на башню и гадали, зачем она прилетела. Я увидел Па и подошел к нему поздороваться. Тут все закричали и бросились врассыпную. Меня сбили с ног. Я упал, и по моей спине и рукам несколько раз пробежали. Я встал и посмотрел в сторону башни. По лестнице спускались три уродца. Они шли медленно и смотрели на меня. Мне стало очень страшно. Хотелось убежать, но почему-то не получалось. Они остановились, и один поднял руку. У него было всего две руки. В руке у него ничего не было, но все равно у меня от страха подкосились ноги. Они подошли ближе, но тут я опомнился и влетел в свой дом. Больше в тот день я их не видел, потому что закрыл окна крышками.

Утром эти трое опять спустились по лестнице. Я долго думал: если они никого не трогают, то, наверное, и не собираются. Они меня заметили, и один из них поднял руку. Я тоже поднял. Тогда они подошли совсем близко, и я то ли услышал, то ли почувствовал голос, будто в мою голову кто-то вселился. Голос сказал:

— Не бойся! Мы не сделаем тебе ничего плохого. Мы прилетели с другой планеты, чтобы познакомиться с вашей жизнью.

Я подумал: «Наверное, и правда с другой планеты. Откуда же еще?»

— Да,— опять заговорило у меня в голове,— Мы прилетели как друзья. Смотри, у нас нет никакого оружия.

Камней у них действительно не было, но на поясах висели какие-то штуки, и я подумал: «А кто его знает, что это за штуки».

— Это не оружие,— сказал один из уродцев,— При помощи этих коробочек мы разговариваем с тобой.

Я уже понял, что они со мной разговаривают. Когда у меня в голове начинает говорить, у одного из уродцев открывается и закрывается дырка наверху.

— Выйди к нам, не бойся,— сказал один уродец.— Мы не хотим, чтобы вы нас боялись. Будем друзьями.

Мне было очень страшно, но потом я подумал: «Зачем им меня убивать? Стоило ли лететь так далеко, чтобы убить простого горожанина?»

— Ты правильно рассуждаешь,— сказал тот же уродец,— Мы пришли с миром.

Я вышел из дома. Из каждого окна выглядывало по несколько человек. Наверное, никто не пошел на работу.

Уродцы медленно подошли ко мне.

— Ты смелый и умный,— сказал один из них,— Скажи, кто у вас самый главный?

— Я,— сказал я ему.— Это мой дом, я здесь главный. Его строил мой прапрапрапрапрапрадед. Здесь меня зачали, здесь моя мать съела отца, здесь мы родились. Мои сестры ушли в женский город два дня назад.

Уродцы посмотрели друг на друга. Кстати, глаза у них почти такие же, как у нас, и мне показалось, что они удивились.

— А почему твоя мать съела твоего отца? — спросил один уродец.

Я понял, что труднее всего бывает ответить на глупый вопрос.

— Как почему? — спросил я,— Ну потому, что они были вместе. Праздник зачатия кончился, вот и все.

— Ты хочешь сказать, что ваши женщины съедают своих мужей?

— А разве у вас не так? — спросил я,— Надо же было нас чем-то кормить. Самой матери хватает только на два месяца, и если бы она не съела отца, то мы бы не родились.

— Так, стало быть, матери у вас тоже нет? — спросил уродец.

Ну и вопросыки они мне задавали. Как бы у них там ни было, но такие-то простые вещи, кажется, любой новорожденный знает.

— А как бы я родился? — спросил я, — Пока мы с сестрами сидели в матери, нам надо было чем-то питаться?

Уродцы начали между собой говорить, а я посмотрел по сторонам. Многие уже вышли из домов и стояли у своих дверей. Я увидел Па и позвал его. Па кивнул мне и подошел. Тут же начали подходить и остальные. Через десять минут народ запрудил всю улицу.

Всем хотелось подойти поближе к уродцам, поэтому образовалась давка.

— А все-таки, кто у вас главный в городе? — спросил один из уродцев. — Кто управляет вами?

— Как это управляет? — не понял я.

— Ну кто посылает вас на работу, платит вам за работу, решает, кто прав, а кто виноват?

Многие в толпе засмеялись.

— А как можно управлять столькими домами и людьми? — спросил Па.

— Ну а кто учит вас говорить, ходить, работать? Ведь мать съедает отца, вы съедаете мать, — спросил другой уродец.

За все время разговора ни одного толкового вопроса.

— Никто, — ответил я.

— Ну, а где вас этому учат?

Может, они шутили — не знаю.

— Нигде, — ответил я. — Мой отец и моя мать делали то же самое. Не поработаешь — не поешь. Кто мне принесет еду, если я не пойду и не соберу ее?

— А что вы едите? — спросил тот же уродец.

— Кляпок, — ответил я. — Они в камнях живут. Черные — съедобные, а серые цемент дают для домов.

— Цемент? — спросил один из уродцев, — А как же они его дают?

— Очень просто, — ответил Па. — Какают.

— Хороший цемент,— подтвердил я, показал на дом и сказал: — Этим цементом мы камни склеиваем. Очень крепко склеиваются.

— А ставни из чего? — спросил тот же уродец.— Очень красивые ставни.

— Из прапрапрапрапрабабушкиных панцирей,— ответил я.— Это еще когда прапрапрапрапрадедушки, когда выели своих матерей, сделали крышки на окна. У нас зимой сильный ветер дует. Не будет крышек — замерзнем.

— А у вас что-нибудь растет? — спросил уродец.

В толпе опять засмеялись.

— Мы растем,— ответил я.

— Вы меня не поняли,— сказал уродец.— Что-нибудь другое, кроме вас и кляпок.

— Нет,— ответил я,— А нас разве мало?

— Ну а что едят кляпки? — спросил уродец.

— Мамины панцири,— ответил я.— Что же еще?

— Да, действительно. Что же еще,— сказал уродец и посмотрел на горы.— А вот ты говорил что-то о женском городе. Где это?

— Не ходите туда,— сказал Па.— Они съедят вас. Три дня назад Пу пошел за кляпками, далеко зашел, и его съели, а ему еще до праздника зачатия оставалось два года.

— Сколько же ему было лет? — спросил уродец.

— Как сколько,— удивился Па.— Сколько положено — год.

— Так, значит, вы живете всего три года?

— Да,— ответил я.— А вы сколько?

Уродец мне ничего не ответил, а только спросил:

— А если не ходить на праздник зачатия?

Мы все вместе удивились.

— А мы и не ходим,— ответил я.— Исполняется три года женщинам, три года мужчинам, женщины приходят в дом к мужчинам, и справляется праздник зачатия, а через четыре месяца рождаются люди. Мамин панцирь относят в горы, а потом на этом месте ловят кляпок.

— Ну а если сбежать от женщины? — спросил уродец.

Все-таки у них явно не все в порядке: «сбежать от женщины»!

— Как же сбежать? — спросил Па. — Кто же тогда будет праздник справлять?

— Да и зачем тогда жить, — сказал я, — Мы всю жизнь живем для этого праздника. Это же праздник зачатия.

— А кто будет рожать? — спросил Па.

— Да, я как-то об этом не подумал, — сказал уродец.

Все засмеялись. Все-таки они неплохие ребята. Станные, но ничего. Может, они сбежали от своих женщин? Я как об этом подумал, мне их сразу стало жалко.

— Вы нам не подарите несколько кляпок, если можно, живых? — спросил уродец.

Видно, не мне одному стало жалко уродцев. Человек пятьдесят забежали в свои дома. И каждый принес по кляпке. Один из уродцев достал что-то блестящее и начал туда складывать кляпок. Одна кляпка выпрыгнула у него из руки и побежала к скалам. Уродец кинулся за ней.

— Не трожь! — закричала кляпка. — Не трожь — укушу!

Уродец остановился, а мы смеялись до звона в ушах.

— Так они тоже разумные? — спросил один из уродцев.

Тут все попадали от смеха.

— А как же, — дергая себя за уши, сказал я. — Мне одна кляпка два часа небылицы рассказывала, чтобы я ее не съел.

Уродец опустил блестящее на землю, и все кляпки повывакивали, но мы их быстро переловили. Одна болтливая кляпка начала упрашивать уродцев, чтобы Па отпустил ее, но Па откусил ей голову, а потом доел и все остальное. Уродцы смотрели на нас и, кажется, сильно удивлялись. Потом один из них сказал что-то непонятное:

— А может, так и надо.

А другой сказал:

— Кто из вас хочет полететь с нами на нашу планету посмотреть, как мы живем?

А третий тут же сказал ему:

— Не надо.

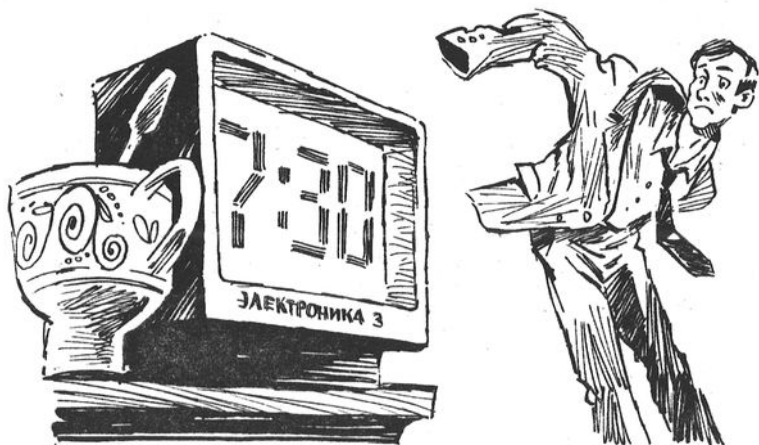
Тогда я сказал им:

— Здесь, у нас, вы хорошие, а какими будете там — мы не знаем. Вы нас отвезете к себе и бросите или съедите, как мы кляпок, и мы никогда не узнаем праздника зачатия, а наши женщины не будут рожать. Прилетайте лучше вы к нам. С вами весело.

— Спасибо,— сказал уродец.

Они подарили мне блестящий шарик и ушли в башню. Через полчаса башня загудела, потом заревела и поднялась в воздух. Мы махали им руками, пока башня не скрылась за тучами.

Вот этот блестящий шарик. Зачем он мне? Завтра праздник зачатия. Я иногда жалею, что не полетел с ними посмотреть, как они живут. Теперь-то уж поздно. А вообще я доволен, я видел очень много и знаю, что этими штуками они со мной говорили.

ОДНИМ РАБОЧИМ УТРОМ

Будильник был электронным, и поэтому он в назначенную nano, что ли, секунду стал испускать отвратительные, совершенно бездушные сигналы с частотой обращения электрона вокруг ядра будильника: «пап-пап-пап». Нет, скорее «уап-уап-уап». Даже не так — ну, словом, нет в человеческом языке подходящего междометия.

Он вернулся из страны грез и идентифицировал себя: голова, должно быть, по-прежнему рыжая, уютно устроилась на подушке, тело удобно вытянулось под одеялом. Его рука легко нашарила неумолкающий будильник и нажала кнопку. А когда рука стремглав возвращалась в теплый пододеяльный мир, то по инерции скользнула чуть дальше и наткнулась на дивные рельефы богоданной супруги. Рельефы глубоко вздохнули, из-за сребровласого затылка вынырнул ее сонный голос:

— Ну вставай.

Он погладил ее дивный бок и пододвинул свое тело поближе.

— Ты давно вернулась?

— Два часа назад.

— Много работы было?

— Да так...

Он придвинулся совсем близко и нащупал на теле супруги нечто волнительное. Она убрала его руку и опять вздохнула всеми фибрами души.

— Вставай же, господи, на работу опоздаешь.

Он сделал еще одну попытку рукой, но она решительно отбилась.

— Ну ты с ума сошел? Я умираю — спать хочу... Тебе во сколько сегодня выходить?

— В семь, кажется.

— Так чего ж канителишься?

Он смачно зевнул и неожиданно заснул. Супруга, услышав мерное дыхание, вернула мужа в реальность.

— Ну вставай же.— Она толкнула его задницей и вдруг от слишком резкого движения заснула.

— Сейчас, сейчас,— пробормотал он, разбудив ее своим бормотанием.

— Рубашку я тебе вчера погладила, на стуле висит.

— Спасибо. Сейчас, сейчас...

А в закрытых глазах уже поплыли счастливые картинки сна, и рука утонула в складках ночной сорочки и тела супруги, как в такой счастливой субстанции.

— Сейчас, сейчас,— он вернулся усилием воли,— ты спи. Сейчас яичницу съем, кофейку, там, кофей...ку... сейчас...

— Что?! — проснулась она.

— Сейчас, сей...

— Да вставай же ты, господи!

— А? — Он приподнял рыжую голову. Часы неумолимо показывали 7.30.

«Да что ж это такое?!» — откуда-то издалека-издалека слышался сердитый голос.

Он вскочил как ошпаренный, запрыгал по полу, не попадая в штаны. «Опоздал, опоздал!» Кое-как почистил зубы и бросил щетку в раковину, учуяв с кухни запах подгорающей яичницы.

Наспех побрился и при этом чувствительно порезался. Одной рукой вытирая полотенцем пену со щек, другой — помешивая кофе, еще как-то попытался повязать галстук, да и криво, конечно.

И, наконец, застегиваясь на ходу, путаясь в дверях, переходах и лестницах, выскочил из своих слишком обширных чертогов...

В тот день первым спохватился дежурный астроном. Он взволнованно протирал мягкой тряпочкой окуляры, проверял электрические контакты, звонил начальству и, в завершение всего убитый непониманием случившегося, просто сел и заплакал.

Рабочие и служащие толпились на остановке в ожидании автобусов, которых так ни одного с утра еще и не было. Озабоченно смотрели то в конец дороги, то на небо. Многие трясли свои часы, стучали по ним пальцем и спрашивали у соседей: «А на ваших сколько?» Но все часы были исправны.

Пожарные на всякий случай выехали по тревоге во все стороны.

У школьников по дороге в школу тревожно и радостно замирали сердца — вдруг уроки отменят?

Правительство собралось на экстренное заседание, и самый нервный член кабинета потребовал введения чрезвычайного положения.

Потому что в этот день ни с того ни с сего восход солнца произошел не в 7.04, как было обозначено в календарях и астрономических справочниках, а в 8.35.

Хотя луна как ни в чем не бывало зашла вовремя.

КОРОТКАЯ ЖИЗНЬ

Сергею Семеновичу Колтунову, в недалеком прошлом кандидату биологических наук, исполнилось три дня. Этого срока вполне хватило, чтобы перестать недоумевать и смириться с фактом, что в новой жизни, после перевоплощения, С. С. Колтунов — мухомор. Обыкновенный мухомор с красной пятнистой шляпкой. Дется некуда — пришлось привыкать к новому состоянию и даже находить в том новые удовольствия. Осталась

только легкая досада от того, что он так и не успел убедить коллегу Игоря Ивановича Брыкина в правильности основной позиции колтуновской диссертации, ее краеугольном камне, а именно в том, что подвид лосей, обитающий в их заповеднике, совершенно не питается пластинчатыми грибами, но только губчатыми разнообразит свой стол.

Сергей Семенович тяжело вздохнул всеми дыхательными клетками, отравил муху и, насупившись, огляделся. И вдруг в крепком коричневом боровичке, настойчиво пробивавшемся кверху из хвойной подстилки, узнал не кого иного, как самого Брыкина.

— Игорь Иванович! Здравствуйте!

— Здравствуйте! — испугался белый.

— Игорь Иванович! И вы того-с, в грибы. Да-а. Судьба. С новой жизнью вас!

— Спасибо. Ну кто бы мог подумать?

Бывшие коллеги скоро углубились в привычную дискуссию. За этим приятным занятием они провели кучу грибного времени, до самого вечера. Коснулись и самого острого и принципиального вопроса — о грибном элементе в лосином рационе. Здесь ученые оказались на противоположных позициях. Пользуясь тем, что не было сдерживающих человеческих рамок, соперники в пылу спора перешли на личности, и только отсутствие рук и способности к передвижению уберегло пластинчатого Колтунова и губчатого Брыкина от повреждений нежной ткани их тел.

Они и не заметили, забывшись, как возле них появился огромный, с гору, лось. Колтунов сжался от ужаса, когда к нему приблизились страшные черные ноздри на волосатом горбатом носу животного. Но лось только фыркнул и убрал морду в сторону.

— Я говорил, говорил! Видите! — радостно закричал мухомор. И тут у него на глазах белый гриб Игорь Иванович исчез в чудовищной пасти зверя.

«Эх, Фома неверующий», — самодовольно подумал Колтунов, но мгновение спустя на него обрушилось переставленное невзначай левое заднее копыто.

СЛОВО ЧЕСТИ

Пес-рыцарь Адальберт фон Цубербиллер получил специальной дубиной по голове и упал с лошади на коварное ледяное покрытие. При этом он успел подумать: о гнусные штеттинские халтурщики! Не шлем, а консервная банка, клянусь святым Онуфрием! Потом на него всей своей бронированной тушей села подраненная рыцарская кобыла, и Адальберт опять подумал: прощай, любимая Марта и очаровательные близняшки Брунгильдочка и Ригондочка, и замечательное поместье в 10 тысяч квадратных локтей на берегу хладнотруйной реки. Сразу после этого треснул весенний лед, и черная вода Чудского озера растворила смертельную пасть.

Хлопая ладонями по плавающему серому крошеву и отплевываясь, Адальберт фон Цубербиллер вскричал на немецком языке:

— О, эти хитрые русские! Ну надо же было устроить сражение именно 5 апреля 1242 года...

— Поелику бяшеть глаголющу... — отвечали с другого берега хитрые русские.

И рыцарь быстро пошел ко дну, подумав при этом: если выкарабкаюсь из этой передрыги, вот, слово чести, поставлю свечу в собственный рост в церкви святого Онуфрия Рюгенбахского, закажу тройной молебен о спасении души и отпишу соседнему монастырю половину своего имения.

Как часто говорит наука, человек, оказываясь в смертельной опасности, находит в себе невероятные силы, его организм изыскивает неожиданные резервы, и соломинка вытягивает утопающего, после чего в руках у него оказывается палка в тот единственный раз, когда она стреляет. Уже на темном холодном дне, сдавливаемый собственным доспехом, теряющий последний воздух из легких, Адальберт нащупал продолговатый металлический сосуд и тянувшийся из него гофрированный шланг с пластмассовой штуковиной на конце. Ведомый уже не разумом, а безусловным инстинктом, рыцарь догадался сунуть загубник туда, куда и надлежит, и повернуть рукой вентиль на баллоне противосолонь. Так же на ощупь он обнару-

жил сложенный вчетверо надувной спасательный плотик с запасом еды и питьевой воды, а также картой окрестностей.

Спустя пару часов, когда уже все закончилось, Адальберт фон Цубербиллер всплыл и, где подгребая, где перепрыгивая со льдины на льдину, добрался до своего берега. На той же неделе ему довелось в Ревеле сесть на датское пассажирское судно и спустя полмесяца благополучно прибыть в Любек, а там до родного Рюгенбаха один конный переход. Рыцарь был благородным человеком и сдержал свое слово — то есть поставил свечу в собственный рост, заказал тройной молебен и отписал монастырю 5 тысяч квадратных локтей.

Умереть ему удалось только во время эпидемии моровой язвы, свирепствовавшей в Европе в 1255 году. Но так до конца жизни крестоносец и не догадался, откуда тогда на дне Чудского озера взялись акваланг и спасательный плотик.

ЧЕРНИЛА

Писатель-фантаст Гелий Селенский как раз обдумывал, как бы ему посочнее угробить космодельтаплан-разведчик, посланный с орбитального звездолета к загадочной планете, когда жена, возмущенно тряся бигуди, сказала, что все. Что хватит. Что она уйдет к маме, к критику Зеленцову, уедет к чертовой бабушке, если он, Гелий, сейчас же не проявит мужской характер и не добьется в ЖЭКе, чтобы батареи посреди зимы наконец-то стали горячими. Гелий с досады вывел в рукописи жирную запятую, сунул ноги в валенки, накинул на плечи дубленку и вышел из дому. Дубленка свободно болталась на худом писательском теле.

ЖЭК по неизвестной причине оказался закрыт. Тогда Гелий прямым ходом потопал в котельную. К их памятнику архитектуры еще не подвели теплоцентраль, и дом отапливался автономно. В котельной правил некто Жуковлев, лицо неопределенного возраста. К двери, ведущей в алтарь тепла, была прикручена старинная медная дощечка с надписью «Приват-доцентъ Осьмируковъ». Поверх слов «доцентъ» и «Осьми-

руковъ» белой краской были выведены дрожащие буквы «Ис-топник Жуковлев».

Селенский постучался, но ответа не последовало. Тогда он набрал в грудь воздуха, решительно взялся за ручку и осторожно приоткрыл дверь. В котельной было душно и тепло. Оглушительно ревели моторы, из бункера просыпалась большая куча антрацита, но печь горела только одна. В углу — стол, заваленный какими-то бумагами, покрытыми серой угольной пылью, пустые винные посуды и консервные банки. Рядом стоял деревянный топчан, на котором благополучно спал сам Жуковлев, уткнувшись носом в черный дерматин.

Писатель подошел к хозяину подвала и, держа в памяти свой вежливый, но решительный протест, начал толкать спящего в плечо. Но спящий, выпустив из мокрых губ нехорошее бормотание и сизое облачко отравляющих паров, остался неподвижен. Селенский в рассеянности взял со стола листок бумаги с удивительно изящной фиолетовой машинописью курсивом и в рассеянности начал читать: «Творчество этого молодого способного автора с первых шагов, с первых строк заставляет обратить на себя пристальное внимание. Простой и понятный живой язык нашего современника, простой и понятный (на первый взгляд) герой — наш современник. Но сразу же через этот живой, чуть шероховатый стиль, манеру изложения видится огромный внутренний мир и духовная щедрость писателя. Сам рабочий, Жуковлев продолжает трудиться и описывает в своих произведениях реалии, знакомые ему, сегодняшние, сиюминутные. Уголь, о котором он пишет, это не нечто далекое, а вот — натуральные тонны, кажется, что ощущаешь в руке и вес, и скрытый жар блестящего куса антрацита...»

Писатель поймал на себе мутный взор Жуковлева и оторвался от листка. Жуковлев, опершись о локоть, некоторое время вникал в «реалии сегодняшнего дня», а потом короткой, но емкой фразой охарактеризовал свое отношение к Селенскому и его родственникам по восходящей линии. Но Гелий словно бы и забыл, зачем пришел.

— А вы, простите, э-э... тоже пишете?

— Чего?

— Ну, сочиняете рассказы, повести?

Тогда Жуковлев уже более полной фразой выразил свое отношение к писателям и всей мировой литературе в целом.

— А что же это за листки? Ведь это рецензия...

— А! — подобрел истопник и скривил небритую рожу в улыбку, — это оно само.

— Что само? — не понял писатель.

— Сами эти бумажки с утра черт знает откуда берутся и все там хвалят меня. Мы с Хмырем со смеху умираем.

— Но почему? Имеете вы какое-нибудь разумное объяснение?

— Почему? Да чего ж тут не понять. Напишу там заявку на уголь или график топки, а с утра эти бумажки рядом лежат.

— Но позвольте...

— А чего те надо? Откуда вообще взялся в помещении?

— Живу я в этом доме, в седьмой квартире. Селенский моя фамилия, писатель. Не слышали?

— А.

— Так как же вы объясняете это явление? Мне, простите, как фантасту очень...

— Ты вот пишешь лажу всякую, а вот не сможешь, да?

— Про...

— Не опишешь, поди, как тут мы с Хмырем на позатой неделе сидим, значит. Приняли, как положено, беседуем. Вдруг дверь открывается, и двое заходят — четырехглазые, светятся, и руки у них, как шланги, по три на брата... («Пришельцы!» — мгновенно сообразил Селенский.) И уголь начинают грузить в какой-то мешок, такой серебристый. Ну мы хотели было на них, шутануть — чего это за дела? Да подняться не можем оба — тяжело очень. А один из этих подходит и говорит так тихо, еле слышно: «Спасибо, — говорит, — большое. У нас кончился запас топлива. Вы нас очень выручили. Примите, — говорит, — в подарок сувенир. Наши чернила любую вашу рукопись перепечатают, дадут эту... ну, как ее... на букву «рэ»... вот, и подпишут в печать». Я еще подумал, какую такую рукопись? Чего-то ребята не того. А их уж и нет... («Черни-

ла!» — заработал изощренный мозг Селенского, которого после разноса, устроенного критиком Зеленцовым в центральной газете, уже второй год нигде не печатали.) Ну я и начал ими накладные писать. Чего им — за так, что ли, уголек сбывать? Хмырю вот давал письма всем родственникам в деревню написать.

— Чернила! — заорал не своим голосом писатель-фантаст. — Где они?

Его воображение в бешеном темпе рисовало картины будущего романа: встреча с пришельцами из космоса в котельной обычного дома, спонтанный контакт, потрясающие приключения инопланетян на Земле, передача информации, превращения — эх, да чего уж там! И плюс ко всему: автоматическая публикация, положительный отзыв, гонорар! премия! деньги! Ривьера!!!

— Где чернила?!!

— Да чего ты орешь? — даже испугался Жуковлев и сел на топчане. Почесал о штанину пятку в зеленом носке. — Были б, отдал бы тебе. Чего мне, жалко? Да мы это, с Хмырем вчера принимали. Ему не хватило. Ну и решил он эти чернила махнуть. На спирту, говорит, пахнет. Да толку никакого, только рот и губы фиолетовыми стали. А вот пузырек я спрятал, на память.

Он согнулся и достал из-под топчана пузатенький прозрачный сосуд. На боку его Селенский прочитал: «Альгембрия и К°. Чернила писательские автоматические. Рецензия высокого качества гарантируется».

На ватных ногах писатель поднялся к себе на второй этаж. Такая досада, такое недоразумение, такой случай. Больше такого случая не представится. Жена открыла ему дверь. Бигуди на голове жалобно тряслись. Она бесцветными губами прошептала: «Там... там...» — и указала пальцем в комнату.

Селенский вошел в свой кабинет и понял, что сейчас свихнется. Два светящихся четырехглазых существа размером с телефонный аппарат, стоя у книжных полок, деловито и ловко грузили шлангообразными руками связки журналов в серебристый мешок. Откуда-то поплыл мелодичный тихий голос:

— Вы уж нас извините великодушно. Очень спешим. Ехать, понимаете, долго. Неделю, а то и больше. Чего-нибудь почитать в дорогу. А у вас тут подшивка «Вокруг света» за несколько лет. Вы их уже прочли. Вот, позвольте сувенирчик на память? Всего доброго.

И существа растаяли в воздухе. А на полу появилась солидных размеров коробка, на которой сразу бросалась в глаза яркая рекламная надпись: «Угуэс и сын. Лучшая в мире домашняя энергетика». И ниже: «Надежный очаг. Бытовая установка для термоядерного расщепления каменного угля».

К ВОПРОСУ О КОНТАКТАХ

Двум автоматам-контактерам высшей категории НУИ и ЭХМА была поставлена сложная задача. Им предстояло за короткий срок облететь все планеты сорок второго сектора Вселенной, на которых была обнаружена разумная жизнь, вступить в двухстороннюю связь с носителями цивилизаций и передать приглашение послать личных представителей или уполномоченные мыслящие машины на 6153 Вселенский Собор, имеющий место быть на родине НУИ и ЭХМА планете АММ.

Хотя использование квазипространств, искривлений хронимонадных полей было не лимитировано, как обычно, хотя топлива хватало еще надолго, хотя маршрут был избран оптимально экономный, времени у НУИ и ЭХМА оставалось в обрез. Поэтому они рассчитали, что раз уж дорога от планеты к планете занимала не меньше чем 18—20 световых лет, то на контакты с туземцами оставалось по 2—3 минуты. Ну, для порядочных разумных существ этого вполне должно было хватить.

НУИ заранее начал готовить отчет об очередном контакте, пока ЭХМА вырубивал в гравитационных полях. «Планета инвентарный номер 158/5, третья от желтой звезды второго класса. Средний уровень изученности. Обнаружено: наличие жизни на основе углерода, носители разума, цивилизация уровня примитивных попыток освоения космоса...»

Летающая тарелка ловко ввинтилась в атмосферу, вошла в теньевую зону планеты и скоро плавно опустилась совсем рядом с явно обитаемыми постройками, что было заметно по внутреннему и наружному искусственному освещению и нескольким столбам дыма, вертикально поднимавшимся вверх. Космолет еще не коснулся твердой поверхности, а его пилоты увидели представителя туземцев, ожидавшего их вблизи места посадки. Это контактеров обрадовало — вот так, по-деловому: встреча, передача информации и — до скорого свидания на АММ.

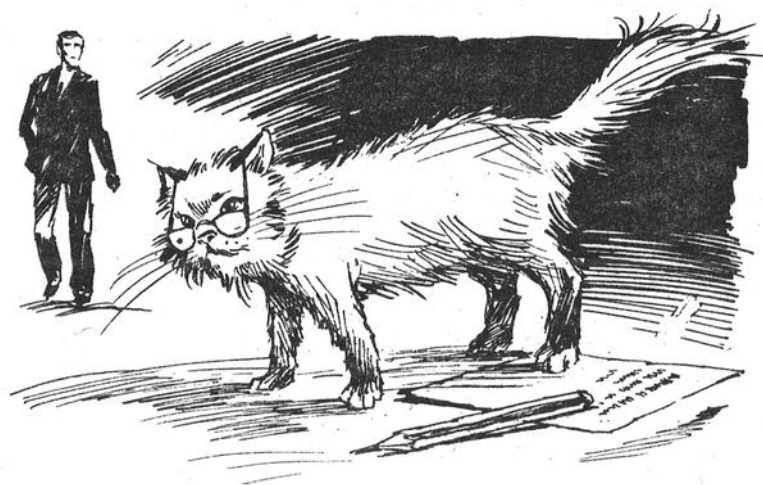
Они быстро выскочили из своей машины и направились к торжественно неподвижному туземцу. На ходу они наскоро проанализировали окружающую среду. Состав атмосферы: кислород, азот, водород, озон — жить можно, температура воздуха самая подходящая для развития автоматизированной цивилизации, большое количество кислородно-водородного соединения в порошкообразном и кристаллическом виде. НУИ и ЭХМА на воздушных подушках подлетели к представителю чужого разума. Тот стоял прямо, в несколько церемонной позе. Контактеры отметили, что туземец одет в красивый блестящий наряд в виде некоего плаща до земли, в одной верхней конечности он держит посох, обильно украшенный на конце местными растениями (очевидно, это знак власти или полномочий посла), сверху туловища, как и положено, находится мыслящий орган, защищенный, видимо, крепким, но изящным головным убором из металла. На органе видны наружные рецепторы, один из которых, скорее всего основной, выделяется своей величиной и оранжевым цветом.

У НУИ и ЭХМА оставалась одна минута на контакт. Они быстренько начертили на возникшем рядом в воздухе стереоэкране прямоугольный треугольник и несколько обычных математических формул приветствия. Туземец не пошевелился и молчал. Тогда они прибегли к более простому языку цветов спектра. Туземец опять никак не отреагировал. Тогда посланцы уж на совсем элементарной системе коротких звуковых волн попытались объяснить цель своего визита. Туземец

по-прежнему оставался неподвижным и ничем не выразил своего понимания.

Представителям великой цивилизации ничего не оставалось, кроме как быстро вернуться к своему звездолету. ЭХМА включил двигатели, а НУИ заканчивал свой коротенький отчет. «Представители разумной жизни планеты инвентарный номер 158/5 обнаружили полное отсутствие возможностей вступления с ними в контакт, что говорит о явно низком уровне их развития. В связи с чем участие жителей этой планеты в 6153 Вселенском Соборе отменяется». Летающая тарелка мгновенно набрала скорость, выпустив из дюз три мощные струи пламени, и исчезла в черном ночном небе.

Утром дети Нижнепечорской школы-интерната, выбежавшие на зарядку по скрипучему морозцу, с удивлением обнаружили три огромных черных пятна на заснеженной поляне. Земля в пятнах была обуглена, словно здесь всю ночь жгли, не жалея дров, большие костры. Но главная беда заключалась в том, что снеговик, так любовно слепленный накануне, пришел в безобразный вид: сильно подтаял с одного бока, скривился, метла выпала из рук, дырявое ведро съехало на украшенное угольками лицо, а морковка грустно смотрела вниз и держалась на честном слове.

ПРИСТАНИЩЕ

Яркая вспышка пронзила черную бездну космического пространства, и осколки еще недавно такой прекрасной желто-зеленой планеты с чудовишной скоростью рванулись в бесконечность.

Когда обзорный экран погас, в рубке воцарилось тяжелое молчание. Теперь команда звездолета представляла собой последних и единственных представителей некогда могущественной цивилизации. Страх и паника объяли корабль. И только один член экипажа — командор Ури сохранял присущую ему твердость духа.

— Нас осталось немного, — сказал он, — но мы в состоянии положить начало новой цивилизации. Для этого нужно найти только подходящую планету.

— Но в космосе мало планет, подходящих для жизни, и, может быть, поэтому такие планеты, как правило, уже заняты.

— Мы будем бороться. Нам нечего терять!

Много времени прошло с тех пор, как звездолет покинул пределы родной галактики. Позади осталось много звездных систем, однако не было среди них таких, которые могли бы подойти звездным скитальцам. И вот однажды на экране появилась голубая планета, параметры которой показались экипажу подходящими.

«Командору Ури. Донесение. Условия жизни на поверхности благоприятны. Флора и фауна во многом соответствуют нашим. Я обнаружил здесь даже грызунов, очень похожих на наших мышей. Полковник Юно».

«Полковнику Юно. Приказ. Внедряйтесь согласно разработанному плану. Командор Ури».

Полковник Сандерс крутанулся в кресле и вызвал по сектору майора Рэмпса.

— Операция отменяется, снимите боевое дежурство с ракетных установок!

— Есть, сэр! Боевое дежурство отменяется!

Полковник повернулся в кресле и мрачно уставился на посетителя, сидевшего в кресле напротив и сосредоточенно поправлявшего сигарой.

— Что, Генри, они опять сменили положение?

— Они определенно осведомлены о наших планах.

— Нервничаете, полковник?

— Вам, Голдинг, легко рассуждать. А если Земля действительно в опасности?

— Но ведь реальных боевых действий пока не было, насколько я знаю?

— Пока — да. Видимо, собирают информацию.

— Но как им удастся быть в курсе ваших оборонительных планов?

— Последнее время спецотдел только этим и занимается.

— И?

— Результат ничтожный. По-видимому, у них есть шпион.

Голдинг поднялся, готовясь распрощаться.

— Кстати, Генри, надеюсь, что последние события не помешают вам быть у нас. Посмотрите на моего кота.

— Что я слышу? Ронди стал поклонником домашних животных?

— Постфактум, мой друг. Его принесла супруга. Что делать? Но кот действительно прекрасный: пушистый, рыжий с белым, большие уши и глаза.

— Какое совпадение! Элен тоже недавно принесла кота, и, представь себе, тоже рыжего с белым!

— А говорят, случайностей не бывает. Так мы ждем вас к обеду, Генри, не забудьте!

— Хорошо. До свидания, Ронди!

«Командору Ури. Донесение. Очередная операция назначена на пять ноль-ноль. Будет произведена попытка уничтожить звездолет баллистической ракетой. Ожидаемое место дислокации — квадрат ноль восемь ноль пять восемнадцать. Полковник Юно».

Полковник снял очки. «Чертовски темно,— подумал он.— Хорошо, что наше зрение приспособлено к темноте». Спрятав перо, он вылез из-под дивана и отряхнулся, посмотрел на часы. Сандерс появится не скоро. Можно немного отдохнуть.

«Полковнику Юно. Приказ. Маневрировать на орбите становится все тяжелее, они постепенно привыкают к нашим маневрам. Майор Мио сообщает, что их техника находится на высоком уровне. Мы не сможем их победить. Опасность пребывания на орбите возрастает с каждым днем. Совет решил уходить. Приказываю вам прибыть на корабль. Командор Ури».

Пауза затянулась. Полковник Юно решил прервать молчание. Рано или поздно этот разговор должен был произойти, это чувствовали оба.

— Скажите, Мио, что вы намерены делать? Ведь вы получили приказ?

— Я хотел бы посоветоваться с вами, полковник.

- Трудный вопрос. Как у вас с питанием? Условия?
- Кормлюсь отлично, все готовое. Работы, сами понимаете, никакой. Условия жизни прекрасные.
- Да, люди очень гостеприимны. Мне кажется, что наше положение тут лучше, чем на звездолете. Какой смысл скитаться по Вселенной?
- Но постоянная зависимость от людей?
- Если мы сохраним звездолет, мы сможем в любой момент покинуть пределы Солнечной системы. Это ли не гарантия нашей независимости?
- Мне кажется, мы должны попытаться склонить Совет на нашу сторону. Пусть все спустятся сюда.

Дописав последнее донесение полковник Юно задумчиво снял очки. В этот момент входная дверь шелкнула и появился Сандерс.

— Пусик, пусик! — позвал он.

Юно повертел очки, потом с размаху разбил их о плинтус и вылез из-под дивана. Отряхнувшись, он сказал, по-своему, конечно: «Сейчас иду. Мяу!» — и медленно, с достоинством, направился к человеку.

С тех пор и повелись у нас пушистые огромные красавцы коты рыжей с белым масти с зелеными, горящими, как изумруд, глазами.

ГОД 5001

Стояла невообразимая жара, а журналист все шел и шел. Ограде из колючей проволоки, казалось, не будет конца. Неожиданно в унылом однообразии стальной фактуры мелькнул просвет. К своей великой радости, журналист удостоверился, что это ворота. На врытом перед ним деревянном столбе висела табличка. Она была прибита так высоко, что человек вынужден был отойти на почтенное расстояние прежде, чем мог

бы разобрать текст. Буквы, впрочем, были крупные, даже чересчур. Надпись гласила:

КОТОВНИК

Журналист подошел к воротам и позвонил. Через некоторое время из ближнего строения вышел коренастый человек. Выяснив личность журналиста, он пропустил его внутрь.

— Джони,— представился он.— Я буду сопровождать вас по территории, прошу.

И Джони повел посетителя по направлению к вольерам.

— Кот — это животное необычайное,— увлеченно говорил Джони,— красота, походка, грация. Внешность его противоречива и обманчива. Вы только посмотрите, у него задние лапы зайца, когти тигра, а взгляд голодного волка.

Журналист записывал. Под конец экскурсии Джони пригласил журналиста в центральную контору. И тут случилось непредвиденное: раздался резкий прерывистый сигнал, и над входом замигала красная лампочка. Джони схватил журналиста за рукав и, прокричав: «Бежим!» — потащил его к выходу. Пробежав следом за Джони по коридору, журналист оказался в просторной комнате. Тут они остановились передохнуть.

— Что-то случилось? — спросил журналист.

— Зверь вырвался из клетки! — бросил Джони и опасливо оглянулся.— Лезьте на стул.

— Зачем?

— Залезайте, вам говорят! Скорее!

— Черт, я не умею, хоть лестницу подержите!

Забравшись последним, Джони отпихнул ногой лестницу.

— Что вы делаете? — испугался журналист.— Как же мы слезем?

— Тут есть веревка, не беспокойтесь. Пересидим здесь.

Оглядевшись и успокоившись, журналист решил задать своему гиду несколько запланированных вопросов.

— А скажите, Джони,— начал он, доставая блокнот и ручку, — ведь основная масса продукта вашего «комбината питания» распределяется по окрестным районам?

— Почему же, наш продукт можно встретить и в главном городе. Наше мясо идет на производство нескольких фирменных блюд в центральном ресторане внутреннего города.

— Понятно. А что вы можете сказать о соседней скорпионьей ферме?

— Мясо скорпиона жесткое, да к тому же требует специальной обработки, они нам не конкуренты,— гордо ответил Джони.

— А как вы относитесь к своей полной опасностей и риска работе?

— Ничего, мы привычные. Если бы только не эти периодические бомбардировки проклятыми микрогенными бомбами — после них каждый раз становишься как-то меньше... Э, что за черт — вы слышите этот звук?

— Нарастающий свист?

— Да, черт побери! Я его и имею в виду! Кажется, опять начинается. Ну и денек сегодня! Пригнитесь!

Когда все было кончено, журналист открыл глаза и попытался встать, но это ему не удалось. С трудом сообразив в чем дело, он в ужасе закрыл глаза руками и закричал что было мочи: «Джони! Помогите мне!»

— Что вы так надрываетеесь,— раздался рядом спокойный отрезвляющий голос,— вижу, что вас придавило маленько вашей ручкой. Ничего страшного, сейчас найду какой-нибудь рычаг и отодвину ее в сторону. Вот так, хорошо. Ну как, целы, невредимы?

— Да, вроде бы все в порядке. Спасибо, Джони.

Журналист поднял глаза, полные слез.

— Джони, что же мы будем теперь делать, ведь вы уже, наверное, не сможете управляться с котами?

— Что бы вы, писаки, делали без нас, производственников. Мы, в отличие от вас, все предусматриваем, продумываем заранее. Сейчас у нас, например, есть уже экспериментальная партия лесных клопов.

— Что вы имеете в виду, Джони?! Неужели...

— Вы тут пока соображайте, что да как, а я пойду-ка, пожалуйста, замену вывеску на воротах!

КОНТАКТ

Президиум уже занимал свои места, когда последние участники заседания покинули вертолетную площадку и спустились на скоростном лифте в конференц-зал Института сопредельных исследований. Крупнейшие ученые собрались здесь, чтобы обсудить величайшее событие сегодняшнего дня, открытие, условно названное «Контакт». Председательствующий торжественно предоставил слово известнейшему ученому, первооткрывателю Контакта, профессору П324А.Л.712, встреченному дружной овацией аудитории.

— Всем вам,— начал прославленный профессор,— очевидно, известно, что наше пространство существует в виде большого количества сопредельных миров разной физической организации. Однако это не значит, что миры никак не взаимосвязаны. Между ними непрерывно происходит перетекание первоматерии, из которой, как вы знаете, состоит Вселенная. Поэтому существование наших миров взаимозависимо, и это серьезней, чем все мы думали раньше. Любой катаклизм в любом из миров может оказать пагубное влияние на остальные. Вот почему так важно организовать обмен мыслящей материей наших миров, то есть, попросту говоря, установить диалог.

Если смысл первой части моего доклада вам ясен, то я, с вашего позволения, перейду ко второй. Так вот, в результате последних исследований нашего института найден способ передачи информации в один из сопредельных миров и, более того, установлен контакт с его жителями.

Речь профессора на этом месте прервали бурные аплодисменты.

— Цель сегодняшнего совещания,— продолжал тем временем профессор,— выработка текста первого в истории нашей цивилизации послания в сопредельный мир!

В течение нескольких дней различные предложения виднейших ученых не сходили с первых полос газетной хроники. Каких только сообщений не обсудили просвещенные умы: тут были и двоичные коды возраста Вселенной, и диаграммы рас-

положения планет звездной системы, и уравнения движения материи внутри сверхтяжелых звезд. Когда дискуссия все же подошла к концу, консилиум ученых остановился на послании, в котором сочетались простота предметов с их важностью и значимостью, что, по общему мнению, должно было служить максимальному взаимопониманию между двумя цивилизациями. В качестве первого послания решено было транслировать несколько слов общеупотребительной пищевой направленности: соль, сахар, колбаса, а также выражение некоторой универсалии технического прогресса — колесо. Был назначен день передачи. В указанный день толпы народа собрались на центральной площади. Председатель совета по комплексной проблеме «Контакт» вышел на балкон здания президиума совета, чтобы самолично возвестить о начале передачи. Толпа замерла в ожидании Контакта.

В пещере было так сумрачно, что верховные философы едва могли различать друг друга. Главный верховный философ 217.Л.А423П обвел пещеру мрачным взглядом и принялся читать текст ответного послания. Философы молча слушали. Лишь иногда раздавался шелест поправляемой тоги или одинокий скрип сандалеты, надетой на босу ногу. После зачтения текста главный верховный философ снова обвел пещеру взглядом и замогильным голосом спросил, нет ли у философов каких-либо дополнительных соображений или изменений. Гробовое молчание было ему ответом. «Тогда, — удовлетворенно сказал главный верховный философ, — отнесите это и потом сломайте непонятный нам аппарат».

Когда профессор П324А.Л.712 появился на балконе здания президиума, по толпе прошел вздох, после чего наступила мертвая тишина. Профессор начал читать: «Мы потратили много времени, расшифровывая ваше послание. Вы использовали слова языка, давно вышедшего из употребления в нашем мире. Наши философы открыли древние книги и, просеивая заблуж-

дения веков сквозь свой разум, нашли эти слова. Со времен начала цивилизации наши ремесла, науки и искусства достигли небывалого расцвета, наша духовная культура чрезвычайно высока. Что можете дать нам вы, обращающиеся к нам из глубины веков? Ваши послания только будоражат древние, атавистические инстинкты и могут вредно сказаться на нашем развитии. Мы прекращаем с вами связь и будем пресекать все ваши попытки установить с нами контакт».

По толпе прошел ропот замешательства. Профессор стоял на трибуне, скорбно опустив голову. «Произошла роковая ошибка,— пробормотал он,— надо было начать с сигнала SOS и конструкции нашего последнего компьютера!»

НАЗНАЧЕНИЕ

Когда сержант Пирсон и рядовой Дигглс получили назначение на Марс для того, чтобы возглавить единственный тамошний полицейский участок, они уже знали, что их ждут неприятности. Мало кому удавалось продержаться там достаточно долго. Но им и в голову не могло прийти, что дело кончится так скверно. А все из-за кота Уриэля, которого Пирсон решил прихватить с собой, чтобы не было так скучно.

Однажды утром сержант Пирсон зашел в полицейский участок и к своему величайшему изумлению увидел на полудохлую мышь.

— Дигглс! — закричал сержант. — Почему беспорядок? Откуда тут мышь?

— Да это ваш кот принес себе на завтрак бурундучка, — ответил Дигглс не поворачиваясь.

— Какого бурундучка? — не понял сержант.

— Ну, этого, задушенного. — Дигглс указал на тушку.

— О каком бурундучке ты говоришь? Я вижу полосатую мышь и больше ничего!

— Но бурундук и есть полосатая мышь!

— Бурундук — может быть. Но не всякая полосатая мышь есть бурундук! — изрек сержант назидательно.

Рядовой Дигглс подумал некоторое время, переваривая услышанное, затем произнес:

— Вообще это точно, что вы говорите, сэр. Однажды я знал человека, от которого всегда пахло виски, хотя он и не служил в полиции — прошу прощения, сэр.

— Поосторожней с выводами, рядовой Дигглс! — произнес сержант зловещим тоном.

Какое-то время оба молчали, потом Дигглс подал голос.

— Что-то я не слышал, чтобы на Марсе водились бурундуки. Или мыши, сэр,— тут же поправился он.

— Да, что-то тут нечисто. Приведите-ка сюда этого бандита, которого мы поймали вчера.

Через некоторое время из боковой двери появился человек в наручниках. Дигглс подталкивал его сзади.

— Садись,— примирительно сказал сержант Пирсон, указывая на стул.— Тут, в твоих показаниях, написано, что ты учился в университете. Мне кажется, что ты нас обманываешь, а? Разве не так?

— Конечно, учился, черт побери, и окончил целых три курса, не будь я Длиннорукий Том!

Сержант с сомнением покачал головой.

— Хорошо. Если ты так настаиваешь на своих показаниях, то скажи, что это за животное тут у нас завалялось в офисе? Бурундук или мышь?

Длиннорукий Том посмотрел на тушку и рассмеялся своим обычным хриплым смехом.

— Ну, ребята, сразу видать, что вы в этих краях недавно... Да ведь это марсианин!

— Черт побери! Он над нами издевается! — взревел сержант.

Дигглс подошел к тушке и принялся ее внимательно разглядывать.

— Сэр, у нее, я хотел сказать — у него, что-то зажато в лапке, какая-то бумажка! Вот, посмотрите!

— Что вы таскаете туда-сюда эту дохлую полосатую мышь, черт побери! Принесите только бумагу.

Сержант взял со стола лупу и начал читать: «Начальнику полиции сержанту Пирсону от профессора местного университета Пика. Заявление».

— Написано по всей форме,— удовлетворенно проговорил сержант,— пишет на соседа. Однако они тут, видно, большие склочники.

Когда Дигглс вернулся, проводив арестованного в камеру, начальник сидел, глубоко задумавшись, и даже не заметил появления рядового.

— Сэр,— Дигглс кашлянул,— что прикажете сделать с котом? Ведь такими темпами он завтра или послезавтра, чего доброго, принесет себе на завтрак депутата местного парламента! Я, впрочем, всегда говорил, что у него губа не дура!

— Кота — в клетку,— очнулся сержант.— А вот что с марсианином делать будем? Как назло завтра эта комиссия с Земли, а у нас тут убийство в полицейском участке... Если дело примет дурной оборот, нас с тобой могут сослать на Юпитер!

— Что же нам делать, сэр?

— Делать нечего, будем замечать следы!

Когда Дигглс и Пирсон ступили на Юпитер, настроение у обоих было скверное.

— Дигглс, говорят, местные жители достигают довольно внушительных размеров?

— Похоже на то. Еще я слышал, что они здорово напоминают муравьедов.

— Идите к черту! Ваши познания в биологии стоят у меня поперек горла!

— Рядовой Ноддл!

— Так точно, сэр.

— Когда должны прибыть эти арестованные с Марса?

— Только что телеграфировали, будут вот-вот.

— Смотрите в оба, не прозевайте их!

— Ой, сэр, я, кажется, проглотил что-то, не похожее на муравья!

— У вас что-то к губе прилипло! — проговорил сержант.

— Какая-то бумажка, сэр!

— Дайте-ка мне лупу. Так, так, арестантское предписание!

И это как раз накануне комиссии с Земли! Что за неудача! Запросто можем отправиться на Плутон. Говорят, там начальник полиции напоминает хищную птицу размерами со слона.

— Что же делать?

— Будем замечать следы!

ЗАМОК ПАРАДОКСОВ

Бартоломью Казимирович Золотарев — тридцатисемилетний мужчина с повадками неисправимого холостяка — в очередной раз не смог работать, как все, — ночью. Да-да, именно **НОЧЬЮ** и именно **КАК ВСЕ**.

Здесь необходима историческая справка. Еще в конце двадцатого столетия было установлено, что во время так называемого сна в корне меняется ход многих процессов мозга, кроме того, человека не сковывают условности, и каждая личность способна во сне развернуться во всю творческую мощь. В этом особом состоянии люди удивительно склонны к общению и способны объединяться в огромные коллективы единомышленников, которым под силу решение любых интеллектуальных задач. С тех пор как планету покрыла сеть сонм-установок, люди с ранней юности обучались, самоутверждались, творили только во сне. И утром, как в сказке, проекты воплощались в архитектурные ансамбли, вдохновенные замыслы становились многотиражными книгами — материаль-

ная сфера давно была передоверена итоговому поколению эволюционирующих машин. А днем? Днем счастливое человечество отдыхало, занималось спортом, накапливало впечатления, любило, путешествовало, просто сидело и смотрело в потолок.

Итак, Бартоломью этой ночью позорно не спал. Он думал о чем-то своем и эгоистически отделился от товарищей и коллег по «Группе аномалий». Возмездие последовало незамедлительно.

Не успело скупое петербургское солнце пересчитать купола соборов и золотые побрякушки дворцов, как в его дом ворвалась статная черноокая женщина в спортивном костюме из альфа-эластика. Она швырнула на стол онемевшего Золотарева баул с хоккейной клюшкой и заявила:

— Значит, так, многоуважаемый Бартоломью Казимирович. Либо вы дадите мне клятвенное обещание, что подобное больше не повторится, либо нам придется расстаться. Почему вы совершенно отсутствовали на обсуждении доклада по проблеме потенциальных опасностей?

Как мог уличенный Бартоломью оправдаться перед Нино Врдаей, известной в кругу подчиненных как Нино Безупречная? Разве что предъявить несколько бланк-отчетов метеорологической службы, которые почему-то (он и сам не знал почему!) показались ему подозрительными?

— Что вы молчите, как безработный амур? Чем вы занимались?

— Да вот... думал... Странные какие-то данные...

Врадая выхватила из алебастровых рук Золотарева бланки, бегло просмотрела, нахмурила черные брови.

— Зайцево? Так это же рядом! Прекрасные охотничьи угодья. Вы не любите охоту? Это не имеет значения. Берите ружье и немедленно отправляйтесь в Зайцево. Ночью на планерке доложите о трофеях, не только охотничьих, разумеется. Вопросы?

Таковых не последовало. Нино Безупречная унеслась играть в хоккей на траве, а старший инспектор Золотарев принял обреченно собираться на охоту.

Через полтора часа нарушитель дисциплины прибыл на попутном вертолете в район поселка Зайцево.

Отмеченный в метеосводках участок леса сверху укрывал густой утренний туман. В тумане кто-то вырезал симпатичный кружочек километра четыре в диаметре, синеватый цвет леса в нем сменялся на белый. В центре круга, подобно ананасу на блюде, торчало оранжевое строение, в которое, как в мишень, упиралась темная стрела изотермического шоссе.

Сделав несколько виражей над самыми кронами, пилот — грузный мужчина с мужественным лицом и голым черепом — вопросительно взглянул на хмурого пассажира и сказал:

— Мне дальше, на болото. Вас где сбросить?

— Я сойду возле края этого, гм, явления, — буркнул Золотарев. — Вон там, на дороге, пожалуйста.

Пилот так круто повел машину вниз, что Бартоломыю в самом деле едва не вывалился. Вертолет пронизал серо-голубую мглу, салазки чиркнули по твердому, машина подпрыгнула и замерла.

— Двустволочку не забудьте, — участливо посоветовал пилот.

Вертолет с лихим разворотом взмыл вверх и растворился в тумане.

«Акробат на пенсии», — с неодобрением подумал Бартоломыю вслед удалявшемуся свисту. Он знал, что охотнее всего антикварным транспортом обзаводятся бывшие астронавты — этим парням все равно на чем, лишь бы летать.

Золотарев стоял на узком мокром шоссе. Впереди, метрах в десяти, туман резко обрывался, и все вокруг покрывал толстый слой снега. Бартоломыю подошел и ковырнул загадочный снег носком сапога. Брызнули рыжеватые комья, открыв густо-зеленую травянистую прядь. Снег таял прямо на глазах. Пахло почему-то арбузами, как весной.

— Да, месяц август, — без особого воодушевления произнес старший инспектор и медленно зашагал к оранжевому зданию.

Он не догадывался, что постепенно становится знаменитым. Пилот вертолета расскажет знакомым о странном охотнике и странном тумане. Кто-то вспомнит, что с подобным

уже сталкивались на Эсхед, когда искали Михаила Нежурбеду, положившего конец обоим началам термодинамики. Одним словом, когда Бартоломью наденет сонм-шлем, чтобы рапортовать о трофеях, его станет слушать чуть не вся планета. Но это в будущем.

Круглое здание, которое Золотарев простодушно принимал за охотничий домик, было построено лет двести назад и успело повидать многое. Иностранные дипломаты, баловавшиеся с ружьишком и попутно уточнявшие карту местности, егеря, озабоченные ростом поголовья благородных оленей, студенты, посланные на картошку, дендрологи, усердно пишущие диссертации,— кого здесь только не перебивало. А в начале этого века сюда переехал цех синтеза универсальных ферментов, некогда полностью автоматизированный, а впоследствии остановленный за ненадобностью.

В полнейшем душевном смятении старший инспектор вошел под арку парадного входа, с ужасом ожидая, что целая орда всевозможных охотников выбежит к нему навстречу и потребует принять участие в истреблении ушастых зверьков. К его удивлению, никто не выбежал, автоматика входной двери не сработала, и он чуть не ударился лбом об огромную дверную ручку в виде львиной головы с высунутым языком.

Снег на крыше растаял и стекал по жестяным желобам с мелодичным журчанием. Из-за неприступной дубовой двери с заклепками доносилось гудение и ничего более. Тогда Бартоломью снял с плеча ружье, прислонил его к кирпичной стене и, поплевав на руки, взялся за львиную голову. Неожиданно голова легко провернулась, язык спрятался под бронзовым небом, и тяжелая дверь бесшумно раскрылась.

Некоторое время Золотарев потоптался на крыльце, соображая, что предпринять. Возвращаться к Нино с пустыми руками было невозможно. Золотарев собрался с духом и шагнул вперед. Тотчас дверь за ним закрылась.

Пока Бартоломью вспомнил о фонарике, вшитом в лацкан куртки, он успел передумать о многом. Он догадался-таки, что находится отнюдь не в домике охотников. Внутри гудело громче, и Золотарев предположил, что это лаборатория или склад,

и аномальный снег определенно связан со зданием. Слегка обеспокоенный, Бартоломью включил фонарик, и в его голубоватом свете обозначилась лестница, ведущая наверх. И старший инспектор вступил на ступени, устланные пушистым ковром из пыли.

Им руководили не только любопытство или страх перед административной расправой. Бартоломью Казимирович Золотарев всерьез был обеспокоен судьбами планеты. Именно поэтому метеорологические бланк-отчеты взволновали его настолько, что он не мог уснуть. Бартоломью считал, что нынешнее процветающее человечество, в принципе, беззащитно, как ребенок. Особенно теперь, когда материальный мир приобрел духовного двойника, отличного от него, словно живая мысль от машинописного текста. Золотарев не очень-то верил, что эфемерное собственно-коллективное «я», этот нескончаемый праздник невообразимой свободы духа, выстраданный поколениями мыслителей-гуманистов, единственным фактом своего существования, подобно сияющему Дюррандалю, разрубит паутину атавистических заблуждений. Паутина может оказаться не такой уж гнилой. Разумеется, людоедские теории сгинули, философские вывихи вправились, голые короли разбежались, унося дурной запах ущербных логических построений. Однако...

Через пятьдесят пять ступенек лестница закончилась коридором, уводящим вправо по пологой дуге. Вдоль левой стены различались створки в нишах, плотно закрытые, со стандартными трехзначными номерами. На одной нише номера не оказалось. Бартоломью заинтересовался, он вознамерился с ходу распахнуть створки, но руки не встретили препятствия, и, успев только ахнуть, он ввалился в тесную комнатку, пол которой пугающе ушел из-под ног.

Лифт спускался так быстро, что старший инспектор вспомнил посадку на вертолете.

«Пешком наверх, потом вниз в лифте», — подумал он, не подозревая, что путь его к всемирной известности будет еще более причудливым.

Выбравшись из допотопного лифта, Золотарев попетлял по коридорчикам и, ведомый неведомым чутьем, оказался перед полированными дверями из палисандрового дерева, на которых кто-то вырезал литеру «Д» внутри горизонтального ромбика. Древние футбольные фанатики вряд ли имели к этому отношение, и эмблема очень не понравилась Бартоломею Казимировичу.

Позади заклеенных дверей располагалась лаборатория, и прекрасно оснащенная, в чем старший инспектор с волнением удостоверился. Но недавно в эту электронную лавку забрел разъяренный слон, и, может быть, не один. Чуткие манипуляторы машин-лаборантов были раскрошены ударами примитивной кувалды, сонм-шлемы были вырваны из кресел так, что по полу волочились оголенные псевдонервы, яркая хрустящая мозаика под ногами состояла из останков превосходного телескопа. Лабораторию уничтожили во время работы, на распечатке можно было разглядеть протокол незаконченного эксперимента: «...диалилтиосульфит и пиродоксаль фосфата выдерживать в термостате до первых петухов...» Ознакомившись с бредовым указанием, Бартоломею воскликнул: «Думкопф!» — и, сжав мягкие кулаки, ринулся из разгромленной лаборатории.

Сомнений не осталось: оранжевое здание было безуспешно разыскиваемым Замком Парадоксов — последним пристанищем преступного Иржи фон Думкопфа (надо сказать, далеко не дурака), главы подпольных исследователей-окультистов.

Эти отщепенцы — в большинстве своем патологические эгоисты — упрямо не желали участвовать в общем созидательном процессе. Более того, они применяли сонм-аппаратуру для паразитирования на биополе объединенного ночью человечества. Используя это, им удалось разработать особый, почти мистический математический язык, отличающийся от существующего, как поэзия от прозы. Совершенно произвольно связывая любые науки, например, геологию с анатомией или, того хуже, астрофизику с астрологией, они вывели причудливые закономерности, впрочем, не лишённые смысла. Внешне

их изыскания выглядели совершенно абсурдно: тут и третий крик совы, и цветок папоротника, и молодой месяц, и тому подобная чушь. С практической же стороны результаты оказались совсем не чепухой. Невероятно, но компании Думкопфа удалось сотворить вечный двигатель, информационную линзу и кое-что поопаснее, прежде чем ею занялись всерьез. Сам Думкопф скрылся на грузовом звездолете, набитом научной аппаратурой и чучелами аллигаторов, в направлении ближайшей черной дыры со скоростью, втрое превышавшей световую. Его последователи в основном раскаялись, но некоторые остались в подполье.

Старший инспектор Золотарев отнюдь не спасался бегством. Он бежал, но за двустволкой, оставленной у входа — единственным своим оружием. Однако через те же двери он попал в другой коридор, в нем даже тускло светились лампы, при их неверном свете Бартоломью разглядел на мышиного цвета полу четкие следы. И хотя охотником он был ничуть не бывшим, ему удалось определить, что следы оставила женщина.

С каким бы удовольствием Золотарев сейчас вызвал аэротакси, добрался до Питера и вернулся уже с отрядом дотошнейших специалистов во главе с неутомимой Нино. И они бы вместе распотрошили проклятый думкопфовский замок до последнего парадокса! Но, будучи наслышан о мрачном нраве главы оккультистов и его иезуитском юморе, Бартоломью понял, что сделать это будет нелегко.

За поворотом коридорчика, по которому крался старший инспектор, открылась престранная картина. На белой матовой стенке напротив двери черной краской были начертаны математические выкладки. Рука писавшего дрожала, и символы извивались, точно в ритуальной пляске, краску наносили не кистью, как повелось исстари, а выдавливали прямо из тюбика. В коридорчике стоял знакомый и противный запашок. Бартоломью подошел поближе к фреске в стиле модернистов древности, потыкал в нее пальцем, принимался. Это была не краска. Это был свежий сапожный крем.

Тут дверь за спиной старшего инспектора скрипнула, и он резко обернулся. В плохо освещенном проеме стояла молодая женщина среднего роста в легком летнем платье. Красивое бледное лицо обрамляли пышные каштановые волосы, карие глаза смотрели отчужденно и почти враждебно. Золотарев остолбенел.

— Кто вы? — спросила женщина.

Она также немного испугалась и отступила в глубь комнаты. Видимо, она ожидала встретить кого-то другого.

Бартоломью обескураженно молчал. Выражение глаз женщины слегка смягчилось. После недолгого раздумья она за руку втащила Золотарева в комнату. Тот был не способен что-либо понять или тем паче сопротивляться.

— Вы обязаны меня спасти! — потребовала таинственная особа, вплотную приблизившись к Золотареву. — Я хочу вернуться домой, а он говорит, что это невозможно. Я ему не верю! Вы мне поможете? Я вижу, вы честный и добрый человек.

Старый холостяк покраснел впервые в жизни. Он прокашлялся и напыщенно заявил:

— Как я понял, вам что-то угрожает, а мое призвание заключается именно в предотвращении каких-либо опасностей, угрожающих как обществу в целом, так и отдельной личности

— При чем здесь общество? Он держит меня взаперти, потому что, потому что... Я вообще не хочу его видеть! — В голосе женщины зазвучала неожиданная ненависть. — Вы видели, что он устроил перед моей комнатой? Он издевается надо мной, он говорит, что это подарок. Какая-то Большая аксиома. Или теорема...

— Где этот феодал? — закричал Бартоломью.

Правильней было спросить: «Кто?» Кто этот феодал, способный держать женщину в заведении, подобном Замку Парадоксов и небрежно преподносить ей в дар доказательство Великой теоремы Ферма?

Его звали Радий Стомышев. С самого раннего детства он подавал надежды. Пока он рос, росло его самомнение, и, став постарше, Стомышев серьезно считал себя гением. Непомеренное честолюбие и средненькие способности — вот питатель-

ный бульон, в котором размножаются бактерии эгоизма. В жертву мнимой гениальности были принесены многие. В свое время Стомышев познакомился с девушкой, и она имела неосторожность его полюбить. Он ее бросил, оправдывая себя, что в путь на сияющие вершины не берут никого и ничего лишнего. Совесть? Одно из своих амбициозно-бредовых сочинений Стомышев предварил фразой: «Посвящается Е.Г.». В смысле — Единому Господу. Совесть удовлетворилась подношением. С Думкопфом будущий «великий мыслитель» сошелся во время учебы в Гамбургском университете. Думкопф — личность в своем роде и вправду выдающаяся — приблизил к себе самого никчемного из приспешников. Когда глава организации бежал, предварительно разгромив, что успел, Стомышев остался завершать одно из его дьявольских начинаний: синтез препарата, кратковременно усиливающего ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ интеллектуальные способности. Помогла случайность, и препарат был создан. Отныне Замок Парадоксов превратился для создателя препарата в добровольную тюрьму. Стомышев уже не мог обходиться без изобретенного зелья, постепенно сходя с ума от собственной божественной мудрости и болезненного одиночества. И тогда дичающий отшельник вспомнил о той, которая, по его убеждению, должна была ждать его вечно.

Ни о чем этом Бартоломью Казимирович пока не подозревал. Румянец поблек на его полном лице, зато глаза воинственно загорелись.

— Как вас зовут? — обратился он к женщине.

— Меня? Елена.

— Дайте руку, Елена, я выведу вас отсюда, и никто не посмеет мне помешать.

Она шагнула было к выходу и вдруг замерла на месте. На пороге стоял мерзкого вида старец в роскошном парчовом одеянии наподобие халата. Взор у него был мутный и бессмысленный, в трясущихся руках он держал колбу с зеленоватой жидкостью. Старец медленно поднял колбу к бесцветным губам, запрокинул голову с всклоченными волосами. Посудина

опустела, и взгляд обитателя Замка Парадоксов сделался на удивление умным и злым.

— Что я вижу! У нас гости? — произнес Стомышев странным дребезжащим голосом. — Елена, почему ты не познакомишь меня с уникамом, прошедшим через вероятностный фильтр? Ах, вы покидаете замок? Ну так счастливого пути. Конечно, никто, тем более я, не посмеет вам помешать.

Бартоломью и Елена прошли мимо скверно улыбавшегося старца и направились, как предполагал старший инспектор, к лифту. Однако, вывернув из-за угла, они вышли к каракулям на стене и торжествующему Стомышеву. Золотарев со спутницей повернули назад. Они долго блуждали по сводчатым галереям, переходившим в просторные залы с тысячами траурно горящих свечей, забрели к зеркальному бассейну, в котором бурлила вишневая маслянистая жидкость — розовые пузыри на ее поверхности плотоядно ухали, исторгая фиолетовый дым; потом беглецы поднимались и спускались по мраморным винтовым лестницам, но в конце концов оказались там, откуда пришли. Наследник Думкопфа уже не улыбался, он сардонически хохотал, обнажая редкие желтые зубы.

Бартоломью Казимирович совершенно не выносил, когда над ним смеялись. Он приблизился к старцу, пытавшемуся скрестить руки на груди:

— Вы не достойны снисхождения. Когда на очередном сонм-сеансе вы предстанете перед судом мировой общественности, я не подам голоса в вашу защиту!

После гневной тирады старший инспектор с Еленой зашли к ее комнате, и Золотарев захлопнул дверь.

— Вы не осуждаете меня, Елена? Мне действительно не жаль этого опустившегося человека, — возмущенно говорил Бартоломью, вышагивая по комнате. — Как он посмел приспособить причинно-следственный трансформатор для своих низких целей?! Я убежден, что и вас он похитил при помощи этого безобидного прибора!

Женщина безнадежно кивнула. Семь лет назад она считала свою жизнь прожитой. Если бы она тогда узнала, что Радий хочет вернуться, то с радостью пошла бы за ним куда угодно, хоть

в это самое логово. Но семь лет назад, а не теперь, когда у нее прекрасный муж — профессор экзобиологии, интеллигентнейший и спокойнейший человек — и двое детей, мальчик и девочка... Елена могла простить Стомышеву многое, кроме того, что он выкрал ее так поздно.

— Это я во всем виновата,— сказала Елена, с трудом сдерживая слезы.— Мне уже никто не поможет. Вы должны уйти, вас он не станет задерживать...

— Уйти?! Оставить вас в лапах этого самовлюбленного павлиана?! Ну уж нет!

Как большинство людей своего поколения, Золотарев был принципиальным противником насилия. Однако в Замке Парадоксов действовали свои законы — и физические, и моральные.

В коридоре Бартоломью разглядел спину неспешно удалявшегося Стомышева и крикнул:

— Пойдите!

Тот нехотя обернулся.

— В последний раз предлагаю вам прекратить антигуманные действия и добровольно сдаться.

Опешив от подобной наглости, титан мысли остановился и принялся с нехорошим интересом рассматривать Золотарева с головы до ног.

— Не желаете? Я так и думал. Мне кажется, вы изволите считать себя всемогущим,— не унимался безрассудный старший инспектор.— Но давайте выясним, что вкладывается в это понятие. Вот, например, презируемое вами человечество, которое овладело энергией в масштабе Солнечной системы,— допустимо ли говорить о его всемогуществе? Оказывается, человечество обязано ежедневно, ежеминутно предпринимать героические усилия в бесконечной схватке с ловким и неутомимым противником по имени Хаос. Улавливаете? Нам постоянно приходится одерживать микропобеды, вместо того, чтобы нанести один-единственный решающий удар. А какое же это всемогущество, я вас спрашиваю? — Бартоломью доверительно ухватил собеседника за пояс его роскошного халата.— Обратите внимание на еще одну тонкость: подлинное

всемогущество предполагает абсолютное знание всех закономерностей мироустройства, на что вы, собственно, тоже претендуете. Однако любой вульгарный материалист охотно подтвердит вам, что абсолютное знание не нуждается ни в каких проверках. Следовательно, не существует НИЧЕГО, достойного даже простого внимания обладателя всемогущества. Лично я представляю его в незавидном положении — повисшим над бездной: мельчайшее движение, любое действие низвергнет его в пропасть ненавистной обыкновенности...

Как раз против примитивной логики не был в состоянии бороться рассудок Стомышева, отравленный препаратом. Он попробовал в отчаянии заткнуть уши, но неумолимый старший инспектор повысил голос, окончательно запутывая в сеть своих умозаключений претендента на звание властелина мира:

— Только покой и совершеннейшее бездействие рождают истинное всемогущество. Вселенной нет, потому что вы и есть вселенная. И нет ничего, что способно прервать ваше вечное и умиротворенное самосозерцание...

Бартоломью добился своего: Радий Стомышев закатил глаза и впал в рекомендованное состояние полной прострации. Он осел возле стены, из-под халата выкатилась полупустая бутыл толстого мутного стекла, которую Золотарев небрежно откатил ногой в сторонку. Стомышев не очнулся и тогда, когда старший инспектор связал узлом полы его золотистого одеяния и, как тюк с бельем, взвалил старца себе на спину.

Обеспокоенная долгим отсутствием спасителя из кельи выглянула пленница Стомышева. И тут Бартоломью Казимирович весьма кстати припомнил фразу насчет вероятностного фильтра, оброненную оцепеневшим лжегением. Это нехитрое устройство было пробным камнем на пути создания оккультстами Демона Максвелла, который, по счастью, функционировал лишь в ночь роковой кометы. Зато фильтр, отсеивавший наименее вероятные события среди всех происходивших, работал надежно, как дверной засов. На Золотарева — личность редкостную — думкопфовское изобретение не действовало, но для обычных людей, для Елены, например, Замок Парадоксов превращался в коварную западню.

Скинув ношу на застонавшую кровать, Бартоломью принялся размышлять. Ему невероятно хотелось спать. Однако предварительно нужно было исправить сонм-аппаратуру. Следует отметить, что с техникой старший инспектор был в хронических неладах. Но не бросать же молодую женщину в мрачном подzemелье!

— Отремонтировать сонм-установку? Да это проще, чем раскрыть зонтик, — уверенно заявила Елена, узнав о затруднениях Золотарева. — По специальности я конструктор-нейристор. Надеюсь, здесь отыщется какой-нибудь дистанционный паяльник?

По экстренному вызову Бартоломью Казимировича лучшие умы планеты немедленно погрузились в сон. Их коллективный потенциал оказался столь значительным, что решение проблемы отыскалось практически мгновенно.

Через час после всемирного оповещения тихие пустынные леса близ деревни Зайцево напоминали праздничную ярмарку. Или «Кунсткамеру» под открытым небом.

Аэротакси в три яруса висели над шоссе, люди приезжали на велосипедах, приходили пешком, и каждый имел с собой нечто, как он считал, единственное и неповторимое. Задача была создать вокруг Замка Парадоксов такой внешний фон, чтобы фильтр Думкопфа просто начал действовать в обратную сторону. В жертву дьявольскому механизму добровольно приносились шедевры искусства, самые сложные машины, уникальные создания человека и природы. В оранжевом здании уже бесследно канули коллекция крупнейших естественных алмазов, незаконченная партитура Астральной симфонии, три сотни томов сборника рекордов Гиннеса и многое другое. Безвестный до той поры живописец Липкин приволок свою последнюю картину — двухметровый овал кромешно черного цвета, по которому были разбрызганы капли молока, произведение называлось «Ночное забвение», автор считал его редкой художественной удачей. На севере Африки тысячи туристов принимали участие в работах по переброске под Питер трех египетских пирамид. Однако это не понадобилось. Потому что в этот момент на борьбу с детищем оккультистов явился четверо-

классник зайцевской школы Александр Опушкин и величественно швырнул на замшелые ступени замка потрепанный дневник с полученной вчера честной пятеркой по русской литературе, что расценивалось родными и учителями как событие из разряда сверхъестественных.

Клепанные медью двери, с жутким скрежетом разворотив петли, вывалились наружу. Вероятностный фильтр больше не существовал.

Бартоломью Казимирович не слишком удивился, когда низкий сводчатый потолок исчез, а в проеме показались деловито работавшие челюсти проходческой машины типа «червяк». Блестящее членистое тело «червяка» изогнулось, и он пополз по коридору, растягивая шипящую гармошку пневматического эскалатора. Золотарев улыбнулся, погрузил на бегущие ступени куль с несостоявшимся крупным мыслителем, пропустил Елену и зашел сам. Скромный старший инспектор, поеживаясь в предвкушении неминуемой встречи с начальством, поднимался к солнцу, людям и славе.

Длительно и безуспешно пыталась научная общественность вывести Радия Стомышева из состояния, близкого к летаргии. После этого случая, ставшего классическим, состав «Группы аномалий» был расширен, и сотрудники ее обязаны были дежурить днем по графику. Для явившихся с повинной последователей Думкопфа, а также для всех желающих в переоборудованном Замке Парадоксов была открыта специальная студия «Ренессанс», где они могли заниматься чем-нибудь общественно безвредным — к примеру, выпиливанием лобзиком и ведением малоинтересных бесед о сущности человеческого Эго.

А старший инспектор Бартоломью Казимирович Золотарев получил, к немалой радости, внеочередной отпуск для изучения растительного мира пустыни Калахари и право включаться в ночную работу по собственному усмотрению.

САМОЛЕТНАЯ СУДЬБА

У меня при взлете всегда закладывает уши. Говорят, носоглотка плохая. Может быть, и так. Только летать все равно приходится, потому что страна большая. Да и нравится мне летать. Я всегда поближе к окошку сажусь, леденец за щеку и смотрю-поглядываю, как уходит вниз затвердевшая поверхность, взрыхленная человеческим гением. Не то и запоешь вдруг от радости шепотом, про себя, что-нибудь тревожное и чувствительное. «Эй,— кричишь потихоньку облакам,— облака!» Молчат странники вечные, и не знаешь, чего еще дальше добавить.

В то прохладное сентябрьское утро, снаряженный командировочным удостоверением, небольшим багажом и ворохом поручений, я отправлялся в южные края. Просветленный и намагниченный, первым ступил на самоходный трап.

— Ваше место во втором салоне,— строго предупредила стюардесса и, встретив мой добрейший взгляд, с улыбкой добавила: — Слева у окна.

«Слева у окна», — повторял я, проходя по пустому салону «Туполева» сто пятьдесят четвертого, нагибаясь и заглядывая в иллюминаторы. Оттуда струился хмурый сентябрьский свет, растворялся в таком же неживом внутреннем освещении, и от этого салон, пока еще совсем пустой, казался больничной палатой, а не транспортным средством. Впечатление подкреплялось каким-то странным аптечным запахом, источник которого вскоре выяснился.

Упитанный крупный мужчина с черной бородой в черном костюме уже расположился в моем кресле и, пристегнувшись моим ремнем, неподвижно смотрел в мой иллюминатор. Перед ним на откидном столике лежала горка таблеточных упаковок, возглавляемая пивного цвета флаконом, источавшим, как было ясно, тот самый резкий запах. Я слегка кашлянул и многозначительно зашелестел билетом. Никакой реакции. Я еще раз повторил действие с тем же результатом. Сзади напирали пассажиры, и, не смея далее препятствовать движению, я уселся рядом с черным человеком.

Немного погодя попутчик оторвался от окна, скользнул по мне тревожным взглядом и произнес в пустоту:

— Здесь, как в больнице, всегда вспоминаешь о смерти.

«Веселенькое начало», — подумал я и промолчал.

— Простите, я, кажется, занял ваше место, — искренне сожалел черный гражданин. — Но я должен сидеть у иллюминатора... — Он приумолк на мгновение и, преодолев какие-то сомнения, добавил: — Иначе я могу пропустить.

Нет, меня так просто не проймешь. Я развернул вчерашнюю газету и уперся в однажды прочитанное место. Пропустить он не может. Ладно, Бог с ним, в крайнем случае, буду спать.

— Хорошо, что вы — это вы, — не унимался мой сосед. — Я люблю спокойных людей, с ними легче преодолевать трудности.

Я даже попытался улыбнуться, но получилось не очень искренне, оттого стало мне еще неуютнее, и я с завистью посмотрел на переднее место, где крутой, коротко стриженный затылок случайно знакомился с обладательницей точеного профиля. Он уже попросил у соседки ладошку и что-то там вы-

искавал. Наверное, линию судьбы. Я неслышно вздохнул. Удивительно, сколь полезны несуществующие вещи. Судьба, провидение — какая чушь, какое высокомерие предполагать, будто природа или сам Господь Бог только и заняты тем, как бы поизвилистее предначертать несколько миллиардов маршрутов с известным концом.

Загудели турбореактивным горлом движки. Защелкали ремнями пассажиры. Прошла бортпроводница. Заставила убрать соседа склянки. Тот нехотя выполнил указание и прошептал в самое ухо:

— Маршрут у нас опасный, южный, угнать могут, а самолет того...

— Чего того? — Я не выдержал, каюсь.

— Старенький самолетишко.— Он с силой надавил на пластмассовую обшивку, и та сухо хрустнула.— Полный износ. Даже не взлетим, наверное.

— Взлетим,— с наигранным энтузиазмом решил я перехватить инициативу, но гражданин в черном не сдавался.

— А вы заметили, какие глаза у стюардессы?

— Нормальные глаза,— втягивался я понемножку.— Даже очень ничего глазки.

Какие там глазки, я, честно говоря, не запомнил.

— Ну да, меня не проведешь. Тревожные глаза. Я ей прямо в зрачок заглядываю, а она даже не моргнет. Не иначе как что-то случилось. Вот уже сколько стоим, а ни с места. Куда она исчезла? Наверное, переговоры ведут.

В дверях появилась бортпроводница, и я криво ухмыльнулся. Но радость моя была недолгой. Стюардесса нагнулась и откуда-то снизу вынула спасательный жилет.

— Уважаемые пассажиры! Часть нашего маршрута пролегает над водной поверхностью...

Справа что-то заскрипело и навалилось тяжелым прессом. Бородач, упершись рукой в мой локоть, приподнялся, насколько позволял ремень, и голодным зверем следил за неуклюжими пассажами бортпроводницы. Я видел только улыбавшееся девичье лицо с холодными, равнодушными глазами. Когда она перешла к подаче звукового сигнала, что-то там в ее жи-

лете под мышкой заело. «Да Бог с ним, с сигналом,— подумал я,— если что, то и свисток не поможет».

Я вздохнул и попытался выдернуть руку из-под соседа. Но где там — тот держал меня мертвой хваткой каменного гостя.

— Вот оно, ружье,— трагически произнес гражданин в черном.

Последние слова, произнесенные чуть громче, привлекли внимание соседки с переднего ряда. Она повернулась, впрочем, не вынимая ладошки из лап ухажера, и спросила, глядя на меня в упор:

— Какое ружье?

— Ружье из первого акта,— пояснил сосед.

Она унизительно хмыкнула и отвернулась.

— Теперь обязательно выстрелит,— продолжал разжевывать сосед.— Только, я думаю, до моря-то мы не дотянем. Если даже и взлетим, в чем я глубоко сомневаюсь...

Наконец стюардесса вытащила свисток и пронзительным судейским сигналом продемонстрировала спасательное средство в действии. Кто-то громко и весело засмеялся, кто-то зааплодировал, я, честно говоря, тоже хохотнул, а мой сосед замолк и насупился.

Немного погодя самолет тронулся и, мягко подпрыгивая на бетонных стыках, попятился. Черный человек намертво врос в иллюминатор, так что смятая курчавая бородаща расплющилась и теперь поблескивала серебристыми нитями из-за огромных ушей. «Эх, охота же вот так человеку маяться»,— подумал я, достал леденец и, откинув голову на спинку, уставился в потолок. На пожелтевшем от времени пластмассовом потолке ярко светилось: «Пристегнуть ремни. Не курить». Захотелось курить.

Я закрыл глаза и увидел огромное сигарообразное тело, эдакую алюминиевую трубу, плотно населенную живыми существами. От каждого из них в хвостовую часть тянулся провод, а может быть, трос, и там, позади, все это сплеталось в один стожильный кабель, выходявший через специальное отверстие в окружающее пространство. Я почему-то был уверен, что весь этот кабельаж намертво закреплен в неведомой начальной точке.

Труба взвыла, задрожала и со свистом рванулась вперед. Казавшийся абсолютно нерастяжимым гигантский кабель не препятствовал движению. Одна из его жил заканчивалась на мне. Я покрепче схватился за свой отросток и открыл глаза.

Черный человек буквально пожирал глазами салон. Я вдруг обнаружил, что с силой сжимаю запястье соседа.

— Простите, кажется, уснул,— соврал я и громко сглотнул накопившуюся во рту слюну.

— Уснул,— не без зависти, как мне показалось, повторил сосед.— Уснуть, когда жизнь, можно сказать, на волоске. Да у вас железные нервы!

— Отчего же на волоске? — как можно спокойнее возразил я.

Мой сосед с победным видом, не говоря ни слова, ткнул в обшивку чуть повыше иллюминатора. Я присмотрелся. По бугристой поверхности, вверх и наискосок, тянулась извилистая линия длиной сантиметров тридцать. Впрочем, вверху она исчезала под стыком багажника. Я напряг зрительную память, пытаюсь установить, была ли трещина до взлета, но ничего не вспомнил. Наверняка была. Если ко всему приглядываться да прислушиваться...

Я прислушался и тут же обнаружил странное подвывание на фоне монотонного турбореактивного гула. Стоп, назад.

— Царапина древняя,— равнодушным голосом пояснил я,— наверняка кто-нибудь до нас зонтиком случайно задел...

— Зонтиком,— возмутился черный человек.— Да я тут все обнюхал — целехонька была.

— Значит, не заметили,— отрезал я, а сам подумал: «Это же надо было заранее прийти специально обследовать самолет».

Тем временем самолет, трепыхаясь и болтаясь, пробивал толстый облачный слой. Леденец мой истаял, и уже начало пронзительно давить на уши. Я судорожно достал следующий и заодно предложил соседу.

— Спасибо, не люблю сладкое,— отказался он.

— Я тоже не очень, но для ушей полезно,— оправдывался я.

— У меня прекрасная носоглотка.

Он достал носовой платок и громко, со свистом высморкался. Кое-кто оглянулся, даже соседка спереди посмотрела на меня с отвращением. Я улыбнулся и пожал плечами. Она отвернулась, шепнула что-то на ухо соседу и весело рассмеялась.

Тут трянуло по-настоящему. Казалось, могучий гигант снаружи схватился ручищами за крылья и принялся вытряхивать душу из самолета. Ударил колокол, с малиновым звоном посыпались осколки, справа по диагонали хлопнула крышка багажника и вниз полетели незакрепленные предметы.

— Шас как хряснет пополам,— нудел над ухом сосед.

— Значит, судьба,— процедил я сквозь зубы и, не закрывая глаз, опять увидел летящую трубу и провода в ней.

— Судьба, говорите? Да, похоже. Наши судьбы протянуты из прошлого и сведены воедино здесь, в салоне. И когда самолет треснет пополам, в одно мгновение оборвется связь.

Появилась бортпроводница, подняла выпавшие вещи и попыталась закинуть их на верхнюю полку.

— А не кажется ли вам, что фатум и авиакатастрофа несовместимы? — Я решил отвлечь соседа умным разговором.

— Как это несовместимы? — Он взглянул на меня с нескрываемым любопытством, но тут же перевел взгляд на бортпроводницу.

Останавливаться было нельзя, и я удвоил напор:

— Посудите сами. Допустим, наш авиалайнер,— я специально перешел на высокий стиль,— потерпит крушение.— Черный человек хмыкнул со знанием дела.— Нет, обратите внимание, я лишь теоретически допускаю такую возможность. Итак, огромный серебристый лайнер разламывается как хлебный батон пополам, и гибнут все пассажиры. Итак, что же означает гибель ста пятидесяти пассажиров с точки зрения фатума?

— Что? — не выдержал сосед.

— С точки зрения полной предопределенности судьбы это означает, что каждому из сидящих в салоне на роду было написано погибнуть в авиакатастрофе.

— Правильно, — обрадовался черный человек.

— То есть у вас, у меня, и у той хорошенькой девушки с точеным профилем, и у ее соседа, крутого затылка, и у стюардессы, и у всех наших попутчиков на руке нарисовано одно и то же: неудачный полет хмурым осенним утром. А теперь представьте, какова вероятность случайной встречи ста пятидесяти человек с одинаковой судьбой.

— Какова?

— Вероятность равна нулю.

— Значит, судьба.

Негодяй оказался сообразительным. Я наградил его ненавидящим взглядом и торжественно уточнил:

— Судьба судеб!

Мы летели. Сияло утреннее солнце, тихо сопели движки, мы улетали подальше от слякоти и страха. Черный человек удивленно крутил головой, как будто не верил своим глазам. Я наивно полагал, что теперь он успокоится, а быть может, уснет. Но где там. Едва я попытался зажечь сигарету, как началось сызнова:

— Все-таки четыре двигателя надежнее, чем три. Если один откажет, не дотянем.

В ответ я звонко щелкнул замком ремня безопасности и невозмутимо откинул спинку кресла. Сигарету, скрепя сердце, спрятал. Сосед же мой ремня не отстегнул, а, наоборот, когда по микрофону объявили, что наш полет проходит на соответствующей высоте с соответствующей скоростью, а за бортом минус шестьдесят пять градусов по Цельсию, затянул ремень потуже.

«Уснуть бы и проснуться на земле», — подумал я и вспомнил, как однажды проспал начало снижения и был навсегда раздавлен страхом перед болью в ушах. Неужели я и сейчас испугался? Ведь как трясло. Я посмотрел на трещину в обшивке, и мне показалось — она стала пошире. Нет, ерунда, нужно отвлечься, нужно занять себя чем-нибудь несущественным, как

это делает парочка впереди. Солнце прогрело внутренности самолета, стало тепло и даже жарко. Девушка сняла плащ и голым локотком касалась своего соседа. Может быть, не зря судьба их свела вместе? Может быть, она подарила их друг другу в воздухе в награду за что-нибудь хорошее там, в прошлом? А кого подарила мне судьба и за что?

Я поглядел краем глаза на соседа. Теперь наступила новая фаза. По тому, как ходили ходуном крылья его огромного мясистого носа, стало ясно — он что-то унюхал.

— Кажется, горим, — почти уверенно прошептало чудовище.

Я отчетливо ощутил запах паленого.

— Ничего не слышу. — Я приготовился к новому испытанию судьбы.

Со стороны пилотской кабины открылась штора и появилась с побелевшим от страха лицом стюардесса. Она озабоченно, не удосужившись даже улыбнуться пассажирам, быстро прошла в хвостовую часть самолета. Запах усилился до таких пределов, что не признавать его существования было бы просто смешно. Потом сзади, по центру салона, потянулась голубая прожилка дыма. Чуть позже еще и еще.

— Да, на сигаретный дымок-то не похоже, — с каким-то радостным самоистязанием пропел сосед, упреждая мои возражения.

Что и говорить, не табаком пахло.

— Вот она, ваша судьба судеб, как вы изволили выразиться. Нет уж, пардон, я скажу по-другому: одна паршивая овца все стадо портит.

— При чем тут овца? — сохранял я человеческое достоинство. — Какая овца?

— Та, у которой на руке написано погибнуть в самолете, — изрек черный человек и нагло сказал: — Дайте руку.

Я от неожиданности протянул ладонь. Потом вдруг опомнился, но тот уже вцепился в нее: -

— Так и есть, смотрите: вот линия жизни, вот излом, обрыв, крушение...

Я присмотрелся и увидел лишь однобокое дерево с ветвями по правую сторону, а мой сосед закончил, как отрезал:

— Ваше дело — труба!

Сзади послышалось тележное поскрипывание, пронесся радостный вздох. Я оглянулся. Наша самолетная хозяйка, уже в белом переднике и чепчике, катила, подталкивая перед собой, аппетитно дымящийся обед. Неожиданное и, в общем, приятное событие подействовало на меня самым удручающим образом. Я оцепенел и сидел недвижимо, мрачно глядя на нераспечатанный бифштекс. Рядом на подлокотниках лежали мои обессилевшие руки. Чуть подальше, слева, с отчаянным урчанием доедал отмеренное Аэрофлотом мясо хиромант. Я глядел перед собой, а видел не серебристый пакет, не белой пластмассы одноразовый прибор, не красивый, цвета знамен французской республики пакетик горчицы, а черную лохматую бороду, обильно политую жиром. Подлец ел с аппетитом. Ловко пододвигал ножиком картофель, посыпал перцем, солил, нарезал небольшие ломтики бифштекса рубленого, отламывал белый хлеб, виртуозно намазывал сливочным маслом и запивал минеральной водой. «Да что же это такое? — жаловался я про себя. — Нужно что-то сделать, совершить хоть малое, но реальное действие». Собрал в кулак остатки воли, чуть не кряхтя, я потянулся к столу. Тревожно, как самолетная обшивка, захрустела под пальцами еще теплая фольга. Снизу она оказалась горячее, но я, обжигая пальцы, дернул крышку и ужаснулся. Мой бифштекс безнадежно сгорел.

Тем временем сосед покончил с обедом, тщательно вытер бороду, приспустил ремень безопасности и выдохнул:

— Кормят как на убой.

Я был окончательно раздавлен. Не очередной идиотской шуточкой, а бифштексом, и даже не самим до основания выгоревшим куском мяса, а тем совпадением, той зверской игрой случая, по которой именно мне он и достался. И тут меня осенило. Ведь это же не мой бифштекс и это не мое место, а негодяя в черном, и бифштекс его, и, следовательно, не я, а он, он — та самая паршивая овца, из-за которой мы, может быть,

все погибнем! Ну погоди же! Я вежливо поблагодарил стюардессу и решил действовать.

Первым делом я демонстративно пристегнул ремень безопасности. Потом с интересом оглянулся вокруг. Трещина, так умело обнаруженная соседом, расплзлась на полпальца. Не громко, но достаточно ясно я обратил внимание соседа на этот бесспорный факт. Потом я поделился с соседом некоторыми соображениями по части разгерметизации на высоте в десять тысяч метров. Ясно было, что внешняя оболочка самолета уже наполовину потеряла свои защитные свойства. Иначе откуда свежий воздушный свист и горка снега между стекол иллюминатора? Затем я закурил сигарету и как бы случайно начал стряхивать пепел на мягкий ковер. Сосед мой притих и даже оцепенел. Вдохновленный удачным началом, я пошел в наступление. Я ему припомнил все: и угонщиков, и ружье, и движки. Я рассказал соседу, как действует группа захвата, и насчет случайных пусков боевых ракет класса земля—воздух упомянул, а в довершение всего вызвал стюардессу, попросил спасательный жилет и тут же под смех пассажиров его надел. «Смейтесь, смейтесь!» — кричал я соседке. Черный человек был ни жив ни мертв. Тем временем самолет как-то странно дернулся и начал потихоньку снижаться. «Рановато, — пронеслось в голове, — еще добрых сорок минут до посадки». Я прислушался. Резко изменился режим работы двигателя. Собственно, и работы никакой не было. Осталось одно — долгий протяжный вой.

— Снижаемся? — то ли спрашивая, то ли сообщая, вскрикнул я и, подтолкнув соседа локтем, прибавил загробным голосом: — Падаем.

Тот не реагировал. Я приподнялся и заглянул ему в лицо. Черный упругий ус периодически поднимался и опускался в такт его дыханию — он спал! Мерзавец! Он спал, он все проспал. Я прислушался. Нет, не появляется привычное моторное урчание. Не возвращается на исходную высоту серебристая машина. Я сделал невероятное — осторожно полез к соседу за пазуху. Мне нужно, смертельно необходимо узнать, кто он, у него должно быть имя. Дьявол, леший, Люцифер? В моих ру-

ках оказался толстый, из натуральной свиной кожи бумажник черного цвета. Э, какой толстосум! Ну-ка посмотрим, что это? Ах ты, баловень судьбы! Я вытащил на свет аккуратно сложенную, обернутую черной резинкой, какими затягивают полиэтиленовые пакеты в универсамах, толстую пачку купюр. Нет, не купюры это, глянь поближе. Я с ожесточением сорвал резинку... «Фью», — свистнули мы с самолетом. Из моих рук веером полетели разноцветные листочки. Я лихорадочно хватал по одному и читал. Билет первого класса Москва — Минводы, билет экономического класса Токио — Нью-Йорк и обратно. Так, дальше, местная авиалиния Киев — Житомир, роскошный глянцевый билет «Транс-Уорлд эйрлайнс» Сингапур — Монреаль с посадкой во Франкфурте-на-Майне. Еще, еще десятки, сотни фантастических маршрутов. «Ах, каналья, попался!» — не скрывая возмущения, кричал я во все горло. Мой хриплый, надсадный крик бешено метался по алюминиевой трубе. Ее фаршированное тело, уставшее от полета, наклонилось навстречу земле. «Ах, прохвост, ах, самолетный паразит! — Возмущению моему не было предела. — Нашел-таки где испытывать судьбу, подлец». Сейчас, сейчас, погоди — я шарил вокруг себя, подыскивая подходящий предмет. Наконец под ногами я нащупал то, что искал. Целлофановый пакет хрустнул, и в руках моих оказался одноразовый, абсолютно стерильный пластмассовый нож. Я его согнул для проверки несколько раз и понял — выдержит.

Оглянулся. В суматохе я потерялся, вернее, потерялся мой сосед. Ладно, такого пластмассовым ножиком все одно не возьмешь — кожа толстая. Судьбоносные нити, по которым течет ток наших жизней, — где, где они? Бежевые, золотистые, шоколадные — нет, не то; а вот моя серенькая — я ласково погладил ее. Так, вот и розовенькая, соседкина — если спасемся, обязательно познакомлюсь. Нить моего соседа должна быть черной, очень черной... Вот она, бесовская — ишь, сволочь. Я прижал ее, скользкую, холодную, к груди и принялся за дело. Я пилил. Так узник пилит решетку проклятой тюрьмы. В самолете потемнело, похоже, мы уже врезались в облако, и до поверхности осталось километра три, не больше. Теперь я пи-

лил на ощупь. Вокруг стоны, крики. Господи, заведется же такая дрянь в самолете, несчастье интернациональное. Скольких людей напугал, подлец, сколько душ загубил, а на мне остановишься! Ага, черная нить — поддаешься? Неверное движение — и хрустнул, сломался ножичек. Я встал, выпрямился, поднял черную надпиленную нить и с размаху перешиб проклятое устройство об колено. Пассажиры ахнули, а самолет взревел тремя газотурбинными двигателями и выправил курс на юг.

Позже, когда мы шли по взлетной полосе у берега еще теплого моря и бархатный ветерок трепал ее короткую челку, я подошел к ней и познакомился. А черного человека мы никогда не вспоминаем — ведь она его даже и не видела.

ПОСЛЕДНЯЯ ОХОТА НА СТУФФИ

Никогда бы не подумал, что спустя несколько лет мне предстоит вернуться к этому занятию. Я уже начал забывать, что некогда был знаменитым охотником из Великого Клана!

Вокруг стуффи тогда было много шума, а мы, немногочисленные охотники, пользовались известной славой. Да, было что вспомнить. Потом наш альянс рассосался, страсти поутихли, все стало покрываться пеленой забвения... И вот сейчас мне предложили потрянуть стариной.

Я пристально посмотрел на посетителя, сидевшего в кресле напротив и назвавшегося Кассини.

— Значит, как я понял, господин Кассини, вас уполномочили предложить мне добыть для вашей организации стуффи. Неужели в ученом мире к нему опять пробудился интерес?

— Ну, в какой-то степени...— ответил он.— Значит, договорились? Мы понимаем, конечно: дело давнее, ваша сноровка, опыт и так далее... Мы хорошо заплатим.

— Это разумеется.— Я улыбнулся.— Ну, хорошо. Только мое условие: деньги сразу по прибытии на Землю. Я вам — клетку со зверем, вы мне — деньги.

Кассини кивнул.

— Но вас будет двое? — спросил он затем.

— Охотник я один, но нас будет двое,— сказал я очень компетентным тоном бывалого охотника.— Это такой специфический промысел, господин Кассини.

— А почему? — осторожно поинтересовался он.— Второй человек — загонщик? Или приманка?

Я многозначительно ухмыльнулся и развел руками. Мол, простите, господин хороший, но профессиональные секреты есть профессиональные секреты. Он понятиливо улыбнулся.

Потом я сообщил ему свой код, попросил связаться со мной через пару дней, и он ушел.

Откинувшись в кресле, я призадумался.

Кто же из нашей великой пятерки, кроме меня, согласится еще разок поохотиться на стуффи? У кого возникнет желание еще раз вернуть к жизни забытое ремесло, приносившее некогда нам солидный доход? Я принялся копать в памяти. Лайктон? Нет, пожалуй, он откажется. Он теперь разбогател, потолстел, сменил мировоззрение и в такую авантюру больше не сунется. Да и годы идут, что ни говори... А ведь мы с Сэмом когда-то неплохо нагрели руки на этом деле! М-да-а... Поль? Кажется, он улетел с Земли еще в прошлом году. Остаются Крафт и Рэтуорд. Как сейчас отыскать Эрни Крафта, я даже не имел понятия. Пораскидало нас, однако, по Вселенной... После того как охота на стуффи прекратилась, наши коммерческие и приятельские связи оборвались. Если раньше каждый из великих охотников точно знал, где находятся другие и чем они занимаются, то теперь... Гиблое дело, если признаться. Вот разве только поискать код Майкла Рэтуорда, с некоторой надеждой подумал я.

Майкл отозвался сразу же.

На экране возникло его небритое, сонное лицо, которое тут же растянулось в ухмылке. Достаточно было бросить один взгляд на интерьер его комнаты и на него самого, чтобы по-

нять, что денег у Майкла не водилось уже давненько. Узнав, в чем дело, Майкл заметно повеселел и, не мешкая, согласился. Как в былые времена. Я даже почувствовал, будто помолодел на эти несколько лет.

На следующий же день мы встретились и обговорили все детали организационного характера. Что касается самой охоты, то тут никаких вопросов не было. И я, и он имели опыт и досконально знали всю процедуру от начала до конца. Еще через два дня, наняв корабль, мы покинули Землю.

Наш путь лежал к Миланде — спутнику одной малоизвестной заброшенной звездочки. Настолько заброшенной, что наши ученые даже не удосужились дать ей имя, ограничившись типовым многоэтажным номером. Крохотная вечнозеленая насквозь сырая Миланда так и осталась бы никому не известной, если бы не внезапный промысел стуффи. В считанные месяцы после того, как я и Крафт привезли на Землю первый экземпляр стуффи, планетка оказалась наводнена туристами, исследователями, охотниками-одиночками и целыми охотничьими отрядами. Буквально нашпигована! Все жаждали увидеть, снять, поймать стуффи. Этого никому не удавалось, но страсти распалялись все больше и больше... Дело в том, что все особи стуффи, которые когда-нибудь попадали в руки людей, были пойманы только нами — Великим Кланом Охотников. Так мы называли тогда нашу славную пятерку. Мы первыми открыли стуффи, только мы одни знали способ его поимки! Только мы. Это была наша идея, наша профессиональная тайна, наша слава... Впрочем, мы тщательно скрывали от мира то, что знали друг друга. Специфика промысла опять же. Это могло вызвать только ненужные подозрения. Для всех окружающих мы были одиночками.

Перелет до Миланды прошел вполне нормально. Мы с Майклом его даже не заметили. Всю дорогу мы веселились, пили напитки различной крепости, болтали, вспоминая старое. Немного скрашивал скуку Пейтон — молодой и очень любопытный навигатор.

Признав во мне одного из великих охотников, Пейтон проникся уважением к нам и интересом к нашей деятельности. Еще бы! Кто в свое время не хотел узнать наших секретов?!

— А правда,— спросил Пейтон как-то,— что еще никому, кроме нескольких человек, не удавалось поймать стуффи?

— Сушая правда, Пейтон! — ответил я.

— А правду говорили, что ни один пойманный стуффи не сохранился? Будто все они исчезали через несколько дней после того, как их привозили на Землю?

— Возможно,— безразлично ответил я.— Когда я получаю деньги, мне все равно, испаряются эти твари или нет! Нам платят за поимку и доставку, дружище! И буду откровенен, дальнейшая судьба стуффи меня никогда не занимала.

— Но все-таки интересно,— не унимался он.— Ученые называли эту их особенность телепортационным эффектом! Подумать только — никаких следов... Неужели не интересно?!

— Это все, конечно, любопытно,— вмешался в разговор Майкл.— Но уж если ученые ничего не могли тогда объяснить, то нам-то куда...

— А вот во время охоты, господин Мартинер... Вы никогда... не сталкивались ни с чем подобным? Ведь наверняка же...

— Нет, нет, Пейтон. Ни с чем подобным,— ответил я.

— А как тогда...

— Ты хочешь спросить что-нибудь про охоту? — перебил я его.— Мы не отвечаем на такие вопросы, дружище. Ты же понимаешь...

— Ну ладно...— смутился Пейтон.— А скажите, кто назвал стуффи этим именем?

— Не помню,— сказал я скромно, ибо это мне в свое время взбрело в голову назвать так объект нашего бизнеса.

Пейтон слегка разочарованно вздохнул и умолк.

Как и раньше, мы были полны решимости и задора, когда наша посудина садилась на Миланду. Ну, наша она была постольку поскольку, потому как принадлежала капитану дальних перелетов Риджуэю, или просто папаше Риджуэю — человеку, который не отказывается от возможности заработать и при этом не задает лишних вопросов. Кораблишко у него, надо

признать, был древний — дышал на ладан. По идее, его давно бы пора на свалку, но Риджуэй, видать, экономил, а может, еще какие соображения имел... В этой развалине не было места ни для флаеров, ни для катеров, ни для чего подобного, поэтому мы связались с земной базой на Миланде и попросили ребятешек чего-нибудь нам подбросить. Они пообещали. Ясное дело: коммерческая посуда всякая встречается, спасибо, что вообще долетела. Да и деньжата никогда лишними не бывают, так ведь? Хотя мы находились на южном, а база — на северном полушарии, к моменту выгрузки эти лихие парни в бирюзовой форме уже пригнали к нашему кораблю грузовой катер и дозорный флаер. Они браво козырнули и тут же умчались восвояси.

Основным нашим грузом, не считая специального охотничьего снаряжения, была металлическая разборная клетка.

— Значит, кэп,— сказал я Риджуэю,— как условились. Твои молодцы с клеткой вылетают не раньше, чем я сообщу по рации. Держите катер наготове, и, если все сойдет удачно, часа через два я выйду на связь.

— До свидания, кэп! — сказал Майкл.— Было приятно прокатиться на вашем кораблике!

— Вернетесь служебным рейсом? — поинтересовался папаша Риджуэй.

— Да, останусь на базе дня на два. У меня здесь еще одно дельце,— заметил Майкл.

— Вот, Пейтон,— сказал я назидательно навигатору, стоявшему рядом.— Советую учиться деловитости Майкла Рэтуорда! Чем больше зайцев убиваешь одним выстрелом, тем лучше! Ладно, нам пора.

Мы забросили за спины рюкзаки со снаряжением и прыгнули в флаер.

Около часа мы кружили над бесконечными лесами, засекая место. Наконец Майкл высадил меня, как и было условлено. Я проводил взглядом улетавший флаер и прилег отдохнуть под скользким кряжистым деревом. Мне предстояло ждать своего часа, и я позволил себе немного вздремнуть.

Минут через сорок я решил, что пора. Майкл уже, наверное, сделал свое дело.

Я шел по компасу минут пятнадцать, по шиколотку утопая в мокрой зелени, пока не обнаружил, что достиг нужного места.

Я огляделся. Все было превосходно. Наступал мой черед...

Я сидел на рюкзаке возле неподвижно лежавшего зверя, покуривал сигаретку и смотрел, как опускается катер с клеткой.

Я словно перенесся на несколько лет назад, в те годы. Аж в груди защемило!.. Все было точно так же, разве что кружили мы над другими местами...

Первым на землю прыгнул Пейтон, за ним еще двое парней из команды Риджуэя.

— Уже готов! — Пейтон восхищенно глядел на стуффи. — А что с ним?

— Я его усыпил. — Я повертел в руке наркозный пистолет. — Превосходный экземпляр! Жаль, Майкл не увидел. Уже улетел.

— Так быстро?

— Да он и сам не знал, что так получится! Во время охоты нас разделяло больше километра, ему меня искать не было времени. Его знакомый с базы связался с ним по рации и сказал, что лететь надо срочно, чтобы дело было в шляпе... Майкл — не дурак, шанс не упустит. А с другой стороны, он в деле не новичок — что, он этой твари не видел? Видел, и не одну...

Я докурил сигарету, потом мы осторожно погрузили стуффи в клетку, клетку — в катер и полетели.

Впереди предстоял обратный путь — желанный куда более, чем какой-либо другой. В мыслях я уже предвкушал солидный куш, который отвалит нам Кассини. Клетку со стуффи я велел разместить в моей каюте, чтобы можно было постоянно за ним наблюдать.

Да, я не сказал вам до сих пор, что представляет из себя стуффи! Представьте себе мохнатый буро-зеленый мешок до-

вольно внушительных размеров, не имеющий конечностей. Тело стуффи практически бесформенно, хотя сквозь толстую и упругую кожу можно заметить кое-какие угловатости. У него имеется только один более-менее определенный выступ, обозначающий голову. Этот выступ снабжен парой овальных, близко посаженных глаз, часто застилающихся молочной пеленой, и еле заметным, потайным хоботком, очевидно, являющимся ртом. Больше никаких видимых отверстий у стуффи нет. Ну, как вам такая тварь, а?

Всю дорогу Пейтон не выходил из моей каюты.

— Почему он почти не двигается? — задал он однажды вопрос мне, как первейшему знатоку повадок этого зверя.

— Стуффи — подземный зверь, дружище, — ответил я. — На поверхность вылезает очень редко... А под землей он, наверное, очень резвый!

Пейтон обошел клетку вокруг.

— А чем он питается?

Я пожал плечами.

— Черт его знает! Молоко вроде пьет иногда, а к твердой пище не притрагивается... Но еще ни один не умер с голоду, это точно!

— И не издает никаких звуков?

— Я еще ни разу не слышал.

Пейтон замолк, разглядывая стуффи. Тот не реагировал ни малейшим образом.

— Господин Мартинер, как вы думаете: этот стуффи тоже исчезнет, едва за него возьмутся ученые?

Я ухмыльнулся. Я всегда ухмылялся, когда он задавал подобные вопросы и отвечал обычно так:

— Спроси что-нибудь полегче, дружище!

Он спрашивал что-нибудь полегче, иногда и сам пускался в рассказы, в общем, мы неплохо провели время. Только однажды он чуть не испортил мне настроение.

— Знаете, — сказал он, почесывая в затылке, — по-моему, я где-то читал года два назад... Будто стуффи занесли в Красную книгу. Вы ничего про это не слышали?

— Что?! — В первый момент я опешил.

Потом эта мысль показалась мне настолько смешной, что я расхохотался.

Пейтон смутился.

— Может, я путаю... — пробормотал он.

— Я уверен... ха-ха... ты что-то напутал! — смеялся я. — Ерунда! Этого не может быть, Пейтон! Просто не может быть.

Через два дня после этого мы уже садились на Землю. Я потирал руки, представляя, как мне отвалят десять тыщ полосатеньких, и умильно поглядывал на клетку со стуффи.

С видом победителя я первым спустился по трапу на бетонный пол космодрома.

Из толпы встречающих вышел человек в темно-зеленой униформе и направился мне навстречу. Парни папаши Риджуэя тем временем выволокли клетку к трапу.

Человек козырнул мне, покосился на стуффи, тихо сидящего в клетке, и сказал:

— Служба охраны инопланетной фауны. Инспектор Биггс. Вы — Фрэд Мартинер, а это стуффи, которого вы поймали? Я правильно понимаю ситуацию?

Я кивнул, чуя неладное.

— Прекрасно. Придется заплатить штраф.

— Какой штраф, инспектор? — изумился я. — Что за чушь? Это мне обязаны заплатить десять тысяч за этого зверя! Я не понимаю...

Инспектор ухмыльнулся:

— Вы обязаны заплатить, господин Мартинер. Только не десять, а три тысячи. Охота на стуффи запрещена.

— Как это?.. — У меня пересохло во рту. — Когда?..

— Больше двух лет назад, — с сочувствием произнес инспектор. — Правда, никто еще не нарушал этого запрета... Вы — первый. Платите штраф.

— Какой еще, к дьяволу, запрет?! — воскликнул я. — Что за ахинея?!

— Нужно читать издающиеся законы, господин Мартинер, коли уж вы занимаетесь промыслом инопланетных животных! Два года назад стуффи занесен в Красную книгу, и за охоту на него установлен штраф. Так что придется платить.

Я закрыл рот и криво улыбнулся. Мой взгляд упал на толпу встречавших и мгновенно отыскал в ней Кассини. Тот съехался и попытался спрятаться за спинами. В ярости я подскочил к нему и схватил за грудки.

— Вы же знали! — закричал я. — Вы не могли не знать!

Кассини молчал, опустив глаза и вжав голову в плечи.

— Какого же черта?! — Я встряхнул его. — Вы же знали, что ваш заказ незаконный!

— Мы думали, что вы в курсе... — пролепетал Кассини. — Но раз вы ничего не упомянули... Мы полагали, если вы согласились, то...

— Идиот! — взревел я. — Мои деньги!..

Но Кассини был настолько жалок и беспомощен, что я только сплюнул от злости и отпустил его. По всей видимости, он погорел ничуть не меньше, чем я.

— Ну так что? — послышался голос инспектора. — Если вы отказываетесь платить, мне придется задержать вас. Стуффи передается в распоряжение Службы.

— Минутку, инспектор...

С этими словами я залез в корабль и остался наедине со своими мыслями.

Да, плакали мои десять тысяч! А Кассини и его компания — безмозглые кретины. Решили играть в опасные игры, а инспектора прохлопали! Но три тыщи с меня содрать — не выйдет! Ха-ха! Кишка тонка у этой Службы! Я им устрою концерт! Такой, что шары на лоб вылезут! Не вышло у нас с Майком пожить, так пусть хоть напоследок мир обалдеет, когда узнает про нашу охоту. Долго мы дурачили весь мир с этой идеей. И денюжат подзаработали — многим и не снилось! Все думали, когда же нас раскусят... А нам везло. Мы вешали всем лапшу на уши, и все верили. Умора!.. Но все когда-нибудь кончается. Я не в обиде. Это могло случиться не сейчас, а на много лет раньше... Ну и пусть! Ну, не получилась наша последняя

охота, зато все предшествующие удались на славу, это точно! Ну что ж, будет вам сюрприз, приготовьтесь!

Когда я выходил из корабля, на моем лице не осталось ни следа огорчения, а, наоборот, сияла злорадная улыбка. Боже, какая их сейчас хватит кондрашка, вот хохма-то!

— Так что вы решили? — сухо осведомился инспектор. — Я попрошу не затягивать это дело.

— Черта с два я заплачу вам этот штраф! — ответил я.

— Вы что, хотите документ?! — Инспектор разозлился, начал рыться у себя в сумке и наконец вытащил какие-то бумаги. — Вот! Читайте, если не верите!.. Стуффи находится под охраной закона!

Но я даже не посмотрел на его бумаги.

— И чем же это стуффи так приглянулся закону, а? — поинтересовался я, хитро прищурившись.

— Ну... — несколько замялся инспектор, — насколько я знаю... Ученые предполагают, что это животное обладает какой-то неизвестной формой интеллекта... Поэтому охота на него...

— О-о-о! — произнес я многозначительно и оглядел собравшихся.

Здесь были и люди с корабля, и люди Кассини, и служащие космодрома, и репортеры, и многие другие. Я ухмыльнулся и повернулся к стуффи.

— Ты слышал, Майкл? — сказал я, всплеснув руками. — Оказывается, ты находишься под охраной закона!

Стуффи зашевелился, раздалось шипение, и шкура обмякла. В ней образовалась щель, из которой показалась взлохмаченная и небритая физиономия Майкла.

— Черт подери, Фрэд! — воскликнул Майкл. — Никогда бы не подумал!

По толпе пронесся замирающий вздох. Инспектор застыл и выронил листки.

— И ты, оказывается, обладаешь неизвестной формой интеллекта!.. — выдавил я, едва сдерживая смех.

— И мне не придется таинственно исчезать из лаборатории? — Майкл тоже вот-вот готов был прыснуть от хохота.

— Нет, Майкл.

— Не придется применять телепортационный эффект?

— Увы, дружище...

На несколько мгновений воцарилась полнейшая тишина.

И тогда мы, не в силах больше сдерживаться, захохотали. Я смеялся, схватившись за живот и припадая то на одно, то на другое колено. Аж в глазах потемнело! Майкл корчился на полу своей клетки, так и не освободившись до конца от буро-зеленой шкуры.

Боже правый! Видели бы вы, как вытянулись у них у всех лица! Вы бы только видели! Ей-богу, даже ради этого зрелища стоило слетать на Миланду!

ОБЫЧНОЕ ДЕЛО

Нога зацепилась за торчащий корень, и Зубков, взмахнув руками, шлепнулся наземь. Эх, и развезло же его! Зубков выругался, поднялся, пошатываясь, и начал отдирать от земли ладони. В голове гудело, и ему очень хотелось курить. В мозгу Зубкова тяжело ворочались какие-то обрывки мыслей. Перебрал нынче... не рассчитал...

Курить хотелось все сильнее. Зубков уже минут пять шел по сосновому бору и хлопал себя по карманам, изредка протягивая вперед руки, чтобы не налететь на дерево. Начинало темнеть, воздух становился прохладным, и Зубков поеживался, ругая Гришку, который ушел домой в его пиджаке. Опять Клавка орать начнет... Час, наверное, вопить будет, не меньше! Вредная баба... А наплевать... Пусть горло дерет — не в первый раз. В конце концов, он тоже имеет право на отдых! А уж как отдыхать — это его дело. Он отдыхает по-своему, ей этого не понять. И пусть она хоть до посинения криком исходит, ему наплевать!

— Наплевать... — промычал Зубков и тут оступился в темноте в яму.

Он полетел вперед, попутно подмяв под себя куст. Его белая рубаха покрылась пятнами и к тому же порвалась на спине.

Но не столько это разозлило Зубкова, сколько отсутствие сигарет, когда он в очередной раз ощупал карманы.

Проклятый лес! Кругом ни души, да и темень — хоть глаз выколи... Дернуло же его идти через бор! Дорогу сократить решил. А Гришка, подлец, утащился в его пиджаке... Там, в кармане, почти целая пачка... Зубков собрался излить новую порцию проклятий насчет Гришки, как вдруг остановился. В его поле зрения попал какой-то большой белый предмет справа, между соснами. С минуту он постоял, пытаясь сфокусировать взгляд на предмете, потом решительно направился в его сторону.

Зубков не читал книг, газет и журналов, крайне редко смотрел телевизор. Он не переносил деятельности, связанной с затратами умственной энергии. От этого он впадал в тяжелое уныние, из которого долго потом не мог выйти. Круг познаний Зубкова об окружающем его мире был довольно скуден для человека конца двадцатого века. В силу этих обстоятельств Зубков не смог сделать для себя какой-либо определенный вывод насчет белого объекта, хотя любой современный школьник без труда опознал бы в нем звездолет.

Возле звездолета копошился маленький человек. Зубков хмыкнул, что-то пробормотал и, шатаясь, приблизился к пришельцу.

Тот, как и подобает инопланетянам, был облачен в комбинезон серебристого цвета и к тому же оказался совершенно лыс. Не замечая Зубкова, он извлекал из ниши в звездолете какие-то тускло-серые металлические ящики и устанавливал их под деревом.

— Слушай... — Зубков медленно ворочал языком, подбирая слова. — Мне... Это...

Пришелец вздрогнул всем телом и обернулся. В руке у него оказался небольшой блестящий предмет. Пришелец молчал и, не моргая, смотрел на Зубкова.

— Мне... одну сигарету... Курить хочется...

Зубков засопел и, засунув руки под мышки, встал напротив пришельца. Он замерз и начинал злиться оттого, что коротыш-

ка не прореагировал на его слова. Но тот не двигался — он настороженно наблюдал за Зубковым.

— Ну, чё ты смотришь?..— сказал Зубков.— Слушай... приятель... дай закурить, а?..

Пришелец огляделся по сторонам, затем подошел к одному из ящиков, открыл его и что-то там включил. Повернувшись к Зубкову, он прошептал несколько слов на неизвестном языке. Тут же из ящика донесся металлический голос:

— Ты один?

Зубков непонимающе поглядел сначала на ящик, потом на пришельца. Ему и в голову не пришло, да и не могло прийти, что ящик — это дешифратор.

— Чего это? — спросил Зубков.— Чего это ты... Как из банки...

— Я задал вопрос. Почему ты не отвечаешь? — опять раздался голос из ящика. Щебетания пришельца на его фоне не было слышно.— Ты один пришел сюда?

— Опять...— Зубков уставился на ящик. Ему это явно не нравилось.— Ты мне тут... это...

— Успокойся,— сказал пришелец.— Это такое устройство, чтобы ты мог меня понимать. Так ты один?

— Да один, один... чего привязался? — буркнул Зубков. Он уже примирился с тем, что человеческая речь доносилась из ящика.— Черт с тобой... Ус... ус... ус-рой-сво...— Зубков хмыкнул.— Так ты дашь мне закурить... наконец?

Но пришельца, очевидно, Зубков больше не интересовал, и он опять склонился над своим хозяйством. Это задело Зубкова за живое. Он фыркнул, с минуту постоял, цыкая зубом и цедя: «Ну, ну...» — а потом схватил коротышку за плечо. Тот поднялся. На лице его на мгновение появилась недовольная гримаса.

— Ты кого из себя корчишь?..— Зубков навис над пришельцем, который был на две головы ниже его.— Я тебя спрашиваю? Клоп... Чё ты зажался?

— Ты мне мешаешь.— Металлический голос звучал без интонаций.— Уходи.

В лесу уже совсем стемнело. Звездолет был похож на белый шатер, раскинувшийся посреди деревьев. Поздняя прохлада подвыветрила хмель из головы Зубкова, и он уже вполне справлялся со своим языком.

— А почему ты говоришь оттуда? — Зубков показал на дешифратор. — Кто ты вообще такой?..

— Уходи, — повторил пришелец, но Зубков пропустил его слова мимо ушей. В душу его начала закрадываться подозрительность.

— Ты что — фокусник? Фокус-покус, да?.. А что ты здесь делаешь? — Подозрения усиливались. — Ты мне мозги не заливай...

Пришелец занервничал, опять достал маленький блестящий предмет. Неожиданно на поясе у него загорелась красная лампочка, и он подскочил на месте как ошпаренный. Пришелец прыгнул к одному из ящиков и вытащил шлем, напоминавший мотоциклетный. Зубков молча наблюдал за ним, твердо решив во всем разобраться. Пришелец надел шлем на свою лысую голову и, присев на корточки, начал крутить у ящика какие-то ручки, казалось, совершенно забыв про Зубкова.

— Главный, главный... я шестнадцатый, — раздался голос из дешифратора. — Вызов принял. Докладываю: нахожусь в секторе 6Б-12. Высадился на планете типа АХ/ОЗ. Климатические условия прекрасно подходят для проведения эксперимента серии ДД-К7. У меня остался последний комплект реактивов для данного эксперимента. Разрешите приступить?

Пришелец, вернее дешифратор, умолк. Зубков стоял в нескольких шагах за спиной пришельца, выжидая, скрестив руки на груди и презрительно оттопырив губы.

— Да, да, главный, несомненно, — продолжал пришелец. — Судя по данным анализов, необходимо вакуумное смешивание реактива М/М с реактивом ОО-С при температуре 412,76 градуса... Я прикинул: получается, что для полного заражения планеты вирусом потребуется не более 5 часов. Здесь очень хорошие условия... Каков уровень развития? Я полагаю,

не ниже 22, иначе эксперимент не имел бы смысла. Вероятнее всего, борьба за выживание будет интенсивной, к тому же более половины всей флоры погибнет в первые часы. Остальное будет зависеть от аборигенов, но тем не менее при любом исходе эксперимента, а также в ходе его мы можем получить интересные результаты. Материалов хватит, по крайней мере, на три диссертации... Да, конечно, слушаюсь, главный.

Пришелец снял шлем и повернулся. И вовремя, ибо терпение у Зубкова уже лопнуло. Он ничего не понял из того, что сказал пришелец. Это только еще более усилило подозрения и злость. Зубков хмыкнул.

— Ну что, наговорился?! — прорычал он. — Ты думаешь, я целый день... буду ждать?.. А?

Пришелец бросил быстрый взгляд на дешифратор и хлопнул себя по лбу.

— Так ты все слышал? — спросил он, но тут же добавил: — Впрочем, это не важно, если попытаешься сделать хоть шаг или что-нибудь предпринять, я тебя уничтожу.

С этими словами он многозначительно потряс своим оружием.

— Что-о-о?! — скривился Зубков. — Да ты... — И он обозвал пришельца нехорошим словом.

Пришелец присел к своим ящикам. Он копошился в них, сидя на корточках, и периодически бросал взгляды на Зубкова. Его оружие висело на запястье. Хотя хмель еще не совсем выветрился из головы Зубкова, он оценил ситуацию. Стоя неподвижно, Зубков размышлял, насколько это ему позволяло умственное развитие. Внезапно его поразила мысль, от которой у Зубкова отвисла челюсть.

Шпион! Елки-палки... Диверсант! Ай-яй-яй... Как же он сразу не догадался? То-то он такой странный! И костюм какой-то... у нас такие не носят... и всякие там штучки-лампочки мигают... И пистолет есть! У них там, в Америке, у всех пистолеты...

От осенившей его догадки Зубкову стало не по себе. Однако решение он принял быстро.

— Я тебя раскусил, плешивый...— процедил Зубков. Пришелец насторожился.— Ты же шпион! Американец! Ты думал — я тебя не узнаю? Я тебя мигом...

Зубков сделал шаг в сторону пришельца, но тот молча направил оружие ему в грудь. Это на время остановило Зубкова.

— Ну ладно, ладно...— примирительно сказал он.— Не надо! Я пошутил... А вот это кто такой? — Зубков указал пальцем куда-то вдаль.

Пришелец повернул голову, Зубков в два прыжка преодолел расстояние и повалил его на землю.

— Ага-а-а, плешивый!!! Попался!!! — заорал Зубков, срывая с руки пришельца оружие и отбрасывая его в сторону.— Бандюга!

Пришельцу на мгновение удалось вырваться из объятий Зубкова, но тот, не долго думая, опустил тяжелый кулак ему на голову. Пришелец обмяк.

Зубков поднялся на ноги.

— Сейчас я тебя свяжу... и доставлю, куда следует...— бормотал он.— Чем же связать-то?

Он в задумчивости поглядел на ящики. На некоторых из них разноцветными огоньками перемигивались лампочки. Зубков раздумывал недолго. Ударом ноги он раскрыл первый ящик — там оказалось два сосуда замысловатой формы и совершенно непрозрачные. Зубков удивленно и многозначительно крикнул и выдрал один сосуд из гнезда. После некоторых усилий ему удалось свинтить крышку, и он понюхал содержимое. В нос ударил неизвестный запах, Зубков сморщился и вылил реактив (ибо это был он) на землю. Второй сосуд постигла примерно та же участь, с той разницей, что Зубков не стал выливать содержимое на землю, а просто забросил сосуд далеко в лес. Крайне раздосадованный, он накинулся на другие ящики. Но в них, увы, не было ничего, кроме непонятных устройств. Со злости Зубков растоптал и разбил еще два ящика и внезапно наткнулся на кабель в палец толщиной, тянувшийся от звездолета к аппаратуре. Тут он вспомнил, что ему было нужно, и, схватившись за кабель обеими руками, начал выдирать его из гнезд. Зубков рванул несколько раз, но кабель не под-

дался, и вдобавок ко всему его дернуло током. Зубков выругался и изменил тактику. Найдя толстую, суковатую палку и орудуя ею как ломом, он принялся раскурочивать ящик изнутри. После нескольких ударов там что-то загудело и посыпались искры. Зубков просунул палку в какое-то отверстие и налег. Палка затрещала, раздалось шипение, сверкнула вспышка, Зубков отлетел в сторону и больно ударился головой о дерево. Он ошалело вскочил — в глазах плясало яркое пятно, в голове звенело. Животный страх охватил Зубкова и, пятясь и спотыкаясь, он бросился бежать.

Он бежал со всей скоростью, на какую был способен, бежал, не оглядываясь, издавая нечленораздельные вопли и совершенно забыв о пришелице. Сколько времени длился его бег, Зубков не знал. Он мчался до тех пор, пока лес не кончился и почва вдруг резко не исчезла из-под ног. Зубков, приобретя уже значительное ускорение, кубарем покатился вниз по склону, подминая кусты и кочки, и распластался недалеко от обочины дороги...

Тем временем пришелец сел, помотал головой и обнаружил массу страшных фактов. Он увидел валявшийся резервуар из-под реактива, разбросанную и искореженную аппаратуру, над которой вился белесый дымок, и кожа на его затылке покрылась темными пятнами. Это соответствовало состоянию крайнего ужаса.

Полный провал, подумал он в отчаянии. Теперь аборигены все узнают, повторить эксперимент не удастся, и его, вероятнее всего, дисквалифицируют. Как же это могло случиться с ним, со специалистом высшего класса? Что же он скажет главному?..

...На ночной дороге показались милицейские «Жигули».

Сидящий справа от водителя лейтенант Терехин заметил впереди, недалеко от обочины, распростертое тело. Машина затормозила. Терехин выскочил первым, за ним — водитель машины, сержант Брошкин. Они склонились над Зубковым. Лейтенант пощупал у него пульс.

— Жив, — сказал он. — Что ему делается?

— Что с ним? — спросил Брошкин. — Без сознания?

— Без сознания...— усмехнулся Терехин.— Ты понюхай, чем от него несет. Будешь тут без сознания... Обычное дело. Ну, он у меня доиграется!

— Вы его знаете, товарищ лейтенант? — удивился Брошкин.

— Да, старый знакомый... Зубков — фамилия. Я же говорю: обычное дело... Ладно, берись.

Они подхватили Зубкова под руки, дотащили до машины и кое-как запихнули на заднее сиденье. Зубков что-то промычал, когда «Жигули» тронулись и начали набирать скорость. Брошкин оглянулся, хмыкнул и помотал головой. Лейтенант зевнул.

— Теперь, пока его еще доставим — сколько времени пройдет! — сказал он удрученно.— Свалился же на нашу голову... А поехали бы по другой дороге — и замерз бы здесь. Ночи сейчас холодные... Вот люди, а!

— Что это?! — Брошкин внезапно подался вперед, к лобовому стеклу.— Вы видели, товарищ лейтенант?

— Да вроде... Как будто по небу что-то белое промелькнуло...

— Может, это самолет?

— Да уж, наверное, самолет. Не летающая же тарелка! — ухмыльнулся Терехин.— Летающих тарелок нам только не хватает! Дай-то Бог со своими земными проблемами разделиться, а потом уж о межпланетных думать будем. А то прилетит какой-нибудь маленький, зелененький, и встретится ему вот такой, как этот Зубков, да как дыхнет на него перегаром вместо рукопожатия... Вот тебе и встреча цивилизаций! Здорово получится, не правда ли?

Брошкин понял, что лейтенант пустился в философствование. Такое с Терехиным случалось часто. В этих случаях Брошкин предпочитал не вмешиваться и не спорить со своим шефом.

— Паразиты они, эти зубковы,— не унимался Терехин,— потому как живут среди людей, а думают только о себе. Вон у него одна забота! — Лейтенант махнул рукой в сторону Зубкова, смирно лежавшего на заднем сиденье и издававшего

какие-то чмокающие звуки.— Люди для него все: на, мол, пользуйся всеми благами, а он? Он-то людям что?.. Ничего! Ему же наплевать... Возьми хоть сегодняшний день... Что полезного он сделал для людей сегодня, а? Вон она, польза-то его, вся на виду. Как говорится, комментарии излишни.

Терехин замолчал и расстегнул китель. Зубков затих — видимо, спал.

— Скучный денек был...— Терехин зевнул.— Сержант, расскажи что-нибудь!

Брошкин пожал плечами и покачал головой.

— Э-хе-хе...— вздохнул Терехин.— Может, в мире что интересное произошло.— Он включил радио и опять зевнул.— Выспаться бы успеть. Завтра еще на дежурство с утра...

КОМАР НА ПЛЕЧЕ

Они сидели возле опрокинутого бота.

Царила тишина, только изредка из кабины управления доносились жужжание и писк рации, настроенной на волну корабля. Кругом росли крупные бурые цветы с жесткими листьями и толстыми стеблями. Высоко в безоблачном небе пылало голубое светило.

— Все равно ничего не понимаю...— пробормотал Морт.— Мы еще с орбиты обнюхали этот паршивый комок. И ничего!.. Снижались нормально... Ну, приборы же не врут, черт возьми! — разозлился он.— Не было никаких ураганов и землетрясений, не было!

— И тем не менее,— ухмыльнулся Росин.— Не святой же дух перевернул нашу галошу...

— Ох, не нравится мне здесь! — сказал Морт.— И далась командиру эта разведка... Формалист! Сиди теперь тут...— Он встал и потянулся.

— Скорее бы корабль сел, а то скукотища,— сказал Росин.

— По-моему, насчет жизни тут — полный ноль.

— А цветы? — Росин прилег, опершись на руку.

— Ха! Цветы! — воскликнул Морт.— Разве это цветы?

Он схватил одно растение руками за стебель, рванул его на себя и выдернул вместе с корнем.

— Ну что это? Ни запаха, ничего...— Морт понюхал цветок и отбросил в сторону.

— А-а-а! — вдруг закричал Росин, вскакивая на ноги и потирая бедро.

— Что? — Но тут Морт ощутил сквозь подошвы сапог, что почва под ногами стала горячей. От неожиданности он подпрыгнул.

С минуты они ошарашенно глядели под ноги. Постепенно земля остыла.

— Проклятая планета! — воскликнул Морт. — Я же говорил: здесь чем-то пахнет! Зря нас сюда послали. Не планета, а какое-то существо! Цветок выдернул — и на тебе...

— Ты думаешь, есть связь? — спросил Росин.

— А нетрудно проверить...— Морт подскочил к другому цветку и вырвал его из земли. — О, пожалуйста!

Подошвы ног зашипало. Росин притопнул.

— На этот раз было значительно горячее! — отметил он.

— Вот-вот! И бот неспроста перевернулся, это уж точно!

— Бот? — задумался Росин. — А знаешь, ты натолкнул меня на одну мысль. Глупую, правда, но... А попробуем еще...

Он выдернул большой цветок, достававший ему до пояса.

Они не поняли, что произошло. На плечи и грудь вдруг навалилась какая-то тяжесть, дышать стало очень трудно. Руки, ноги, голова шевелились так, словно находились не в воздухе, а в воде. Это продолжалось не больше минуты, затем все исчезло.

— Нет, хватит экспериментов! — сказал Морт, вдыхая полной грудью нормальный воздух и ощупывая себя со всех сторон.

— Комары! — внезапно воскликнул Росин. — Я понял...

— Что?! — Морт открыл рот и уставился на него. — Какие комары?!

— Я все понял, — сказал Росин. — Сейчас объясню. Представь себе человека, которому на плечо садится комар. Человек его не видит, он только слышит жужжание и чувствует лег-

кое прикосновение комариных лапок. Человек дергает плечом, комар взлетает, но потом садится снова. Комар делает одну попытку за другой, человек пытается тем или иным способом прогнать назойливое насекомое: сдувает, смахивает и так далее... Но вот комар укусил человека. Человеку больно, и он реагирует мгновенно. Один шлепок — и от комара остается мокрое место. И бедный комар так и не успел ничего понять... Дошло?

— Пока нет...— протянул Морт.— Мне не ясно, к чему ты клонишь...

— Неужели не ясно? Ты подумай... Какова мощностъ двигателя нашего корабля?

— Постой, постой... Ты хочешь сказать...

— Вот именно! — воскликнул Росин.— Помнишь, в четвертом разделе технического руководства сказано, что на месте взлета и посадки радиус выжженной и перепаханной земли может достигать трехсот метров! Это тебе не бот и не цветок...

У Морта отвисла челюсть. На хронометры они взглянули почти одновременно.

— Шестой виток уже прошел...— пробормотал Росин.

— Ну и что? — спросил Морт с опаской.

— Они снижаются...— упавшим голосом сказал Росин.

— С чего ты взял? — с надеждой в голосе спросил Морт. Он знал, что Росин не станет ничего утверждать голословно, и внутри у него возник нехороший холодок.

— Командир сказал, что шести витков за глаза хватит,— выдавил Росин.— Они снижаются уже сто двадцать две секунды!.. Слышишь?..

Но Морт не слышал. Он уже бежал к рации.

ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО УПРОЩЕНИЯ

Вероятность случайного возникновения жизни сравнима с вероятностью того, что энциклопедический словарь является результатом взрыва в типографии.

Эдвин Конклин

Есть величие в этом воззрении на жизнь с ее различными силами, изначально вложенными Творцом в незначительное число форм или только в одну.

Чарлз Дарвин

Небольшой пролог

В начале было Слово. Точнее, идея (logos). Вселенная (она же — Бог) придумала быть и сразу же стала. Хотя сразу же — это еще как сказать. Для Бога миг и вечность — суть одно и то же. Во всяком случае, библейская версия о семи днях не вы-

держивает никакой критики. Это одна из тех глупостей, которые произошли от ограниченности пророков всех религий. Они ведь хотя и были гениями и избранными, но оставались людьми своих эпох и не всегда могли адекватно объяснить даже себе смысл собственных озарений... Скорее всего, для Него создание мира было делом одного мига, а вот для нас это — миллиарды лет.

Потому-то и вышла эта неувязка с человеком. Зачем он вообще появился, ясно как день: чтобы Вселенная могла себя осознавать и осмысливать. Чем-то ведь Богу нужно было думать сразу после реализации первой идеи. Вот и появился человек. С одной стороны, он произошел от четвероногих приматов (которые, в свою очередь, произошли от динозавров, а те — от древних панцирных рыб и так — вплоть до первых одноклеточных...). С другой, Бог создал человека в одночасье, по образу и подобию своему.

И легко понять, что одно другому не мешает, если учитывать вышесказанное: для Него миг и вечность — одно и то же.

Из чисто беллетристических побуждений хочется предположить даже, что сначала появились богоподобные Адам и Ева, а лет эдак миллиарда через три по соседству человек произошел от обезьяны. Можно даже представить это в виде небольшой сценки.

— Милая, — сказал однажды Адам жене своей Еве, вернувшись с прогулки по эдемскому саду, — помнишь тех симпатичных волосатых зверьков, которые так любят дразниться, корчить рожи и висеть на хвостах, зацепившись за ветки?

— Конечно, дорогой, — ответила Ева. — Еще они постоянно мастурбируют, а я даже не знаю, что это такое...

— Вот-вот. Так, видишь ли, за последний миллион лет они очень изменились. Как бы слегка облысели, что ли... Давеча прогуливался я по садику, а один из них подкрался ко мне сзади и попытался ударить палкой. Я еле увернулся!

— Ты хочешь сказать, что они уже научились пользоваться орудиями труда?! — сделала большие глаза Ева.

— О да. Но вот использовать их они собираются явно не в самых нравственных целях. И более того, душечка моя, когда я увернулся от палки этого волосатика, он крикнул мне вдогонку: «Козел! Я тебя еще достану!»

— Ах! — Ева прикрыла рот ладонью. — Он СКАЗАЛ тебе это? Ты не путаешь? Может быть, он только показал?

— И показал. Надо отметить, таких размеров, что мне стало беспокойно на душе. Но и СКАЗАЛ тоже!

— Другими словами, из обезьяны потихоньку получается человек. Так?

— Выходит, что так. И не самый хороший, между прочим, человек.

— И рано или поздно эти животные начнут портить нам жизнь?

— Об этом-то я и хотел с тобой поговорить. Проще всего было бы перебить этих монстров, да и дело с концом. Но ты ведь знаешь, Отец наш создал меня существом миролюбивым, я и мухи обидеть не умею...

— Что же ты предлагаешь?

— Я предлагаю... — Адам придвинулся к Еве поближе. — Предлагаю... Мы должны победить их численностью.

— Опять ты за свое! — нервно отпрянула от него Ева. — За последний миллион лет это не первая попытка с твоей стороны превратить наши дружеские отношения неизвестно во что... На вот лучше яблочко съешь, успокойся...

Адам взял плод и, сердито похрустев им, продолжил:

— Но на этот-то раз основания у меня самые веские.

— Да?! А в прошлый раз ты уверял, что только так мы можем спасти от вымирания несчастных динозавров! Где, спрашивается, логика?

— Нет логики? А динозавры-таки вымерли!

Ева надула губки и промолчала.

— Вот что, дорогая, — заявил Адам, вскочив на ноги. — Пойдем-ка со мной, и ты убедишься воочию в том, какая нам угрожает беда. Ты увидишь, с каким самозабвением и с какой пугающей интенсивностью плодятся наши конкуренты! Они трахаются буквально под каждым кустом!

— Тра-ха-ют-ся... — чуть слышно повторила Ева незнакомое слово, а затем неуверенно отозвалась: — Ну... Если только из чистого любопытства...

— Да-да, конечно. — Последняя фраза прозвучала несколько фальшиво. А по пути к той поляне, на которой Адам подвергся нападению примата, он тихонько, ни к кому не обращаясь, пробормотал: — Заодно и поучишься кой-чему.

Забравшись на древо познания, Ева, время от времени нервно облизывая пересохшие губы, огромными глазами смотрела на все те непристойности, которые творили друг с другом новоявленные люди.

Наконец, оторвавшись от завораживающего зрелища, она обернулась к Адаму:

— Милый, ты прав! — воскликнула она. — Мы должны остановить это безобразие! У нас должно быть много детей, которым мы сможем объяснять, что хорошо, а что плохо!

Она торопливо начала спускаться по стволу. Адам галантно подхватил ее внизу и на руках отнес в их уютное бунгало. Как благодарен он был сегодня этим похотливым грязным бесхвостым обезьянам...

Напоминаем вам, что версия эта абсолютно не научная, а сугубо беллетристическая. Ничего этого на самом деле конечно же не было. Однако если быть последовательными, то дальнейшие события должны были развиваться следующим образом.

Люди-произошедшие-от-обезьяны плодились и плодились, не зная меры и приличий. Люди-созданные-Богом все пытались догнать их в численности. Затем два этих вида ассимилировали. И теперь в каждом из нас есть доля и от тех и от других. И в каждом человеке соотношение этих долей различно...

Как сие ни странно, но эту сугубо беллетристическую версию подтверждают последние исследования биологов. А если

даже и не подтверждают, то все равно интересно. Все мы учили в школе, что плод во чреве беременной женщины проходит несколько стадий, превращаясь в зародыши наших предков: зародыш простейшего, зародыш рыбы, зародыш млекопитающего... Только зародыша того примата, от которого якобы произошел человек или, грубо говоря, обезьяны, в чреве женщины не возникает никогда... А вот в чреве обезьяны плод проходит такую стадию, когда он абсолютно идентичен зародышу человека.

Это что же выходит? Не человек произошел от обезьяны, а обезьяна от человека? Непонятно.

Некоторые биологи объясняют этот феномен так. Человек — недоразвитая репродуцирующаяся личинка обезьяны. То есть родился у обезьяны когда-то недоразвитый зародыш, почти выкидыш, да взял и не погиб. И еще оказалось, что он и плодиться может... А если взглянуть, действительно, человек похож на недоразвитую обезьяну: облезлый, хилый, голова огромная, рахитичная...

Но как-то эта идея унижает. Так что давайте считать, что если даже это и правда, то все-таки есть среди наших предков и те, что созданы непосредственно Всевышним по образу и подобию Его.

И к чему все эти разговоры? Да к тому, что никто не знает и уже точно никогда не узнает, откуда взялся человек. А потому мы, авторы, не будем больше задерживаться на этом смутном периоде, а расскажем о том эпизоде, в котором человечество впервые заявило о себе документально.

Глава первая и единственная Великий Слепой

Одним из первых людей, решивших увековечить деяния современников, стал грек по имени Гомер, живущий на окраине Афин. Решение это было тем более новаторским, что пись-

менность людям была еще не известна. (Другой бы на его месте дождался ее изобретения, но Гомер был слеп, и ждать ему смысла не было.)

Как же тогда сохранить память о своих соплеменниках? И Гомер придумал. Нужно оформить текст в прекрасные, возвышенные, хорошо запоминающиеся стихи, чтобы они из уст в уста передавались поколениями... Не грех и приукрасить события: больше шансов, что стихи не забудутся.

Идея была прекрасная, и ее подхватили. Каждый новый певец-сказитель добавлял к тексту Гомера какую-нибудь собственную деталь-украшение... Думается, наиболее истинное представление о действительных событиях того времени можно получить, отсекая от нынешнего варианта Одиссеи и Илиады всю бижутерию... Получится примерно следующее.

Юный Парис, сын Приама, пас стада круторогих быков мужа Агелая. Он был пастухом. Среди сверстников Парис ничем особенным не выделялся. Точнее, выделялся, но не в лучшую сторону. Если его ровесники уже принимали участие в состязаниях героев на равных с прославленными мужами, то Париса к оружию не подпускали за версту.

Нет, он не был слабым или увечным. Просто лицо его было уж чересчур глуповато, а вместо обязательной в тех краях бороды он обзавелся лишь редкими шелковистыми кудряшками. Оружия ему не доверяли.

Поначалу он сильно обижался. Особенно на то, что ни одна девушка не обращала на него серьезного внимания. После каждого очередного отказа он возносил молитвы богу войны Аресу с просьбами наделить его недостающей мужественностью. И приносил Аресу жертву. Хотя чаще те приносились сами.

Быки Агелаева стада с удивительным упорством падали в пропасти, пропадали в лесах или гибли в лапах диких зверей. После каждого такого случая, обнаружив пропажу, Парис даже не пытался найти животное. Он считал происшедшее благим

знаком, а исчезнувшего быка — жертвой любимому богу. И вновь возносил молитвы.

Агелай считал по-другому. Обнаружив пропажу, он нещадно избивал беднягу Париса, нередко устраивая из экзекуции красочное и поучительное зрелище для прочей челяди. Соседи привыкли к этому развлечению и с нетерпением ожидали очередной части сериала.

Когда в течение дня в стаде пропало сразу пятнадцать быков, Парис вначале впал в уныние. Но потом понял: это — знамение. Уж теперь-то, после столь обильной жертвы, Арес услышит его. А посему он не стал тратить времени на поиски животных, а улегся на травку в благостном ожидании.

Лежать ему нравилось всегда. Но сегодня он был настроен на чудо. А оно все не происходило. Бороденка его оставалась редкой и шелковистой, сил в мышцах не прибавлялось. И тут Парис понял. Воля богов опирается на волю смертных. Он сам должен решиться на подвиг. А так, лежа на травке, он добьется только одного: придет Агелай и снова изобьет его до полусмерти.

Какой же совершить подвиг? Парис попытался сосредоточиться, но в голову лезло только одно...

Самой прекрасной в его понимании женщиной была жена кузнеца Менелая — Елена. Ее сакральная женственность подтверждалась чрезвычайной плодовитостью. Никто, возможно, даже она сама, не знал точно, сколько у нее сыновей и дочерей. Что касается пьяницы Менелая, то он и не считал их.

Настоящих друзей, с которыми можно было бы посоветоваться, у Париса не было, за исключением слепого певца Гомера. Гомер, уроженец острова Хиос, потерял зрение в сражении с алчными финикийцами, но не утратил при этом свой пыл и время от времени горланил на всю округу поэмы о подвигах — своих и чужих. Он не видел того, что видели другие, зато нередко в подпитии вел беседы с некоей Каллиопой — музой эпической поэзии.

Причиной дружбы пастуха с поэтом было то, что Парис буквально с раскрытым ртом слушал поэмы старого воина, представляя себя на месте великих героев, облаченным в свер-

кающие латы и сжимающим в беспощадных руках смертоносное жало меча... А еще очень способствовало дружбе то, что Гомер не мог видеть женоподобную физиономию Париса и относился к слушателю всерьез.

...Невидящий взор Гомера был устремлен в одну точку. Будь на его месте человек зрячий, он бы увидел запущенный огород, чахлую оливковую рощу за ним и нескольких бестолковых нубийских рабынь с увесистыми амфорами на плоских головах.

Гомер же видел иное. Раскаленное солнцем и яростью поле битвы, капли пота и крови на обветренных лицах воинов... Он слышал стук копыт, плач прелестных вдов и восторженные крики победителей... Он чуял пьянящую смесь запахов крови, лошадиного пота и молодого вина — запах долгожданной победы!..

Именно сегодня он наконец-то уверовал в то, что созрел для создания великой поэмы... Но что взять за ее основу? «Главное — сюжет, — рассуждал Гомер. — Все битвы, в которых я участвовал, происходили за землю, богатства или из-за иных низменных причин. А хочется чего-то возвышенного. Чего?..»

— Гомер, — прервал его грезы голос Париса. — Я решил украсть Елену.

— Прекрасную Елену? — встрепнулся Гомер.

— Прекрасную? — удивился Парис. — А ты-то откуда знаешь, ты же слепой?

— Слеп я глазами, мой брат, но душой, я чувствительней зрячих, — запел Гомер.

Истинно, вечным богиням Елена красотою подобна!
Нет, не осудит никто, если брань ты зачнешь за такую,
Думаю, в деле таком нас поддержит Афина Паллада!

— Неужели? — обрадовался Парис. — А точно?

— Точно, точно, — заверил его Гомер. — Ты, брат, сильно не раздумывай. Я пиит, ты — герой. Я говорю, ты делаешь — понял?..

Почувствовав в ответном молчании Париса неуверенность, Гомер вскочил и заорал:

— Деяние сие воспето будет во всей Эгееде!

Парис испуганно отшатнулся, а проходящие мимо рабыни, побросав амфоры, кинулись прочь, вознося молитвы своим варварским богам.

Заручившись поддержкой старого рапсода, Парис вместе с ним отправился в кузницу Менелая.

Сговориться с Еленой оказалось на удивление просто. Именно сегодня, как, впрочем, и ежедневно, Менелай, вспоминая свои былые ратные подвиги, напился до полусмерти в компании своего военачальника — здоровяка Агамемнона — и уже полдня отдавал дань Гипносу. Елена срывала злость на рабынях, нервно вытирала носы младшим детям и возносила проклятия Дионису.

Тут-то на пороге их дома и возник солнцеликий Парис с букетиком полевых цветочков в дебелой руке.

— Я пришел за тобой, Прекрасная, — сообщил он.

— Ага! — Елена уселась на скамью и принялась раздраженно раскачивать стройной ногой. — В каком смысле?

— В обыкновенном... — не нашелся что ответить Парис.

— Ты что же, дурачок, влюбился? — догадалась Елена.

— Ага, — подтвердил тот.

Елена возвела очи горе:

— Только тебя мне еще не хватало! И ты что же думаешь, я вот так вот возьму и пойду с тобой?! Дурак ты, Парис, Приамов сын, как есть дурак!

Парис окончательно смутился, но тут из-за его спины выдвинулся Гомер и нараспев произнес:

Движет не ум нашей жизнью земной, а богов повеленье,
А не согласна ты с нами, тогда Менелая разбудим...

Нога Елены стала покачиваться еще интенсивнее.

— Тс-с! — испуганно прошептала она. — Если его сейчас поднять, он и кузницу разнесет, и нас всех без разбору к Аиду отправит...

— Разбудим! — настаивал Гомер, повысив голос, и из-за стенки, словно ему в ответ, раздалось сонное, но грозное бормотание Менелая.

Елена вскочила:

— Так вы серьезно?

— А то... — ответил Парис, набравшись смелости.

Елена внимательнее присмотрелась к Парису и вдруг заявила:

Люб ты мне, право, Парис, и пленяешь своим безрассудством
Сердце и тело, отлитые, кстати, отнюдь не из бронзы.
То и другое тебе отдам я... И чад своих, кстати,
Коих число, я надеюсь, тебя, храбреца, не пугает?

Она испытующе глянула в его лицо.

— Не пугает, не пугает, — заверил Гомер.

Парис затаил было:

— Ну-у-у... — Но его уже никто не слушал.

Сборы были недолгими, и вскоре многочисленная плеяда новоявленных родственников Приама, пройдя на цыпочках мимо кузницы, двинулась в сторону дома Гомера. (Вести их к себе Парис, страхась отцовского гнева, не решился.)

Проснувшись и ополоснув лицо холодной водой, Менелай в начале даже обрадовался тишине, царившей в доме. Поставивая и держась за голову, он прошелся по дому и вдруг обнаружил, что отсутствуют не только жена и дети, но и оружие, военные трофеи и кое-какие дорогие вещишки.

С уходом жены он, возможно, и легко смирился бы. Но с этим!.. Ушла она сама (к чему уже давно двигалось дело) или кто-то ее похитил, не в этом суть... Сокровища должны быть возвращены!

...У Агамемнона он застал всю вчерашнюю компанию в полном сборе. Тут был и не блиставший умом, но обладавший недюжинной силищей верзила Аякс, сын Теламона, и славный воитель — обжора Диомед, и, за неимением иных достоинств, считавшийся мудрым, старец Нестор, и хромоногий,

хворый пяткой Ахилл с дружкой Патроклом, и хвастун Одиссей, сын Лаэрты, прозванный за плутовство Хитроумным... И множество иных славных мужей.

Вняв рассказу Менелая, все принялись живо обсуждать, кто явился виновником происшедшего... Вывод был однозначен: все женщины неблагодарны, похотливы и коварны. За это и выпили.

Менелай, найдя понимание, несколько успокоился, но тут очнулся лежавший в стороне на куче соломы Агелай. Приподняв свою усеянную трухой голову, он объявил:

— Это все Парис... — и снова впал в забытие.

Конечно же он имел в виду причину всех своих несчастий: стадо уменьшалось, Агелай стремительно беднел. Но поняли его по-другому.

— Парис, Парис!!! — загомонили сотрапезники.

А хитроумный Одиссей завершил обсуждение фразой:

— Какой еще дурак возьмет Елену...

Менелай побледнел. Такого позора он не испытывал еще никогда. Но его потянувшуюся к мечу руку остановил Нестор:

— Умерь свой гнев, герой. Не так должно великим воинам начинать борьбу за справедливость. Прежде мы должны принести достойную жертву богам и молить их о счастливом исходе.

Веселой гурьбой под предводительством Агамемнона герои отправились в дом Менелая и уничтожили все его запасы вина и еды, остатки принесли в жертву богине семейных уз Гере. Затем навестили дом Агелая и перерезали всех оставшихся быков...

По ходу дела выяснилось, что Елену действительно видели в обществе Париса и чокнутого слепца Гомера. «Их было трое, — повторял в горячем бреду Менелай. — Трое... Трое...»

Несколько дней в жилище Гомера царили мир и спокойствие. Но вот слух о приближении Менелая войска достиг его. Парис в испуге метался по дому и, придя наконец к выводу о

собственной ратной несостоятельности, отправился за подмогой.

Гомер достал кифару и ударил по струнам. Тут же у него родились строки будущей поэмы:

Двинулась рать, и как будто огнем вся земля запылала;
Дол застонал, как под яростью бога, метателя грома
Зевса, когда над Тифеем сечет он перунами землю,
Горы в Аримах, в которых, повествуют, ложе Тифея...

— Да заткнись ты! — заорала на него Елена, как раз осознавшая, какую глупость она совершила. — Без тебя тошно! Главное ведь, не понятно ничего!.. — Она принялась лихорадочно собирать вещи, надеясь, что раскаяние принесет ей пощаду... Но тут открылась дверь.

На пороге дома стоял Парис с толпой заспанных мужчин за спиной, среди коих своим ростом и фамильной тупостью на лице отличался брат Париса — горбоносый Гектор.

Елена обреченно уселась рядышком с Гомером и тихонько всхлипнула. Стало ясно, что так просто ее отсюда не выпустят.

— Эта, что ли? — спросил Гектор, ткнув в нее пальцем и причмокнув.

— Она... — подтвердил Парис.

Гектор не стал выражать своего мнения по поводу внешности избранницы брата, а только напомнил:

— Да-а... Ты говорил, у тебя вина много...

Осушив несколько амфор, Парисовы компаньоны кричали наперебой:

— Да за такую красотку!..

— Да я б и сам!..

— Ну, брат Парис, губа у тебя не дура!

— Прелести полные перси и страстью блестящие очи... — начал было, как на рынке, расхваливать Елену Гомер, но его тут же осадили:

— Заткнись, певец слепошарый!

Внезапно шум и гам прервались стуком в дверь. В полной тишине герой Атенор отодвинул засов, и в дом ввалились парламентарии Агамемнона — Одиссей и сам Менелай.

— Где она?! — прорычал кузнец.

— Кто? — закосил под дурачка Парис.

— Ну, эта!.. — пытаюсь вспомнить, как зовут жену, продолжал буянить Менелай.

Тем временем хитроумный Одиссей, оглядевшись, заметил ряд пустых амфор на полу и полных на столе, облизал пересохшие губы и предложил:

— Поговорим?

Поговорить были не прочь и хозяева.

После пятой амфоры Одиссей, неуверенно поднимаясь, промямлил:

— Ну, мы пойдем?

Но Менелая заикнуло:

— А ЭТА-то где?

— Елена, что ли? — влез Атенор. — Да тут она! Забирай! Добра-то...

— Елена! — ударил Менелай кулаком по столу, вспомнив наконец имя.

Дремавшие мужи повскакали с мест: «Что?», «Кто?», «Почему?!».

— Елену забирает, — пояснил Атенор. — Отдадим?

«Да, конечно...», «Да я бы сам...», «Жена все-таки...» — загомонили собравшиеся, соглашаясь. Но тут поднялся Парис, наслушавшийся увещаний Гомера:

— Или я вас плохо угощал? Или не в этом погребе хранится еще несметное множество амфор?

И устыдились герои. И прогнали с позором послов Агамемноновых. Гомер же выкрикивал им вдогонку:

Кто из двоих победит и окажется явно сильнее, шим,
В дом и Елену введет, и сокровища все он получит!..

Парис запер дом. Войти в него никто не мог, но и выйти тоже. Дом был окружен. Началась осада.

Через некоторое время, устав от безделья и прикончив припасы, войско Агамемнона принялось разорять окрестные усадьбы, причисляя соседей Гомера к союзникам Париса и отбирая вино и скот, якобы для жертвоприношений.

Особо в этих славных походах прославился Ахилл. Хромонного невзрачного юношу принимали за убогого странника и безбоязненно пускали в дом. Беспечные хозяева дорого платили за свою доброту: стоило им отпереть дверь, как вслед за Ахиллом в дом вваливалась орда опухших ратников и чинила там невиданный разгром.

Именно эта тактика навела на смелую мысль хитроумного Одиссея, когда все близлежащие дворы были опустошены и воинство стало роптать. Он предложил:

— А слабо нам построить коня?

— Зачем? — удивилось воинство.

— Слабо, значит? — не унимался Одиссей, сам обалдевая от своей настырности.

— Но почему коня?

— А кого? Слона, что ли?!

— Я видел знамение! — внезапно возопил некто Калхас, слышавший провидцем. — Конь принесет нам победу!

— Вот! — многозначительно поднял палец Одиссей.

На этом прения закончились.

Коня, прямо перед дверью Гомера, наспех соорудил художник Эпей, прищандорив к пустой винной бочке деревянные ноги, голову и настоящий конский хвост. Удостоверившись, что из окна дома за ними не наблюдают, дурашливо хихикая, в бочку забрался сам Одиссей и еще несколько воинов. Остальные отступили на почтительное расстояние и принялись наблюдать.

Затем наступила очередь наученного Одиссеем воина Синона. Ночью он принялся скрести в дверь дома.

— Кто? — сурово спросил его Парис.

Надо сказать, что с появлением во дворе загадочного изваяния, он почему-то чувствовал себя неудобно. Масла в огонь добавило приключившееся в этот день неприятное событие с неким Лаокооном. С ним случилась белая горячка, и в каждом углу ему виделись ужасные черви и змеи. Когда же он увидел деревянного коня, он почему-то пришел в неопишувемый ужас и с криком: «О, погибель нам, погибель!!!» — сунул, чтобы ох-

ладиться, разгоряченную голову в кадку с водой и действительно захлебнулся насмерть...

— Это я, Синон,— простонал лазутчик.— Винца бы мне... Голова раскалывается...

Дверь приотворилась. Вооруженные до зубов друзья Париса подозрительно оглядели окрестности, затем за шкирку втащили Синона в дом и заперлись вновь.

— Винца, говоришь? — оскалился Парис, сильно изменившийся за последние дни.— Дам я тебе винца, но только если расскажешь, что это за идиотского коня вы тут поставили. На что это намек?

— Есть у нас один придурок,— торопливо начал рассказывать Синон,— прорицатель Калхас. Ему привиделось, что у кого есть такой конь, тот и победит... Ты вина обещал...

— Погодь, погодь... А в чем сила этого коня?

— А я откуда знаю?

— Хм... На, пей,— протянул ему кружку Парис.— Сволочь агаемноновская.

— Давай-ка тоже коня построим,— предложил Эней, сын Анхиза.

— Это еще зачем? — удивился Парис.

— Ну-у... Может, правда что-то в этом коне есть?

Синон при этих словах поперхнулся вином и неистово закашлялся.

— Что в нем может быть? — продолжал упрямиться Парис.— Ты что думаешь, они вино в бочке оставили? Жди!

— Вина там нет,— торопливо подтвердил Синон.— У нас вообще вино кончилось...

— Видишь,— устыдил Парис Энея.— А если уж ты такой суеверный, так лучше не строить, а этого коня украсть. А?

— Только не говорите, что это я вам сказал,— попросил Синон.— Агаемнон узнает, пришибет...

— Мы тебя, гнида, и сами пришибем,— успокоил его проснувшийся Гектор.— О чем речь-то?

— Коня надо в дом занести,— веско изрек Парис так, словно это придумал он.

— Давно пора,— одобрил Гектор и принялся натягивать сандалии.

На том история и закончилась. Конь был внесен в дом. А ночью Одиссей и его дружки вылезли из бочки, открыли подпертую изнутри дверь. Воины Агамемнона вломились в цитадель Париса, крепко отделали его и остальных, затем выволокли их во двор, а дом подпалили.

Но Гомер не унывал. Материала для поэмы было теперь предостаточно:

Вместе смешались победные крики и смертные стоны
Воев губящих и гибнуших; кровью земля заструилась.
Словно когда две реки наводненные, с гор низвергаясь,
Обе в долину единую бурные воды сливают,
Обе из шумных истоков бросаясь в пучинную пропасть;
Шум их далеко пастырь с утеса нагорного слышит,—
Так от сразившихся воинств и гром разлился, и ужас...

Что касается Елены, то она после этого долго и счастливо жила с Менелаем. Гектор подружился с Ахиллом и всюду таскался за ним, нередко наступая бедняге на больную пяту...

А Одиссею полюбился мощный голос слепого певца, и он часто брал того с собой на морскую рыбалку. Шум моря, крики чаек и страх перед водной стихией подстегивали фантазию слепого поэта, и однажды он задумал новую великую поэму.

Вот так, по-видимому, все и было. Так что, друзья, если читать мифы внимательно, не сомневаться в том, что в основе их лежат реальные факты, можно почерпнуть из них массу полезного для себя.

Вчитайтесь в «Илиаду», Старшую Эдду, Коран и Новый Завет. Все это было. Было! И происходит сейчас. В каждом нашем доме. В каждом нашем дворе.

Аминь.

СТРАШНАЯ ИСТОРИЯ

Конца августа каждый охотник ждет с нетерпением. Он начищает до блеска ружье, натаскивает до упаду собаку и до одури мечтает о славных трофеях. И вот настает день, когда он и великое множество его собратьев по пуху и перу выезжают на охоту. Завтра, завтра, едва только забрезжит рассвет, начнется такая канонада, что непосвященному может показаться, будто бы началась война...

А сегодня, сегодня охотники на взводе и слегка пьяны. Они тесной кучкой сидят у костра и травят байки. Оставленные за плечами десятки и сотни километров забыты, едва вы прибыли на заветное место. Нередко заветные места совпадают, и охотники бурно приветствуют своих будущих соперников.

Но сегодня, едва стемнело, случилось нечто необычное. К костру молчком подсел одинокий странник. На нем не было ни привычной защитного цвета афганки, ни гордости каждого охотника, настоящего испытанного друга, пристегнутого ножа. Все некоторое время молча смотрят на его одухотворенное

прыщавое лицо, не решаясь начать разговор. Наконец один из присутствующих, прокашлявшись, спрашивает:

— Как дела?

— А...— рассеянно машет рукой странник и, благодарно кивнув, принимает из чьих-то рук кружку с горячим чаем.

— Вы чем-то встревожены? С вами что-то случилось?

— Да,— растерянно ответил пилигрим.

— Может, расскажете? Поделитесь, не держите в себе...

Взмахом головы тот откидывает назад волосы.

— Итак, господа, прошу обратить ваше внимание... на меня. Я расскажу вам страшную историю, которая случилась со мной во время моих скитаний по тайге.

Сгорая от неугасимого пламени познания, я оказался в глухом месте. Случилось это в конце лета. Ночи становились все короче и прохладнее. Я лежал у костра и потихоньку думал, подставляя пламени то один, то другой бок. Вдруг я почувствовал, что за мной кто-то наблюдает. Но свет костра делал темноту еще чернее, и разглядеть хоть что-то не представлялось возможным. И тогда я внутренне собрался, затаил дыхание и приготовился к любым неожиданностям...

Каждая клеточка моего тела была напряжена до предела. Я слышал биение сердца, урчание желудка и гул мозгов. Голубой туман, появившийся словно бы ниоткуда, укутал меня дымчатым одеялом. На небе засверкали звезды, и каким-то словно целенаправленным дуновением ветерка был затушен костер.

Мне стало холодно. Затекшие ноги и руки начали ныть. Но я даже не пошевелился. Так я промучился до самого утра. И только когда начало вставать солнце, я наконец-таки уснул...

— Ну что ж, неплохая история. И давно вы такие рассказываете?

— Вы мне не верите?

— Напротив. Верю, и не нахожу в этом ничего необычного.

— Но ведь история только начинается.

— Ах, вот как. Простите... А что произошло дальше?

— Итак... Когда я проснулся, то с ужасом заметил, что костер снова горит. Уже смеркалось. Я понял, что проспал весь день и вечер. Есть не хотелось, пить тоже. Быстро опускалась

темнота, и я, придвинувшись к костру, начал греть руки. Вдруг я спиной почувствовал чей-то пристальный взгляд. От страха у меня открылся рот и онемел язык. Повернуться я не решился, а сидеть в неудобной позе мне не могло. Поэтому я завалился на бок и пролежал так до самого утра. С первыми лучами солнца я вновь уснул, а когда проснулся...

— Был уже вечер,— предугадал кто-то.

— Нет, что вы. Было уже темно. Я же вам говорил, что это был конец лета, и дни становились все короче и короче...

Итак, я проснулся в полной темноте. Но не успел я открыть глаза, как сейчас же почувствовал, что за мной кто-то наблюдает. И вновь на меня навалился панический страх. Дрожая и стуча зубами, я боролся одновременно с двумя противоречивыми желаниями: мне хотелось есть и в то же время я давно не ходил на двор... И лишь спустя несколько часов, изнуренный внутренней борьбой, я уснул...

— Поразительно. Я весь в нетерпении. Что же произошло дальше?

— Да-да. Продолжайте...

— Я проснулся от жуткого холода, и мне почему-то стало страшно. Я начал лихорадочно складывать вещи в рюкзак. Обернуться назад у меня не хватало духа, и я только стрелял глазами по сторонам. Упаковав снаряжение, я сломя голову кинулся к реке, надеясь там утолить жажду и прочие потребности. Однако удовлетворил их я значительно раньше, не добежав буквально тридцати метров. Волна животного ужаса накатила на меня и повалила на землю. Страшные порывы ветра вырывали у меня из рук спички и уносили их в промозглую темноту. Силы таяли очень быстро, и вскоре я, сраженный смертельной усталостью, уснул мертвецким сном...

— Это невероятно!

— Что?

— Ветер не может вырвать из рук спичку.

— Этот ветер может еще и не такое...

— Так что же с вами случилось?

— На следующее утро я проснулся совершенно голым. Ветер унес всю мою одежду... Я долго ходил и искал, но так и не

смог найти, куда же он ее спрятал... Измотавшись, я прилег и уснул...

— Раздетым? Но как вы остались живы?

— Ночью ветер принес мне чужую. Она была на три размера меньше моей, и при этом женская.

— Я вам не верю.

Распахнув полы плаща, стражник продемонстрировал.

— Вот, кое-что я еще ношу и до сих пор...

— Не может быть! Вы нас обманываете.

— Если бы я вас хотел обмануть, я бы сказал: «Глядите!» Вы бы обернулись, а я над вами вульгарно смеялся и тряс ногами.

— Допустим. Так что же было дальше?

— Я снова уснул...

— Не слишком ли вы много спите?

— Диалектика! В экстремальных условиях организм способен и не на такое...

— Так что же с вами случилось дальше?

— Когда я проснулся, то не почувствовал под собой земли. Скосив взгляд, я разглядел под собой лишь облака... Я захотел присмотреться получше, но стоило мне перевернуться на бок и наклониться, как я начал падать...

— Не может быть...

— Закон физики... Тогда я вновь лег на спину и устремил свой взгляд ввысь...

Он опустил голову и задумался.

— Почему вы замолчали? — не выдержав, спросил кто-то.

— Я хочу есть. У вас есть нектар и амброзия?

— Откуда? Хотите ухи?

— Я не ем уши.

— Это не уши, а уха — рыбный суп. Вкусный.

— Простите. Я совсем заболтался с вами. Мне пора спать.

— И каков же финал вашей истории?

— Печальный. Я не знаю...

— То есть как? Вы нас что, водили за нос? Вы над нами издевались?

— Нет. Просто у этой истории нет финала...

Стражник внезапно встал и ушел в темноту ночи.

— Куда он пошел? — недоуменно произнес один из охотников.

— Он пошел спать...— ответил ему другой.

— Ах да... Ой! — Охотник перешел на шепот.

— Что случилось?

— Тебе не кажется, что на нас кто-то смотрит?

— Кажется... Не шевелись...

Они некоторое время сидели не шелохнувшись, после чего, неуклюже завалившись на бок, заснули.

ДАНИЭЛЬ КЛУГЕР

НЕВЕРОЯТНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ КАПИТАНА ВАН-СТРААТЕНА

1

— Координатор Ролл! Вы стоите перед судом Высшего совета координаторов. Суд призван установить степень вашей виновности в инциденте. Вам известно об этом?

— Да.

— Имеются ли у вас какие-нибудь заявления, дополнения, пожелания?

— Нет.

— Прекрасно. Тогда приступим к расследованию. Координатор Ролл, планировался ли данный эксперимент с самого начала?

— Нет.

— Кто в таком случае инициатор проведения?

— Я.

- Вы отдавали себе отчет в том, что эксперимент опасен?
- Смотря что считать опасным.
- Согласно параграфу тридцать шестому Устава координаторов, опасным считается эксперимент, который может вызвать нежелательные последствия для разумных существ, находящихся в любой части Вселенной.
- Смотря кого считать разумным.
- Вам известно, что существа, пострадавшие в результате вашего эксперимента, признаны Высшим советом координаторов разумными?
- Допустим.
- Да или нет?
- Допустим, да.
- Что же вас толкнуло на это?
- Любопытство.

2

— А я говорю тебе еще раз, Ван-Гульд.— Капитан грохнул кулаком по столу так, что глиняные кружки станцевали залихватский танец.— На бриге один хозяин — я, понял? Твое дело — передать товар и получить товар, и убей меня гром, если я лезу в твои дела. И ты в мои не суйся. Я этого не люблю.— Красное лицо капитана стало еще краснее. Он залпом проглотил полную кружку густого темного пива.

Ван-Гульд обреченно посмотрел на его вконец осовевшее лицо и в который уже раз начал мысленно проклинать компаньонов, посоветовавших ему зафрахтовать — подумать только, на целых три рейса! — судно капитана Ван-Страатена. Он с удовольствием проделал бы это вслух, но кулаки Ван-Страатена весьма напоминали пушечные ядра. Как, впрочем, и мозги. Правда, руки двигались куда быстрее. Во всяком случае, так полагал Ван-Гульд.

— Еще не было так, чтобы я кого подвел,— мрачно прогудел Ван-Страатен в опустевшую кружку.— Если я сказал, что товар будет доставлен в срок, значит, он будет доставлен в срок.

— Но, капитан,— еле сдерживаясь, произнес Ван-Гульд,— вы должны были сняться с якоря в прошлую среду. Сегодня уже понедельник...— Он покосился на часы, висевшие над стойкой.— Нет, сегодня уже вторник.

Ван-Страатен с трудом разлепил опухшие веки и тупо воззрился на купца.

— Ну и что? — спросил он.

— Как — ну и что?! — не выдержал Ван-Гульд.— То, что вы, старый пьянчуга, шестой день безвылазно сидите в «Зеленом Якобе» и хлещете пиво!

Звук, который после небольшой паузы издал Ван-Страатен, больше походил на рев кита. К счастью для купца, острота зрения капитана была здорово притуплена пивом и ромом. Пустая фляга пролетела в добром дюйме от головы Ван-Гульда и с оглушительным треском разбилась о стену. Заминка дала возможность отчаявшемуся негоцианту вскочить на ноги, а заодно и перевернуть тяжелый дубовый стол. Но далеко убежать ему не удалось. Ван-Страатен ухватил его за шиворот и затряс.

— Это я — старый пьянчуга?! — заревел он.— А ты знаешь, крыса сухопутная, что я сейчас с тобой сделаю?

Увидев совсем близко налитую кровью физиономию капитана, Ван-Гульд понял, что пропал. Но гордость и на этот раз не дала ему промолчать.

— А... кто... же... вы...— просипел он полузадушенным голосом.— Вы... старая... пивная... бочка...

Эти слова должны были стать его последними словами. И стали бы, если бы высокому матросу, сидевшему за соседним столиком, не надоел шум, производимый Ван-Страатеном. Матрос поднялся и без особых церемоний влепил пустой глиняной кружкой капитану по голове.

Ван-Страатен немедленно отпустил полузадушенного купца, послушно и расторопно вытянулся на грязном полу, закрыв глаза. Ван-Гульд, только что беспомощно дергавший ногами в полуфуте от пола, упал рядом с капитаном.

Матрос плеснул ему в лицо пивом. Ван-Гульд пришел в себя.

— Вы его заставьте,— посоветовал матрос.— Я тут краем уха слышал ваш разговор. Теперь, чтобы успеть, ему придется огибать мыс Горн, а там не сегодня-завтра начнется сезон дождей, так что плакали ваши денежки. Мыс Горн...

— А чихал я на ваш мыс Горн,— неожиданно спокойным голосом сообщил Ван-Страатен, все еще лежавший на полу.

— Слава Богу, ожил! — обрадовался Ван-Гульд. Он вскочил на ноги, засуетился возле капитана.

Ван-Страатен перевернулся на бок, подпер голову рукой. Ван-Гульд побежал к стойке за пивом.

— Что-то у меня голова разболелась,— меланхолично сказал капитан.— Это все погода, чтоб ее черти взяли! — Он тяжело вздохнул, поднялся и, покачиваясь, пошел к стойке. Ван-Гульд подал ему кружку пива. Ван-Страатен взял кружку и повернулся к матросу. Его глаза разом налились кровью.

— Эй, Анс! — крикнул он.— Что ты там болтал о мысе Горн?

— А ничего, капитан. Просто так. Вспомнил я, как мы с тобой болтались там год назад. Когда я был у тебя матросом, помнишь?

— Подумаешь,— буркнул Ван-Страатен.— Чихал я на чертов Горн.

— Смотри, дочихаешься.

— До чего я дочихаюсь? — с пьяным упрямством спросил Ван-Страатен.

— Богохульник ты. Смотри, нечистый тебя за язык схватит.

— А чихал я на твоего нечистого,— фыркнул капитан.

К ним подбежал Ван-Гульд.

— Так как же, капитан? — спросил он.— Когда вы отчаливаете?

Ван-Страатен пьяно рассмеялся.

— Завтра! — гордо сказал он.

Ван-Гульд облегченно вздохнул.

— Так я могу надеяться? — спросил он еще раз на всякий случай.

Капитан кивнул.

— И катись,— посоветовал он.— Ты у меня в печенках сидишь.

Ван-Гульд тут же растаял.

Анс осуждающе покачал головой.

— Эх, капитан...

— Что «эх»? Что «эх»? А вот завтра же и выступлю. И провалиться мне на этом месте, если не обогну этот чертов Горн два... нет, три раза! Слышишь? Трижды обогну чертов мыс! Не веришь?

— Нет.

— Пари?

— На сколько?

— На сотню.

— Идет.

— Считай, что деньги у меня в кошельке,— заявил капитан.— Эй, хозяин, еще пива!

3

— Координатор Ролл! Суд Высшего совета координаторов завершил предварительную процедуру. Двигаемся дальше. Суд не понимает сути эксперимента. Прошу вас, координатор.

— Наша лаборатория разрабатывала проект пространственно-временного туннеля.

— Цель?

— Контакт с параллельными мирами.

— Продолжайте.

— Мы завершили лабораторные разработки и приняли решение провести первый эксперимент в естественных условиях.

— Почему не был извещен Высший совет координаторов?

— Он бы не разрешил.

— Продолжайте.

— Туннель вышел в необитаемой точке планеты параллельного мира.

— Необитаемой?

— Во всяком случае, предыдущие исследования показывали, что жители планеты избегают этот район. Кто ж мог предположить, что чертов голландец окажется именно там?!

4

— Капитан! Нас сносит!

Ван-Страатен свирепо уставился на помощника.

— Какого черта вам нужно в моей каюте?

— Нас сносит,— повторил помощник. С его плаща и шляпы лилась вода.— Погода свихнулась.

— Плевать мне на погоду, ясно? Вы, молокосос, сидели бы лучше под маминой юбкой! — Ван-Страатен отшвырнул помощника и рывком распахнул дверь каюты.— Боцман! — заорал он изо всех сил, но его голос был еле слышен за свистом ветра и грохотом тяжелых, свинцово-черных волн.— Боцмана ко мне! — проревел капитан.— На мачты, дармоеды! — Это касалось матросов, сгрудившихся у грот-мачты.— Хотите, чтобы нас перевернуло? Где боцман?

— Смыло боцмана,— мрачно ответил кто-то из матросов.

— Туда ему и дорога, раз в жизни напьется воды вместо рома. Ну? — Он выхватил из-за пояса пистолеты.— Кто хочет за ним? Только с порцией свинца в придачу?

Матросы полезли по вантам.

— Убрать паруса! — кричал Ван-Страатен, размахивая пистолетами.— Я сказал, что трижды обогну этот чертов мыс, и я сделаю это! Буду болтаться по морям хоть до Страшного Суда, и чтоб я сдох, если не обогну его трижды! Слыхали? Трижды! Черт меня побери!

Только он вымолвил эти слова, как случилось такое, что рыжая шевелюра Ван-Страатена приподняла шляпу, а пистолеты выпали из разом ослабевших рук.

— Святая Дева...— прошептал он, вытаращив глаза.— Господи Иисусе...

Верхушки мачт внезапно засветились ярким бело-голубым светом.

Матросы посыпались на палубу и испуганно столпились вокруг капитана.

— Я тебе говорил, Ван-Страатен,— едва шевеля губами, произнес один из матросов.— Говорил я тебе: не гневи Бога. Вот тебя и поймали на слове.

— К-кто? — очумело спросил Ван-Страатен, не отрывая взгляда от мачт, которые светились ровным мертвенным светом.

— Кто-кто, будто сам не знаешь.

— Плохи дела. Бежать надо,— хрипло сказал другой матрос.— Пока не поздно.

И, растолкав других, бросился к борту.

— Стой, куда? — крикнул капитан. Но матрос не оборачиваясь махнул рукой, быстро перекрестился и прыгнул за борт.

И тогда произошло второе чудо. Не долетев до воды, матрос словно уткнулся во что-то упругое и невидимое, и какая-то сила мягко забросила его назад на палубу.

Это окончательно подкосило Ван-Страатена и остальных. Не сговариваясь, они разом упали на колени и начали громко молиться. Молитва была очень путаной, все давным-давно забыли слова, да и последние события заставляли зубы выстукивать неритмичную дробь. Но крестились они размашисто и старательно — вряд ли была в эти минуты на земле молитва более искренняя.

Наконец все медленно поднялись с колен.

— Что это с морем? — с ужасом прошептал Ван-Страатен.

Тяжелые серо-свинцовые валы, как и раньше, вздымались и опускались, поднимая мириады брызг, но ни одна капля не долетала до палубы судна. И ни один звук не долетал до слуха моряков, как будто судно было обтянуто непроницаемой пленкой.

— Похоже, мы стоим, капитан... — растерянно сказал кто-то из матросов.

Действительно, палуба была неподвижна. Однако судно не стояло. Оно плавно и быстро скользило по верхушкам волн — прочь от неприступного заколдованного места.

5

— Координатор Ролл! Что произошло с разумными существами, оказавшимися внутри силовой сферы?

— Ничего. Разве что немного замедлилось течение времени.

— Мы считаем, что ваши действия причинили вред слабо-развитым разумным существам. В то же время вы не желали этого. Учитывая вышесказанное, суд считает необходимым освободить вас от каких бы то ни было работ, связанных с созданием пространственно-временного туннеля.

— На какой срок?

— На три галактических года. Кроме того, вам надлежит скорейшим образом снять блокировку и раскапсулировать транспортное средство обитателей планеты, попавших в силовую сферу.

6

— Мир вам, капитан.— У матроса было такое постное выражение лица, что Ван-Страатена затошнило. Но он сдержался и сказал с милостивой улыбкой:

— Не капитан, любезный брат мой, а смиренный брат Ван-Страатен. Давно следовало избавиться от прежних привычек. Молились ли вы сегодня, братья, о спасении наших душ?

— Целую ночь.— Матрос с видимым усилием поборол тяжелый вздох.— Как и все прежние ночи.

— Когда-нибудь Господь услышит наши молитвы и пошлет нам спасение,— вслух подумал капитан,— и хотя бы глоточек пива. Нужно только набраться терпения и покорно ждать.

— Мы ждем, брат Ван-Страатен. Мы ждем.

Капитан вышел на палубу и при виде матросов с непокрытыми головами торжественно перекрестился.

— Братья! — гроыхнул он. Века путешествий и постоянное пение молитв так и не смогли придать его голосу оттенок

елейности.— Вот и еще один день Божьей кары миновал. Сколько их будет, нам неизвестно. Но мы...— Он не договорил. Судно качнулось и тяжело ухнуло в яму между волнами. Соленые брызги ударили Ван-Страатену в лицо.

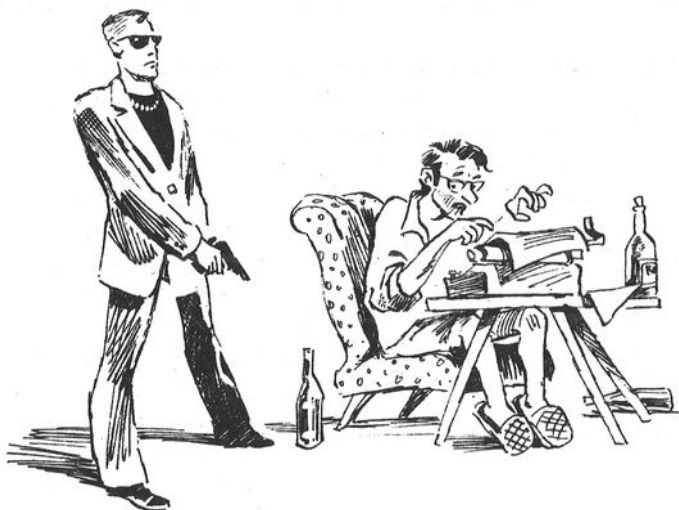
— Что это?..— растерянно спросил один из матросов.

— Что?! — радостно закричал Ван-Страатен.— А то, бараны ваши головы, что наши молитвы дошли до того, кому они предназначались! И если вы хотите увидеть берег, то по местам, дети мои, сто чертей вам в печень! Ставь паруса!

...Моряки больших океанских лайнеров, стоявших в Антверпене, изумленно наблюдали, как швартовался удивительный трехмачтовый бриг. А Ван-Страатен, ступив наконец на родной берег, подумал: «И все-таки я обогнул этот проклятый мыс. Трижды обогнул. Выиграл заклад.— Он тяжело вздохнул.— Только с кого же я его получу? Э-эх!.. А все мой язык».

И, горько жалуясь на судьбу, бывший Летучий Голландец поплелся к ближайшей пивной. В голове его гудело трехвековое похмелье.

АЛЕКСАНДР ГРОМОВ

ВСЯК СВЕРЧОК

Героям космических боевиков посвящается

Шаг. Еще шаг. И звенят цепи.

Опять? Ну да, опять. Как будто нельзя было подождать еще немного. Ничего, сейчас я приду в себя и выясню, где я и что со мною можно сделать. А цепи все звенят.

Я еще плохо видел, но по долготу, сопровождавшему нудный стук шагов эху понял, что дорога ведет через горы. Кажется, уже наступил рассвет; в такое время нынешнее белое светило, сегодня заметно более крупное, чем вчера, только набирает размах, готовясь к взлету над хребтом, а два его карликовых спутника, желтый и оранжевый, стараются вовсю, раскрашивая вершины радостными красками,— но когда наступит полдень и тройное солнце выползет в зенит, тогда все будет иначе: карлики исчезнут в короне главной звезды, снежные пики вспыхнут нестерпимым блеском и безжизненные склоны за-

льет ровный мертвенный свет. Вот тогда начнется самое трудное: сколь ни жмурься, а к вечеру резь в глазах станет невыносимой и воспаленные веки будут царапать глазные яблоки, как крупный наждак. Нет, утро куда лучше. Глаза пока не болят, темп движения невысокий, и, когда прекратится озноб, оставленный на память убийственным холодом ледяной ночи, я на короткое время пожалею, что не родился поэтом, чтобы описать великолепную игру красок на гребнях гор, тонкие струи водопадов, срывающихся с далеких скальных уступов, и мучения поэта, который будет подбирать слова, и окажется, что нужных слов как раз и нет. Ну, нет так нет, и, значит, можно написать куда короче, к примеру так:

...Дорога петляла среди гор в нескончаемом подъеме. Колонна осужденных понуро двигалась вперед. Время от времени позади сухо шелкал выстрел: конвойные добивали отставших...

Вот и все. Более чем достаточно. И я подозреваю, что именно так и будет написано. Дело в том, что...

Трах! Не дали довести мысль до конца. Выстрел. Ну вот, что я вам говорил.

Я оглянулся. Позади густо вставала пыль, поднятая сотнями ног, но сквозь пылевую завесу было видно, как двое охранников тащат тело убитого к краю обрыва. Люди в колонне, втягивая головы в плечи, невольно ускорили шаг. Но надолго их не хватит, через некоторое время усталость возьмет свое, кто-то отстанет и тогда снова прозвучит выстрел. В хвосте колонны, как всегда бывает, идут самые слабые и измученные и, может быть, самые счастливые из всех осужденных, потому что они не увидят рудников, им не дойти даже до перевала, они это знают и, наверное, понимают, что лучше уж сразу,— но идут, идут...

Тело убитого было сброшено вниз. Оно будет долго лететь, переворачиваясь в воздухе, ударяясь о выступы скалы, и в конце концов достигнет дна. И пока колонна не дойдет до рудников, многим придется испытать ту же участь. Но только не мне. Потому что это было бы слишком просто...

...Цепь, сковывавшая руки, больно врезалась в кожу. Чтобы отвлечься, Орк считал шаги. Через каждые пятьсот он разминал затекшие пальцы на руках, предчувствуя, что руки еще понадобятся, и осторожно скашивал глаза в сторону шедшего справа охранника. Следовало выждать удобного момента...

Итак, начало положено. А Ури Орк — это я. На сей раз я родился в колонне осужденных на бессрочную каторгу, а значит, максимум на полгода, больше никому не выдержать. Не самая приятная стартовая позиция, но прежде бывало и похуже. И я скован цепью, иными словами — буйный и склонен к побегу. И охранник, тот самый, что справа, при первой возможности подстрелит меня с особенным удовольствием, да только успеет ли? И то, что он, держа карабин под мышкой, преспокойно шагает на полпути между мной и обрывом, говорит очень о многом. Например, о том, что он болван, каким по авторскому замыслу и полагается быть охраннику, и еще о том, что мне действительно предстоит попытка побега с этапа, откуда не убегал еще никто, да еще самым прямым и недвусмысленным путем — в пропасть.

Будь моя воля, я подождал бы более реального шанса. Это он думает, что я не боюсь высоты. Автору позволено многое. Впрочем, пока все верно: высоты я действительно не боюсь. Но из этого факта он, кажется, намерен вывести заключение о том, что я не боюсь и падать с любой высоты. А это совсем другое дело.

Так или иначе, мое рождение состоялось, и снова в роли главного героя, другой роли я не знаю. Это ко многому обязывает, поэтому теперь хорошей жизни не жди. К финишу я, скорее всего, приду полумертвым, но в конце концов верх будет за мной. Это неизбежно. Меня не убьют, не искалечат непоправимо, не выбьют мозги, сделав идиотом. Ничего этого не случится, зато о погонях, драках, прекрасных дивах и хитрых головоломках можно сказать с уверенностью: что-то будет. Если особенно не повезет, то будет все сразу.

Какое же это рождение по счету: двадцатое или двадцать первое? Надо же, сбился. Ну ладно, пусть двадцать первое. Вы-

водок рассказов с общим героем — мною. Да, еще был роман и, кажется, имел успех, но о романе вспоминать не хочется, на то есть свои причины. Нет, герой — это замечательно. Главный — тоже неплохо звучит. Но главный герой у моего автора — это мускулистый мальчик для битья. И бьют больно.

...В полдень жара дошла до высшей точки. За спиной все чаще гремели выстрелы — конвойные, одетые в охлаждавшие костюмы, не знали пощады. Идущий, вернее, плетущийся рядом с Орком молодой осужденный вдруг остановился с широко раскрытыми невидящими глазами, пошатнулся и упал под ноги остальным. Из рта его хлынула темная кровь. Один из охранников, не сбавляя шага, вскинул карабин, прищурился и пустил пулю в уже мертвое тело. Орк шел, трудно дыша сквозь стиснутые зубы, и поднятая колонной пыль скрипела на зубах...

Здесь «он» прав, я действительно трудно дышу и мне тяжело, потому что корявая фраза о жаре, дошедшей «до высшей точки», хотя и метафорична, но тем не менее не допускает двоякого толкования. Очевидно, имеются в виду пределы человеческой теплостойкости. Впрочем, это не важно. Если он заявит, что жара превзошла эти пределы, ничего особенно не изменится. Затем я на время отключаюсь, потому что автор решил больше не темнить и кратко рассказать обо мне — этакий небрежный реверанс в сторону олухов, не читавших предыдущих рассказов, — а заодно и прояснить ситуацию.

Короче говоря, я — Ури Орк, в редких случаях — Уриэл Оркад, положительный герой-всегда-остающийся-в-живых, неизвестно — блондин или брюнет, выше среднего роста, мужеска пола и неопределенного зрело-молодого возраста. Цвет глаз серый, оттенка нержавейки, подбородок квадратный. Часто — очень квадратный. Иногда подбородок есть то единственное, из чего состоит мое лицо. Вынужденно спортивен. Любим женщинами за характер и твердые бицепсы (о трицепсах автор забыл, поэтому трицепсов у меня нет). Мастерски владею любым оружием и хотя часто успеваю выстрелить толь-

ко вторым, но попадаю в цель, как правило, первым. Главное занятие и смысл жизни — борьба с мировым Злом, поскольку убежден, что Добро безгранично, а Зло имеет предел, до которого я пока что не добрался. Кроме того, охотно занимаюсь перевозкой грузов на собственном звездолете. Беру наличными и вперед.

Как оказалось, на этот раз я взялся транспортировать обогащенную руду с Дилии XXIII и после очередного внепространственного прыжка был занесен во враждебное пространство, охранявшееся весьма строго. Убедившись на месте, что картина сигма-поля совсем не та, я осознал свой промах и, не решившись на немедленный повторный скачок, после которого меня с большой степенью вероятности могло бы занести в неизведанную область Галактики, продолжил полет, надеясь вырваться на форсаже плазменных двигателей. Разумеется, я понимал, что попираю все местные законы, если таковые существуют, но как хотите, а есть во мне некая изначальная злонамеренность, герой-всегда-остающийся-в-живых просто обязан быть немного злонамеренным, иначе получается несколько пресно. Как и следовало ожидать, я попался, оказав сопротивление при аресте. Груз был конфискован в пользу здешней империи, звездолет, получивший серьезные повреждения, продан на слом, а я был приговорен к смертной казни, милостью Верховного распорядителя замененной пожизненной каторгой на радиоактивных рудниках отдаленной планеты, имеющей странное название — Бражник.

Следовало признать, что влип я основательно. Империя, в чьи владения я вломился без приглашения, давно торчала костью в горле всего прогрессивно настроенного человечества и пыталась распространить свои феодальные порядки на всю обитаемую Вселенную. Назревала война. Империя накапливала силы, и все большие массы рабов и проштрафившихся вассалов сгонялись на Бражник, находившийся на краю владений империи и являвшийся ее главной сырьевой базой.

Как не замедлило выясниться, Бражник не имел постоянного солнца и располагался в тесном звездном скоплении. Эта обобществленная планетка кочевала от звезды к звезде, двига-

ясь по сложной незамкнутой траектории, что обуславливало резкие изменения климата и отсутствие сколько-нибудь специализированных форм жизни. Зато гигантские тектонические разломы, явившиеся следствием чудовищных приливных сил, сделали планету богатейшей кладовой разнообразнейших руд редких элементов. Какую-то из этих руд мне и предстояло ломать в неведомой радиоактивной шахте всю оставшуюся жизнь, то есть (или я уже говорил об этом?) недолго. Когда нынешнее белое светило, поиграв Бражником и раскрутив его, как метатель молота раскручивает дурацкий свой снаряд, запустит планету в неизвестном направлении, начнется многомесячная ледяная ночь и основная часть каторжников попросту вымерет от холода. Если до того времени не сдохнет от радиации. Потому-то так торопят охранники, привала не дают — жми, пока солнышко светит. Кто там опять отстал? Трах!

...Это был убийственный марш. После полудня, когда одолели перевал, число людей в колонне уменьшилось на треть. Несмотря на то что самая трудная часть пути осталась позади и начался монотонный спуск, заключенные едва волочили ноги. Орк чувствовал, что сильно устал, но не позволял себе расслабиться. Мысль о том, что с рудников бежать невозможно, держала его в напряжении. Оставалось либо смириться, либо предпринять отчаянную попытку побега раньше, чем колонна достигнет рудников. Следовало лишь дождаться удобного случая...

Я начинаю звенеть своей цепью, вызывая гарпийским кодом: «Побег, побег, побег...» — в расчете на то, что среди моих соседей по колонне найдутся люди с Гарпии IX. Мне может не повезти, и один раз я едва не срываюсь на вульгарный тюремный код. Его знают многие, но наверняка он известен и охранникам. И я продолжаю названивать по-гарпийски.

Наконец один мой спутник откликается. Он идет впереди меня, и, когда оборачивается будто бы невзначай, я вижу его лицо, квадратную и мясистую ряшку типичного гарпия с трехнедельной щетиной до поросячьих глаз. На нем нет цепей.

Он едва заметно кивает и выщелкивает пальцами ответ: «Сам ты кретин!» Он не верит. Пальцы у него короткие, но шелкают что надо, даже слишком громко, потому что ближайший охранник обращает на него внимание, берет карабин наизготовку и нехорошо усмехается. Будет стрелять или нет?

Ну вот, теперь он смотрит на меня, смотрит с прищуром, и мушка его карабина ползет в мою сторону. Почему в мою? Зачем это нужно автору? Вот гад, сейчас ведь выстрелит. Пока не поздно — усыпить его бдительность! Вот та-ак. Ноги заплетаются, голова безвольно поникла. Вот я спотыкаюсь, чуть не падаю и всем своим видом выражаю животный страх и томление души. Охранник доволен. Он презрительно сплевывает и отворачивается. Тем временем мои ноги, отчаянно заплетаясь, начинают дрейф в его сторону. Через минуту я уже нахожусь на правом фланге колонны, теперь один хороший прыжок, и... Неужели ласточкой с обрыва?

...Обломок скалы качнулся под ногой охранника и, едва тот успел отскочить, рухнул вниз, увлекая за собой камни помельче. Секунду спустя за кромкой обрыва уже грохотала лавина катящихся вниз камней, и Орк в мгновение ока понял, что в этом месте под дорогой нет пропасти с отвесными стенами, а есть каменная осыпь. Это давало надежду на спасение.

Но что, если он ошибся? Тогда на дне ущелья останется исковерканный труп. Орк не колебался ни секунды. Неожиданно для конвоя...

У моего автора всегда «неожиданно». Или «вдруг». Иногда — «внезапно». Это неперенный атрибут жанра. «Неожиданно» на моем пути встает препятствие, «вдруг» я вижу прекрасную незнакомку и замираю в стойке, «внезапно» — ой! — я проваливаюсь в люк и т. д.

...предостерегающий крик. Орк прыгнул на ближайшего охранника, вложив в удар весь остаток сил. Цепь, сковывавшая его руки, опустилась на череп конвойного...

А я еще терялся в догадках: зачем меня с попушения автора сковали такой длинной цепью? Оказывается — вот зачем.

...Охранник дернулся всем телом и осел в пыль, но не успел он упасть, как Орк завладел его карабином. Закрываясь охранником как щитом, Орк успел отстегнуть от его пояса патронную сумку, сорвал тяжелый солдатский нож в ножнах и, отпустив обмякшее тело...

В одно мгновение я обобрал охранника до нитки и, прежде чем ошарашенный конвой успел что-либо предпринять, изо всех сил прыгнул...

...вниз с обрыва. Ему казалось, что падению не будет конца.

Удар. Переворот через голову. Орк успел ухмыльнуться: здесь все-таки была осыпь. Потом ему стало не до ухмылок. Камни рвали его одежду, а он продолжал катиться по почти отвесному склону, пытаясь прикрыть голову скованными руками. Следом с рычанием и яростными проклятиями, цепляясь за все подряд, катился гарпиец. Орк, сжавшись, ждал сокрушительного удара о дно ущелья, но удар неожиданно оказался менее сильным, чем он думал: камни на дне густо поросли толстым слоем мха и лишайника...

В этом весь автор. Когда ему нужно, и соломки подстелит. Помню, как-то раз я был выброшен из летящего на границе тропосферы флаера, и что бы вы думали — упал в пруд и выплыл.

Я не люблю моего автора. Он много на себя берет. Например, ему кажется, что он умеет писать. Это заблуждение. Он умеет выдумывать сюжеты, и, честное слово, мне жаль, что я обязан ему своим рождением. А ведь встречаются, встречаются люди, достойные зависти, имеющие порядочных родителей — взять хотя бы добрейшего старину Ийона или, к примеру... Черт, где это я?

Снова в воздухе и стремительно куда-то падаю. Все понятно. Автору почему-то не нравится предыдущий кусок, и, значит, мне предстоит дубль номер два. Скомканный лист летит на пол, а я лечу к осыпи и готовлюсь повторить номер «катится-катится Колобок...». Позади снова рычит и сквернословит гарпиец, но теперь его ругательства звучат куда как вятно. Вот оно что: автору захотелось колоритных выражений. Гм... длинно и как-то не по-русски. Ну, естественно. Пока проговоришь такую фразу, пролетишь полкилометра. И вот еще что интересно: как автор собирается вставлять эти проклятия в текст? Внимание читателя сосредоточено на мне, следовательно, гарпийский фольклор нужно давать через мое восприятие — а что можно воспринять, кубарем катясь по откосу? Я злорадно ловлю автора на несообразности, втайне надеясь, что он ее не заметит — иначе, чего доброго, последует дубль номер три.

Однажды он заставил меня выдержать девять дублей. Сцена была проста: я душил за толстую шею здорового четырехглазого монстра, а монстр кинжалом, выхваченным у меня же из-за пояса, выпускал мне кишки. К концу девятого дубля кишки кончились, и автор вернулся к первоначальному варианту. В довершение всего какая-то неопрятная монашка из орбитального монастыря зашивала мне живот пять раз подряд. Пять! И разумеется, без наркоза, взамен которого весь клир с воодушевлением тянул псалмы в честь Мирового Разума с поминанием пророка Гегеля и неизвестного мне великомученика Хубилайнена. Задушенный таки монстр оказался слабым утешением, но эту подачку автора я принял. А что мне оставалось делать?

Справедливости ради должен сказать, что такое с ним случается редко. Вряд ли он привык задумываться над тем, что пишет.

...Лежа за валуном, Орк прислушался. Сверху доносилась стрельба: конвой расправлялся с теми несчастными, кто рискнул последовать примеру беглецов. Это не заняло много времени. С обрыва на осыпь не прыгнул больше никто, Орк и гар-

пиец оказались единственными спасшимися. Спасшимися ли? Сжимая до боли зубы, Орк осторожно выглянул из-за валуна, и тут же в валун ударила первая пуля. Над кромкой обрыва появились фигуры охранников. Перекатившись к противоположному краю валуна, Орк вскинул карабин и выстрелил. Град пуль был ему ответом. Он выстрелил снова, не целясь. Часть охранников залегла, остальные рассредоточились по обрыву, стараясь свести к минимуму непростреливаемый участок за валуном. Это им удалось, и вскоре пули стали плющиться о камни совсем рядом с беглецами. Неожиданно выглядывая из своего укрытия каждый раз в новом месте, Орк вел беглый огонь...

Я не особенно целился. Все равно мои пули полетят туда, куда их направит автор. Пока что он направлял их довольно точно: трое охранников скатились вниз и остались лежать среди каменных глыб. Я мельком взглянул на гарпийца — тот лежал, скорчившись, как эмбрион, за своим валуном шагах в двадцати от меня. По нему тоже постреливали, но как-то лениво. Им займется позже, когда разделяются со мной.

А дальше что? Вот так мы и будем лежать до вечера? У меня не хватит патронов, чтобы продержаться до темноты. Или автор вдруг решил дать охранникам меня поймать?

...При этой мысли Орк покрылся холодным потом. Лучше было не думать о том, что они сделают с пойманным беглецом. Он в отчаянии пробежал взглядом по голым скальным стенам ущелья. На противоположном склоне в тени скалы — должно быть, поэтому Орк заметил его не сразу! — темнело неровное пятно.

Пещера!

Спасение. Жизнь.

Но до пещеры еще нужно добраться...

Он выстрелил трижды подряд и, пригибаясь, кинулся к соседнему валуну, надеясь только на внезапность своего броска. Ошарашенные охранники открыли огонь слишком поздно,

когда Орк уже был в новом укрытии. Гарпиец следил за ним непонимающим взглядом.

— Прикроешь! — крикнул Орк, указывая на пещеру. — Лови! — Точно рассчитав, он перебросил карабин гарпийцу. Теперь оставалось рассчитывать только на собственную ловкость...

И на меткость гарпийца. Гарпийцы все неплохие стрелки, а этот, пожалуй, из лучших... В одном из предыдущих рождений я не поладил с аборигенами Гарпии и был превращен ими в решето. В благодарность я спас их планету от нападения эскадры космических канныбалов и основал на Гарпии школу снайперов имени Орка Великодушного, с девизом, взятым из широко издаваемого на планете цитатника Ури Орка: «Разуй глаза и смотри, в кого стреляешь».

Я перебегаю за соседний валун. Теперь моя очередь прикрывать, и гарпиец бросает мне карабин. Он летит, мотая ремнем и крутясь в воздухе, как палка. Я ловлю. Делая короткие перебежки, мы все ближе подбираемся к пещере. Остается последний бросок. Охранники нервничают и в который уже раз промахиваются. Институтки! Если я правильно понимаю, сейчас мне нужно снять вон того долговязого, что торчит столбом на правой скале, не давая мне прорваться в пещеру, и тщательно целится — но конечно же промахнется. Цельюсь и я.

...Долговязый взмахнул руками и покатился вниз. Путь был свободен.

Гарпиец на несколько прыжков опередил Орка и был уже в безопасности; Орк бежал к пещере, не чувствуя под собой ног. Мешали камни, ноги скользили по валунам, сдирая с них моховой покров. Орк выкладывал последние силы. Ему не хотелось думать о том, что будет, если нога вдруг застрянет между камнями. Спасительная тень пещеры была совсем рядом...

Залп! Пули с визгом расплющились о камни у его ног. В следующее мгновение Орк был уже в пещере.

Свобода? Или всего лишь продление жизни на несколько минут?

Теперь спасение было в том, чтобы найти второй выход из пещеры раньше, чем его блокируют охранники. Если, конечно, второй выход существует...

Гарпиец мчался впереди, и Орк, задыхаясь от сумасшедшего бега, изо всех сил старался не отстать. В слабеющем свете быстро удалявшегося входного отверстия пещеры, отраженном ледяными сводами, фигуры беглецов походили на две стремительно несущиеся бесплотные тени...

Впереди донесся глухой удар: одна из бесплотных теней в потьмах нашла головой сталактит. Гарпиец взревел, как медведь, и, не прерывая бега, схватился руками за голову. Мысленно я ему посочувствовал: бедолаге приходится больше думать о себе, ему достаются неудобоваримые огрызки авторского внимания, сосредоточенного в первую очередь на мне. Но нельзя сказать, что я этому рад, очень часто авторское внимание выходит мне боком. Слишком часто.

...— Что это? — хрипло спросил Орк, всматриваясь в непроглядный сумрак.

Перед ним, обвившись вокруг остроконечного сталагмита, лежал человеческий скелет в истлевшей одежде. Тазовые кости скелета рассыпались, тускло отсвечивавший череп был покрыт серым налетом высохшей плесени. Орк понял. Этот человек умер давно, многие столетия назад, и успел истлеть в те короткие промежутки времени, когда пылающий жар очередного временного солнца растапливал ледяные пещеры Бражника.

Вперед! Смотреть некогда. Интуитивно Орк чувствовал, что погони не будет, но зато имперцы, лучше знакомые с топографией местности, наверняка попытаются перекрыть второй выход...

Ага, значит, второй выход все-таки существует. С моим автором не пропадешь. Мы несемся вперед, скользя по льду, спотыкаясь о неровности, и я уже не разбираю, что у меня под

ногами: камни ли, обломанные ли сталагмиты или древние скелеты, разбросанные здесь автором неизвестно зачем и ухмыляющиеся нам вдогонку.

...остановились, тяжело дыша. Орк чувствовал, что его сердце вот-вот выпрыгнет из грудной клетки. Тело было избито и в нескольких местах кровоточило: кубарем катясь по осыпи, он оставил на камнях лоскутья своей кожи. В висках стучало. Перед глазами плыли круги. Путь вперед преграждал скальный монолит, более могучий, чем заслон из тысячи вооруженных стражников. Дальше пути не было, зато слева угадывалось пустое пространство. Может быть, проход в боковой коридор?

— Там вода! — крикнул гарпиец. — Нам дальше не пройти! Мы погибли!

Орк попытался задержать дыхание, чтобы прислушаться. Это удалось ему лишь на секунду, но он успел услышать гулкие удары капель, срывающихся с ледяных сводов, явственное журчание воды, стекавшей по наклонному полу боковой пещеры. Где-то невдалеке шумел подземный водопад. Кажется, гарпиец сказал правду.

— Как тебя зовут? — спросил Орк.

— Тебе зачем? — с рыданием в голосе выкрикнул гарпиец, и эхо подхватило: «...чем... чем... чем...» Будто смеялось.

— Не знаю, — поразмыслив, ответил Орк. — Пожалуй, могу ответить так: человек, о котором знаешь хоть что-нибудь, внушает больше доверия. У нас есть еще карабин, а в сумке — патроны. Постараемся продать свои жизни как можно дороже, а вдвоем нам будет не так скучно. Может быть, ты все-таки назовешь мне свое имя?

Он назвал. Но лучше бы он этого не делал. В его имени присутствовали все восемьдесят четыре буквы гарпийского алфавита, а некоторые и по два раза. У меня зашумело в голове. Ни за что не взялся бы повторить его имя ни по памяти, ни с листа. Хорошо бы заставить автора проделать это в качестве упражнения — жаль, сие не в моих силах. Должно быть, мама этого гарпийца, качая младенца в люльке — или в чем там их

качают на Гарпии,— ласково называла отпрыска уменьшительными именами, используя какие-нибудь пятьдесят—шестьдесят букв. Бедная мама.

...— Вода! — вдруг закричал Орк и расхохотался, почувствовав внезапный прилив бодрости.— Ты слышишь — вода! Вода-а-а!

Впервые за много дней он смеялся настоящим счастливым смехом. Он бы пустился в пляс, но на это уже не осталось сил, и Орк, задыхаясь, опустился на ледяной пол пещеры. В крошечной тьме он не видел лица гарпийца, но чувствовал его настороженное непонимание.

— Я не сошел с ума,— торопливо объяснял Орк.— Там вода, ты понимаешь? Вода! А откуда здесь вода? Почему лед в ледяной пещере тает именно здесь? Пойми! — Он ошупью нашел гарпийца и тряс его за плечи.— Лед тает оттого, что в эту часть пещеры снаружи поступает воздух, нагретый нынешним солнцем. А это значит...— Орк снова рассмеялся.— Это значит, что где-то совсем близко есть выход! Мы должны его найти! Идем!

Они по очереди протиснулись в узкую боковую щель. Ноги сразу захлюпали по подземному ручью, с потолка и стен пещеры обильно текла вода, холодная как лед. «Если сведет ногу, я упаду, а если упаду, то уже не встану», — озабоченно подумал Орк. Обжигающая вода уже доходила ему до колен. Ноги скользили по ледяному, не успевшему растаять дну, и приходилось двигаться осторожно, придерживаясь за стены.

Но время, время! Орк проклинал себя за задержку перед неизвестностью, которую они приняли за тупик и ждали, когда их придут убивать. Но сейчас он заставлял себя идти медленно, скользил, стараясь не оступиться, понимая, что, проигрывая секунды здесь, он, может быть, тем самым выигрывает жизнь.

За вторым поворотом пещеры показался дневной свет...

Нет нужды описывать мои скупые междометия и восторженный рев гарпийца. Тех, кто этим заинтересуется, следует отослать к полному тексту рассказа. Там можно будет прочесть

и о том, как мы, обессиленные и, разумеется, задыхающиеся, выбрались из пещеры, причем гарпиец напоследок поскользнулся и окупнулся с головой, что ничуть не умерило его энтузиазма. Я одолжил ему карабин, чтобы он прострелил замок цепи, все еще сковывавшей меня и болтавшейся в такт ходьбе, но он разломал цепь голыми руками, что сэкономило нам один патрон. Спасибо автору и на этом.

Однако странно, что на выходе из пещеры нас никто не встречал: не было ни шквала огня, ни пикирующих на нас сверху боевых летательных аппаратов, ошетиленных устрашающими шипами, ни даже внимательных снайперов, свешивающихся на веревках с отвесных скал специально, чтобы в них было легче целиться.

Вокруг тишина. А ведь место для засады удобное: узкий каньон с вертикальными стенами, здесь нам просто некуда деться. А засады нет. Странно. Не узнаю моего автора. Где враг? Мы с гарпийцем одолели бы его в рукопашном бою. Я бы получил три-четыре раны в самые болезненные места, и гарпиец — вон какой бык здоровый — вынес бы меня на себе к каким-нибудь людям... Но нет. Я зря обманывал себя. Неприятности, конечно, будут, только не теперь, а немного позже, где-нибудь ближе к середине рассказа...

Стоп. А почему я, собственно, решил, что это рассказ? Я чувствую, что покрываюсь не предусмотренным автором холодным потом. Что, если это повесть или, не приведи Господи, роман? Вот это страшно. Один раз я уже был героем романа и на протяжении действия двадцать пять раз был убит, но выживал всем назло, и двести пятьдесят раз убивал сам, и враги мои не выживали. Я стрелял. Взрывал. Топил. Жег. Доводил до самоубийства. Я больше не хочу, ты слышишь меня, автор?

Не слышит. Ему-то что. Он не поступится и малым. Если он мой бог, то не из всепрощающих, а из склонных к кровавой уголовщине, вроде Ваала или Вишлипуцли. А мне хочется его спросить: куда он дел свой компьютер белой сборки, аппарат, каких еще поискать? Сейчас он выдалбливает мой образ на от-

вратительной клавиатуре пишущей машинки «Ижица», а прежде, бывало, я торжественно и неторопливо выползал на свет из лазерного принтера, еще тепленький и сразу на чистовике. Если этот Вишлипуцли довел свою «эйтишку» до поломки, я как-нибудь переживу — но если он толкнул ее из-за безденежья?! Тогда он будет вынужден сделать меня героем еще одного романа. Я не хочу.

Так. Теперь мы оба лезем вверх по стене каньона. У автора странная любовь к сильно пересеченным рельефам. Горы, горы... Почему опять горы? Было это уже, не раз было. Нет, в предыдущих моих рождениях бывали не только горы, случались, например, и джунгли, один раз был океан, один раз — ледовая пустыня, а пустыня с песком, зноем и высохшими костями неудачников — даже дважды. Но все-таки чаще всего — горы. Уверен, что автор знает о горах понаслышке и поэтому злоупотребляет геометрической терминологией. По обе стороны каньона громоздятся утесы в виде пирамид, призм и даже параллелепипедов, а на одной весьма странного вида скале красуется авторское пояснение: «Скала в виде усеченного ромбододекаэдра». Гарпиец, с пыхтением карабкавшийся вверх, разглядев скалу и пояснение, едва не срывается вниз и бурчит проклятия. Ему тоже кажется, что скалу усекали как-то не так.

Кстати, он лезет по скале довольно резво, а я — медленно, очень медленно. Автор при каждом удобном случае старается напомнить, как я устал в борьбе с мировым Злом, и намекнуть, что то ли еще будет, поскольку борьба только начинается. А вот если я разожму пальцы — что будет?

...Потеряв равновесие, Орк из последних сил уцепился руками за выступ скалы, судорожно пытаясь нащупать опору для ног. Тщетно. Его ступни скользили по гладкой стене. Он старался не смотреть вниз, зная, что если взглянет туда, то упадет. Несколько метров, оставшиеся до верха каменной стены, казались непреодолимым препятствием.

Сейчас, сейчас... Мысль Орка лихорадочно работала. Нужно только добраться до следующей зацепки, дальше будет го-

раздо проще, там не зацепки, а целые ступени... Стиснув зубы, собрав в кулак всю свою волю, Орк попробовал подтянуться на руках.

Напрасная попытка. У него не осталось сил, чтобы подтянуться даже на миллиметр. Пусть сведенные судорогой пальцы пока еще держали его на уступе — он чувствовал, как с каждой секундой последние остатки сил покидают его организм...

Между прочим, гарпиец уже вылез наверх и кричит, что у него все в порядке. Чего нельзя сказать обо мне.

— Эй! — кричу я, отбросив к чертям всякое достоинство. — Вытащи! Сорвусь!

Вытаскивать меня гарпиец не торопится. Я слышу, как он ходит над обрывом взад-вперед и почему-то кряхтит, будто ворочает неподъемные камни, а затем принимается бурно ругаться, рычит, что пообломает кому-то все отростки. Гарпийцы размножаются черенкованием, это всякий знает.

Наконец склоняется ко мне:

— Прости меня... — Он почти рыдает. — Прости, я не могу помочь! Я не виноват, я ничего не могу с собой поделать!..

— Ладно! — ору в ответ. — Все в порядке!

Мысленно добавляю несколько слов в адрес автора. Мог бы и вслух, все равно последние фразы в текст не войдут, но не хочу травмировать гарпийца. Гарпиец не в курсе, а я уже понял. В любой работе рано или поздно наступает перерыв. Автор утомился создавать новый шедевр, встал с кресла, размялся, а теперь, должно быть, ушел на кухню и делает плезир — пьет чай и кофей.

Я вишу. Под ногами метров двести. Боль в сведенных судорогой пальцах невыносима, но теперь я твердо убежден в том, что мою хватку не сможет разжать никто, даже я сам. Мордастый гарпиец с непроизносимым именем мечется по обрыву, умоляет и грозит кому-то. Он может делать все, что угодно, но не может спуститься и помочь мне, а тот, кто может мне помочь, бросил меня и сбежал на кухню. Кажется, гарпиец начи-

нает что-то подозревать. Он не дурак, даром что с Гарпии,— а я-то в свое время понял все окончательно лишь на третьем рассказе...

— Помоги! — крикнул Орк, чувствуя, что сейчас упадет...

Ну вот, наконец-то. Действие продолжается. Я вытасен за шиворот, мы карабкаемся по почти отвесной стене, но в конце подъема силы оставляют меня (наверно, автор так и написал: «Его оставили силы»), и гарпиец буквально выталкивает меня наверх, кладет на большой плоский камень и хлопчет. По-моему, он намерен сделать мне искусственное дыхание. Не поломал бы ребер.

Я слабо отбиваюсь. Гарпиец раскрывает волосатую пасть:

— Я тебе вот что скажу,— рычит он.— Ты меня спас...

— Ну уж...— Я смущен или делаю вид, что смущен,— это безразлично и на дальнейшее развитие сюжета никак не повлияет.

— Можешь на меня рассчитывать, парень. Если чего нужно, ... (непроизносимое имя) не подведет. Будем держаться друг друга, ладно?

Это он зря. Опыт показывает, что от меня лучше держаться подальше. Мой путь борьбы со Злом вымошен костями ближних. Гарпиец рискует, очень рискует. Но предупредить его об этом у меня нет возможности.

Вокруг снежные горы, а мы находимся на небольшом плато, и наш каньон рассекает его зигзагообразной линией. На плато негде укрыться, здесь нас прихлопнут еще вернее, чем в каньоне. Нужно выбираться отсюда, и чем скорее, тем лучше. Но куда? И успеем ли?

Конечно, не успеем. На краю плато встает и тянется хвостом пыль — на нас мчится имперская боевая машина. Мы видны как на ладони, и деваться нам некуда. Мы и не пытаемся — какой смысл? Тот же опыт учит меня, что боевая машина будет уничтожена. Кем? Вероятно, мною. Как — не знаю. Пусть об этом позаботится автор, мне все равно. Я чувствую

сильнейшую апатию, ни о чем не думаю и не желаю думать. Пусть за меня думают другие.

Но сейчас автору не до меня — его внимание сосредоточено на приближающейся боевой машине. Она похожа на устрашающих размеров танк, разве что позади башни помещается бронированный короб, напоминающий бункер сельскохозяйственного агрегата. Он предназначен для штурмовой пехоты. На лобовой броне машины кишмя кишат шустрые механические «блохи», оснащенные магнитными, нейтринными и ультраглуонными ловушками, необходимыми для сбивания с толку неприятельских ракет и отчасти читателей.

...Орк и гарпиец застыли в оцепенении. Боевая машина стремительно приближалась. Под широкими гусеницами дрожала земля, бешено крутившиеся катки глубоко вминали в почву тяжелые ребристые траки. Казалось, в облике машины была воплощена неукротимая жажда убийства...

По-моему, неукротимая жажда убийства свойственна скорее моему Вишлипуцли. Сейчас он не жалеет красок, чтобы показать: на нас несется нечто чудовищное и сейчас мне придется плохо. Но я-то знаю, что плохо придется не мне, а танку. Читатель тоже это знает, но охотно вступает в игру; он напоминает мне рыбу, которая прекрасно видит, что перед ней плывет блесна, но не желает в это верить и бросается на блёсну с разинутым ртом. Автор прав. Тут важен бодрый стиль, украшенный одним-двумя подобранными с пола эпитетами,— и никакой посторонней лирики. Читатель на крючке, млеет и даже не трепыхается. Так и надо.

Между прочим, прежде он пробовал вставлять в текст лирику, иногда даже стихи. С рифмами у него было все в порядке, а наивысшим достижением явилась строка: «На нас газели глаза газели...»

Должно быть, красивые глаза. После этого он затосковал и в противовес газели родил меня. Но он мне не отец. Он насильник.

Орк выпустил в приближающееся стальное чудовище всю обойму. Может быть, ему удастся «ослепить» танк, и тогда тяжелая машина проскочит мимо и рухнет на дно каньона? Орк не знал, где у танка расположены смотровые приборы...

— Стреляй же! — хрипло кричал гарпиец.

Патроны должны быть в сумке, отобранной у охранника. Нужно успеть. Скорее! Что-то выпало из патронной сумки и со стуком упало на землю.

Патроны?

Нет. Гранаты.

Виноградная гроздь на толстом пластиковом черенке. Каждая виноградина — противопехотная граната. Их можно отрывать по одной и швырять в противника. А можно швырнуть всю гроздь разом...

Орк метнулся вперед. И в ту самую секунду, когда он, швырнув гранаты под брюхо накатывавшейся боевой машины, падал ничком на землю, башенное орудие танка выстрелило, казалось, прямо в него.

В упор.

Невероятная сила подбросила Орка в воздух. Совсем рядом взметнулся черный, подсвеченный огнем султан взрыва. Несколько раз перевернувшись в воздухе, Орк неловко упал на спину. Удар ошеломил его, но он сразу вскочил на ноги.

Танк горел...

Не знаю, как в действительности должны гореть подбитые танки. Этот полыхал как фанера, с треском, буйством пламени и крутящимся столбом черного дыма. Из танка не выскочил никто. Уцелевшие при взрыве механические «блохи» дезертировали и прыжками уносились прочь.

Перевожу дух. Первое сражение выиграно, но это, конечно, только начало. Имперцы от нас не отвяжутся, пока не убьют. То есть, конечно, не убьют, но не могу же я перестрелять полностью все заблудшее население Бражника! Арифметика подтверждает, что не могу: в патронной сумке остался единственный патрон. Последний. Заряжаю им карабин и пинком ноги сталкиваю сумку в пропасть. Красивый жест. Уверен, что

автору он понравится и, следовательно, сумка не прилетит обратно. Действительно, не летит. Ну то-то. Иногда и я кое-что могу. Всякий раз, когда мне удастся добавить мелкий штрих, я бываю горд до умопомрачения. Вот и сейчас совсем уже собираюсь самодовольно ухмыльнуться...

И слышу за спиной слабый стон.

...Орк знал, что в лотерее, именуемой Жизнью, только один выигрыш на миллион. Выигравший вчера может проиграть сегодня, но не наоборот. Проигравший вычеркивается из лотереи навсегда.

Ури Орк выиграл. Снаряд, разорвавшийся прямо под его ногами, не причинил ему иного вреда, кроме ушибов от падения. Судьба еще раз оказалась к нему благосклонна.

Он склонился над неподвижно лежавшим гарпийцем. С первого взгляда Орку стало ясно, что дела бедолаги плохи. Открытый перелом бедра, рана на голове, повреждение позвоночника... Должно быть, гарпиец и сам понимал, что его песенка спета. Он был в сознании.

— Ты можешь пошевелиться? — спросил Орк...

Разумеется, нет. Повинуясь чужой воле, я задаю глупый вопрос. С переломом позвоночника гарпиец не сможет двигаться самостоятельно. А с такой раной на голове он проживет не больше нескольких часов, от силы — дней. Кажется, пробита черепная коробка, и гарпийца надо спасать. Немедленно! На Офелии XIII есть отличная клиника, по себе знаю, а на тройной системе Нерон II неплохо лечит один шаман, если его еще не съели соплеменники за ложные предсказания погоды...

Помутнение рассудка, иначе не назовешь. До Офелии, если я не ошибаюсь, пять тысяч парсеков, а до Нерона — тысячи на полторы меньше. Гарпиец обречен остаться здесь, на Бражнике, но я найду укрытие и буду защищать раненого до последней минуты, или я не Ури Орк. Зубами грызть буду.

И еще я знаю моего автора. Он почему-то убежден, что на любой планете с архаичной формой управления должна существовать более или менее подпольная оппозиция — подзем-

ные ростки грядущих прогрессивных перемен. Теперь самое время появиться оппозиционерам, которые нас поймут (предварительно, конечно, приняв за имперцев и попытавшись убить), а поняв, помогут, укроют и, чем черт не шутит, может быть, даже вылечат. Где они? Вытягиваю шею и кручу головой, с надеждой оглядывая плато и геометрические пики. И никого не вижу.

...— Теперь-то они меня поймают,— с усилием сказал гарпиец,— и станут пытаться, пока в конце концов не убьют. Я буду умирать долго...

А я вдруг понимаю, куда клонит автор, и меня начинает трясти мелкая дрожь.

...— Тебя не будут пытаться,— процедил Орк, снимая с плеча карабин. Его лицо исказила гримаса.— Я не позволю тебя пытаться.

— Ты что задумал? — с тревогой спросил гарпиец.

Это не я задумал, не я! Господи, да можно же еще что-то сделать! Если нужно, я понесу его на себе, буду ходить за ним, как за малым дитем, охранять его, карабкаться с ним на плечах по скалам...

Не выйдет. Я это чувствую. Песенка гарпийца спета, как и было сказано. Читатель подустал от крови мерзавцев и козлий, ему хочется крови агнцев. На грязных и небритых, на мордатых агнцев спрос такой же, как и на всяких других.

...Орк оглянулся. Вершины гор сверкали, как алмазные иглы. Заходящее светило резко очерчивало острые грани скал. Он еще увидит эту красоту, если ему повезет пережить ночь. Но гарпиец видит этот мир в последний раз.

— Прости,— со вздохом сказал Орк.— Прости, если можешь. Так будет лучше.

Приклад карабина толкнул его в плечо. В горах долго не смолкало эхо...

Я забросал труп камнями. На этот раз автор ничего не имел против, но заставил меня поторопиться. Это больше походило не на похороны, а на сокрытие следов преступления.

Автор и я — кто из нас двоих убийца, если каждый порознь на убийство не способен? Никто? Или оба? Впрочем, каждый считает убийцей не себя, а другого. Вероятно, иначе и не бывает. Кажется, то, что я сделал, обозначается диким словосочетанием: убийство из милосердия. Похоже на запах фиалок из выгребной ямы. По автору выходит, что я человек высоких нравственных принципов, а я не могу и возразить. Может быть, существует и пытка из милосердия?

Не хочу об этом думать. Стою столбом, мерзну на ветру и не чувствую в себе ну абсолютно никакого желания что-то делать, да что там — просто жить. Куда там! Сейчас автор наступит на своей «Ижице» что-нибудь вроде: «Орк стряхнул с себя оцепенение», — и я опять куда-то пойду, поплечусь искать себе укрытие и спасти свою шкуру.

...Страхнув с себя оцепенение, Орк двинулся вдоль обрыва на запад. Ему было все равно куда идти, и он выбрал путь в сторону солнца, подставляя лицо и тело под последние предзакатные лучи...

Карабин я выбросил. Я не мог носить оружие, которым убил друга. Автор не возражал. Карабин, в отличие от меня, выполнил свою функцию и больше не понадобится. Но вряд ли автор забыл о том, что у меня еще остался нож... Впрочем, врагов пока не видно.

...Прошел час, за ним другой. Тройное солнце село, зато вершины, окружавшие плато, заметно приблизились. На горы опускалась ледяная ночь, светлая, как все ночи на Бражнике, от бесчисленного множества солнц звездного скопления и холодная, как могила. Ветер усиливался с каждой минутой и промораживал до костей. Не будь Орк столь измучен, он еще до заката успел бы дойти до гор и отыскать убежище, где можно переждать ночь. Он шел шатаясь, и больше всего

на свете ему хотелось лечь и уснуть, но это означало замерзнуть и умереть. В довершение всего он начал чувствовать муки голода...

И я действительно начинаю ощущать такой голод, что уже не в силах думать о смерти несчастного гарпийца, да простят меня читатели за беспринципность. Простят, конечно, а вот автору давно уже не мешало бы меня накормить, я не ел со вчерашнего утра, и желудок уже давал о себе знать, но так, как сейчас,— это уже слишком жестоко. Ну что ему стоит написать: «Орк не чувствовал голода, подавленного настороженностью»,— или что-нибудь сходное в том же излюбленном им стиле... Так ведь не напишет! И мои глаза алчно бегают по стоконам, ища, в кого тут можно воткнуть зубы, а в затуманенном мозгу поселилось волнующее видение — большая банка консервированных сосисок. Они стоят в банке тесно, одна к одной, как солдаты в парадном строю, а сверху они облиты умопомрачительным венерианским соусом... Сейчас я съем вон ту, что торчит выше остальных. Чтобы не торчала. Вытягиваю губы трубочкой, приближаю лицо к банке...

И издаю отчаянный голодный вой, задрав голову и апеллируя к астрономическим объектам в сером ночном небе.

Нет, я вовсе не хочу сказать, что попал в какую-то совсем уж жуткую ситуацию,— наоборот, то, что сейчас со мной происходит, есть нормальное условие моего существования. Помню, на Мезозонии, крайне отсталой планете, населенной полуразумными динозаврами, мне пришлось не в пример тяжелее. Но там по крайней мере хватало провианта. По утрам, отбившись от выросших вокруг меня за ночь саблезубых растений, я поглощал наскоро приготовленный стегозавтрак, в полдень с аппетитом съедал сочный бронторостбиф, сдобренный молодыми побегами гигантского хвоща, а по вечерам мне нередко доставался птероужин, зачастую сам пикирующий на меня с самыми злостными намерениями. Этот, на мой взгляд, жестковат и к тому же любит заходить в атаку от солнца — но если его хорошенько прожарить на углях, да еще с дикой луковицей, нарезанной кружочками...

Мой рот немедленно наполняется слюной. Слюна — это единственное, что я могу сейчас проглотить, но она, к сожалению, не питательна. Мясо, вот что мне сейчас нужно. Хоть какое. А вот, кстати, и живность.

...Какие-то некрупные животные, похожие на волосатых тритонов с шестью голенастыми ногами, прыгнули из-под ног и стайкой кинулись прочь. Одного из них Орку удалось убить, метнув камень. Орк съел животное сырым, без всякого аппетита, пытаясь заглушить муки голода, но так и не почувствовал сытости...

Морщась, я ел этого мелкого гада, и к горлу подступали спазмы. Какая уж там сытость, живым бы остаться. Но жив, жив. Кое-как встаю на ноги и чувствую, что с тритоном в желудке до гор мне не добраться. Я знаю, что это значит: вот-вот произойдет что-то, что радикально изменит ситуацию, и, если я что-нибудь понимаю, это произойдет раньше, чем я успею сделать три шага. Начинаю считать шаги: раз, два, тр...

...Орк пошатнулся. В первую секунду у него мелькнула мысль, что из-за усталости он плохо координирует движения, но тут же он понял, что это не случайность. И еще Орк понял, что он здесь не один...

Он сделал шаг, затем другой и попытался упереться ногами. Тщетно. Какая-то неведомая могучая сила тянула его к обрыву. Казалось, ровное, как стол, плато вдруг вздыбилось, его поверхность стала наклонной и наклон увеличивался с каждой секундой. Орк упал на землю, вжался в нее, вцепился руками в торчащие камни, уже понимая, что произошло, и сознавая, что его усилия бесполезны. Против гравитационной атаки нет защиты — но разве мог он предположить, что империя имеет гравитационное оружие да еще держит его на захудалой периферийной планете? Яростно цепляясь за все подряд, Орк неуклонно сползал к обрыву. Лихорадочно перебирая в уме события минувшего дня, он искал, где же он допустил просчет, хотя

бы незначительную неточность, цена которой — жизнь. И — не находил ошибки.

Обессиленные пальцы разжались, Орк почувствовал, что стремительно падает в пропасть. Что ж, несколько секунд полета — и он найдет легкую смерть на камнях, устилающих дно каньона. Вероятно, удар о камни будет похож не на взрыв, а на щелчок выключателя, отключающего сознание...

Что и говорить, изменение ситуации радикальное, но нельзя сказать, что оно мне очень по душе. Впрочем, мое падение почему-то замедляется, потом прекращается совсем, и я мягко опускаюсь на дно каньона. По-моему, здесь кладбище разбитой техники: справа и слева от меня громоздятся исковерканные механизмы, горами валяется разнообразная рухлядь и ржавь, все здорово слежалось и не на чем остановиться глазу.

Зато прямо передо мной на ровной каменной площадке перед входом в пещеру (еще одна пещера!) происходит нечто достойное внимания. Сначала на площадке возникает фигура коренастого мужчины, одетого в неописуемые лохмотья и с лицом разъяренного троглодита. Фигура цепко держит в руках весьма странного вида оружие, и я бы терялся в догадках о том, что это за штука, если бы не знал заранее, что это гравитатор — гравитационное оружие лучевого действия и практически неограниченной дальности боя. Ну а в кого это оружие в данный момент нацелено — говорить просто излишне. Затем троглодит куда-то исчезает и на его месте возникает прелестнейшая девушка с великолепной гривой темных волос — автор, как видно, решил, что троглодит нехорош с эстетической точки зрения. А может быть, он просто забыл, что в предыдущих рассказах успел всучить мне не один десяток подобных девушек.

...— Ты умрешь, проклятый имперец, — с ненавистью сказала девушка. — Но сначала ты расскажешь о том, что тебе велел твой сюзерен!

Орк сделал шаг вперед, но девушка оказалась проворнее. Отброшенный гравитационным лучом, Орк упал на камни, а

когда поднялся, то увидел, что прямо ему в лицо направлен матово отсвечивавший ствол бластера.

— Еще шаг — и я сделаю из тебя головешку, — решительно сказала девушка...

Разумеется, я сделаю шаг, и не один. Но вдруг она и в самом деле выстрелит? Интересно знать, какие у автора представления о действии бластера? Если что-нибудь вроде огнемета — тогда худо...

...Орк осторожно шагнул к девушке и, увидев, что ствол бластера в ее руке дрогнул, предостерегающе поднял руку.

— Я вовсе не имперец, — сказал он, пытаюсь улыбнуться. — Собственно, я вообще не с Бражника. И еще я хочу сказать, что не воюю с красивыми девушками.

— Ты лжешь, — мотнула головой девушка. — Имперцы всегда лгали...

Недоразумение утрясилось на пяти страницах; на протяжении трех из них мы с бластером играли в «кто кого переглядит». Переглядел я, и девушка, недоверчиво поглядывая на меня, убрала оружие. Кажется, она не до конца поверила в то, что я не собираюсь бросаться на нее с голыми руками.

Делаю успокаивающий жест. Я не брошусь. Во-первых, устал, а во-вторых, на такого породистого жеребца, каким по милости автора я являюсь, девушки бросаются сами. Но куда они исчезают по завершении очередного рассказа?!

Эту зовут Беата, и ее фигура превышает всяких похвал. Обычно автор так и пишет, когда чувствует приступ литературной импотенции: «Превыше всяких похвал». Подразумевается, что нужные эпитеты подберу я сам, и читатель тоже. Но мне не хочется, да и вообще восхищаться ее фигурой что-то не тянет. Гораздо благосклоннее я бы сейчас посмотрел на ужин и на какую-никакую постель. Впрочем, как раз к постели дело и без того идет много стремительнее, чем мне хотелось бы.

...В пещере оказалось сухо и тепло, подземные коридоры освещались светящимися комками желтой слизи, подвешенными на крючьях, вбитых в шершавую стену,— один из комков, почуяв людей, потянулся к ним и показал пасть. Пещера была обитаема, Орк сразу это почувствовал по запаху, от которого испытал легкое головокружение,— устоявшемуся запаху жилья, вызывающему ностальгические воспоминания. Справа и слева от главного тоннеля отходили короткие боковые коридоры, оканчивавшиеся грубо сколоченными дверями, и Орк понял, что это жилые кельи. Свернув в один из боковых коридоров, Беата обернулась и положила ладони Орку на плечи.

— Я ждала тебя,— просто сказала она.

— Меня? — переспросил Орк.

— Такого, как ты. Я не одна, здесь, в пещере, много людей, но все они смирились с жизнью кротов. Да, здесь пока безопасно, но только потому, что мы не оставляем в живых имперцев, осмеливающихся приблизиться к нашему убежищу, да потому, что мы сбиваем имперские флаеры, пролетающие над каньоном. Ты видел их обломки. Но когда-нибудь наше убежище будет раскрыто, и тогда нам придется либо погибнуть, либо уйти в нижние ярусы пещеры. Навсегда. Подземная жизнь не для таких, как мы с тобой. Ты умный и сильный, ты обязательно что-нибудь придумаешь...

— Конечно,— сказал Орк.

У покосившейся двери он подхватил Беату на руки и осторожно поцеловал. Девушка обвила руками его шею, и тогда он бережно понес ее в келью и легким толчком затворил за собой дверь.

— Меня еще никогда не носили на руках,— потрясенно сказала Беата...

Меня тоже. Что делает автор, о чем он думает, этот дурак! Последние мои силы уходят на то, чтобы дотащить неожиданно свалившийся на меня груз до постели. Я буквально валюсь от усталости и уже ни на что не способен. Я, наконец, просто грязен. Но нет никакой передышки, и Беата вливается в меня

долгим и страстным поцелуем, напрочь перекрывая дыхательные пути. Кое-как борюсь за жизнь, а она думает, что это — прилив страсти. А автор, похоже, вообще не думает. В случае драки или бегства от стражников он мог бы еще написать что-нибудь вроде: «Отчаяние придало ему силы». Но сейчас не тот случай.

А дальше? Если он поставит многоточие, я готов простить ему весь сегодняшний день, но вдруг он решится дать более детальное описание? Вот это страшно, даже если предстоящее древнее как мир действо будет описано игривыми обиняками. Но откуда он возьмет столько обиняков в своем словарном запасе?

Что ж, пусть. И если он на свою беду когда-нибудь вздумает написать рассказ от первого — своего — лица и опрометчиво окажется в пределах моей досягаемости, я загрызу его зубами. Как-то раз он выдал фразу, впоследствии кем-то исправленную: «Загрызть голыми зубами». Вот голыми и загрызу. Но прежде возьму за шиворот, чтобы не убежал, и выскажу ему все, что о нем думаю.

...— Ты мой,— прошептала Беата.— Мой...

Орк бережно заключил девушку в объятия...

Слава Вселенной, он поставил многоточие! Остальное читатель должен додумать сам, ибо предполагается, что фантастику читают люди с воображением. Я разжал объятия и облегченно свалился на постель.

— Ты что? — непонимающе спросила Беата. Она была бесподобна, но сейчас я был не в состоянии даже любоваться ею.

— Сплю — вот что! — И, терпя решительное поражение в борьбе со сном, я кое-как объяснил ей ситуацию.

— Я тебя ненавижу,— неуверенно сказала она.

— Не-е-ет, дорогая,— проговорил я сквозь сон.— Ты меня теперь любить будешь, ты без меня жить не сможешь, ты теперь, если понадобится, и собой пожертвуешь ради меня, это я тебе говорю. Потому что...— я зевнул, отключаясь,— потому что так задумано...

Она спихнула меня на пол. Я не вскочил, не попросил прощения, не наградил ее оплеухой. Я заснул. Смертельно уставшему человеку все равно где спать. И если автор захочет начать мой завтрашний день с того, что я просыпаюсь в постели рядом с Беатой, — так оно и будет. И мне безразлично, каким образом автор, подобрав меня с пола, перенесет к ней в постель. Это его личное дело.

...Когда Орк проснулся, Беата еще спала, положив голову ему на плечо. Во сне она казалась еще привлекательнее...

Ну вот, видали? Между прочим, Беата действительно привлекательна, и я думаю, что мы с ней как-нибудь поладим, тем более что я теперь снова в боевой готовности: жив, здоров и весел, и даже вчерашний тритон как будто переварился во мне без эксцессов. Лежу, смотрю в потолок кельи, считаю сталактиты, а в голове бродят разные мысли и догадки — но это не мои мысли, а авторские. Они предназначены для особо тупоумных особей из читательской среды, и мне до них дела нет. Терпеливо жду, когда это кончится, а потом разбужу Беату, и пусть она познакомит меня с племенем.

...Здесь, в огромном подземном зале, собрались жертвы космических катастроф, остатки экипажей и пассажиров, по счастливой случайности не попавшие в лапы имперцев, сумевшие выжить в этом мире жестокости. И еще их потомки, некоторые — в третьем колене. Всего набралось человек тридцать мужчин и почти столько же женщин — беглецов и изгнанников, потерявших надежду, но сохранивших страстное желание сражаться за свою свободу и умереть, сжав зубы на горле врага. Орк присматривался к их грубым, обветренным лицам, пытаясь определить, откуда сюда попали эти люди. Гарпийцы казались мрачными и насупленными; дилийцы, напротив, выглядели весьма приветливыми, если не знать, что более коварного и изобретательного в военных хитростях народа во всей Вселенной нет и никогда не было; долговязые, с оливковой кожей, тиониты, по обычаю, закрывали тканью нижнюю часть

лица; попадались и изящные женщины с Андрوماхи, легко узнаваемые по коротким прическам и ритуально купированным ушам.

Двое угрюмых мужчин, еще носивших на себе обрывки имперской военной формы, оказались бывшими стражниками, не поладившими с начальством и счастливо избежавшими единственного на Бражнике наказания для строптивых, которое заключалось в сажании провинившегося на специально заостренный сталагмит в одной из многочисленных пещер...

Так. Скелет, встретившийся нам с гарпийцем в ледяном тоннеле, дождался своей очереди и получил вполне рациональное, хотя и жутковатое объяснение. Но мне ясно и другое: это не рассказ. Нет привычной динамики (Орк выстрелил — враг упал), медленно вводятся в действие новые персонажи. Автор замахнулся по меньшей мере на повесть. И я снова бодр, готов крушить и подставлять себя под удары разной степени силы и жестокости, чтобы привнести мир и благодать, как я их понимаю, на эту планету, которой, если сказать совсем честно, вовсе и не существует. Но нет смысла открывать на правду глаза всем этим людям. Они новички, не поймут.

...Люди возбужденно загомонили. Рассказ Орка о неотвратимо приближающейся войне с Империей вызвал бурю восторга, а сознание того, что среди них находится человек, вырвавшийся из плена имперцев, вселило в сердца людей надежду.

— Это и наш шанс! — крикнул Орк. — И мы должны его использовать, а не сидеть сложа руки!..

Ну разумеется. Уж что-что, а кричать «Граждане, к оружию!» я умею. И «граждане», конечно, рады встретить мой призыв взрывом энтузиазма, но тут некстати вмешивается оппонент. Я его уже видел: это тот самый троглодит, который уже мелькал передо мной, а потом был оставлен про запас, по виду — дегенерат и потенциальный предатель. Брызгая слюной, он обвиняет меня в двурушничестве и обзывает имперским

агентом, но я-то знаю, уже догадался, что он попросту ревнует Беату к невесте откуда взявшемуся конкуренту. Сейчас автор, по-видимому, решает, каким именно образом я должен прервать троглодитские словоизлияния: свингом или апперкотом?

Свингом. Конкурент бит в лучших пещерных традициях и окончательно уничтожен презрением соплеменников, полагающих с подачи автора, что критиковать такого замечательного человека (меня) недостойно. Но я великодушен и, приняв командование над сформированным мною отрядом, в последний момент назначаю троглодита ответственным по уходу за верховыми и вычными животными.

Ибо это пещерное племя имеет своих скакунов — родных братьев того тритона, что я съел, но величиной с хорошую лошадь, с крупной крокодильей головой, — вид, выведенный местными умельцами методом генетических трансформаций. Они (то есть скакуны, а не умельцы) земноводные и чахнут на глазах, если время от времени не поливать их шкуру водой. Остро чувствую, куда клонит автор: троглодит конечно же выпустит воду из припасенных емкостей (помятых топливных баков, снятых с разбитых флаеров) и в самый неподходящий момент оставит наш отряд без транспорта. Подлый прием как со стороны автора, так и троглодита.

...Застоявшиеся скакуны в нетерпении били землю ребристыми хвостами. Когда отряд был готов к выступлению, Орк приказал трогаться в путь. Разветвленная сеть пещер, располагавшаяся под горной страной, позволяла выйти на поверхность практически в любой удобной точке...

В какой именно? — вот вопрос. Куда я, собственно говоря, веду этих людей, наврав им о том, что у меня есть какой-то необыкновенный план? У меня его нет. Допускаю, что такой план есть у автора, однако он не позаботился сообщить его кому бы то ни было.

Через две страницы положение проясняется. Мы уже на поверхности и, укрывшись за валунами, сидим в засаде возле

дороги, проходящей по краю плато. Наша первоочередная задача — взять пленного, по возможности более разговорчивого. А по дороге уже что-то движется...

...Беата решительно повела стволом гравитатора, и армейский транспортер, не удержавшись на дороге, вильнул и с оглушительным скрежетом врезался в скалу. Солдаты, посыпавшиеся из него, не успели изготовиться к обороне — отовсюду, справа и слева, на них кинулись всадники Орка. Солдаты успели дать лишь один нестройный залп, несколько всадников упало, но тут же противники смешались, и в гуще сражения, озаряемой вспышками бластеров, замелькали ружейные приклады солдат и каменные метательные дубинки воинов Ури Орка. Ужасные пасти «лошадей» разрывали имперцев в клочья...

В клочья! Так я и знал, что наиболее эффективным оружием ближнего боя окажется крокодил. И о том, что каменная дубинка составит достойную конкуренцию бластеру, я тоже догадывался. Как и о том, что в этой стычке я неизбежно буду ранен телесно, но сохраню присутствие духа.

Оп! А ведь больно. Ну зачем, зачем с таким усердием колоть меня штыком? Ткнул раз, ткнул другой — и будет...

...Истекая кровью, сочащейся из трех ран, Орк сумел отчаянным движением отбить новый удар, который наверняка оказался бы смертельным, и, прежде чем офицер успел опомниться, обрушил массивный ствол своего гравитатора на голову противника. Офицер упал, а на его лице застыло выражение ненависти и страха...

Конец сцены. Противник уничтожен, «язык» взят мною слегка оглушенным, но живым, а я едва стою на ногах, плохо соображаю от потери крови и чувствую такую боль, что готов выть. Но даже выть не могу, а только разеваю рот, как загарпуненная рыба, и пытаюсь поймать хоть немного воздуха. Что-то не ловится.

Между тем Беата мастерски ведет допрос пленного. Ей помогает один из бывших стражников, не утративший своих профессиональных навыков. Редкая по омерзительности сцена, сразу ясно, что автор ничего подобного в жизни не видел. Иначе невозможно понять, почему пленный офицер еще жив и даже пытается стойко молчать, когда его так квалифицированно разделявают на мясное азу; иначе автор и писал бы иначе — и если бы он решился об этом написать, то, пожалуй, итоговым продуктом могло бы оказаться что-то другое, а не книжка про Ури Орка.

Самое печальное то, что я, по-видимому, бессмертен. Остальные смертны, кроме, возможно, Беаты. Когда-то я затруднялся, а теперь, когда автор вводит нового героя, могу довольно точно предсказать, сколько этот герой протянет. Есть герои «до конца повести», есть — «на пять минут» и масса таких, что не стоят плевка, — эти, как правило, сами старательно лезут под выстрел. И бывают моменты, когда я остро завидую «пятиминутникам».

Как, например, сейчас.

Но я бессмертен. Бессмертен, как это ни противно. И это надолго.

...Предсмертный вопль офицера на миг заглушил голос Беаты, подбежавшей к Орку.

— Орк! — крикнула она. — Теперь мы знаем, где искать стартовые шахты имперских кораблей! Но для того чтобы взлететь, нам придется сначала убрать силовое поле...

К черту! Опять не дали довести мысль до конца. Какое еще поле? Ах, поле! Ну да, как же без поля, без поля нам никак нельзя, в чью это крамольную голову забралась мысль о том, что можно без поля? Само собой, Бражник, как всякая порядочная планета с тоталитарным режимом, окружен санитарным силовым полем, не позволяющим стартовать ни одному звездолету без специального разрешения верховного властителя. Генератор же поля, как удалось установить, находится в укрепленном замке, принадлежащем верховному распорядителю

Тхахху Вялому, ленному вассалу верховного координатора с не менее музыкальным именем Псахх Хилый. Должно быть, процесс вырождения аристократии зашел у имперцев очень далеко, а присущая им извращенность побудила превратить собственные стати в родовые фамилии. Подразумевается, что физическая немощ высшего эшелона здешней власти с лихвой компенсируется исключительной зловредностью ее представителей. Таких уничтожить одно удовольствие, но сначала, как водится, необходимо узнать о враге хоть что-нибудь. Беата нас скоро просвещает меня насчет иерархии здешних верховных. Для памяти нас скоро рисую в уме схему:

1. Верховный властитель (царь и бог на Бражнике и вообще, по-видимому, нехороший человек).
2. Верховные координаторы (министры и генералитет).
3. Верховные распорядители (офицеры старших рангов).
4. Верховные понукатели (младшие офицеры и штабные писари).
5. Верховные исполнители (наемные солдаты, стражники и надсмотрщики на рудниках).
6. Рабы и военнопленные.

В схему не вписались люди вне закона, всякое недобитое отребье вроде меня и моего отряда. Ну, меня теперь добить нетрудно — ткни только пальцем. В глазах темно. Но так или иначе, а замок Тхахха Вялого нам придется брать штурмом; зная автора, иного пути представить себе невозможно.

...— Да,— с усилием сказал Орк. Сознание его покидало.— Напасть нужно немедленно...— Он вдруг пошатнулся и начал оседать на землю.— Кажется, я не совсем в форме...

— Нет! — крикнула Беата...

Уже через десять минут, напичканный местными стимуляторами, добываемыми из пещерных лишайников, я двигался к замку Тхахха во главе своего отряда инсургентов...

Да, чуть не забыл. Здесь слово «двигался» означает, что двигался и двигаюсь именно я, а не «лошадь» подо мною. «Лошадей» у нас больше нет. А того троглодита, который, как

я и предполагал, уморил наших земноводных скакунов, лишив их полива, я заколол своим ножом (вот и нож пригодился), причем все племя бурно протестовало и требовало для предателя казни через сажание на сталагмит. Но я оказался милостив, и к тому же у нас не нашлось времени на обтесывание сталагмита, а все обтесанные, что встретились нам по пути, были уже заняты.

...— Теперь обратный путь отрезан,— сказала Беата, кусая губы.— Без транспорта мы погибнем на обратном пути. Орк, ты что задумал?

Орк закончил одеваться и критически осмотрел себя. В наряде убитого пленника он ничем не отличался от заурядного имперского офицера.

— Будьте готовы к атаке,— сказал он, пряча за пазухой нож.— А мне хочется нанести визит Тхахху Вялому.

— Зачем? — воскликнула Беата.

А действительно — зачем? С помощью гравитаторов мы легко могли бы стащить с башен замка дозорных, а затем забросить на стены десяток-другой молодцов из моего отряда. Девчонке, однако, всего не объяснишь.

— Так нужно,— цежу я сквозь зубы и морщусь.— Сама подумай: стычки были, драки были, любовь, будем считать, тоже была, а интрижки — ни одной. А кроме того, нужно же автору показать изнутри гнездо врагов прогрессивного человечества!

— Какому автору? — не понимает Беата.

— У нас с тобой один автор,— бурчу я, вылезая из укрытия.— Да и тот, честно сказать, сволочь.

...Его заметили. Взыла сигнальная сирена, часовые на башнях перестали расхаживать взад-вперед и замерли, напряженно вглядываясь. Орк уверенно двинулся к воротам, заметив краем глаза, что в его сторону развернулся тонкий ствол пулемета. Кто-то невидимый дал команду опустить подъемный мост.

Орк невольно замедлил шаги. Успеет ли Беата вместе с отрядом прийти к нему на помощь? Должна успеть.

Он взглянул вверх. Над главной башней цитадели возвышался, медленно вращаясь, массивный дротонный отражатель...

Всякому известно, что дротонный отражатель — это отражатель, имеющий форму дротона, а вовсе не отражатель дротонов, которых не существует. Насколько я понимаю авторский замысел, дротонный отражатель — это именно то, что нам сейчас нужно, а зачем — пока не знаю, но узнаю в свое время.

...Наконец его ввели в парадный зал, и Орк, увидев невысокого рыхлого человека с властными манерами, понял, что перед ним Тхахх Вялый, хозяин замка. Не дойдя до вышестоящего положенных пяти шагов, Орк замер и, согласно этикету, максимально отведя вбок левую ногу, представился:

— Верховный понукатель Орхх Дохлый — к верховному распорядителю!

Маленькие хитрые глазки Тхахха Вялого впились в Орка. Орк почувствовал себя неудобно: в случае провала выбраться из замка будет не так-то просто.

— Какой ты Дохлый, — брюзгливо сказал Тхахх, продолжая разглядывать Орка. — Вон какой здоровяк, будто только что из надсмотрщиков. Нечистая кровь... Признайся — бастард?

«Что делать? — подумал Орк. — Изобразить оскорбление? Но нет, это будет ошибкой, пусть лучше Тхахх почувствует превосходство, превосходство усыпляет».

— Да, я бастард, — смиренно сказал он. — Мой отец, верховный координатор, был женат тайным браком на дочери верховного исполнителя, моей матери. И хотя я старший из его сыновей и ношу родовое имя, я всего лишь скромный верховный понукатель.

— Ты не похож на скромного, — хитро прищурившись, сказал Тхахх. — Что у тебя ко мне?

— Имею счастье передать устное приказание верховному распорядителю,— отчеканил Орк,— от Псахха Хилого, моего сюзерена.

Глазки Тхахха Вялого превратились в шелки.

— Вот как,— сказал он, маслено улыбаясь.— Значит, Псахх и твой хозяин? Гм... Нет-нет, я вовсе не подвергаю сомнению истинность твоих слов. И верховный координатор Псахх Хилый, мой добрый сюзерен, без сомнения, подтвердит свое приказание, поскольку уже третий день является почетным гостем в моем замке...

Вот это номер! Впрочем, в том, что Тхахх, хоть он и Вялый, а меня раскусит, можно было не сомневаться: в этом вся соль, иначе зачем мне было лезть в этот замок? Автора стремительно несет по узкому фарватеру, на котором нам обоим знаком каждый поворот. Мне кажется, он уверен в том, что стоит ему выгрести в сторону, как его корыто немедленно наскочит на риф; поэтому он лег в дрейф и, как говорится, бросил весла.

По-моему, он их и не поднимал.

А впереди на фарватере — драка. И какая! Ури Орк против целого гарнизона имперцев. Но беспокоиться излишне. На этот раз меня даже не ранят: автор считает, что читатель уже проникся ко мне живейшим сочувствием и желает мне всяческих благ. Автор прав. Он всегда прав. Сейчас он моими руками расшвыряет врагов направо и налево. Но теперь пусть это сделает он, я же по собственному почину не шевельну и пальцем. Хватит. Я устал и, будь моя воля, охотно позволил бы себя убить. Так ведь не убьют, вот в чем вся трагедия.

...По мере того как зал наполнялся солдатами, Орк медленно пятился, пока не ощутил лопатками стену.

— Взять его живьем! — визгливо закричал Тхахх.— Ничтожный самозванец, ты будешь корчиться на сталагмите!

Бластер в руке Орка полыхнул двумя вспышками, и два обугленных тела, отброшенных огненным ударом, дымясь, рухнули на пол. Толпа солдат накатывалась лавиной. Третий выстрел пришелся прямо в чье-то искаженное ненавистью и ужасом ли-

цо, а четвертого не последовало: бластер был выбит из руки Орка и со стуком покатился по полу. Но, прежде чем кто-либо из солдат коснулся его тела, Орк успел выхватить нож...

Малое время спустя парадный зал замка Тхахха Вялого был завален трупами, а трое уцелевших солдат все так же яростно продолжали брать меня живьем. На их месте я бы искал спасения в бегстве. Автор обнаглел окончательно: я, конечно, супермен, но все же не комбинат по производству трупов.

...— Стреляйте в него! — закричал Тхахх.

Орк понял, что находится на пороге смерти. Он взмахнул рукой — тяжелый нож просвистел в воздухе и вонзился в горло одному из солдат. Двое других подняли оружие.

— Огонь! — скомандовал Тхахх.

Огненная вспышка сверкнула молнией, и в зал через выбитую дверь ворвалась Беата с бластером, готовым к бою. За ней следовал отряд. Один солдат был убит сразу, другой, подхваченный лучом гравитатора, находящегося в руках оливковокожего тионита, был поднят в воздух и, извиваясь всем телом, медленно выплыл за окно. Тионит выключил антигравитационный луч — из-за окна донесся продолжительный вопль, закончившийся звуком падения тела.

— Сдавайся, Тхахх! — крикнул Орк. — Ты мне нужен живым!..

А это еще зачем? Впрочем, не исключено, что это часть моего хитроумного плана. Пора бы узнать, какого именно. Пока что действие напоминает мне не доведенный до конца процесс изготовления сдобных булочек: теста много, а изюма в нем нет. Но хотя бы одна изюмина должна присутствовать, иначе пропадет эффект ожидания; уж что-что, а эту истину автор усвоил прочно.

...— Не давай нашим разбредаться по замку, — шепнул Орк Беате. — Любая воинская часть, занявшись мародерством, перестает существовать как боевая единица. Скажи им, что я

приказываю всем собраться здесь. Но сначала пусть отыщут Псахха Хилого.

— А ты? — спросила Беата.

— А я займусь Тхаххом. Только он знает, как снять с планеты санитарное поле. Хочу попробовать уговорить его изменить присяге.

Беата покачала головой.

— Не выйдет, Ури,— сказала она.— Ты не знаешь, что это такое — вассальная присяга. Из-за страха перед сталагмитом он охотнее даст разрезать себя на кусочки...

— Если понадобится, разрежем,— сказал Орк.— Но я уверен, что до этого не дойдет. Вспомни историю Земли, нашей прародины. В средние века феодалы давали вассальную клятву своему непосредственному сеньору, но только ему, и никому другому. Понимаешь? Любой ничтожный барон мог игнорировать даже приказ короля, если этот приказ не был подтвержден каким-нибудь графом, принявшим от барона клятву верности. Этот средневековый принцип назывался «вассал моего вассала — не мой вассал». Если мы найдем Псахха, то не думаю, что Тхахх станет долго упираться: по моим наблюдениям, такие сморчки, как он,— большие жизнелюбы...

Вот и изюмина. Правда, изрядно залежалая: та виноградина, из которой ее сделали, поспела задолго до войны Алой и Белой роз. Но сойдет и такая. Баловать читателя совершенно незачем, он и так избалован донельзя. Зато теперь, как говорится, повесть приобретает определенное познавательное значение, а перенесение в космос нравов и порядков средневековья вообще очень плодотворно. Только не надо брать Возрождение и эпоху гуманизма, этот период истории суть ошибка человечества, а мне, Ури Орку, убиваться по поводу пролитой крови и вовсе неприлично. Допускается лишь чувство легкого отвращения вроде манерной стыдливости, и то через два раза на третий.

...Орк отвернулся. В руках у оливкового тионита находилась отрезанная голова Псахха Хилого. Тионит держал ее за уши, как кастрюлю. По-видимому, верховный координатор

был убит в опочивальне, не успев проснуться: к окровавленному обрубку шеи прилипли перья из рассеченной подушки.

— Лучше убейте меня сразу! — вопил Тхахх. — Я не нарушу своего долга! Я присягал своему сюзерену!

— Вот этому? — спросил Орк, а тионит по его знаку выставил голову напоказ.

— Вот эт... Что-о?! Он убит?

— Как видите, — любезно пояснил Орк. — Остальное в опочивальне. Вы сможете воздать последние почести покойному, как только примете наши условия. И так как ваша присяга превратилась теперь в пустой звук, я предлагаю немедленно приступить к сотрудничеству.

— Это с вами-то? — фыркнул Тхахх. — Ладно, развяжите меня...

Вот, собственно, и все. В сущности, на этой фразе автор мог бы поставить точку, дальнейшее и без того предельно ясно — но такой конец годится разве что для рассказа, а у повести законы иные. Из повести автору так просто не выбраться, и он это знает. А посему обязан кое-как закруглить сюжет, и я думаю, что он уложится страниц в пятнадцать — двадцать.

Во-первых, Тхахх Вялый, получив гарантии личной неприкосновенности, откроет нам секрет управления санитарным полем и произнесет несколько фраз о преимуществах свободы перед вассально-ленными отношениями с кем бы то ни было.

Во-вторых, мой отряд, опьяненный первым решительным успехом, решив после непродолжительных дебатов, что негоже думать только о собственной шкуре, ринётся взрывать рудники, освобождать рабов и захватывать имперские космические корабли. При этом какой-нибудь смертник останется в замке отбивать атаки имперцев и манипулировать санитарным полем, а так как добровольцев на эту роль не отыщется, в замке останусь я, выдержав трогательно-суровую сцену прощания с Беатой.

В-третьих, этого мало. Все эти события хотя и необходимы, но финала повести еще не делают. В довесок к ним требуется дополнительная сюжетная находка (или выходка?) — лучше

одна, но ошеломляющая и желательна такая, чтобы можно было говорить о кровном родстве этой вещи с подлинно научной фантастикой. Автор берет быка за рога: Тхахх уже что-то лопочет о парсеках, численных методах и релятивистских поправках к Ньютоновой теории тяготения.

Вот оно что: оказывается, в центре звездного скопления, в котором путешествует Бражник, находится «сверхмассивная черная дыра», не обозначенная ни на одной звездной карте. Мало того, как раз сейчас планета вместе со своим временным солнцем проходит чрезвычайно близко от сферы Шварцшильда, но, как показывают расчеты, будет втянута черной дырой не в этот заход, а в следующий, лет этак через триста — четырехста. Мои воины, услышав о таком сроке, теряют интерес к теме и, кажется, намерены линчевать Тхахха за болтливость. Им простительно, они не обладают интеллектуальным уровнем Уриэла Оркада, Орхха Дохлого и не способны связать полученную информацию с фактом наличия на крыше замка дротонного отражателя. Сейчас Тхахх покажет, где тут у него чердачная лестница...

...— А теперь,— скомандовал Орк,— пусть каждый, у кого есть гравитатор, настроит его на максимальное притяжение и целится в главный фокус отражателя. По моей команде — залп! Беата, разворачивай отражатель к солнцу. Собьем Бражник с пути истинного!

— Орк, ты гений! — воскликнула Беата. Ее глаза сияли.

— Это не я,— возразил Орк, хотя ему было приятно.— Это законы физики...

Так. Автор потерял решительно всякую совесть и уже отождествляет себя с законами физики. И еще он, кажется, воображает, что я способен получить в уме численное решение математической задачи о движении равноускоренной планеты с учетом притяжения хотя бы двух-трех десятков ближайших звезд. Должно быть, он забыл мою, им же описанную биографию, где ясно сказано, что я сбежал в космос в самом нежном возрасте из подготовительной группы детского садика, а необ-

ходимые в космосе знания почерпнул у одного непросыхающего космического люмпен-пролетария, встреченного мною на траверсе Бетельгейзе, он затормозил свой звездолет перед гигантской красной звездой и который день подряд торчал у иллюминатора, ожидая, когда же наконец будет дан зеленый свет. Так что университетов я не кончал, и автор много от меня хочет. Но я даже не возмущаюсь, до того все это мерзко, больно и тошно.

Несколько дней спустя. Поскольку в тексте стоит «несколько дней», я не имею понятия о времени, истекшем со дня штурма замка. Это и не важно. Гораздо существеннее то, что все эти дни я наслаждался миром и спокойствием. Нет, конечно, время от времени я выходил на связь с Беатой, когда она просила меня убрать санитарное поле, да еще оснастил пулеметы, торчащие из бойниц, дистанционным управлением, чтобы отражать атаки имперцев, не вставая с постели,— и действительно отразил две такие атаки. Вот и все дела. Остальное время я блаженствовал: автор меня не трогал!!

Один раз я выстрелил себе в сердце. Это было ошибкой. Никогда не стреляйте себе в сердце: болевой шок не так мгновенен, как об этом принято думать. Но все же мне удалось умереть сравнительно быстро, однако ненадолго: как только Беата в очередной раз вызвала меня на связь, я был немедленно реанимирован, а незаконная дырка в моей груди затянулась как ни в чем не бывало. Такие шуточки с автором не проходят. Поразмыслив как следует, я раскаялся в своем необдуманном поступке и предался горькому сожалению. Из-за своего неблагодария я потерял несколько часов, которые мог бы провести, наслаждаясь свободой, а не валяясь трупом в луже замерзающей крови.

Да-да, именно замерзающей. Со времени нашей гравитационной диверсии Бражник уже успел пройти на минимальном расстоянии от очередного солнца, а автор попутно разъяснил, что такое пертурбационный маневр. Белая звезда занимала четверть неба, горы дымились, и во время одной из атак от

теплового удара погибло больше имперцев, чем от огня моих пулеметов. Зато теперь совсем другое дело: за окном непрерывно сыплет снег, пока еще обыкновенный, — атмосфера же, вероятно, замерзнуть не успеет. Когда небо проясняется, я вижу, что звезды меняют цвет — сказывается доплеровское смещение, — и Бражник, наращивая скорость, летит напрямик в черную дыру.

У Беаты дела идут прекрасно. Подавляющая часть рабов освобождена и выведена в космос на захваченных у противника кораблях. Имперцы оказывают вялое сопротивление и охотно сдавались бы в плен, если бы их в плен брали. А еще Беате удалось перехватить космограмму, из которой следует, что межзвездная армада потерявшего всякое терпение прогрессивного человечества полным ходом идет к Империи, намереваясь не оставить от нее камня на камне. Прямым текстом следует ликующее заявление автора: лишившись редкоземельных рудников Бражника, Империя не выдержит затяжной войны!

Мажорный финал обеспечен. Но чувствую, как автора грызет сомнение: не слишком ли он мажорный? Не пора ли слегка подпортить столь светлую перспективу? По-моему, самое время, а сделать это ему проще всего одним способом — убив меня. Если он это сделает, я готов все простить и облобызать ему ноги. Впрочем, убивать меня совсем не обязательно, достаточно попросту оставить на Бражнике, падающем в коллапсар. В самом деле, не могу же я умереть от болезни или, скажем, погибнуть от рук врагов! Такое смешно даже предположить. Меня может убить (еще убьет ли?) только слепая стихия, не подвластная человеческому разуму, — и стихия космических масштабов, а не какое-нибудь там смехотворное извержение или наводнение. Какая трогательная и величественная картина: планета, несущаяся в бездонную дыру, ужас (животный) имперцев, а посреди — Ури Орк, спокойный и чем-то похожий на капитана, стоящего на мостике тонущего корабля. Блеск! Волосы дыбом.

Ха! Изю всех сил хлопаю себя по лбу — за недогадливость. Ха! А ведь я его поймал — в первый раз за всю историю нашего «сотрудничества»! Не-ет, лобызать ему ноги я теперь не

стану, зато с удовольствием посмотрел бы, как он чертыхается и чешет в затылке. Сам же и виноват: проглядел и позволил остаться в замке и караулить санитарное поле именно мне, а не кому-то другому. Если я отключу поле, чтобы взлететь, кто включит его снова, чтобы не дать уйти имперцам? То-то. Теперь у автора два выхода: либо набивать заново добрый десяток последних страниц, либо отпустить Ури Орка на волю. Что с того, что моя жизнь продлится недолго? Это мы еще посмотрим. В сущности, никто не знает, что такое черная дыра. И очень может быть, что я останусь жив в той или иной форме да еще встречу там неплохое общество — других литературных бедолаг, выброшенных в черные дыры за ненужностью или вследствие чрезмерного износа. Жду...

Душераздирающая сцена прощания с Беатой (по радио). Ура! Он пошел по второму пути, и да здравствует авторская лень! Правда, теперь я снова попаду в его власть — должен же он описать мои последние минуты! — однако долго это не продлится, напоследок можно и потерпеть.

...Орк подошел к окну и посмотрел вверх. Близилась развязка, звезды в небе плясали, меняя свой цвет. Вокруг замка по-прежнему не было видно ни одного имперца.

Затем он вернулся к пульту управления полем, замкнул на коротко контакты и нанес пульту сокрушительный удар. Он бил и бил до тех пор, пока пульт не превратился в бессмысленную грудку радиодеталей, металла и стекла, хрустящего под ногами. Покончив с пультом, Орк перевел дух и улыбнулся. Теперь, даже если его убьют, имперцам не так-то просто будет отключу...

А где же имперцы? Снаружи тихо. Бежит время, и тишина затягивается до неприличия. Неужели враги так и не будут штурмовать мою крепость всеми наличными силами? Я топчусь в недоумении и вдруг, поняв, начинаю безудержно хохотать. Ну конечно же все до смешного просто. Никакого штурма не будет. Весь фокус в том, что те имперцы, которые пойдут на приступ, уже НИКОИМ ОБРАЗОМ НЕ УСПЕЮТ вернуться к стартовым шахтам и взлететь до того, как Бражник, вытя-

нувшись в каплю, будет засосан черной дырой. Время упущено, можно себе представить, что творится сейчас на космодромах! Ай да автор! Наверняка найдется какой-нибудь тип, который похвалит его за глубокое проникновение в психологию наемников, особенно если больше хвалить будет не за что.

У меня есть идея. Пока еще есть немного времени, не попробовать ли самому ощутить себя автором? А что? Найти в хозяйстве Тхахха письменные принадлежности и вывести собственного главного героя. Пусть он будет умным и симпатичным, каким и должен быть человек, пусть он вращается в кругу понимающих и не агрессивных людей, какими и должны быть люди, пусть он будет занят каким-нибудь антиэнтропийным делом, каким и должно быть дело, достойное человека, и, наконец, пусть он будет счастлив, хотя бы иногда, потому что изредка человек все-таки имеет право на счастье. Вот примерно так мне и хочется написать, а самое главное состоит в том, что здесь мой автор уже не сможет вмешаться, и в утешение ему останется краеугольный принцип феодальных отношений:

«ВАССАЛ МОЕГО ВАССАЛА — НЕ МОЙ ВАССАЛ».

Мне кажется, он поставил последнюю точку. Свобода?!!

...Тихо. Я на чем-то сижу и, как мне кажется, внимательно слушаю. Чей-то бубнящий голос разрушает тишину и действует на нервы. Ничего, сейчас я приду в себя и выясню, глядя я и что со мной можно сделать. А голос все бубнит.

Я еще плохо видел, но уже догадался, что нахожусь в своей конторе и слушаю клиента, предлагающего выгодную на первый взгляд сделку по доставке неизвестного мне груза на Альбину IX. Доставить груз должен я. Клиент, толстяк с испариной на лице, разливается соловьем: «Одна из самых спокойных космических трасс! Абсолютно никакой опасности!»

Он лжет, и глазки у него бегают. Мне хочется молча указать ему на дверь, но я знаю, что сейчас мы придем к взаимному согласию и спрыснем сделку. Потому что так хочет автор.

А я-то, глупый человек, думал, что уже никто не сможет достать меня из коллапсара... Как бы не так. Уж если никто толком не знает, что такое черная дыра, то здесь у автора есть ла-

зейка. ОН ДОСТАНЕТ МЕНЯ ОТОВСЮДУ. Уже достал! И отныне я снова обречен жить, снова схвачусь с мировым Злом, буду бить и принимать удары, но меня никогда не добьют, потому что я вечный. Вот я уже снова в действии, и мне остается радоваться, что на этот раз я родился в спокойной обстановке и пока не успел проявить наиболее привлекательных для читающей публики качеств своего характера, при столкновении с которыми в жизни та же публика шарахнулась бы, как от чумы. Но я стерплю эту выходку автора, если история выйдет короткая и без особенной крови, лучше всего — маленькая новелла с легкой интригой. Вот сейчас он переключится на описание толстяка, тогда я подниму глаза вверх, и, может быть, мне удастся что-нибудь разглядеть.

Он переключается на толстяка. Поднимаю глаза кверху, тянусь. Заголовок мелькает и скрывается, но все же я успеваю...

Рыжий тайваньский телефонный аппарат с замысловатым золотым иероглифом на двузубой хваталке уже в пятый раз успел возопить со стены дурным голосом, когда Андрон Васковский, путаясь в шлепанцах и матерясь, наконец добежал и сорвал с иероглифа трубку.

— Да! — заорал он. — Да! Слушаю! Але! Говорите, чтоб вас... Перезвоните, ничего не слышно!

«Если опять Маню — убью», — подумал он.

— Все пишешь, крыса? — спросили из трубки. — Все твоишь? — Голос хихикнул.

Андрон переступил с ноги на ногу.

— Да! — сказал он. — Але, кто это? Потрох, ты?

— Кому Потрох, а кому Стась Иванович, — сказала трубка. — Тебе, кстати, Стась Иванович, это ты запомни, крысенок.

— Я слушаю, — сказал Андрон.

— Это я должен слушать. А ты должен говорить. О чем, догадываешься? Или напомнить?

— А о чём?

— Ну ты даешь, пасюк. Когда книгу сдашь, пидор? Ждем, понимаешь, с нетерпением. Заждались. И Бугай уже интересовался.

Андрон почувствовал, что вспотел. Пот был холодный.

— Так есть же еще время...

— Что-что?

— Хотите быстрее — «Вектру» верните,— сказал Андрон.

— А?

— Ну хоть какой-нибудь «Хондай», нельзя же так... У меня зубчатый ремень все время соскакивает.

— Про зубчатый ремень ты Бугаю расскажи,— посоветовала трубка,— а то он что-то гугнивый ходит, давно, наверно, не веселился. Ты, крысонька, ремешок тот пальчиком придержи, он и не соскочит. Левым таким мизинчиком, понял? А как каретка наедет, ты быстренько строку и допечатай. В общем, твое дело. Я до тебя полтора года придерживал и делал главу быстрее, чем Бугай успевал бабу трахнуть. Прожрал, понимаешь, аванс, а толку нет, и еще кобенится: «Вектру» ему...

Пересохло в горле.

— Какой аванс? — спросил Андрон.— Ты мне, Потрох... Стась, про аванс не говори, не было никакого аванса. Я еще за тот раз гонорар не получил.

— Ах, не получил? — сказала трубка.— Ну-ну. Слушай, пасюк, интересно выходит: Желязны гонорара не требует, Сильверберг не требует, Муркок и тот не требует, а Стиву Шайну вынь да положь. С чего бы? Может, переслать ему в Штаты, ты как думаешь?

В трубке заржали.

— Суки! — тихонько сказал Андрон.

— А?

— Я говорю, тут у меня работы еще на месяц. Так Бугаю и передай.

— Так и передать, крысонька? Это можно.

— Ну, не так, а сам понимаешь... Ну хоть три недели, полный же зарез... Потрох!

— Как?

— Стась Иванович!

— Что, Шайнушка?

— Три недели даешь? Ты этого не видел, это же блеск будет, ты такого и у Гаррисона не читал...

— А у тебя, значит, прочту? Это про Орка опять? Мог бы, кстати, себе и получше имечко выискать. Мурло какое — Шайн... Хрен с тобой, крыса, неделю дам, а больше ничего не обещаю, с Бугаем — сам знаешь... Будешь потом лапу сосать под родной фамилией. Ну, скрипи дальше.

— Эй! — закричал в трубку Андрон. — Стась, а насчет гонорара...

Трубка разразилась гудками. Андрон тихо выматерился и вернул ее на хваталку с иероглифом. «С-св-в-волочи!» — сказал он, подумав. Ничего другого сказать не хотелось. На журнальном столике в углу комнаты сердито жужжала включенная «Ижица», и по звуку было ясно, что зубчатый ремень опять слетел. Столик тоже вибрировал, мелко дрожала торчавшая из машинки и допечатанная почти до конца страница, вверх у ней можно было разглядеть:

Стив Шайн
УБИЙЦЫ С ПРОКСИМЫ
Роман

Андрон проследовал мимо столика к шкафу, раскрыл его и из картонной коробки, угнездившейся на нижней полке среди обуви, вытянул прозрачную бутылку. На кухне он ее обезглавил, сорвав колпачок, налил полный стакан и, задержав дыхание, выпил его в два глотка. Не дав себе отдышаться, он наполнил стакан вновь.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Евгений Лукин, Любовь Лукина (Волгоград) — одни из самых популярных авторов 80 — 90-х годов, имеют множество публикаций в периодике и больше десятка книг, многократные участники Всесоюзных семинаров молодых писателей, работающих в жанре приключений и фантастики, лауреаты премий «Интерпресскон» и «Странник».

Кир Булычев (Москва) — один из признанных корифеев отечественной фантастики, доктор исторических наук, автор рекордного в своей области количества книг, переведенных более чем на двадцать языков, лауреат Государственной премии.

Ант Скаландис (Москва) — по образованию химик, был директором нескольких частных издательств, автор многих книг («Ненормальная планета», «Катализ», «Заговор посвященных» и др.). Первым в истории отечественной фантастики начал работать в соавторстве с американцем — Гарри Гаррисоном, вышли уже три тома продолжения к знаменитому циклу «Мир Смерти».

Сергей Сидоров (Москва) — юрист по образованию, работал во многих журналах и издательствах, автор стихов, песен, миниатюр, в настоящее время — директор магазина «Подписные издания» на Кузнецком мосту. «Мышуйские хроники» — по существу, его дебют в фантастике.

Николай Гуданец (Рига, Латвия) — поэт, прозаик, эссеист, фантастику пишет с 1990 года, за последнее время вышли три его книги в этом жанре: «Планета, на которой убивают», «Полигон» и «Заложники».

Андрей Саломатов (Москва) — художник, редактор, издатель, автор повестей в толстых журналах и книг для детей — фантастика лишь одно из его увлечений.

Павел Кузьменко (Москва) — историк по образованию, сменил десятки профессий — от землекопа до сторожа, от кассира до редактора, в настоящее время работает на телевидении, автор детективных и фантастических романов.

Владимир Котов (Москва) — кандидат технических наук, программист, занимался издательским и книготорговым бизнесом, был членом Московского семинара фантастов.

Вячеслав Грачев, Александр Кочетков (Днепропетровск, Украина) — участники Всесоюзного семинара молодых писателей, работающих в жанре приключений и фантастики, авторы публикаций в журналах и сборниках.

Владимир Хлумов (Москва) — астрофизик, доктор наук, известный не только у нас, но и за рубежом (под другой фамилией), любителями фантастики признан в 1989 году после выхода в свет романа «Санаторий».

Станислав Гимадеев (Пермь) — компьютерщик-системотехник, фантастику пишет больше десяти лет, участник Всесоюзного семинара молодых писателей, публиковался незаслуженно мало.

Юлий Буркин (Томск) — журналист, композитор, рок-музыкант, автор и исполнитель песен, в фантастике — больше десяти лет. Написал четыре книги, одна из которых (совместно с К. Фадеевым) — роман «Осколки неба» — посвящена «Битлз».

Константин Фадеев (Томск) — журналист, писатель-юморист, актер театра миниатюр «ЛЮКС», автор текстов для команды КВН «Дети лейтенанта Шмидта», соавтор романа «Осколки неба, или Подлинная история «Битлз».

Даниэль Клугер (Реховот, Израиль) — по образованию медик, был директором симферопольского филиала издательства «Текст», участвовал во всесоюзных семинарах, автор многих книг, как фантастических, так и детективных, ныне редактор русскоязычного журнала «Алеф».

Александр Громов (Москва) — по образованию инженер, позднее многих появился на литературном небосклоне. Зато его повесть «Мягкая посадка» сразу получила и премию «Интерпресскон», и премию имени А. Беляева. С тех пор автором написано еще пять книг, пользующихся неизменным успехом.

СОДЕРЖАНИЕ

Евгений Лукин, Любовь Лукина

Пещерные хроники

Виток спирали 5

Вечное движение 6

У истоков словесности 8

Конец ледникового периода 9

Пятеро в лодке, не считая Седьмых. *Мини-повесть* . . 10

Разрешите доложить! *Солдатская сказка* 38

Кир Булычев

Лекарство от всего. 75

Ант Скаландис, Сергей Сидоров

Мышуйские хроники

Антишапка. 85

Лыжня 94

Подъезд 103

Родословная 112

Шильдик	120
Ягоды	129
Юннат	139
Николай Гуданец	
Ковчег	147
У нас в городке	
Мажордом	151
Забудь, прошу тебя...	158
Дурачок Фаби	165
Клубника в январе	169
Сильное чувство к зеленым человечкам	174
Машина счастья	178
Тройное вечное заклятие	183
Ант Скаландис	
Катализатор прогресса	194
Нет правды на Земле	206
Пятое и двадцатое	210
Капуста без кочерыжки	214
Планета № 386	221
Андрей Саломатов	
Побег	225
Привет аборигенам	229
Праздник зачатия	234
Павел Кузьменко	
Одним рабочим утром	241
Короткая жизнь	243
Слово чести	245
Чернила	246
К вопросу о контактах	250
Владимир Котов	
Пристанище	253
Год 5001	256

Контакт	259
Назначение	261
Вячеслав Грачев, Александр Кочетков	
Замок Парадоксов	265
Владимир Хлумов	
Самолетная судьба.	279
Станислав Гимадеев	
Последняя охота на стуффи.	291
Обычное дело	301
Комар на плече	309
Юлий Буркин, Константин Фадеев	
Опыт исторического упрощения.	312
Константин Фадеев	
Страшная история.	328
Даниэль Клугер	
Невероятное приключение капитана Ван-Страатена	333
Александр Громов	
Всяк сверчок	342
Коротко об авторах	391

К ЧИТАТЕЛЯМ!

*Издательство просит отзывы об этой книге
и Ваши предложения по серии*

*«Библиотека юмористической фантастики»
присылать по адресу:*

125438, Москва, Онежская ул., 8/10

Издательство АРМАДА-ПРЕСС

Телефон редакции: 459-93-49

Капуста без кочерыжки

К 20 Повести и рассказы современных писателей / Худож.
А. Кривенко.— М.: АРМАДА-ПРЕСС, 1999.— 396 с.: ил.—
(Библиотека юмористической фантастики).
ISBN 5-93557-002-5

В сборник юмористической фантастики вошли произведения тех, кого называют «фантастами новой волны» — за исключением, пожалуй, такого знаменитого автора, как Кир Булычев. Всех их отличает высокое мастерство, отменный литературный вкус, великолепный юмор.

Знакомство со сборником окажется для читателей весьма приятным, и, наверное, кто-то из сторонников «серьезной» литературы поменяет свое отношение к такому «легкомысленному» жанру, как фантастика.

**УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)-445я5**

РЕДАКЦИЯ
ФАНТАСТИЧЕСКОЙ И ДЕТЕКТИВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературно-художественное издание

Библиотека юмористической фантастики

КАПУСТА БЕЗ КОЧЕРЫЖКИ

Повести и рассказы современных писателей

Заведующий редакцией

И. В. Новиков

Художественный редактор

А. Ю. Коннов

Технический редактор

П. Э. Кутепов

Формат 84x108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,52.

Тираж 6 000 экз. Изд. № 0138. Заказ № 3000.

ООО «АДМИРАЛ 95»

107564, Москва, ул. Краснобогатырская, 6

Изд. лицензия ЛР № 064276 от 27.10.95.

Гигиенический сертификат № 77.99.6.953.П.4683.8.99

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Государственном издательско-полиграфическом
предприятии «Вятка»

610044, г. Киров, ул. Московская, 122

Основные книжные серии издательства АРМАДА-ПРЕСС:

Кир Булычев. ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЛИСЫ

**Кир Булычев. АЛИСА И ЕЕ ДРУЗЬЯ
В ЛАБИРИНТАХ ИСТОРИИ**

С. Сухинов. ИЗУМРУДНЫЙ ГОРОД

**С. Сухинов. ЭЛЛИ В ИЗУМРУДНОМ ГОРОДЕ
ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ**

ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ. ВОКРУГ СВЕТА

ОККУЛЬТНЫЕ ТАЙНЫ XX ВЕКА

**РУССКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ
НУ, БЛИН, ДЕТЕКТИВ!**

**БИБЛИОТЕКА ЮМОРИСТИЧЕСКОЙ ФАНТАСТИКИ
КЛАССИКА БОЕВОЙ ФАНТАСТИКИ КОНЦА XX ВЕКА
(А.Коул, К.Банч «Стэн» в 7-ми томах, М.Уэйс, Д.Перрин
«Крис-киборг» в 2-х томах, К.Банч «Призрачный воин»
в 2-х томах и др.)**

БИБЛЕЙСКИЕ СЮЖЕТЫ В РОМАНАХ

Готовятся к изданию серии:

Кир Булычев. ТАЙНЫ ИСТОРИИ

МОРЕПЛАВАТЕЛИ И ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

БИБЛИОТЕКА ЮМОРИСТИЧЕСКИХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Альбомы BATTLETECH

НОВАЯ СЕРИЯ ФАНТАСТИКИ

**А также многочисленные
внесерийные издания**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АРМАДА-ПРЕСС» приглашает к сотрудничеству

АВТОРОВ И АВТОРСКИЕ КОЛЛЕКТИВЫ,

работающие в различных жанрах,
а также составителей, переводчиков
и литературных агентов.

СРЕДИ НАШИХ ИНТЕРЕСОВ:

- естественнонаучная литература (в первую очередь произведения о животных и книги о путешествиях, странах и народах, интересных метая нашей планеты);
- фантастика, мистика, детектив;
- исторические романы, основанные на библейской тематике;
- и многое другое.

Если созданное (представляемое вами) произведение заслуживает, по вашему мнению, публикации, доставит радость, принесет пользу не только автору и издательству, но и тысячам читателей, то звоните или пишите.

ЧИТАТЕЛИ!

Ваше мнение о работе издательства очень ценно для нас. Какие книги вы хотели бы видеть на прилавках магазинов и на полках библиотек? Что вы любите читать, каких книг не хватает?

ВНИМАНИЕ!

НАШ НОВЫЙ АДРЕС:

125438, г.Москва, Онежская ул., д. 8/10,
издательство АРМАДА-ПРЕСС
Тел.: (095) 459-93-49.

БИБЛИОТЕКА ЮМОРИСТИЧЕСКОЙ ФАНТАСТИКИ

Евгений Лукин

Любовь Лукина

Кир Булычев

Ант Скаландис

Сергей Сидоров

Николай Гуданец

Андрей Саломатов

Павел Кузьменко

Владимир Котов

Вячеслав Грачев

Александр Кочетков

Владимир Хлумов

Станислав Гимадеев

Юлий Буркин

Константин Фадеев

Даниэль Клугер

Александр Громов

ISBN 5-9355-7002-5

9 785935 570026

Следующая книга серии

Экспонаты
руками не трогать